

ISSN 2072-9391

**№ 4 (72)
декабрь
2024**

ЧЕСТЬ, ЗНАНИЯ, ЗАКОН

ТРУДЫ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

**Научно-практическое издание
для руководителей и специалистов
правоохранительных органов**

ISSN 2072-9391

№ 4 (72) Декабрь 2024
№ 4 (72) December 2024

ТРУДЫ

Академии управления
МВД России

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY
OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

Научно-практическое издание
для руководителей и специалистов
правоохранительных органов

Scientific and practical publication
for managers and specialists
of law enforcement agencies

МОСКВА • 2024

Главный редактор
Синенко Сергей Андреевич,
доктор юридических наук, доцент,
начальник Академии управления МВД России.
Москва. Российская Федерация.
Заместитель главного редактора
Бодя Людмила Николаевна,
кандидат исторических наук, доцент,
заместитель начальника
Академии управления МВД России.
Москва. Российская Федерация

ТРУДЫ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

2024 № 4 (72)

декабрь

Журнал издается
с декабря 2006 г.

Редакционный совет

Авакьян Сурен Адибекович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
Беляева Лариса Ивановна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России;
Майдыков Анатолий Федорович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России;
Мацкевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации;

Россинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Сейтенов Калиолла Кабаевич, доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан;
Эбзеев Борис Сафарович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Редакционная коллегия

Андреева Ирина Анатольевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;
Воронин Михаил Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, директор Института междунородного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета;
Гаврилин Юрий Викторович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления научных исследований – начальник отдела организации научных исследований ЭКЦ МВД России;
Гаврилов Борис Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России;
Джоробекова Арзыгуль Маманюсуповна, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кыргызской Республики, заместитель начальника Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева по науке и учебной работе;
Дизер Олег Александрович, доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина (по научной работе);
Дильбарханова Жанат Рахимжановна, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова;
Киреев Михаил Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях центра командно-штабных учений Академии управления МВД России;
Киричек Евгений Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник управления учебно-методической работы Академии управления МВД России;
Кононов Анатолий Михайлович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по исследованию стратегических проблем управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Лексин Иван Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых основ управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
Можоева Ирина Павловна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры организации деятельности органов внутренних дел центра командно-штабных учений Академии управления МВД России;
Мулукаев Роланд Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Муравьев Кирилл Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России – начальник научно-исследовательского центра № 1;
Осокин Роман Борисович, доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского государственного университета МВД России имени В. Я. Кикота;
Павличенко Николай Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и процесса Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
Победкин Александр Викторович, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России;
Пожарский Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;
Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук;
Репьев Артём Григорьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России;
Солдатов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению социальных процессов и разработке комплексных проблем обеспечения правопорядка научно-исследовательского центра Академии управления МВД России;
Старостин Сергей Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Тарасов Александр Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий;
Тишутина Инна Валериевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Московского университета МВД России имени В. Я. Кикота;
Цепелев Валерий Филиппович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА);
Шарипова Алия Рашитовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий;
Мартыненко Наталья Эдуардовна (секретарь), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России

Editor-in-Chief

Sergey A. SINENKO,

Dr. of Law, Associate Professor,
Head of the Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia. Moscow.
Russian Federation.

Deputy Editor-in-Chief

Lyudmila N. BODE,

Candidate of History,
Associate Professor, Deputy Head
of the Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2024

№ 4 (72)

DECEMBER

The Journal
has been published since
December 2006

Editorial Council

Suren A. Avakyan, Dr. of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russian Federation;
Larisa I. Beliyeva, Dr. of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Anti-Crime Policy, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;
Anatoly F. Maydykov, Dr. of Law, Professor, Merited Research Worker of the Russian Federation, Professor at the Department of Management of Bodies and Units of the Ministry of Internal Affairs in Special Conditions of Center for Command Games, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow, Russian Federation;

Igor M. Matskievich, Dr. of Law, Professor, Merited Research Worker of the Russian Federation, Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;
Elena R. Rossinskaya, Dr. of Law, Professor, Head of the Department of Forensic Examinations of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow, Russian Federation;
Kaliolla K. Seytenov, Dr. of Law, Professor, First Vice-Rector of the Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan. Moscow, Russian Federation;
Boris S. Ebzeev, Dr. of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation

Editorial Board

Irina A. Andreyeva, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of State and Law Disciplines, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Mikhail Yu. Voronin, Dr. of Law, Professor, Head of the Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University. Moscow. Russian Federation;
Yurij V. Gavrilin, Dr. of Law, Professor, Deputy Head of the Department of Scientific Research – Head of the Department of Organization of Scientific Research, Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation;
Boris Ya. Gavrilov, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Management of Bodies and Units Crimes' Investigation, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Arzygul' M. Dzhorobekova, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Kyrgyz Republic, Deputy Head for Science and Academic Work, General Major E. A. Aliyev Academy of the Ministry of the Interior of the Kyrgyz Republic. Bishkek. Kyrgyz Republic;
Oleg A. Dizer, Dr. of Law, Associate Professor, Deputy Chief (for Scientific Work) of I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
Zhanat R. Dilbarkhanova, Dr. of Law, Professor, Deputy Head, Makan Yesbulatov Almaty Academy of the Ministry of the Interior of the Republic of Kazakhstan. Astana. Republic of Kazakhstan;
Mihail P. Kireev, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of Management of Internal Affairs Bodies in the Special Conditions of the Center for Command and Staff Exercises, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Evgeniy V. Kirichyok, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Educational Methodical Work Management, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Anatolij M. Kononov, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher at the Department for the Study of Strategic Management Problems of the Scientific Research Center of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Ivan V. Laksin, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Department of the Legal Foundations for Management at the Faculty, Lomonosov Moscow State University. Moscow. Russian Federation;
Irina P. Mozhaeva, Dr. of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Organization of the Activities of Internal Affairs Bodies, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia of the Center for Command and staff exercises. Moscow. Russian Federation;
Roland S. Mulukayev, Dr. of Law, Associate Professor, Chief Researcher at the Department of the History of the Interior Ministry of Russia Problems Studying at the Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Kirill V. Murav'ov, Dr. of Law, Associate Professor, Head of the Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;

Sergej A. Nevskij, Dr. of Law, Professor, Deputy Head of the all-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia – Head of the Research Center № 1. Moscow. Russian Federation;
Roman B. Osokin, Dr. of Law, Professor, Head of the Faculty for Training Research and Teaching Staff, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation;
Nikolay V. Pavlichenko, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Sochi Institute (branch) of Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;
Alexander V. Pobedkin, Dr. of Law, Professor, Head at the Department of the Criminal Policy Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Dmitry V. Pozharsky, Dr. of Law, Associate Professor, Head of State and Legal Disciplines Department, Management Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation;
Vladimir M. Redkous, Dr. of Law, Professor, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow. Russian Federation;
Artem G. Repyev, Dr. of Law, Associate Professor, Professor of State and Legal Disciplines Department, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow. Russian Federation;
Alexander P. Soldatov, Dr. of Law, Professor, Chief Researcher of the Department for the Study of Social Processes and the development of complex problems of law enforcement at the Research Center, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation;
Sergej A. Starostin, Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of Administrative Law and Procedure, Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow. Russian Federation;
Aleksandr A. Tarasov, Dr. of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, Ufa University of Science and Technology;
Inna V. Tishutina, Dr. of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminology of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot;
Valeriy F. Tsepelev, Dr. of Law, Professor, Merited Law Expert of the Russian Federation, Professor at the Department of the Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL). Moscow. Russian Federation;
Aliya R. Sharipova, Dr. of Law, Associate Professor, Professor at the Department of Criminal Law and Procedure, Ufa University of Science and Technology;
Natalia E. Martynenko (Secretary), Dr. of Law, Professor, Professor at the Department of the Criminal Policy, Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Moscow. Russian Federation

Над номером работали:

Я. В. Артемьева,
А. А. Бурова

Техническая верстка: С. Н. Портновой
С. Х. Аминов

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-75592
от 19 апреля 2019 г.

При использовании
материалов ссылка на журнал
«Труды Академии управления
МВД России» обязательна.

Подписано в печать 26.12.2024.
Формат 60×84 1/8.

Объем 21 п. л. Тираж 500 экз.
Первый завод 72 экз. Заказ № 64у.
Выходит 4 раза в год.
Цена свободная.

Адрес редакции и издателя:
125171, Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.
Тел.: 8 (499) 745-81-43.
Тел./факс: 8 (499) 745-82-23.
E-mail: gio_aumvd@mvd.ru
Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России»: 15548.
Сайт: <https://a.mvd.rf/folder/6891081>.

Отпечатано
в отделении полиграфической
и оперативной печати РИО
Академии управления
МВД России.
125171, Москва,
ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8.
Тел.: 8 (499) 745-81-43.

Решением Высшей
аттестационной комиссии
при Министерстве науки
и высшего образования
Российской Федерации
журнал «Труды Академии
управления МВД России»
включен в Перечень
рецензируемых научных
изданий, в которых
должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание
ученых степеней доктора
и кандидата наук по научным
специальностям: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

© Академия управления МВД России, 2024

ТРУДЫ АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ

2024
№ 4 (72)

декабрь

Журнал издается
с декабря 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Аникин В. Н. Методологические основы теории управления
развитием правоохранительной сферы 8
Попов В. В. Онтологический статус субъективного
права: некоторые проблемы теоретической реконструкции 22

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

- Гирько С. И. Современные проблемы обеспечения
национальных интересов и стратегических приоритетов
Российской Федерации 33
Ищенко О. А. Роль православия в реализации государственной
семейной политики 43

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

- Садикокова У. В. Методика расчета оптимальной
нагрузки на следователя следственных подразделений
в системе МВД России 53

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Агамагомедова С. А. Административные правонарушения
в области таможенного дела в проекте Кодекса
Российской Федерации об административных
правонарушениях 59

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

- Бунова И. И. Уголовно-правовая охрана права
на свободу совести и вероисповеданий в современных условиях
трансформации преступности 67
Гаврилов Б. Я., Старостин С. А. Быть ли уголовному проступку?
Депутаты высказались 75
Лелетова М. В. Некоторые особенности натурализации в России:
современное состояние. проблемы и пути решения 87
Нудель С. Л., Горенская Е. В. Контрабанда наличных денежных
средств и (или) денежных инструментов: особенности уголовной
ответственности в России и других государствах Евразийского
экономического союза 101

Уважаемые авторы!

Журнал «Труды Академии управления МВД России» размещает материалы, имеющие научное и практическое значение, отличающиеся актуальностью и новизной.

Общие требования к представляемым для опубликования статьям размещены на официальном сайте Академии управления МВД России по адресу: <https://a.mvd.rf> в разделе «Наука».

Просим вас вместе со статьями предоставлять аннотации к ним объемом от 300 печатных знаков (200–250 слов), ключевые слова (5–7), пристатейные библиографические списки (не менее 10 и не более 25 ссылок на источники). Материалы подаются на электронных носителях в виде текстового файла Microsoft Word вместе с распечаткой на бумаге через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman 14 размера.

Объем статьи не должен превышать 24 страницы машинописного текста, включая таблицы, список литературы и рисунки.

Все статьи проходят двойное «слепое» рецензирование. В случае возвращения автору рукописи статьи для исправления или доработки к ней будет прилагаться рецензия.

Редакционная коллегия, главный редактор и редакция научного журнала в своей деятельности придерживаются этических норм, позволяющих повысить качество публикуемых статей.

Журнал находится в открытом доступе в сети Интернет. При передаче в журнал рукописи статьи автор дает согласие на размещение текста статьи в сети Интернет.

Редакция не взимает платы за опубликование рукописей статей. Журнал публикует только подлинные высококачественные научные работы. К рассмотрению не принимаются работы, опубликованные в других изданиях, имеющие процент оригинальности ниже 70 %, в которых присутствует плагиат.

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ, РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Баранов В. В. Использование искусственного интеллекта для выявления и предотвращения распространения экстремистской и террористической пропаганды в Интернете.....	113
Жандров В. Ю. Проверочная закупка наркотиков в сети Интернет: формирование новой модели оперативно-розыскного мероприятия.....	129
Владимиров В. Ю., Данилов И. А., Ильин Н. Н. Искусственный интеллект в борьбе с серийными преступлениями. Научная разработка в практику.....	139
Иванов П. И. Выявление налоговых преступлений на объектах потребительского рынка – приоритетная задача подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации.....	151
Кольцов Д. В. Оперативно-розыскной взгляд на виды «специальных методов расследования» в праве Совета Европы.....	161
Саркисян Г. Г. Использование информационно-коммуникационных технологий в оперативно-аналитической деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.....	172

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Караваев М. В., Синюк В. Д., Владимиров В. Ю. О необходимости адаптации понятийного аппарата взрывотехнической экспертизы к задачам уголовного судопроизводства.....	182
--	-----

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Грошечая В. К. Формы и методы взаимодействия милиции Украинской ССР с населением в охране общественного порядка и борьбы с преступностью (1960–1966 гг.).....	191
---	-----

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Шепенко Р. А. Ответственность за нарушение налогового законодательства Китайской Республики (Тайвань).....	200
--	-----

Worked with issue:

Ya. V. Artem'eva,
A. A. Burova

*Technical layout by S. N. Portnova
S. H. Aminov*

The journal "Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" is registered with the Federal service for supervision of communications, information technology and mass media. Certificate of Registration ПИ № ФС77–75592 on April 19, 2019.

Using materials reference to the journal "Proceedings of the Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" is required.

Print is signed 26.12.2024.

Format 60×84 1/8

Capacity, printed sheet 21 p. s.

Circulation 500 copies.

First edition: 72 copies. Order № 64y.

Published 4 times a year.

Negotiable price.

Address of the Editorial Office and Publisher:

125171, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.

Tel.: 8 (499) 745-81-43.

Tel/fax: 8 (499) 745-82-23.

E-mail: rio_aumvd@mvd.ru

Subscription index

at the General catalogue

"Pressa Rossii": 15548.

Website: <https://a.mvd.ru/folder/6891081>.

Printed by the Unit for Typographic and Operative Printing

of the Publishing Department

of the Management Academy

of the Ministry of the Interior of Russia.

125171, Zoi i Alexandra

Kosmodemyanskikh St., 8, Moscow.

Tel.: 8 (499) 745-81-43.

By the decision of the Higher

Attestation Commission

of the Ministry of Science and High

Education the Russian Federation

journal "Proceedings

of the Management Academy

of the Ministry of the Interior

of Russia" is included in the list

of reviewed scientific journals,

in which major scientific results

of dissertations for the degree

of doctor and candidate of sciences

should be published by scientific

specialties: 5.1.1, 5.1.2, 5.1.4.

© Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2024

PROCEEDINGS

OF THE MANAGEMENT ACADEMY

OF THE MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA

2024

№ 4 (72)

DECEMBER

The Journal
has been published since
December 2006

CONTENT

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL PROBLEMS

- Anikin V. N. Methodological Foundations of the Theory of Law Enforcement Development Management 8
- Popov V. V. The Ontological Status of Subjective Law: Some Problems of Theoretical Reconstruction 22

STATE-LEGAL CONSTRUCTION IN RUSSIA AND ABROAD

- Gir'ko S. I. Contemporary Problems of Ensuring National Interests and Strategic Priorities of the Russian Federation 33
- Ishchenko O. A. The Role of Orthodoxy in the Implementation of State Family Policy 43

STATE MANAGEMENT: METHODOLOGY, LEGAL ENFORCEMENT

- Sadiokova U. V. The Methodology for Calculating the Optimal Burden on the Investigator of Investigative Units in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia 53

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

- Agamagomedova S. A. Administrative Offences in the Field of Customs in the Draft Code of the Russian Federation on Administrative Offences..... 59

CRIMINAL POLICY OF RUSSIA

- Bunova I. I. Criminal-Legal Protection of the Right to Freedom of Conscience and Religion in Modern Conditions of Transformation of Crime 67
- Gavrilov B. Ya., Starostin S. A. Should there be a Criminal Offense? The Deputies Spoke out 75
- Leletova M. V. Some features of naturalization in Russia: current state, problems and solutions 87
- Nudel' S. L., Gorenskaya E. V. Smuggling of Cash and (or) Monetary Instruments: Features of Legislative Regulation in Russia and Other EAEU States..... 101

For attention of the authors

The journal "Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia" publishes original material of topical significance, scientific value and practical importance.

General requirements for submitted for publication of articles posted on the official website of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia at <https://a.mvd.ru> in the "Science" section.

The text of your paper should come together with a list of references (not less than 10 and not more than 25 references), 5 to 7 keywords and an abstract of 300 typed characters (200–250 words).

The material is expected to be delivered to the Journal as a Microsoft Word text file and a hard copy (spaced 1.5 intervals, font Times New Roman, size 14).

Your paper cannot be bigger than 24 typewritten pages (references, tables and pictures included).

All the articles are double "blind" peer reviewed. If it is sent back to you for revision or improvement, a copy or copies of the relevant review(s) will be enclosed.

The Editorial Board, the Editor-in-Chief and the Editorial Department of the research Journal espouse certain ethical principles, which also makes for a high quality and intellectual continuity of the publishing articles.

This Journal is an open-access in the Internet. When transferring to the journal the manuscript the author agrees to the placement of articles in Internet. The edition do not charge any fees for publication of the articles.

The Journal publishes only original high quality scientific works. Articles published in other scientific journal with the percentage of originality below 70 %, in which there is plagiarism, are not accepted for consideration.

DETECTION, CLEARANCE AND INVESTIGATION OF CRIMES

- Baranov V. V. The Use of Artificial Intelligence to Identify and Prevent the Spread of Extremist and Terrorist Propaganda on the Internet 113
- Zhandrov V. Yu. Verification Purchase of Drugs on the Internet: the Formation of a New Model of Operational Investigative Measures 129
- Vladimirov V. Yu., Danilov I. A., Il'in N. N. Artificial Intelligence in the Fight against Serial Crimes. Scientific Development into Practice 139
- Ivanov P. I. The Detection of Tax Crimes at Consumer Market Facilities is a Priority Task of the Economic Security and Anti-Corruption Units of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation 151
- Kol'cov D. V. Operational-Investigative View on the Types of "Special Investigative Methods" in the Law of the Council of Europe 161
- Sarkisyan G. G. The Use of Information and Communication Technologies in the Operational and Analytical Activities of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation 172

FORENSIC ACTIVITY

- Karavaev M. V., Siniuk V. D., Vladimirov V. Yu. On the Need to Adapt the Conceptual Apparatus of Explosive Expertise to the Tasks of Criminal Proceedings 182

LAW ENFORCEMENT RETROSPECTIVE

- Groshevaya V. K. Forms and Methods of Interaction of the Militia of the Ukrainian SSR with the Population in the Protection of Public Order and the Fight against Crime (1960–1966) 191

FOREIGN EXPERIENCE, INTERNATIONAL COOPERATION

- Shepenko R. A. Liability for Violation of Tax Legislation Republic of China (Taiwan) 200

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ проблемы

Аникин Виктор Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и методологии
государственного управления
Академия управления МВД России

Российская Федерация, 125171, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: VNanikin18@yandex.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

УДК 351.74

Viktor Nikolaevich Anikin,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and Methodology of Public Administration
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: VNanikin18@yandex.ru

Scientific speciality:
5.1.2. Public Law
(State Law) Sciences

DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-8-21

Дата поступления статьи: 28 февраля 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 24 декабря 2024 г.

Методологические основы теории управления развитием правоохранительной сферы

Methodological Foundations of the Theory of Law Enforcement Development Management

Аннотация

Актуальность: формирование теории управления развитием правоохранительной сферы обусловлено необходимостью консолидации государства и общества для защиты от криминальных факторов, представляющих реальную угрозу общественной безопасности, что требует управления развитием социально-правовых отношений; потребностью общества в надежной защите конституционных прав и свобод граждан, что предполагает совершенствование системы правоотношений в рассматриваемой сфере; потребностью субъектов правоохранительной деятельности в новых методологических подходах, формах и методах управления в условиях постоянных изменений и неопределенности внешней и внутренней среды.

Постановка проблемы: управление правоохранительной сферой как категорией, наиболее полно отражающей социально-правовое пространство, способное к развитию и управ-

Annotation

Relevance: the formation of a theory of management of the development of the law enforcement sphere is conditioned by the need to consolidate the state and society to protect against criminal factors that pose a real threat to public safety, which requires management of the development of socio-legal relations; the need for society to reliably protect the constitutional rights and freedoms of citizens, which implies the improvement of the system of legal relations in this area; the need of law enforcement entities for new methodological approaches, forms and methods of management in conditions of constant changes and uncertainty of the external and internal environment.

Problem statement: the management of the law enforcement sphere as the category that most fully reflects the socio-legal space capable of development and management in order to ensure the protection of constitutional rights and freedoms of citizens, public safety and combating crime,

лению в целях обеспечения защиты конституционных прав и свобод граждан, общественной безопасности и противодействия преступности, должно опираться на собственную теорию управления его развитием, для формирования которой необходимо определить ее методологические основы.

Цель исследования: определить методологические подходы к изучению развития и управления развитием правоохранительной сферы, основные методы, критерии и принципы для целей формирования правоохранительной политики и правового регулирования управления данной сферой.

Методы исследования: системный подход, анализ и синтез, анализ правовой базы, практическое моделирование, гипотетико-дедуктивный, аксиоматический, индуктивный, диалектический.

Результаты и ключевые выводы: методологической платформой формирования теории управления развитием правоохранительной сферы могут служить системный, ситуационный и синергетический подходы теории государственного управления, а также концепции управления организационными изменениями, организационным развитием и концепция самоорганизации, зародившиеся в рамках теории организации и социологии организации. Оптимальное сочетание программно-целевого, проектного, ситуационного и ресурсного методов образует методологическую основу теории современного стратегического управления правоохранительной сферой, позволяя выстраивать различные модели для решения конкретных стратегических задач, и является одним из основных направлений исследования в теории управления развитием правоохранительной сферы, составляя важную часть ее методологических основ.

Методологические основы теории управления развитием правоохранительной сферы носят прикладной характер и направлены на практическую реализацию следующих задач: 1) научное обоснование формирования государственной политики и правового регулирования в данной области государственного управления; 2) развитие потенциала правоохранительных и судебных органов и консолидации их усилий по защите конституционных прав и свобод граждан, обеспечению общественной безопасности и противодействию преступности; 3) развитие институтов государства и гражданского общества и их взаимодействия с целью повышения эффективности управления развитием правоохранительной сферы; 4) определение оптимального сочетания программно-целевого, проектного, ситуационного, ресурсного и иных научных методов

should be based on its own theory of management of its development, for the formation of which it is necessary to determine its methodological foundations.

The purpose of the study is to identify methodological approaches to the study of the development and management of the development of the law enforcement sphere, the main methods, criteria and principles for the formation of law enforcement policy and legal regulation of the management of this sphere.

Research methods: a systematic approach, analysis and synthesis, analysis of the legal framework, practical modeling, hypothetical-deductive, axiomatic, inductive, dialectical.

Results and key conclusions: the methodological platform for the formation of the theory of management of the development of the law enforcement sphere can serve as the systemic, situational and synergetic approaches of the theory of public administration, as well as the concepts of management of organizational change, organizational development and the concept of self-organization, originated in the framework of the theory of organization and the sociology of organization. The optimal combination of program-oriented, project-based, situational and resource-based methods forms the methodological basis of the theory of modern strategic law enforcement management, allowing various models to be built to solve specific strategic tasks, and is one of the main research areas in the theory of law enforcement development management, forming an important part of its methodological foundations.

The methodological foundations of the theory of management of the development of the law enforcement sphere are applied in nature and are aimed at the practical implementation of the following tasks: 1) scientific substantiation of the formation of public policy and legal regulation in this field of public administration; 2) development of the potential of law enforcement and judicial authorities and consolidation of their efforts to protect the constitutional rights and freedoms of citizens, ensure public safety and counter crime; 3) development of state and civil society institutions and their interaction in order to improve the effectiveness of law enforcement development management; 4) determining the optimal combination of program-oriented, project-based, situational, resource-based and other scientific methods in building models for solving specific tasks of strategic law enforcement management.

при построении моделей для решения конкретных задач стратегического управления правоохранительной сферой.

Ключевые слова: правоохранительная сфера; управление развитием; теория управления; методологические основы теории.

Keywords: law enforcement; development management; management theory; methodological foundations of the theory.

Исследование правоохранительной сферы как объекта стратегического управления и развития [3], подтверждающее, что данная категория наиболее полно отражает социально-правовое пространство, способное к развитию и управлению в целях обеспечения защиты конституционных прав и свобод граждан, общественной безопасности и противодействия преступности, актуализировало необходимость ее дальнейшего изучения и формирования теории управления ее развитием, для которой необходимо определить методологические основы.

В отличие от методологии управления, которая рассматривает основания методов, применяемых в управленческой практике, в данном исследовании речь идет о методологических основах теории управления, т. е. обосновываются методы, используемые теорией управления для анализа и проектирования процессов и систем управления. При этом методологические основы теории формируются как благодаря соответствующей методологии исследования, так и посредством изучения практики как основы научного знания.

Как известно, теории подобного рода (содержательные теории) строятся на основе гипотетико-дедуктивного, аксиоматического и индуктивного методов исследования. В соответствии с данным подходом первоначально рассматриваются методологические основы теории управления развитием правоохранительной сферы, а в последующем, используя полученные результаты, планируется перейти к формированию методологии управления развитием правоохранительной сферы и его правового регулирования, что позволит сформулировать основные положения теории управления развитием правоохранительной сферы.

1. Обоснование и методологические подходы к изучению развития и управления развитием правоохранительной сферы

Необходимость формирования новой теории, как правило, связывается с осознанием практической потребности в ней и готовностью науки удовлетворять эту потребность. Доказательствами того, что формирование теории управления развитием правоохранительной сферы является своевременным шагом, и ее

прикладной характер подтверждаются рядом факторов.

Во-первых, в ряде стратегических документов Российской Федерации¹ прямо указано на внедрение новых форм и методов общественных отношений на основе развития и взаимодействия правоохранительных институтов и гражданского общества, что, как показало исследование, охватывается понятием «развитие правоохранительной сферы» [3]. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации одной из основных целей определено совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, достижение которой осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение следующих задач: повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации, совершенствование системы общественного контроля, механизмов участия граждан и организаций в обеспечении государственной и общественной безопасности; развитие институтов гражданского общества, поддержка общественно значимых инициатив, развитие взаимодействия институтов гражданского общества и населения с органами публичной власти в решении вопросов, которые могут вызвать рост социальной напряженности.

Во-вторых, сами термины «правоохранительная сфера», «развитие правоохранительной сферы» и «управление правоохранительной сферой» вошли как в научный, так и практический оборот, наряду с использованием таких категорий, как экономическая, социальная и духовная сферы, управление развитием которых составляет основу как законодательного, практического, так и научного оборота. Правоохранительная сфера отличается своим комплексным характером, присутствуя в каждой из названных сфер, выливаясь в единый комплекс социально-правовых отношений, имеющих свою специфику, требующий соответствующего государственного управления, его методологического обеспечения и правового регули-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации: офиц. сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.10.2024).

рования с целью ее развития, что в перспективе предопределяет использование данной категории в законодательных и других нормативных правовых актах Российской Федерации.

В-третьих, можно констатировать, что для создания новой теории имеются необходимые предпосылки ее научного и учебно-методического обеспечения, что подтверждается: 1) тематикой проводимых в системе правоохранительных органов и учебных заведениях правоохранительной направленности научно-практических мероприятий, в частности ежегодной международной научно-практической конференции «Государственное управление в правоохранительной сфере» на базе Академии управления МВД России; 2) содержанием дополнительных профессиональных программ повышения квалификации руководящего состава органов внутренних дел в Академии управления МВД России, включающих разделы «Теоретические вопросы управления в правоохранительной сфере», «Теория и практика управленческой деятельности в правоохранительной сфере», «Организация в правоохранительной сфере: понятие, признаки, структура», «Основы социального управления в правоохранительной сфере», «Современное стратегическое управление в правоохранительной сфере: сущность и содержание» и др.; 3) тематикой выпускных квалификационных работ (магистерских диссертаций) слушателей Академии управления МВД России: «Концептуальные основы управления развитием правоохранительной сферы Российской Федерации», «Социальное партнерство в механизме государственного управления в правоохранительной сфере», «Методологические проблемы оценки эффективности и качества управленческой деятельности в правоохранительной сфере», «Методология ситуационного подхода в целях совершенствования управления в правоохранительной сфере», «Программно-целевой метод совершенствования управления правоохранительной сферой», «Методология проектного подхода к решению управленческих задач в правоохранительной сфере» и др.

В то же время данная проблематика не укладывается в рамки сформированной в 90-х годах XX века теории управления в сфере правоохранительной деятельности [18], которая указанные отношения в правоохранительной области не изучает, ее изначальным объектом является система правоохранительных органов и правоохранительная деятельность. Она выступает как совокупность научных дисциплин, дифференцирующихся по критерию структуры объекта, т. е. в соответствии с разновидностями правоохранительной деятельности либо разновидностями правоохранительных органов [18, с. 34].

Принципиальное отличие предлагаемой теории от теории управления в сфере правоохранительной деятельности заключается в том, что ее объектом является развитие правоохранительной сферы, которая представляет собой общественно-государственное и социально-правовое пространство (его оптимальную модель), в котором посредством установления и реализации уполномоченными органами (их должностными лицами) во взаимодействии с гражданским обществом (его институтами, общественными формированиями правоохранительной направленности и гражданами) правовых норм охраны конституционных прав и свобод граждан, интересов общества и государства обеспечиваются с использованием необходимых ресурсов (сил, средств и методов) стабильность в обществе, законность и правопорядок, общественная безопасность и эффективное противодействие преступности [3, с. 51]. В состав правоохранительной сферы входит целостная совокупность государственно-правовых институтов, средств и методов, которые можно представить в виде законодательной, правоохранительной, правоприменительной и профилактической подсистем [3, с. 47].

При рассмотрении с этих позиций современного состояния правоохранительной сферы обращают на себя внимание ее потребности не только в укреплении ресурсного потенциала правоохранительных органов (кадрового, информационного, административного и др.) и их взаимодействия, что, безусловно, является важным направлением новой теорией, но и ее потенциал в целом, в совершенствовании самих общественных отношений (социально-правовых, государственно-общественных и др.), связанных с необходимостью развития и консолидации институтов государства и гражданского общества (институциональных ресурсов), повышением уровня общественного самосознания, самоорганизации, самоуправления. Именно решение проблемы методологии управления и создания необходимых условий для развития этих отношений, их правового регулирования в целях защиты прав и свобод граждан, обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности и является принципиально новым в данной теории.

Элементы правоохранительной сферы, по существу, отражают процессы деятельности и взаимодействия соответствующих структур, взаимовязанных функций, законодательных и организационно-правовых установлений, направленных на обеспечение конституционных прав и свобод граждан, общественной безопасности, профилактику и противодействие преступности. В их основе лежит определенная методология, а для каждого из них конкретный

метод управления как «способ, образ действий, путь, ведущий к цели» [18, с. 149]. Классификацию методов в сфере социального управления, как правило, связывают с видами функций управления, имея в виду, что под них необходимы соответствующие методы их реализации, а с учетом определенной функциональной однородности и разделения процесса управления на стадии выработки и реализации решений обычно выделяют познавательные-программирующие и организационно-регулирующие методы управления.

Познавательные-программирующие методы управления изначально предполагают объективную необходимость их научного обоснования, что заложено в самом их названии. В зависимости от степени общности сферы их применения принято различать всеобщие, общенаучные и частнонаучные методы. Вместе с тем представление о правоохранительной сфере как совокупности общественных отношений заставляет по-новому взглянуть на изучение организационно-регулирующих методов управления, имея в виду новые методологические подходы, связанные с организационно-правовым регулированием, администрированием, социологией и психологией управления развитием правоохранительной сферы. Таким образом, методологические основы теории управления развитием правоохранительной сферы должны включать научное обоснование как программирующих, так и организационно-регулирующих методов, поскольку все они «должны основываться на соответствующих научных знаниях, предлагающих определенную методологию для их изучения и развития» [18, с. 156].

На основании данных представлений о дифференциации и интеграции методов управления можно сделать вывод, что для формирования методологических основ теории управления развитием правоохранительной сферы необходимо использовать всеобщие методы познания (диалектический, метафизический), общенаучные методы (логический, эвристические, социологические методы, анализ, синтез, сравнение и др.), частнонаучные методы, разрабатываемые той или иной отраслью знания для решения своих задач, которые также могут использоваться в других областях. Вместе с тем для формирования методологических основ теории управления развитием правоохранительной сферы следует обратить внимание прежде всего на собственно управленческие методы, а при определении конкретных методов необходимо учитывать характеристики субъекта и объекта управления.

С позиции социологии государство рассматривается как определенным образом органи-

зованное население, форма организации общества, а с точки зрения политологии как высший элемент политической системы общества, механизм власти. Поэтому целесообразно вести речь о государственном социально-политическом управлении как системе, с одной стороны, направляющего организующего воздействия государства (его властных органов) на общество, создание прежде всего необходимых законодательных и организационно-правовых основ и условий его развития, а с другой стороны, влияния общества на государство посредством обратной связи как необходимого условия ответственности государственных устремлений общественным потребностям и интересам. Именно в этом ключе следует рассматривать и управление развитием правоохранительной сферы, формируя его методологию.

Таким образом, методологические основы теории управления развитием правоохранительной сферы как совокупности общественно-государственных и социально-правовых отношений должны включать, наряду с методами административно-правового воздействия на общественные отношения, методы управления процессами самоорганизации, самоуправления и саморазвития, что требует привлечения научного потенциала (научных школ, теорий, концепций) социологии управления, социальной психологии, теории организации, социологии организации и других наук.

Сущность и содержание правоохранительной сферы как объекта управления и развития требуют обоснования новых методологических подходов формирования рассматриваемой теории. Управление общественными отношениями в процессе развития законодательной, профилактической, правоохранительной, правоприменительной подсистем и подсистемы взаимодействия в правоохранительной сфере невозможно без определения основополагающих принципов правоохранительной политики, которые, в отличие от методов, функций, структур, являющихся переменными в рассматриваемой системе, носят незыблемый (конституционный) характер.

Рассматривая управление развитием правоохранительной сферы как часть государственного управления, т. е. его политической и административной подсистем, с методологической точки зрения важно определить их общие и особенные компоненты единого государственного механизма: цели, функции, структуры, принципы, методы, средства воздействия на данную область общественных отношений, и их характеристики относительно изменчивости в условиях действия факторов внешней и внутренней среды (ее неопределенности). По данному критерию их можно разделить на относительно

постоянные, к которым следует отнести цели, функции и принципы, и переменные – структуры, методы и средства достижения целей и реализации установленных функций (задач).

Теория управления развитием правоохранительной сферы как часть теории государственного управления должна базироваться на его общих принципах, а также на частных принципах, обусловленных характеристикой (спецификой) объекта управления. К основным содержательным категориям в теории управления развитием правоохранительной сферы следует отнести государственную политику, универсальные принципы для ее формирования, политические и правовые формы ее осуществления; формы и методы государственного администрирования и стратегического управления правоохранительной сферой.

2. Методологические основы формирования государственной политики в области управления правоохранительной сферой

В настоящее время развитие правоохранительной сферы на приоритетных направлениях государственной политики осуществляется в соответствии с реализуемыми доктринами, концепциями, стратегиями, государственными программами, однако концептуальные основы правоохранительной политики в едином правовом акте не определены. Необходимо формирование государственной политики в области управления правоохранительной сферой (правоохранительной политики) в форме отдельной концепции научно обосновывалась рядом авторов. В итоге был сделан вывод о том, что решение любого частного вопроса в данной области возможно только в тесной увязке с решением общей проблемы формирования и реализации концепции государственной политики в правоохранительной сфере.

Для формирования данной концепции необходимо создать научно-методологические основы правоохранительной политики – «систему теоретических и эмпирических знаний, способствующую качественной разработке, принятию и эффективной реализации правовых решений нормативного и ненормативного характера, направленных на обеспечение оптимального функционирования правоохранительной системы, создание условий для ее перспективного развития и совершенствования» [11, с. 34].

Само представление о данной категории отличается существенным разнообразием, что требует уточнения ее понятия, сущности и содержания. Государственная политика в этой сфере (правоохранительная политика) представляет собой «систему теоретических положений, содержащих цели, задачи, средства, принципы, приоритеты, формы реализации правоохранительной деятельности; пути повышения

эффективности правоохранительной системы в целом» [11, с. 35]; «стратегический социально ориентированный вектор правотворческой и организационной государственной деятельности, направленной на достижение и реализацию системой МВД России общезначимых целей обеспечения правопорядка» [2, с. 59].

В соответствии с ее предназначением правоохранительную политику следует рассматривать в качестве важнейшей составляющей государственной правовой политики, которую определяют как «научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных и муниципальных органов по созданию эффективного механизма правового регулирования, по цивилизованному использованию юридических средств в достижении таких целей, как наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина, укрепление дисциплины, законности и правопорядка, формирование правовой государственности и высокого уровня правовой культуры и жизни общества и личности» [10, с. 15].

Разновидностью правовой политики является правоохранительная политика как основа консолидации государства и общества по защите как личных, так и общественных и государственных интересов в сфере защиты прав и свобод граждан, обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности. Она определяет «совокупность ценностей и целей, государственно-управленческих мер, решений по их достижению, порядка реализации государственно-политических решений (достижения поставленных государственной властью целей) и системы государственного управления этим процессом» [16, с. 7].

Суть правоохранительной политики заключается в целенаправленной деятельности властных структур и органов государственного управления различных уровней по защите прав и свобод граждан, обеспечению общественной безопасности и противодействию преступности, что отвечает объективной потребности общества в формировании и развитии институтов гражданского общества, социального и правового государства. Таким образом, правоохранительная политика выступит неизбежным элементом нового этапа правового развития общества, «результатом юридического симбиоза, закономерного объединения юридических ресурсов (правотворческих, правоприменительных, правовых, правоохранительных, доктринальных и т. п.), национальных традиций и обычаев, для решения более сложных юридических проблем, возникающих в процессе социальной эволюции» [8, с. 176].

Следует заметить, что попытки теоретического обоснования вопросов формирования го-

сударственной политики в правоохранительной сфере предпринимались и основное внимание обращалось на важность ее научно-методологической основы – «теоретических и эмпирических знаний, способствующих качественной разработке, принятию и эффективной реализации правовых решений нормативного и ненормативного характера, направленных на обеспечение оптимального функционирования правоохранительной системы, создание условий для ее перспективного развития и совершенствования» [9, с. 36]. При этом авторы исходили из системного подхода, рассматривая либо правоохранительные органы как систему взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, решающих общие задачи охраны правопорядка и борьбы с преступностью, либо правоохранительную деятельность как функцию совместной деятельности правоохранительных, надзорных и судебных органов [9].

Методологические основы формирования государственной политики в области управления правоохранительной сферой заключаются в установлении методологических подходов к ее изучению, критериев ее оценки, формулировании основополагающих принципов управления. С точки зрения политологии следует обратить внимание на ряд методологических подходов к формированию государственной политики в области управления развитием правоохранительной сферы.

Прежде всего к ним относится социологический подход, позволяющий изучать динамику общественного мнения о состоянии и развитии правоохранительной сферы и на этой основе формировать государственную политику в данной области. С учетом актуальности правоохранительной политики для каждого гражданина она должна получить широкое общественное обсуждение и учитывать гражданские инициативы по обеспечению прав и свобод граждан, общественной безопасности и противодействию преступности.

Динамическую картину самой политики в этой сфере дает деятельностный подход, учитывающий социальную природу общества, политики, государства и права при обосновании политических решений в правоохранительной сфере. Согласно ему государственное управление рассматривается как специфический вид профессиональной политической деятельности, основанный на легитимном принуждении и подчинении, в целях организации и удовлетворения общественных интересов и потребностей. С его помощью возможно определение целей, формулирование задач, формирование государственных программ и проектов, их ресурсного обеспечения.

Для эффективного политического управления правоохранительной сферой необходи-

мы адекватное соотношение между стабильностью и развитием, учет постоянных и переменных параметров (факторов среды), сочетание системности и гибкости в государственном управлении. В методологическом плане такое соотношение обеспечивается системным подходом. Данный подход актуален при формировании функциональной структуры, построении и оптимизации правоохранительной системы, адекватной состоянию преступности и способной активно ей противодействовать.

К критериям правоохранительной политики следует отнести такие ее качественные характеристики, как системность, прозрачность (публичность), предсказуемость и устойчивость, эффективность (целестремление).

Методологические основы формирования правоохранительной политики включают наиболее устойчивые категории как основополагающие положения (принципы) управления развитием правоохранительной сферы. Их можно подразделить по целевому назначению на три группы.

К первой группе следует отнести принципы, раскрывающие намерения следовать общепризнанным нормам цивилизационного развития общественных отношений: принцип гуманизма тесно связан с конституционным принципом социальной ориентированности государства и направленности управления правоохранительной сферой на социальную защищенность, соблюдение и обеспечение прав и свобод человека, учет его интересов, что в конечном итоге создает возможности для его эффективной деятельности; принцип законности – строжайшее неукоснительное проведение в жизнь «начал гуманистического права, прежде всего основных неотъемлемых прав человека, а значит – и реальное построение на последовательно демократических, гуманистических началах всей юридической системы, всей политико-правовой жизни» [1, с. 472]; принцип гласности и демократизма означает, что граждане должны быть информированы о целях и задачах органов государственного управления в правоохране, которые должны учитывать их интересы и возможности в обеспечении общественной безопасности.

Принципы, относящиеся ко второй группе, отражают объективный, научный, системный характер развития общественных отношений: принцип объективности и научности предполагает познание объективно существующих закономерностей и создание управленческой парадигмы на основе научных подходов и методов, соизмерение поставленных целей с возможностями их достижения; принцип системности – умелое сочетание директивного управления на основе централизации и иерархичности

с возможностями децентрализации, дифференциации (распределения сфер ответственности и делегирования полномочий), общественно-самоуправления, самоорганизации, саморазвития на основе системного подхода к управлению развитием правоохранительной сферы.

Третья группа принципов провозглашает приверженность следовать курсом стабильного развития общественных отношений: принцип адаптивности и динамичности означает способность системы управления правоохранительной сферой своевременно учитывать изменения внешних и внутренних условий (факторов среды), предвидеть и реагировать на изменения преступности; принцип стабильности и устойчивости развития требует обеспечения устойчивого и последовательного развития правоохранительной сферы в соответствии с целевыми установками и принципами правоохранительной политики; принцип экономичности и эффективности констатирует необходимость создания оптимальной структуры управления развитием правоохранительной сферы.

Указанные принципы определяют общие требования к формированию целостного политико-правового и социально-правового пространства, в котором создаются необходимые условия для обеспечения охраны прав и свобод граждан, общественной безопасности и противодействия преступности. На их основе должна выстраиваться система управления правоохранительной сферой как совокупностью законодательной, профилактической, правоохранительной и правоприменительной подсистем.

Таким образом, теория управления развитием правоохранительной сферы и ее методология могут служить научной основой обоснования и формирования государственной политики и правового регулирования в данной области государственного управления.

3. Методологические основы теории государственного управления развитием правоохранительной сферы

Анализ методологической базы в сфере проектирования и формирования различных теорий в области социального управления с учетом специфики его объекта позволяет исследовать методологические основы теории государственного управления развитием правоохранительной сферы, исходя из собственно-научной методологии теории государственного управления, современных научных подходов, содержащихся в концепциях управления организационными изменениями и организационным развитием, концепции самоорганизации, методологии современного стратегического управления. На сегодняшний день достаточно полно изучены методологические подходы теории государственного управления, которые

вполне применимы для первоначальных (исходных) подходов формирования теории управления развитием правоохранительной сферы. К ним относятся системный, ситуационный и синергетический подходы.

Понимание сущности управления в органах, связанных с правоохранительной деятельностью, во многом определяется кибернетическим представлением (подходом), согласно которому «управление – это процессы специфического воздействия управляющих подсистем на управляемые, которые реализуются в технических, биологических и социальных системах. В результате этого достигается их упорядоченность, а также функционирование и развитие в соответствии с их общими целями» [11, с. 11].

Такой подход отражает сущность сложившейся системы управления в сфере правоохранительной деятельности и согласуется с соответствующей теорией, однако он не является превалирующим при формировании теории управления развитием правоохранительной сферы. В данном случае, на наш взгляд, необходимо исходить из понимания сущности государственного управления, которое представляется как «управление в масштабах общества, призванное создавать и закреплять законодательно (или посредством иных юридических актов), поддерживать, обеспечивать и гарантировать практическую реализацию определенных условий для высокоэффективного и социально актуального ведения любых видов человеческой деятельности» [5, с. 113]. Как известно, изначально при формировании новых научных направлений – научного управления обществом и теории управления социальными системами – управление рассматривалось в социологической интерпретации кибернетического подхода как «целенаправленное воздействие на общественную систему, на основе познания и использования присущих ей объективных закономерностей в интересах обеспечения ее оптимального функционирования и развития, достижения поставленных целей» [6, с. 110–111].

Представляется вполне обоснованным утверждение, что управление развитием правоохранительной сферы может достигаться субъектами управления в том числе путем создания и поддержания необходимых условий для самоорганизации и саморазвития, основанных на правосознании, правовом воспитании, правовой культуре, нравственности, обычаях, традициях и других ценностях цивилизации, наполненной человеческими системами. Причем применительно к правоохранительной сфере следует вести речь как о факторах, оказывающих влияние на развитие правоотношений в ее подсистемах, так и факторах преступности – внешних по отношению к правоохранительной

сфере. Так, для развития профилактической подсистемы важно создание условий социального характера, оказывающих влияние на состояние (структуру и динамику) преступности, для правоохранительной – консолидация правоохранительных органов и гражданского общества в противодействии преступности, для правоприменительной – наличие внешней системы правозащиты и т. д. В целом для правоохранительной сферы, кроме непосредственного прямого организующего воздействия, важно создание внутренних условий для ее саморазвития, самоорганизации, самоуправления, а также обеспечения ее независимого (общественного) контроля.

Таким образом, с усложнением происходящих под влиянием различных факторов, в том числе как целенаправленного организующего воздействия на правоохранительную сферу, так и создания условий для ее самоорганизации, саморазвития и самоуправления, ее изучение только с позиции кибернетического подхода, представляющего процессы в системе в виде «черного ящика», становится недостаточным. Исследовать и познать сущность происходящих процессов в правоохранительной сфере призван системный подход в его современном представлении, согласно которому системные процессы рассматриваются в их совокупности и взаимообусловленности, а система управления как устойчиво функционирующая, изменяющаяся и развивающаяся.

Как известно, на методологии системного подхода базируются такие распространенные и эффективные методы исследования как системный и структурно-функциональный анализ. В основе системного анализа лежит построение и исследование модели (моделей), отображающей все возможные факторы и взаимосвязи реальной ситуации, позволяющие выработать альтернативные варианты действий, просчитывать ресурсы, эффекты и риски, что обеспечивается современными информационными технологиями. Применительно к правоохранительной сфере это могут быть как общесистемные (законодательная, институциональная, ресурсная и др.) модели, так и модели, предназначенные для исследования отдельных подсистем (правоохранительной, правоприменительной, профилактической и др.), а также модели для исследования процессов противодействия различным видам преступности, в том числе терроризму, экстремизму, незаконному обороту наркотиков и т. д. Метод структурно-функционального анализа, сущность которого состоит в выделении элементов, их функций и взаимодействия в системе управления развитием правоохранительной сферы, успешно применяется для таких управленческих задач,

связанных с развитием правоохранительной сферы, как проектирование структуры управления органов, связанных с правоохранительной деятельностью, их численности в зависимости от различных факторов и т. д. Для анализа структуры общества и исследования процессов самоорганизации, саморазвития и самоуправления структурно-функциональный анализ позволяет выделить факторы, способствующие либо препятствующие достижению равновесия и стабильности, выявлять нормы и ценности, которые способствуют функционированию и развитию социума, а также отклонения от них (дисфункции), приводящие к деструктивным процессам.

В динамично меняющихся условиях для управления развитием правоохранительной сферы особенно актуален ситуационный подход, позволяющий находить оптимальные решения в зависимости от факторов среды и преступности. Его методология основана на выводах о том, что любая управленческая ситуация является уникальной и требует соответствующего метода решения на альтернативной основе. Применительно к правоохранительной сфере такими факторами (переменными), влияющими на структуру правоохранительной сферы и ее конструкцию, являются степень неопределенности и уровень сложности внешней среды; критерии состояния, структуры и динамики преступности; уровень развития информационных технологий; уровень правосознания, правовой культуры в обществе и др. При этом объектом управленческого решения является поиск внутренних возможностей системы (правоохранительной сферы и ее элементов), связанных с определением ее функциональной и организационной структуры, принципов, стратегий, форм, методов, технологий и др.

Кроме того, методологической платформой формирования теории управления развитием правоохранительной сферы могут служить зародившиеся в рамках теории организации и социологии организации и организационного поведения концепции управления организационными изменениями, организационным развитием и концепция самоорганизации [13; 15; 12].

С точки зрения управления развитием правоохранительной сферы представляют интерес «плановые организационные изменения, которые, в сущности, представляют собой организационные инновации» [13, с. 678], и изучаются на основе предлагаемых данной концепцией моделей управления организационными изменениями (классическая, переходная, динамическая и др.), достаточно широко представленных в научной литературе. Данная концепция может использоваться при определении методологии для изучения процессов планирования

(программирования, проектирования) развития (преобразования) правоохранительной сферы.

Концепции организационного развития основывается на изучении «совокупного изменения во взаимосвязи количественных, качественных и структурных категорий в системе» [13, с. 678]. Так, структура, функции и процессы в развивающейся системе могут качественно изменяться за счет укрепления ресурсного потенциала в процессе взаимодействия с внешней средой и в результате его перераспределения внутри системы (структуры). В свою очередь, качественные изменения подсистем и их структурных элементов приводят к изменению качества системы в целом (синергетический эффект). Таким образом, данная концепция может служить методологической основой для формирования теории управления развитием правоохранительной сферы в совокупности с ресурсным подходом, определяющим необходимость выделения стратегических ресурсов, их развития и управления развитием.

Организационно-социологическая концепция самоорганизации изучает процессы самосохранения и упорядоченности в системе и ее адаптации к воздействующим на нее факторам внешней среды. С точки зрения данной концепции в сложной системе ее элементы функционируют относительно самостоятельно, приспосабливаясь к условиям (внутренний контур), а в совокупности упорядоченно и целенаправленно воздействуют на внешнюю среду (внешний контур). При этом в процессе адаптации возникает явление самосохранения, а в процессе упорядоченного воздействия на определенные параметры внешней среды — синергетический эффект. Важно заметить, что во внешнем контуре правоохранительной сферы присутствует главный противодействующий фактор — фактор преступности, поэтому управленческое (организующее) воздействие на данную систему (правоохранительную сферу) заключается не только в поддержании ее устойчивого состояния, но и ее развития, необходимого для активного противодействия преступности.

Представляется, что на основе рассмотренных концепций возможно формирование методологии синергетического подхода как метода исследования сложных механизмов самоорганизации в развивающейся правоохранительной сфере. Эвристическое значение синергетической методологии состоит в том, что она позволяет исследовать нестабильный характер общественного развития, выявить основные факторы социальной напряженности и предлагать варианты (векторы) стабилизации правоохранительной сферы. Особое значение синергетическому подходу отводится в исследовании так называемых фоновых факторов (социальных,

экономических, социокультурных, экологических и др.), которые напрямую к правоохранительной сфере не относятся, но в любое время могут активизироваться и стать факторами прямого или косвенного влияния, тем самым создавая синергетический эффект.

Таким образом, в настоящее время существуют различные методы теории государственного управления и теории организации, которые могут составить основу для формирования собственной методологической базы теории управления развитием правоохранительной сферы. Данная идея возникает из необходимости изучения и воздействия государства на общественные процессы саморазвития, самоорганизации и самоуправления в данной области, создания условий для их развития, а также из способности науки предложить современные средства и способы научного обоснования целей, функций, структур, принципов, методов и средств воздействия на развитие социально-правовых отношений в области защиты прав и свобод граждан, обеспечения общественной безопасности и противодействия преступности.

Результаты такого исследования носят не только теоретический, но и прикладной характер, так как общество и его институты играют важную роль в развитии социально-правовых отношений, связанных с деятельностью государственных органов, общественных организаций, судов, прокуратуры, органов внутренних дел и других правоохранительных органов.

4. Методологические основы теории стратегического управления правоохранительной сферой

В основе стратегического управления лежит определенная стратегия, что и обуславливает стратегический характер управления любой системой. Так, под стратегическим управлением экономической системой понимается «управление, основанное на комплексной стратегии деятельности и развития данной системы» [7, с. 17]. В ней стратегическое управление направлено на приращение экономических ресурсов, на экономическое развитие. Социальная система использует экономические ресурсы в качестве базовых и трансформирует (социализирует) их в развитие социальной сферы (науки, образования, культуры и т. д.), т. е. в человеческий капитал, по существу, в человеческие ресурсы как основу экономического развития. Так осуществляется переход ресурсов в новое качественное состояние, взаимосвязь ресурсов и их взаимообусловленность. Таким образом, стратегическое управление государством обязательно направлено на «изменение способов трансформации ресурсов в результаты» [17, с. 27].

Используя метод аналогии систем, стратегическое управление правоохранительной сфе-

рой можно также рассматривать как формирование стратегических правоохранительных ресурсов (административных, кадровых, информационных, технологических и др.), развитие потенциала которых и приводит к результатам, позволяющим обеспечивать должный порядок. Как известно, в теории стратегического менеджмента такой методологический подход называется ресурсным, в его основе лежит положение о ресурсах одновременно как источниках и как ограничениях для достижения тех или иных целей (результатов). Поэтому основная проблема в данном подходе состоит в выделении стратегических ресурсов или разделении ресурсов на стратегические и тактические.

Другой методологический подход, в основе которого также лежит категория ресурсов, представлен в стратегическом менеджменте концепцией устойчивого управляемого развития. Согласно данному подходу проблема определения стратегических ресурсов решается путем обоснования ресурсов, от которых зависит воспроизводство самой жизнедеятельности. Концепция также позволяет рассматривать качественные изменения самих стратегий: от реактивных, требующих постоянного наращивания ресурсов, в проактивные, направленные на качественное изменение ресурсного потенциала, что вполне соотносится с управлением развития правоохранительной сферы.

Сопоставляя методологические подходы к формированию основ политики и теории государственного управления правоохранительной сферой, которое в стратегическом плане рассматривается как административно-политическое, представляется обоснованным использовать в качестве методологической основы теории стратегического управления в данной области системный, структурно-функциональный и ситуационный методы.

Также нетрудно заметить, что в государственной сфере на практике актуализированы и получили определенное развитие два основных метода (подхода) к стратегическому управлению: программно-целевой и проектный, которые изучаются в теории и методологии государственного управления. Программно-целевой подход представляет собой метод изучения процессов целеполагания – фундаментального понятия в теории управления, связанного с выбором и реальным определением цели как образа будущего результата деятельности, и программирования – мероприятий по достижению этой цели. Проектно-целевой подход в общем понимании – это единая методология распределения ресурсов для достижения поставленной цели (решение проблем), при этом достижение цели имеет измеримые показатели (индикаторы), которые обладают объективной

способностью позитивного влияния на управляемый объект. Данный подход основан на концепции управления по результатам, такой механизм управления позволяет оперативно реагировать и пересматривать ранее поставленные цели при изменении внешнего окружения.

Сопоставляя возможности данных подходов, прослеживаем целесообразность использования ресурсного, программно-целевого, проектного методов и концепции устойчивого управляемого развития для построения ресурсной модели стратегического управления правоохранительной сферой, в основе которой лежит «поддержание, воспроизводство и развитие (совершенствование, оптимизация) стратегических правоохранительных ресурсов как основных факторов обеспечения правопорядка, общественной безопасности и противодействия преступности» [3, с. 57]. Модель также предусматривает новый формат структуры государственных и региональных программ Российской Федерации – развитие программно-целевого и проектного методов в государственном управлении, суть которого состоит в разработке и реализации системы мер, ориентированных на достижение конкретных целей и решение соответствующих им задач, обеспеченных необходимой ресурсной базой.

Актуальность разработки новых собственно научных методологических подходов применительно к стратегическому управлению правоохранительной сферой связана с происходящими фундаментальными изменениями в ее окружении (прямыми, косвенными и фоновыми факторами внешней среды) и соответствующими данному окружению изменениями в структуре и динамике преступности как основному объекту воздействия (противодействия) рассматриваемой сферы. Проведенные с использованием современных методов стратегического анализа социологические исследования правоохранительной сферы и ее характеристик [4, с. 12] выявили значение ее неопределенности, близкое к пороговому, после которого стратегическое управление в привычном варианте, основанном на целеполагании, возможно на основе применения новых технологий ситуационного управления. По существу, речь идет о необходимости методологического обеспечения управления правоохранительной сферой путем решения стратегических задач, управления по слабым сигналам в условиях неожиданностей и других технологий.

Следует заметить, что методология управления предприятиями в условиях высокой степени неопределенности внешней среды находится в стадии формирования. При исследовании данных процессов в качестве методологической основы используется концепция неопределен-

ности в управлении социально-экономическими системами. Ее основной вывод – «не может быть какого-либо универсального подхода к решению стратегических задач предприятия в условиях влияния различных по значимости, уровню и характеру воздействия факторов» [14, с. 1015]. Перекладывая данную концепцию на правоохранительную сферу, при управлении ее развитием необходимо не только учитывать системные изменения в окружающих ее системах (политической, социально-экономической, социально-культурной, идеологической), но и активно противодействовать преступности, которая также является системным явлением и тоже зависит, приспосабливается, изменяется в зависимости от факторов внешней среды. С точки зрения концепции неопределенности управление правоохранительной сферой можно представить как фундаментальную систему мониторинга внешней среды, принятия ситуационных управленческих решений и стратегий, направленных на развитие ее ресурсного потенциала. Таким образом, в качестве методологической основы современной теории стратегического управления развитием правоохранительной сферы возможно сочетание программно-целевого, проектного, ситуационного и ресурсного подходов.

Управление на основе стратегии (стратегий) в условиях нестабильной внешней среды позволяет достигать главных целей развития правоохранительной сферы путем целенаправленного изменения ее ресурсного потенциала (административного, информационного, кадрового, технологического, инновационного, институционального и др.) с учетом их необходимого состояния и требуемого уровня развития.

Учитывая фактор нестабильности, в силу наличия как постоянных (системообразующих) категорий, так и переменных (ситуационных) критериев, характеризующих правоохранительную сферу, целесообразно придерживаться простого и содержательного подхода к определению стратегии как «системы целей, принципов, приоритетов, ресурсов и совокупности конкретных действий, ведущих к долгосрочному превышению уровня результативности деятельности над базовым уровнем» [14, с. 1021].

С позиции программно-целевого и проектного управления управление развитием правоохранительной сферы можно рассматривать как процесс планового перевода, в том числе путем реализации конкретных проектов, в новое качественное состояние, которое предпо-

лагает укрепление ее ресурсного потенциала и повышение способности достигать наиболее существенных (эффективных и адекватных ситуации) результатов по тем или иным значимым критериям обеспечения прав и законных интересов граждан, общественной безопасности и противодействия преступности.

Таким образом, оптимальное сочетание программно-целевого, проектного, ситуационного и ресурсного методов образует методологическую основу теории современного стратегического управления правоохранительной сферой, позволяя выстраивать различные модели для решения конкретных стратегических задач, и является одним из основных направлений исследования в теории управления развитием правоохранительной сферы, составляя важную часть ее методологических основ.

Таким образом, методологические основы теории управления развитием правоохранительной сферы носят прикладной характер и направлены на практическую реализацию следующих задач: 1) научное обоснование формирования государственной политики и правового регулирования в данной области государственного управления; 2) развитие потенциала правоохранительных и судебных органов и консолидации их усилий по защите конституционных прав и свобод граждан, обеспечению общественной безопасности и противодействию преступности; 3) развитие институтов государства и гражданского общества и их взаимодействия с целью повышения эффективности управления развитием правоохранительной сферы; 4) определение оптимального сочетания программно-целевого, проектного, ситуационного, ресурсного и иных научных методов при построении моделей для решения конкретных задач стратегического управления правоохранительной сферой.

Данные методологические основы являются исходными положениями и позволяют вести речь о возможности формирования новой теории – теории управления развитием правоохранительной сферы как важнейшего научного инструментария для исследования процессов и явлений, связанных с защитой конституционных прав и свобод граждан, обеспечением общественной безопасности и противодействием преступности. Предложенные методологические подходы позволяют более полно и объективно подойти к исследованию сущности теории и методологии управления развитием правоохранительной сферы и его правового регулирования.

Список литературы:

1. Алексеев С. С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999. 712 с.
2. Аврутин Ю. Е. Перспективы формирования государственной политики в сфере организационно-правового строительства системы МВД России: доктринальные основания и формы реализации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2016. № 3. С. 58–73.
3. Аникин В. Н. Правоохранительная сфера как объект стратегического управления и развития в Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. № 4 (68). 2023. С. 46–59.
4. Аникин В. Н. Стратегический анализ правоохранительной сферы и основные направления ее развития в Российской Федерации // Государственное управление в правоохранительной сфере : сборник научных статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. / под науч. ред. А. М. Кононова. М., 2023. С. 8–13.
5. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : учебник. М., 2010. 525 с.
6. Афанасьев В. Г. Научное управление обществом: опыт системного исследования. М., 1968. 391 с.
7. Клейнер Г. Б. Проблемы стратегического государственного планирования и управления в современной России // Стратегическое планирование и управление : материалы круглого стола. М., 2011. С. 5–37.
8. Малько А. В. О концепции правовой политики в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2001. № 2. С. 174–177.
9. Малько А. В., Нырков В. В. Методологические основы формирования концепции правоохранительной политики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 34–37.
10. Малько А. В., Шундииков К. В. Правовая политика современной России: цели и средства // Государство и право. 2001. № 7. С. 13–17.
11. Махинин В. И. Основы управления в органах безопасности : учебник. М., 2001. 184 с.
12. Механизмы и формы самоорганизации и саморазвития : монография / под науч. ред. А. В. Молодчика. Пермь, 2019. 254 с.
13. Мильнер Б. З. Теория организации : учебник. М., 2021. 848 с.
14. Осипов В. А., Красова Е. В., Вичковский Н. А. Современные подходы к стратегическому управлению на предприятии в условиях

References:

1. Alekseev S. S. Pravo. Opyt kompleksnogo issledovaniya. M., 1999. 712 s.
2. Avrutin Yu. E. The prospects of forming of state policy in the sphere of an organization-legal construction of system of the ministry of internal affairs of Russia: doctrinal bases and of realization // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2016. № 3. P. 58–73.
3. Anikin V. N. The law enforcement sphere as an object of strategic management and development in the Russian Federation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. № 4 (68). 2023. P. 46–59.
4. Anikin V. N. Strategicheskij analiz pravooxranitel'noj sfery i osnovnye napravleniya ee razvitiya v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennoe upravlenie v pravooxranitel'noj sfere : sbornik nauchnyh statej po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. / pod nauch. red. A. M. Kononova. M., 2023. S. 8–13.
5. Atamanchuk G. V. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya : uchebnik. M., 2010. 525 s.
6. Afanas'ev V. G. Nauchnoe upravlenie obshchestvom: opyt sistemnogo issledovaniya. M., 1968. 391 s.
7. Klejner G. B. Problemy strategicheskogo gosudarstvennogo planirovaniya i upravleniya v sovremennoj Rossii // Strategicheskoe planirovanie i upravlenie : materialy kruglogo stola. M., 2011. C. 5–37.
8. Mal'ko A. V. On the concept of legal policy in the Russian Federation // Legal policy and legal life. 2001. № 2. P. 174–177.
9. Mal'ko A. V., Nyrkov V. V. Methodological basis for the development of the concept of law-enforcement policies // Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 1 (12). P. 34–37.
10. Mal'ko A. V., SHundikov K. V. The legal policy of modern Russia: goals and means // State and Law. 2001. № 7. P. 13–17.
11. Mahinin V. I. Osnovy upravleniya v organah bezopasnosti : uchebnik. M., 2001. 184 s.
12. Mekhanizmy i formy samoorganizacii i samorazvitiya : monografiya / pod nauch. red. A. V. Molodchika. Perm', 2019. 254 s.
13. Mil'ner B. Z. Teoriya organizacii : uchebnik. M., 2021. 848 s.
14. Osipov V. A., Krasova E. V., Vichkovskiy N. A. Current approaches to strategic management in a company amidst uncertainty // Leadership and management. 2022. № 4. P. 1015–1032.
15. Raspopov V. M. Upravlenie izmeneniyami : uchebnoe posobie. M., 2008. 336 s.

- неопределенности // *Лидерство и менеджмент*. 2022. № 4. С. 1015–1032.
15. *Распопов В. М.* Управление изменениями : учебное пособие. М., 2008. 336 с.
16. *Сулакшин С. С., Погорелов М. Ю., Релин И. В.* Источники и основания государственных политик в России : монография. М., 2010. 224 с.
17. *Тамбовцев В. Л., Рождественская И. А.* Теория стратегического планирования: институциональный подход // *Terra Economicus*. 2020. Т. 18. № 2. С. 22–48.
18. Теория управления в сфере правоохранительной деятельности : учебник / под ред. В. Д. Малкова. М., 1990. 324 с.
16. *Sulakshin S. S., Pogorelov M. YU., Relin I. V.* Istochniki i osnovaniya gosudarstvennyh politik v Rossii : monografiya. M., 2010. 224 s.
17. *Tambovtsev V. L., Rozhdestvenskaya I. A.* Strategic planning theory: an institutional perspective // *Terra Economicus*. 2020. T. 18. № 2. P. 22–48.
18. *Teoriya upravleniya v sfere pravoohranitel'noj deyatel'nosti : uchebnik / pod red. V. D. Malkova.* M., 1990. 324 s.

Для цитирования:

Аникин Виктор Николаевич. Методологические основы теории управления развитием правоохранительной сферы // *Труды Академии управления МВД России*. 2024. № 4 (72). С. 8–21.

For citation:

Anikin Viktor Nikolaevich. Methodological Foundations of the Theory of Law Enforcement Development Management // *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. № 4 (72). P. 8–21.

Попов Виктор Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права и
государства,
Волгоградская академия МВД России,

Российская Федерация, 400075, Волгоград,
ул. Историческая, д. 130

ORCID 0009-0003-6659-8092

E-mail: lkj5@mail.ru

Научная специальность:

5.1.1 Теоретико-исторические правовые науки

Viktor Viktorovich Popov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of Law and State,
Volgograd Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia,
Russian Federation, 400075, Volgograd,
Istoricheskaya St., 130

ORCID 0009-0003-6659-8092

E-mail: lkj5@mail.ru

Scientific speciality:

5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

УДК 340.132.1

DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-22-32

Дата поступления статьи: 9 сентября 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 24 декабря 2024 г.

Онтологический статус субъективного права: некоторые проблемы теоретической реконструкции

The Ontological Status of Subjective Law: Some Problems of Theoretical Reconstruction

Аннотация

Актуальность защиты суверенитета нашего государства посредством обеспечения национальной безопасности предполагает применение самого широкого спектра мер, в число которых входит и юридическая деятельность. Особое место здесь занимает научное обеспечение совершенствования данной деятельности. Подобное совершенствование актуализирует проблему парадокса правового регулирования, когда его эффективность зачастую не вполне высока, хотя правовая система является целеориентированной и конструируется на началах системности и рациональности. При этом усилия государства по совершенствованию правовой политики включают в себя комплекс мер по дальнейшему повышению рационализации законодательства. Однако данные усилия зачастую не приводят к ожидаемым результатам, в том числе и в силу отражения в правосознании адресатов правовых предписаний более общей проблемы легитимности не только государства, но и права. Фундамент подобной легитимности выстраивается не только юридической практикой, но и юридической теорией. Это предопределяет потребность в уста-

Abstract

The *relevance* of protecting the sovereignty of our state through ensuring national security involves the use of a wide range of measures, including legal activities. And a special place here is occupied by scientific support for the improvement of this activity. Such improvement actualizes the problem of the paradox of legal regulation, when its effectiveness is often not quite high, although the legal system is goal-oriented and is constructed on the basis of consistency and rationality. At the same time, the State's efforts to improve the effectiveness of legal policy include a set of measures to further improve the rationalization of legislation. However, these efforts often do not lead to the expected results, including due to the reflection in the legal consciousness of the addressees of legal prescriptions of the more general problem of legitimacy not only of the state, but also of law. The foundation of such legitimacy is built not only by legal practice, but also by legal theory. This determines the need to establish a solid rational, logical framework for the theoretical reconstruction of subjective law. The practical relevance of such an approach lies in the fact that it will allow, on the basis of strict scientific rationality, to consider the

новлении прочного рационального, логического каркаса для теоретической реконструкции субъективного права. Практическая востребованность подобного подхода состоит в том, что это позволит на началах строгой научной рациональности рассмотреть подлинный потенциал регулятивной природы субъективных прав не только в формально-юридическом аспекте, но и в аспекте социально-психологического механизма мотивационной, информационной, воспитательной и прочих сторон действия права.

Это окажет существенную помощь в противодействии влиянию деструктивных политико-прагматических контекстов интерпретации юридической деятельности, поскольку такие контексты являются частью идеологического сопровождения реализации западной либеральной модели глобализации, представляющей прямую угрозу национальной безопасности России. Правильное использование идеологического потенциала субъективного права позволит укрепить юридические начала российской государственности.

Постановка проблемы: анализ содержания многочисленных научных работ по исследованию субъективных прав позволяет увидеть целый ряд неточностей, что существенно затрудняет построение научно-теоретических моделей возникновения, функционирования и развития субъективных прав. Основой преодоления данных ошибок и неточностей является корректное выявление онтологического статуса субъективных прав.

Цель исследования заключается в определении элементов научной концепции онтологического статуса субъективных прав, позволяющей корректно определить закономерности их происхождения, функционирования и развития, проявляющиеся при разделении прагматического и семантического аспектов их анализа с учетом различения объектного и метаязыка права.

Методы исследования: совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания, описание и интерпретация; теоретические методы формальной и модальной логики.

Результаты и ключевые выводы: онтологический статус субъективных прав целесообразно понимать не столько как меру (в силу недостаточной определенности данного понятия и многозначности его толкования), возможность/меру возможного поведения (в силу возникающих при этом противоречий юридического, диалектического и алетического характера), некое состояние (в силу слабой определенности данного понятия), волю/волевую мощь (в силу возникающих при этом противоречий юридического характера), интерес (субъективное право имеет к интересу

true potential of the regulatory nature of subjective rights not only in the formal legal aspect, but also in the aspect of the socio-psychological mechanism of motivational, informational, educational and other aspects of the operation of law.

Such a framework will provide significant assistance in countering the influence of destructive political and pragmatic contexts of interpretation of legal activity, since such contexts are part of the ideological support for the implementation of the Western liberal model of globalization, which poses a direct threat to Russia's national security. The correct use of the ideological potential of subjective law will strengthen the legal foundations of Russian statehood

The problem statement: the analysis of the content of numerous scientific papers on the study of subjective rights allows us to see a number of inaccuracies and even errors, which significantly complicates the construction of scientific and theoretical models of the emergence, functioning and development of subjective rights. The basis for overcoming these errors and inaccuracies is the correct identification of the ontological status of subjective rights. The purpose of the study is to determine the foundations of the scientific concept of the ontological status of subjective rights, which allows us to correctly determine the patterns of their origin, functioning and development, manifested when separating the pragmatic and semantic aspects of their analysis, taking into account the distinction between the object and metalanguage of law. Methodology: a set of general scientific and private scientific methods of cognition, description and interpretation; theoretical methods of formal and modal logic.

The purpose of the study is to determine the foundations of the scientific concept of the ontological status of subjective rights, which allows us to correctly determine the patterns of their origin, functioning and development, manifested when separating the pragmatic and semantic aspects of their analysis, taking into account the distinction between the object and metalanguage of law.

Research methods: a set of general scientific and private scientific methods of cognition, description and interpretation; theoretical methods of formal and modal logic.

Results and key conclusions: it is advisable to understand the ontological status of subjective rights not so much as (a) a measure (due to the lack of certainty of this concept and the ambiguity of its interpretation), not so much as (b) a possibility (due to the contradictions of a legal, dialectical and aletic nature that arise in this case), not so much as (c) as a certain state (due to weak certainty of this concept), not so much (d) as will /volitional power (due to the legal contradictions that arise in this case), not so much as (e) interest

прямое отношение, но скорее в аспекте цели, а не характеристики данного права), но именно как высказывания определенного рода. Данные высказывания было бы верно относить не к описательным (дескриптивным), но к оценочным высказываниям. Дальнейший научный поиск в указанном контексте было бы правильно вести в определении того, к каким именно оценочным высказываниям следует относить субъективные права.

Ключевые слова: субъективные права; мера возможного поведения; нормы *de re*; нормы *de dicto*; субъективное право как воля; субъективное право как интерес; субъективные права как высказывания.

(subjective law has a direct relationship to it, but rather in the aspect of the purpose, and characteristics of this right), but precisely as statements of a certain kind of. It would be correct to refer these statements not to descriptive, but precisely to evaluative statements. Further scientific research in this context would be correct to conduct in determining which evaluative statements should include subjective rights.

Keywords: subjective rights; measure of possible behavior; norms *de re*; norms *de dicto*; subjective law as will; subjective law as interest; subjective rights as statements.

Современная общетеоретическая юридическая наука иногда предлагает модели возникновения, функционирования и развития государственно-правовых явлений, которые зачастую не позволяют в требуемой мере осуществлять такие функции научной теории, как описание, объяснение и прогноз ни для совершенствования, ни для осуществления юридической деятельности, особенно в контексте включенности такой деятельности в государственное управление. Одной из причин такого положения вещей является присущая теории государства и права проблема сочетания, с одной стороны, научного, логического, а с другой — скорее политико-идеологического подходов к изучению предмета исследования. Логический подход, который отражает семантический аспект научного анализа исследуемых проблем, в большей степени призван составлять содержание гносеологической функции общетеоретической юридической науки, иногда приносится в жертву фактическому господству политико-идеологической функции, отражающей скорее прагматический аспект анализа исследуемой научной проблематики.

Подобная жертва если и не оправдываема, то по меньшей мере объяснима, поскольку в юридической науке проблематика субъективных прав относится к одной из наиболее идеологизированных и политизированных, в том числе в силу довольно тесной связи субъективных прав с различными концепциями прав человека. Например, Н. И. Матузов [11], Ф. М. Рудинский [14] и некоторые иные ученые называют права человека разновидностью субъективных прав. Идеи же прав человека теснейшим образом связаны с естественно-правовым подходом к пониманию права. Именно данному подходу, претендующему в контексте как

объектного, так и метаязыка права на роль универсального мерил легитимности государства и права, нередко присущ выбор средств познания, выражающих скорее политико-прагматическую, нежели логическую интерпретацию государственно-правовых явлений, когда «научно-авторитетная терминология» соотносится с озаглаваемым логически произвольным, но политически «удобным» образом.

Для того чтобы корректно разрешить вопрос о наличии и преодолении разрыва между «двумя реальностями», с одной стороны, нормами права, с другой — субъективными правами, правами человека, свободой и справедливостью [13, с. 77], действительно требуется концептуальный подход. В этой связи можно согласиться с исключительной важностью поиска онтологических оснований права [13, с. 77], хотя не в смысле поворота «от логики к онтологии» [13, с. 77].

Вопрос о бытии субъективных прав как таковых в юридической науке принято решать по-разному. В частности, можно выделить идею о том, что субъективное право есть воля определенного содержания [6, с. 456], юридически защищенный интерес [6, с. 456], одновременно и воля и интерес (например, «субъективное право есть признанная и защищенная правовым порядком волевая мощь человека, направленная на какое-либо благо или интерес» [22, с. 44]).

Оценивая данные подходы, можно согласиться с мнением Г. Ф. Шершеневича о том, что, определяя субъективное право через волю, мы будем вынуждены «отвергнуть субъективное право за теми, кто не обладает сознательной волей, как малолетние, сумасшедшие, между тем как все законодательства признают за ними права» [19, с. 58]. Г. Ф. Шершеневич также прав

и в том, что теория интереса не вполне пригодна, поскольку обеспечение интереса является целью права (обеспечение интереса), но не его характеристикой как такового [19, с. 59].

Л. Л. Герваген указывает, что субъективное право – это «состояние члена какого-либо союза» [7, с. 62], «правовое состояние» [7, с. 86], «субъективное состояние» [7, с. 86]. Предлагаемая характеристика («состояние») представляется также не слишком удачной, поскольку требует специального определения термина «состояние» применительно к юридической науке, так как в противном случае весьма затруднительно определить даже то, какой аспект реальности наибольшим образом отражает субъективное право – материальный или информационный, о чем более подробно будет сказано далее.

Весьма распространенной является характеристика субъективного права через меру. Одним из первых это сделал Д. И. Мейер, написавший, что «правом называется мера свободы живущего в обществе лица; мера, в пределах которой оно может совершать известные действия и должно воздерживаться от совершения известных действий» [12, с. 253].

В данной связи отметим, что термин «мера» вряд ли можно отнести к интуитивно понятным. Нет легальной дефиниции термина «мера», не является данное понятие четко определенным в юридической науке. В целом можно увидеть, что посредством термина «мера» чаще всего принято характеризовать некие количественные и качественные параметры описываемого объекта, а применительно к юридической науке также и некие границы. В данной связи следует обратить внимание на то, границы чего именно и составляет мера.

Чаще всего как в общетеоретической, так и в отраслевой юридической науке речь принято вести о мере поведения. Однако важно сделать оговорку: о возможности применительно к субъективным правам речь допустимо вести по отношению к весьма различным аспектам характеристики субъективных прав. В юридической науке чаще всего речь идет о том, что субъективное право – это мера именно возможного поведения. Такой подход представляется спорным хотя бы потому, что в юридических контекстах речь иногда идет о возможном поведении, которое вовсе не относится к субъективным правам, например о возможностях пользоваться или распоряжаться похищенным имуществом¹. Возражение о том, что это не общественно по-

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 : в ред. от 15 декабря 2022 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.07.2024).

лезная возможность, легко парировать указанием, например, на возможность обнаружения водителем опасности², возможности избежать опасности³ и т. д. Возражение о том, что это законодательно не закрепленная возможность, легко опровергнуть тем, что, во-первых, эти указания на возможное поведение фактически являются толкованием именно правовых норм, при том что в нормах права субъективные права во многих случаях формулируются вовсе не как меры возможного поведения, и, во-вторых, согласно некоторым правовым концепциям субъективные права существуют до их признания и законодательного закрепления.

Если же отталкиваться не от конкретных примеров из юридической практики, но от теоретических возражений (что не менее значимо в контексте становления и (или) укрепления заслуженного авторитета юридической науки), то можно увидеть следующие трудности. Нередко мера описывается как некая граница возможного поведения. При этом сама идея о возможности некоего поведения является переносом некоторых положений диалектической логики в юриспруденцию, что само по себе вполне допустимо, поскольку неправильно говорить о том, что у юридической науки нет или не должно быть философских оснований.

Если проанализировать то, как понимается возможность в советской и некоторых постсоветских версиях интерпретации диалектики, то мы увидим, что возможность противопоставляется действительности. Как видно, речь идет о некой характеристике реальности, в нашем случае – об описании социальной реальности. Это характеристика будущего состояния реальности, описание тех социальных процессов, которые наступят. Это характеристика того поведения людей, которое еще не наступило, ибо то, что уже существует, в диалектике указанной интерпретации характеризуется как действительность. Действительность в данном случае является актуальным поведением, а так называемое возможное поведение – это лишь потенциальное поведение. Иными словами, возможное и действительное – это актуальное и потенциальное состояние реальности. Именно поэтому А. П. Шептулин называл возможность потенциальной действительностью [18, с. 352].

² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 : в ред. от 25 июня 2024 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.07.2024).

³ Постановление Шаховского районного суда от 11 сентября 2011 г. № 1-42/2020 по делу № 1-42/2020 // Судебные и нормативные акты РФ : офиц. сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/eQGQWJlqQmgK/> (дата обращения: 27.07.2024).

И в юридической науке, говоря о возможном поведении, фактически описывают такой исключительно важный аспект правовой жизни, как динамика соотношения между замыслом (законодателя) и его осуществлением (реализацией права). В этом аспекте совершенно прав Н. И. Матузов, когда он пишет, что «наиболее наглядно взаимосвязь возможности и действительности выражается в правотворчестве, законах и иных нормативных актах, субъективных правах и обязанностях» [11, с. 18].

Соответственно, когда в названных версиях интерпретации диалектики речь идет об абстрактной и конкретной возможностях, то это, по сути, характеристики степени вероятностной предопределенности того, что потенциальное воплотится в актуальное (реальное), хотя термины «абстрактное» и «конкретное» здесь понимаются вовсе не в универсальном, общенаучном, но в довольно специфическом смысле. В силу этого в названных версиях интерпретации диалектики маловероятный сценарий реализации социальных процессов именуется абстрактной возможностью, а высоковероятный – возможностью конкретной. Однако такой подход к характеристике субъективного права вряд ли можно признать удачным по причине целого ряда ошибок и неточностей.

Возможность в ее специфической диалектико-онтологической интерпретации как некой характеристики потенциального состояния определенного фрагмента универсума не вполне приемлема для построения теоретической модели субъективного права, поскольку нам как раз и требуется онтологическая характеристика субъективного права именно как актуальной реальности. На это совершенно правильно и обращает внимание Н. И. Матузов, говоря, что субъективные права существуют как действительность [11, с. 31].

Далее, выражение «мера возможного» поведения даже при понимании возможности не в универсальном, но в специфическом в контексте советской интерпретации диалектики будет корректным лишь по отношению к поведению, которого еще нет. Если же реализация права имеет место быть, то по отношению к этой реализации, т. е. к осуществившемуся, к действительному поведению людей, уже некорректно говорить о мере возможного поведения. Подчеркнем: речь не идет о попытке включить саму реализацию субъективного права в его структуру, как от этого правильно предостерегает Н. И. Матузов – «реальные действия субъектов как участников правоотношений нельзя включать в содержание субъективного права» [11, с. 27]. Но речь идет лишь о том, что в связи с совершением акта реализации (в форме использования права) появляется новое от-

ношение субъективного права к его реализации. По отношению к этому акту использования права субъективное право будет уже мерой именно действительного, но вовсе не возможного поведения.

Иными словами, могут иметь место две характеристики субъективного права:

а) если субъективное право в силу любых причин не реализуется, то по отношению к такому бездействию (не правовому бездействию в смысле реализации запрета, т. е. не к бездействию в смысле соблюдения права, но в смысле отсутствия использования права) данное право будет мерой именно возможного поведения, что семантически вроде бы и верно, но в прагматическом аспекте «неудобно», ибо плохо согласуется с политико-идеологически важной идеей о реализуемости права, поскольку нереализуемая норма права становится «пустышкой» [11, с. 29];

б) если же субъективное право уже реализуется, то по отношению к такому акту использования субъективного права данное право будет уже мерой именно действительного поведения, что явно не соответствует ранее предложенному определению.

Пытаясь как-то обойти данную теоретическую проблему, Н. И. Матузов указывает, что в данном случае возможность сливается с действительностью в «диалектическом единстве» [11, с. 30], а на ожидаемое возражение со стороны ряда ученых (Н. В. Витрук, Г. В. Мальцев, В. А. Патюлин, П. М. Рабинович и др.) замечает, что указанные авторы понимают возможное и действительное «излишне прямолинейно» [11, с. 30].

В действительности же здесь правы обе стороны. Н. И. Матузов прав в том, что он делает вполне последовательный (при таком специфическом толковании возможности) вывод о слиянии возможности с действительностью, хотя при этом ученый иногда смешивает действительность бытия норм и действительность соответствующего поведения.

Но возражающие этой точке зрения правы в том, что подобный подход не соответствует определенному «диалектическому канону» – специфическому толкованию диалектики.

Если использовать терминологию Н. И. Матузова, устраняя при этом отдельные неточности относительно действительности бытия норм и действительности соответствующего поведения, то мы получим следующие определения субъективного права.

1. Если имеет место акт реализации субъективного права в форме его использования, то по отношению к такому поведению субъективное право будет существующей в действительности мерой действительного поведения.

Хотя Н. И. Матузов прямо указывает на то, что субъективное право — это мера лишь возможного, но не действительного поведения [11, с. 26].

У такого определения (существующая в действительности мера действительного поведения) есть два серьезных изъяна. Первый заключается в том, что так можно характеризовать не только субъективные права, но также юридические обязанности и запреты, поскольку при законопослушном поведении исполнение обязанности и соблюдение запрета делает их предписание именно мерой действительного поведения (по отношению именно к этим актам реализации права).

Но тогда нельзя утверждать, что предоставленное определение пригодно для такой характеристики субъективного права, которая отличала бы его от юридических обязанностей и запретов, хотя само приведенное определение совершенно логично выстроено в рамках «канона диалектической логики».

Второй изъян заключается в том, что данное определение не показывает, где есть правовое предписание, поскольку нет ни прямого логического перехода (логической выводимости) от понятия «мера» к понятию «предписание» (в том числе «норма»), ни взаимной определенности понятий «мера» и понятия «предписание» (в том числе «норма»).

2. Если использование субъективного права (в силу любых причин) не происходит, то по отношению к такому бездействию субъективное право будет существующей в действительности мерой (конкретно) возможного поведения.

У такого определения также есть серьезные изъяны. Первый соответствует изъяну первого определения и заключается в том, что так можно характеризовать не только субъективные права, но также юридические и запреты, поскольку при правомерном поведении соблюдение запрета делает его предписание именно мерой возможного поведения, так как при соблюдении запрета запрещенное поведение как раз и не совершается. Кроме того, точно так же можно характеризовать и правовые обязанности, которые не исполняются адресатами.

Но тогда нельзя утверждать, что это определение пригодно для характеристики субъективного права, поскольку оно не позволяет отличать субъективное право от юридической обязанности или запрета. Более того, приведенное определение в одних случаях (с правами и обязанностями) характеризует отсутствие их реализации, а в других (с запретами) — наоборот, наличие их соблюдения.

Второй изъян второго определения заключается в том, что мы отступаем от универсального толкования понятия «возможность» без достаточных на то оснований. Однако даже при том,

что используется специфически толкуемое понятие «возможность», мы одновременно отступаем от тех потенциальных преимуществ, которые и предполагается достигнуть ради отступления от универсального толкования данного понятия, а именно:

а) в юридической науке абстрактность одновременно понимается как универсально, так и строго специфически — для характеристики возможности именно в ее диалектической, а не алетической интерпретации. Универсальная интерпретация термина «абстрактный» является в случае с определением субъективного права совершено правильной, поскольку именно формулировка текста нормы права при помощи абстрактных понятий (т. е. не конкретных, не казуистических) как раз и отличает современную правовую норму от более ранних казуистических норм и современную правовую норму от индивидуального правового предписания;

б) но если мы, следуя совершенно правильной универсальной интерпретации абстрактности, характеризуем субъективное право именно как абстрактную возможность, то это в специфической диалектической интерпретации абстрактности подразумевает чрезвычайно малую вероятность реализации субъективных прав. Это вряд ли удачная мысль. Можно согласиться с точкой зрения, например, М. В. Вишняка о том, что «всякое право в одинаковой мере предполагает и юридическое признание, и фактическую реализацию. Не будучи реализуемо, право отмирает, не будучи признано, оно не существует» [4, с. 73]; с идеей Г. Кельзена о том, что нереализуемые нормы права вообще перестают считаться нормами права [23, с. 211]; суждением Н. И. Матузова о том, что нереализуемая норма права становится «пустышкой» [11, с. 29], и т. д.

Третий изъян приведенного определения является методологическим и заключается в том, что если в ходе дальнейшего рассуждения вводится такой контекст, в котором происходит слияние тех понятий, которые формулируются как парные в своей противоположности (в данном случае возможное (в смысле потенциальное) и действительное (в смысле актуальное, осуществленное, реализованное и т. д.)), то такой контекст нивелирует более общий, концептуальный, который и призван быть единым методологическим основанием всех соответствующих частных контекстов. Это своего рода внутреннее противоречие, что неприемлемо для построения научных теорий.

Если попытаться толковать возможность как вероятность, что фактически иногда и делает Н. И. Матузов, то можно увидеть, что это в целом приемлемо в том смысле, что субъективное право действительно может повышать сте-

пень вероятности превращения потенциально-го в актуальное. Однако это тоже проблематичное толкование, поскольку:

а) это специфическая функциональная характеристика субъективного права, но не идентифицирующая, не уникальная характеристика, потому что она в полной мере применима к правовым запретам и обязанностям, ибо они точно так же могут являться факторами, повышающими вероятность осуществления определенного поведения или воздержания от него;

– это хоть и не точная, но именно специфическая функциональная характеристика субъективного права, которая не будет отвечать на фундаментальный вопрос о том, что есть бытие субъективного права.

Именно поэтому столь важно корректно определить онтологический статус субъективных прав. При этом думается, что поиск сферы бытия данных прав было бы верно начинать не с материального мира, но с мира информации, т. е. субъективные права являются проявлением объективной реальности в ее информационном аспекте. Автор вслед за Н. Виннером относит информацию к одной из фундаментальных основ мироздания.

Подчеркнем, что такой подход не означает некое противопоставление материи и информации, ведущее к постановке и/или актуализации так называемого основного вопроса в некоторых философских концепциях. В таком подходе есть лишь стремление подчеркнуть, что, будучи проявлением единой реальности (например, в силу взаимосвязи информации и ее материального носителя), материя и информация все же выражают различные аспекты проявления этой реальности.

Отнесение субъективного права к информационному аспекту реальности достаточно серьезно обосновано тем, что, несмотря на различия между концептуальными воззрениями на то, что такое право, довольно трудно отрицать то обстоятельство, что практически все направления правопонимания в той или иной мере признают в праве его информационную составляющую: «Право есть не что иное, как определенная система информации, а правовое регулирование – движение информации» [17, с. 5]. Иными словами, связь права и информации неразрывна.

В силу сказанного, независимо от того, сколько и каких правомочий принято выделять в структуре субъективного права, как сами эти правомочия, так и субъективное право в онтологическом аспекте следует рассматривать как проявление именно информационного аспекта реальности, как информации. И хотя вопрос о том, что есть суть информации, является не тривиальным [15, с. 295; 20, с. 432] и многогран-

ным, а утверждение о том, что «мы можем добраться до мысли только через слова (никто еще пока не изобрел другого способа)» [3, с. 293], представляется неким преувеличением потенциала лексических форм информационного обмена, все же информационный аспект бытия субъективного права считаем вполне приемлемым рассмотреть через одну из граней такого сложного понятия как, «информация». Это будет рассмотрение информационного аспекта онтологии субъективных прав через отнесение их именно к языковым конструкциям.

Именно поэтому можно согласиться с тем, что язык в праве «является единственным материалом, первоэлементом, из которого создаются и оформляются все правовые категории» [16, с. 15]. Язык как определенная семиотическая (знаковая) система – это и своеобразная форма бытия, «носитель права» и важнейшее средство передачи правовой информации. Если при этом учесть, что информацию невозможно отделить от такого способа ее кодировки (выражения), как языковые конструкции, высказывания, то вопрос об информационном статусе субъективных прав вполне допустимо интерпретировать как вопрос о том, какое это высказывание, а ответ искать исходя из различий между видами высказываний.

Если рассматривать бытие субъективных прав как бытие информации, которая существует в форме определенных высказываний, то это позволяет переводить такую политически ангажированную проблему, как естественность генезиса субъективных прав, в достаточно приемлемую для «политически нейтрального» анализа логико-семантическую плоскость. Это проблематика выводимости данных прав как неких высказываний при помощи логического анализа. Накопленный научно-методологический потенциал логико-философских знаний предполагает недопустимость выведения информационного аспекта некоего феномена из физического аспекта его бытия. Строгий научный подход, свободный от «партийности науки», позволяет осуществлять выведение информации лишь из информации, причем только в определенных случаях.

Конечно, между материальными и информационными аспектами бытия неких явлений определенная связь существует. Например, помимо того, что информация всегда имеет определенный материальный носитель, указанная связь проявляется и в аспекте воздействия мира на слово, т. е. в том, что материальные аспекты бытия мира могут быть отражены в соответствующих высказываниях. Но такая связь не означает наличия некой выводимости, поскольку выводимость присуща именно высказываниям как информационным феноменам. Иными сло-

вами, ни из природы вещей, ни из природы человека, ни из какой-либо иной природы, если понимать данную природу как проявление материального аспекта бытия реальности, какие-либо иные субъективные права как особые информационные феномены не исходят.

Корректное решение проблемы происхождения субъективных прав в аспекте их выводимости требует приведения как самих этих прав, так и фрагмента реальности, который принято относить к истокам их генезиса, причем генезиса «естественного» (в противопоставлении волевому), к определенному общему «онтологическому знаменателю». В данном случае таким знаменателем будет являться информационный аспект проявления реальности, представленный в форме высказываний.

Говоря о таких высказываниях, заметим, что в языке принято выделять несколько функций и общепринятым является выделение информативной функции для описания некоего положения дел посредством определенных суждений, могущих принимать значение «истинно» или «ложно» (в данном случае эти значения интерпретируются исключительно в контексте классической концепции истины). И хотя такая функция является весьма важной, все же есть и иные функции языка.

При использовании такой гносеологической дихотомии, как выделение объекта и субъекта познания в совокупности с привязкой информации к языку, а языка к его носителю, можно увидеть два таких фундаментальных явления, как воздействие слова на мир и мира на слово. Этот подход предопределяет различие в логике, теории аргументации и философии двух таких фундаментальных употреблений языка, как описание и оценка. Этим функциям языка соответствуют такие виды суждений, как описательные и оценочные, что признается как в логико-философской [9], так и в лингвистической литературе [1]. Указанная дихотомия проявляется и в юридической сфере, что отмечает, например, Г. С. Иваненко [8].

Указание некоторыми учеными на факт смешения описаний и оценок [5, с. 13] верен, но лишь отчасти, поскольку строгий научный контекст анализа употреблений языка позволяет довольно четко различать семантический и прагматический аспекты высказываний именно с учетом исходного и фундаментально-го противопоставления описаний и оценок.

Однако в специальной литературе иногда встречается точка зрения о такой допустимости слияния оценок и описаний, при которой утверждается, что между ними фактически существует определенного рода выводимость, получаемая в ходе замещения логического тождества аксиологическим равенством [9]. Такой

подход все же представляется хоть и оригинальным, но не вполне верным, поскольку думается, что в таких случаях речь идет о смешении дескриптивных высказываний с эпистемическими, а также эпистемических высказываний как таковых с оценкой этих эпистемических высказываний.

Важность различения приведенных высказываний предопределяется важностью корректного определения информационного статуса субъективных прав: относятся они к высказываниям оценочного либо же описательного характера.

Если относить субъективные права к дескриптивным (описательным) высказываниям, то это позволит увидеть естественность генезиса некоторых из них в необходимости следования одних высказываний из других в ходе логической выводимости. В таком случае появляются строгие основания относить данные права к естественным как минимум в контексте естественного характера выводимости этих прав.

Однако возникает вопрос о правильности отнесения субъективного права к описательным высказываниям. На первый взгляд, для этого существуют основания. Например, содержащаяся в ст. 21 Трудового кодекса РФ формулировка «Работник имеет право на: рабочее место...»⁴ имеет вид описательного высказывания в субъектно-предикатной форме S есть P , то есть такой же, как в описательном высказывании «я имею автомобиль», «дерево имеет корень» и т. д. Содержащаяся в ст. 34 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» формулировка «Обучающимся предоставляются академические права на: ...выбор организации, осуществляющей образовательную деятельность»⁵ также имеет вид описательного высказывания в субъектно-предикатной форме S есть P , аналогичный высказыванию «Вам предоставляется шанс выиграть в лотерею».

Вместе с тем, если учесть общий контекст, в рамках которого существуют текстовые формулировки субъективных прав (данные высказывания формализованы именно в нормативных правовых актах), то думается, что речь вести о дескриптивных высказываниях не следует, поскольку юридическая техника нередко используется так, что возникает несоответствие между формой и содержанием высказывания, когда высказывание, имеющее форму описания, будет по содержанию являться предписанием.

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ ; в ред. от 8 авг. 2024 г. : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1. (Раздел I). Ст. 3.

⁵ Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ ; в ред. от 8 авг. 2024 г. : принят Гос. Думой 21 дек. 2012 г. : одобрен Советом Федерации 26 дек. 2012 г. // Собр. Законодательства Рос Федерации. 2012. № 53. Ч.1. Ст. 7598.

В силу определенных особенностей функционирования человеческого мышления и употребления языка специалистами в области логико-философских исследований выделяются высказывания *de re* и высказывания *de dicto*. К высказываниям *de re* принято относить высказывания «о вещах», т. е. о мире внелингвистического опыта, что как раз и отражает изначальное гносеологическое разделение объекта и субъекта познания. К высказываниям *de dicto* принято относить высказывания о высказываниях, т. е. мысль о мысли. Применительно к юридическому контексту это позволяет различать:

1) объектный язык права, состоящий из юридических норм как таковых, т. е. из предписаний, из норм *de re* (соответствующих высказываниям *de re*), например «распивать спиртные напитки запрещено»;

2) метаязык права, состоящий из дескриптивных высказываний, высказываний *de dicto*. Это так называемые нормы *de dicto*. Они описывают юридические нормы как таковые (из нормы *de re*), например «известно, что распивать спиртные напитки запрещено». К метаязыку права относится, например, язык науки о праве.

Фактически об этом начали вести речь такие общепризнанные специалисты в области логики норм, как Г. Х. фон Вригт [24] и К. Альчуррон [21], когда проводили различие между нормами и нормативными предложениями. Развивая эти идеи в юридическом контексте, Е. В. Булыгин указывает на наличие правовых норм и (дескриптивных) нормативных предложений [2, с. 206–207].

В силу этого в контексте определения онтологического статуса субъективного права возникает вопрос: допустимо ли относить это право к нормам *de dicto*? Думается, что нет, поскольку норма *de dicto* — это описание именно норм *de re*, т. е. само наличие подобного описания предполагает наличие предмета описания, который и будет отражен в описательном суждении. В нашем случае таким предметом описания была бы норма *de re*. Но подобный ход рассуждения неприемлем и беспредметен, поскольку каких-либо оснований для утверждения о существовании норм *de re* как предмета описания нормой *de dicto* у нас еще нет, а сама норма *de dicto*, строго говоря, нормой не является.

Кроме того, следует учесть, что к настоящему времени корректных схем, позволяющих обойти так называемый принцип Юма, не выявлено. Согласно этому принципу из описания (любого положения вещей, любой действительности), т. е. от высказываний со связкой «есть» невозможно перейти к предписаниям, к высказываниям со связкой «должен». Схожим образом рассуждал и А. Пуанкаре, когда показывал ограничения логического выведения моральных

норм посредством логического вывода из индикативных предложений. Из этих предложений выводимы только такие же индикативные предложения, но никак не оценочные. Иными словами, нормы *de re* из норм *de dicto* (равно как и наоборот) посредством существующих на настоящий момент логик (в строгом смысле слова) не могут быть выведены.

Кроме того, в отечественной литературе нормативность толкуется не только деонтически (как отражение прескриптивности), но и как отражение некой типичности, повторяемости, то есть псевдоалетически. Псевдо, поскольку это не очень удачная попытка охарактеризовать повторяемость как тенденцию (не стопроцентная повторяемость) посредством алетического оператора «необходимость» (стопроцентной повторяемости). Такое двоякое толкование обусловлено тем, что сам термин «норма» принято трактовать не только деонтически, т. е. как предписание, но и как некое описание типичности, например, «нормальное поведение» как повторяющееся поведение (например, вечерняя прогулка), но не как поведение, соответствующее некой норме-предписанию (обязывающей совершать вечернюю прогулку). Само по себе такое двойственное толкование нормы является дефектом теории права, поскольку нарушает принцип однозначности именованности (принцип Фреге — Рассела).

Однако если и допускать подобный дефект, то, как указывалось выше, принцип Юма не даст нам получить нормы предписания из норм описаний, если понимать последние даже не алетически, но именно как описание нестрогой повторяемости.

Таким образом, субъективные права по своему онтологическому статусу это не мера, не возможность, не некое состояние, не воля/волевая мощь, не интерес и т. п., но именно информация в форме высказываний определенного рода. Это не дескриптивные высказывания ни в силу особенностей популярной формы их текстуального выражения в юридических документах, ни в силу отнесения их к нормам, понимаемым как высказывания, отражающим некую повторяемость, типичность, ни в силу отнесения их к нормам *de dicto*. Данные высказывания было бы верно относить к оценочным высказываниям. И дальнейший научный поиск в указанном контексте было бы правильно вести в определении того, к каким именно оценочным высказываниям следует относить субъективные права.

Такой подход позволит в дальнейшем создать модель субъективного права, описывающую несколько аспектов бытия данного права, когда оно в одном из аспектов своего бытия является дублирующим или косвенным экспонентом юридического предписания,

а в другом — выступает как социально-правовые оценки различных видов: ante legem,

pre legem, secundum legem, praeter legem, post legem.

Список литературы:

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. 896 с.
2. Булыгин Е. В. К проблеме объективности права // Філософія права: сучасні інтерпретації: вибр. праці: статті, аналіт. огляди, переклади (2003–2010). Харків, 2010. С. 206–207.
3. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков : монография. М., 1999. 790 с.
4. Вишняк М. В. Личность в праве. Петроград, 1917. 780 с.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд., доп. М., 2002. 261 с.
6. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. Лекции, читанные в Московском университете. М., 1899. 766 с.
7. Герваген Л. Л. Обязанности как основание права. СПб., 1908. 207 с.
8. Иваненко Г. С. Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации : монография. Челябинск, 2006. 228 с.
9. Ивин А. А. Основания логики оценок. М., 1970.
10. Лобовиков В. О. Научная экспертизалогической формы доказательств в судопроизводстве или логическая подготовка юристов? // Вестник Гуманитарного университета. Серия: Право. 1996. № 1 (1). С. 113–122.
11. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права : монография. Саратов, 2004. 512 с.
13. Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. М., 2003. 829 с.
14. Пермяков Ю. Е. Проблема онтологического единства правовых норм и суждений // Конфликтология. Ежеквартальный научно-практический журнал. 2011. № 4. С. 75–82.
15. Рудинский Ф. М. Понятие и содержание прав человека : сб. науч. тр. юрид. факультета Московского городского педагогического университета. М., 2000. Кн. 3. С. 14–29.
16. Урсул А. Д. Природа информации : филос. очерк. М., 1968. 295 с.
17. Ушаков А. А. Очерки советской законодательной лингвистики : учеб. пособие: в 2 ч. Ч. 1. Пермь, 1967. 206 с.
18. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография. М., 2012. 320 с.
19. Шептулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967. 282 с.

References:

1. Arutyunova N. D. YAzyk i mir cheloveka. M., 1999. 896 s.
2. Bulygin E. V. K probleme ob'ektivnosti prava // Filosofiya prava: suchasni interpretacii: vibr. praci: statti, analit. oglyadi, pereklyadi (2003–2010). Har'kiv, 2010. S. 206–207.
3. Vezhbickaya A. Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov : monografiya. M., 1999. 790 s.
4. Vishnyak M. V. Lichnost' v prave. Petrograd, 1917. 88 s. 780 s.
5. Vol'f E. M. Funkcional'naya semantika ocenki. 2-e izd., dop. M., 2002. 261 s.
6. Gambarov YU. S. Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast'. Lekcii, chitannyye v Moskovskom universitete. M., 1899. 766 s.
7. Gervagen L. L. Obyazannosti kak osnovaniye prava. SPb., 1908. 207 s.
8. Ivanenko G. S. Lingvisticheskaya ekspertiza v processah po zashchite chesti, dostoinstva, delovoy reputacii : monografiya. CHelyabinsk, 2006. 228 s.
9. Ivin A. A. Osnovaniya logiki ocenok. M., 1970.
10. Lobovikov V. O. Scientific examination of the logical form of evidence in legal proceedings or the logical training of lawyers? // Vestnik of the Humanities University. Series: Right. 1996. № 1 (1). P. 113–122.
11. Matuzov N. I. Aktual'nye problemy teorii prava : monografiya. Saratov, 2004. 512 s.
13. Mejer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. M., 2003. 829 s.
14. Permyakov YU. E. Problema ontologicheskogo edinstva pravovykh norm i suzhdenij // Konflikologiya. Ezhekvartal'nyj nauchno-prakticheskij zhurnal. 2011. № 4. S. 75–82.
15. Rudinskij F. M. Ponyatie i sodержanie prav cheloveka : sb. nauch. tr. yurid. fakul'teta Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. M., 2000. Kn. 3. S. 14–29.
16. Ursul A. D. Priroda informacii : filoz. ocherk. M., 1968. 295 s.
17. Ushakov A. A. Ocherki sovetskoj zakonodatel'noj lingvistiki : ucheb. posobie: v 2 ch. CH. 1. Perm', 1967. 206 s.
18. SHerdancev A. F. Logiko-yazykovyye fenomeny v yurisprudencii : monografiya. M., 2012. 320 s.
19. SHEptulin A. P. Sistema kategorij dialektiki. M., 1967. 282 s.
20. SHershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 g.). M., 1995. 556 s.

20. *Шершеневич Г. Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995. 556 с.
21. *Эшби У. Р.* Введение в кибернетику. М., 1959. 432 с.
22. *Alchourron C.* Logic of Norms and Logic of Normative Propositions // *Logique et Analyse*. 1969. № 47. P. 242–268.
23. *Jellinek G.* System der subjektiven öffentlichen Rechte. Freiburg, Akademische Verlagsbuchhanlung von J. C. B Mohr Paul Siebeck, 1892. 393 p.
24. *Kelsen H.* Pure Theory of Law / translation from the Second German Ed. by Max Knight. Berkeley: Univ. of California Press, 1967. 356 p.
25. *Wright G. H. von.* Norm and Action. London, 1963. 214 p.
21. *Eshbi U. R.* Vvedenie v kibernetiku. M., 1959. 432 s.
22. *Alchourron C.* Logic of Norms and Logic of Normative Propositions // *Logique et Analyse*. 1969. № 47. P. 242–268.
23. *Jellinek G.* System der subjektiven öffentlichen Rechte. Freiburg, Akademische Verlagsbuchhanlung von J. C. B Mohr Paul Siebeck, 1892. 393 s.
24. *Kelsen H.* Pure Theory of Law / translation from the Second German Ed. by Max Knight. Berkeley: Univ. of California Press, 1967. 356 p.
25. *Wright G. H. von.* Norm and Action. London, 1963. 214 p.

Для цитирования:

Попов Виктор Викторович. Онтологический статус субъективного права: некоторые проблемы теоретической реконструкции // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 22–32.

For citation:

Popov Viktor Viktorovich. The Ontological Status of Subjective Law: Some Problems of Theoretical Reconstruction // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 22–32.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ строительство в России и за рубежом

Гирько Сергей Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Директор Центра исследования проблем
безопасности РАН,
главный научный сотрудник
НИИ ФСИН России,
Российская Федерация, 117135, г. Москва,
ул. Гарибальди, д. 21б

ORCID 0000–0003–0344–0573

E-mail: syvorina959134@mail.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые (государственно
правовые) науки

УДК 343.13

DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-33-42

Дата поступления статьи: 19 августа 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 12 декабря 2024 г.

Современные проблемы обеспечения национальных интересов и стратегических приоритетов Российской Федерации

Contemporary Problems of Ensuring National Interests and Strategic Priorities of the Russian Federation

Аннотация

Актуальность: в современных реалиях активизации враждебных действий и намерений в отношении Российской Федерации со стороны внешних и внутренних сил, нарастании вызовов и угроз национальной безопасности обеспечение государственной безопасности олицетворяет противостояние внешним факторам, равно как общественная безопасность – нейтрализацию внутренних вызовов и угроз. Четкость и достаточность правового обеспечения названных стратегических приоритетов оказывает непосредственное влияние на эффективность действий субъектов по нейтрализации вредоносных факторов, выбор конкретных средств их нейтрализации в зависимости от характера самих вызовов и угроз.

Sergej Ivanovich Gir'ko,
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Director of the Center for Security Research
of the Russian Academy of Sciences,
Chief Researcher at the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Russian Federation, 117135, Moscow,
Garibaldi St., 21b

ORCID 0000–0003–0344–0573

E-mail: syvorina959134@mail.ru

Scientific specialty:
5.1.2. Public Law (State Law) Sciences

Abstract

Relevance: in the modern realities the intensification of hostile actions and intentions towards the Russian Federation, by external and internal forces, the increase in challenges and threats to national security, ensuring state security embodies opposition to external factors, as well as public safety – the neutralization of internal challenges and threats. The clarity and sufficiency of legal support for these strategic priorities has a direct impact on the effectiveness of actors' actions to neutralize harmful factors, and the choice of specific means of neutralizing them, depending on the nature of the challenges and threats themselves.

Problem statement: in the article, the author, based on modern approaches to the problems of ensuring national interests, strategic tasks de-

Постановка проблемы: в статье автор на основе современных подходов к проблемам обеспечения национальных задач, стратегических приоритетов, определенных Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, и практики освещения в научных источниках главных направлений научных исследований, конкретизирующих и раскрывающих глубинное содержание национальных приоритетов, гипотетически формирует наиболее актуальные с его точки зрения направления обеспечения национальных приоритетов и интересов. Выделяются и освещаются в публикации проблемы правовой регламентации государственной и общественной безопасности, а также воспитания гармоничной личности гражданина Российской Федерации.

Цель исследования: проанализировать состояние правовой регламентации и обеспеченности таких национальных стратегических приоритетов, как обеспечение государственной безопасности и общественной безопасности, комплекса национальных интересов, формирующих в своей совокупности приоритетную задачу государственных органов и общества в целом – воспитание гармоничной личности, формирование современного гражданина России, востребованные критерии, которым она должна соответствовать.

Методы исследования: постановка проблемы, построение гипотез, анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, конкретизация.

Результаты и ключевые выводы: на основании проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что государственная безопасность как стратегический национальный приоритет ни в советское время, ни в современной России не имел и не имеет правовой регламентации в законодательстве, что создает препятствия для восприятия названного правового института. Общественная безопасность, напротив, до 2020 г. имела базовый правовой акт Президента России – Концепцию общественной безопасности Российской Федерации, которая утратила свою юридическую силу. В настоящее время требуется также разработка законодательного акта, закрепляющего основные правовые положения общественной безопасности как правового института и регламентирующего основные государственные подходы к его регулированию. Оба названных приоритета потребуют усилий научного сообщества по разработке современных теоретических проблем и правовой регламентации в законодательных актах государства. Воспитание гармоничной личности – приоритетное направление, определенное Президентом России, активное участие в реализации которого также должны принимать научное сообщество и государственные структуры.

defined by the National Security Strategy of the Russian Federation, and the practice of covering the main ones areas of scientific research in scientific sources that specify and reveal the deep content of national priorities, hypothetically forms the most relevant areas of ensuring national priorities and interests from his point of view. The following issues are highlighted and highlighted in the publication: problems of legal regulation of state and public security, as well as the upbringing of a harmonious personality of a citizen of the Russian Federation.

The purpose of the study is to analyze the state of legal regulation and the provision of such national strategic priorities as ensuring state security and public safety, a set of national interests that together form the priority task of government agencies and society as a whole – the education of a harmonious personality, the formation of a modern citizen of Russia, the required criteria that it must meet.

Research methods: problem statement, hypothesis building, analysis, synthesis, comparison, abstraction, concretization.

Conclusions: based on the conducted research, the author comes to the conclusion that state security as a strategic national priority neither in Soviet times nor in modern Russia had and has no legal regulation in the legislation, which creates obstacles to the perception of this legal institution. Public security, on the contrary, until 2020 had a basic legal act of the President of Russia – the Concept of Public Security of the Russian Federation, which has lost its legal force. Currently, it is also necessary to develop a legislative act that establishes the basic legal provisions of public safety as a legal institution and regulates the main state approaches to its regulation. Both of these priorities will require the efforts of the scientific community to develop modern theoretical problems and legal regulation in the legislative acts of the state. Fostering a harmonious personality is a priority area identified by the President of Russia, which should also involve the active participation of the scientific community and government agencies in order to develop theoretical problems and form legal regulations for integrated approaches to solving this problem.

Ключевые слова: национальные интересы; стратегические национальные приоритеты; стратегия национальной безопасности; государственная безопасность; общественная безопасность; концепция общественной безопасности; гармоничная личность; традиционные духовно-нравственные ценности.

Keywords: national interests; strategic national priorities; national security strategy; state security; public safety; concept of public security; harmonious personality; traditional spiritual and moral values.

Предваряя разговор об актуальных проблемах обеспечения национальных интересов и стратегических приоритетов Российской Федерации, важно упомянуть тот факт, что основные, базовые понятия и дефиниции названной сферы государственной деятельности определены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹ (далее – Стратегия), названной в ст. 2 «базовым документом стратегического планирования» государства, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты в области национальной безопасности, но, кроме того, цели и задачи в этой сфере на «долгосрочную перспективу».

Это обстоятельство во многом упрощает задачи исследователей теоретических проблем национальной безопасности, поскольку устоявшиеся предельные, над которыми, как правило, кропотливо трудятся ученые в целях выработки понятийного аппарата, максимально отражающего всю полноту конкретных правовых институтов и их нюансов, подтвержденных результатами научных исследований, заключенных в доктринальных разработках и разделяемых научным сообществом.

Подобное дефинирование лежит в основе законотворческой деятельности, закрепляется в правовых актах и становится базовым ориентиром для научных специалистов и нормативным предписанием для практиков.

Стратегия включила используемый понятийный аппарат в ст. 5.

Так, под национальными интересами Российской Федерации понимаются «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии»².

Под «стратегическими национальными приоритетами Российской Федерации понимаются «важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития» государства.

Детализирует национальные интересы и стратегические национальные приоритеты раздел III Стратегии.

В целях уточнения лингвистического значения словосочетания «национальные интересы» и его смыслового значения для проблемы национальной безопасности автором было проведено специальное исследование, выводы которого подтвердили тот факт, что доктринальные подходы к дефиниции понятия «национальные интересы» имеют цель – наполнить теоретическим содержанием и создать научную основу для самой Стратегии [6, с. 20–31].

Сама же содержательная и логическая взаимосвязь между терминами «национальные интересы» и «стратегические национальные приоритеты» заключается в том, что посредством реализации последних обеспечивается защита национальных интересов государства.

В названной конструкции вполне определенное значение принадлежит и термину «обеспечение». Обеспечивать (обеспечить) по В. И. Далю означает «снабжать всем нужным, оградить от опасности» [7, с. 582]. Обеспечить согласно современному толковому словарю – «3. Создать все необходимые условия для осуществления чего-либо» [14, с. 423]. Иными словами, субъектам национальной безопасности надлежит создавать необходимые условия и ограждать от опасности причинения вреда задачи российской нации и государства, получившие в Стратегии наименование «национальные интересы».

В тексте Стратегии исчерпывающий перечень российских национальных интересов содержится в ст. 25. В общей сложности таких ориентиров названо восемь. Не приводя полный их перечень, назовем отдельные, на которых мы намерены задержать внимание коллег-исследователей: сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан; поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества; развитие безопасного информационного пространства, за-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // НПП «Гарант-Сервис» : сайт. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 05.09.2022).

² Здесь и далее выделяются кавычками и цитируются отдельные дословные положения Стратегии.

щита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Интерпретация стратегических национальных приоритетов, призванных обеспечить защиту национальных интересов, не совпадает с вышеперечисленными тезисами: из девяти таковых мы выделяем три, которые связаны с указанными национальными приоритетами, в их числе: «сбережение народа и развитие человеческого потенциала»; «государственная и общественная безопасность»; «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей». При этом с течением времени и расширением поля научных разработок названные выше приоритеты приобрели характер «родовых» направлений, внутри которых формируются более конкретные, «непосредственные», привлекающие к себе внимание специалистов различного научного профиля.

Приметой времени стало следующее явление: учитывая вышеназванные нормативные и правовые предписания Стратегии, акцентировать исследовательские цели на более мелких задачах, которые несложно отнести и связать с теми или иными родовыми блоками.

Показательным примером в этом смысле может служить межведомственная конференция «Приоритетные направления научных исследований проблем обеспечения безопасности Российской Федерации», состоявшаяся 2 декабря 2022 г. на базе МГУ имени М. В. Ломоносова. Участники форума в своих выступлениях высказывали личное видение приоритетности, сформированное каждым из них по результатам авторских научных разработок.

Так, С. Н. Сильвестров приоритетным направлением научных исследований считает «формирование механизма управления глобальными рисками устойчивого развития» [12, с. 18–25].

Автор настоящей публикации таким приоритетом определил проблемы общественной безопасности [5, с. 36–38].

Профессор А. М. Воронов выделил социальную напряженность в качестве приоритета научных разработок в целях обеспечения национальной безопасности государства [4, с. 105–114].

А. Н. Сандугей назвал концептуальные проблемы стратегического планирования в сфере общественной безопасности как приоритет научных устремлений на перспективу [11, с. 91–104].

А. А. Смирнов предложил сосредоточиться на исследовании механизма противодействия информационно-психологических угроз [13, с. 213–217].

Профессор А. И. Пожаров приоритетным считает исследование теоретических и мето-

дологических проблем национальной безопасности [10, с. 234–251].

Всего в пленарной части межведомственного форума приняло участие более 20 специалистов, каждый из которых, основываясь на результатах собственных разработок, выделил приоритеты. Не вызывает сомнений, что за редким исключением названные выше и не упомянутые научные и практические проблемы могут быть положены в основу национальных приоритетов государства и повлечь за собой их дальнейшую научную разработку в интересах национальной безопасности России.

Отдельные направления очень четко соответствуют стратегическим национальным приоритетам, другие попадают в их формат. В рамках отдельной статьи уделить внимание всем проблемам, существующим в тематике национальных приоритетов государства, не удастся. Поэтому задержим внимание на отдельных из них.

Наиболее актуальными национальными приоритетами, с нашей точки зрения, несомненно, выступают государственная и общественная безопасность, а также воспитание гармоничной личности, современного гражданина России в интерпретации Стратегии, в которой к этой сфере относятся «развитие человеческого потенциала» и «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Предваряя анализ, заметим, что, в сравнении со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации 2015 года, «стратегические национальные приоритеты», отраженные в Стратегии, претерпели существенные изменения [15].

Новации прежде всего коснулись приоритетов, имеющих отношение к воспитанию гармоничной личности. Так, на смену «повышения качества жизни российских граждан, здравоохранения и культуры» пришли «сбережение народа России и развитие человеческого потенциала» и «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти».

Характерно, что в обеих стратегиях неизменным национальным приоритетом сохранены «государственная и общественная безопасность».

Согласно выводам исследования, предпринятого Г. Н. Комковой, оба названных приоритета имеют конституционную основу [8, с. 189].

Государственная и общественная безопасность в Стратегии практически по всему специальному разделу, посвященному этому крайне важному национальному приоритету, упоминаются вместе. Это вовсе не означает, что каждый из названных видов безопасности лишен собственного предмета правового регулирования.

Проанализируем ситуацию с правовой регламентацией обоих институтов.

По мнению В. П. Назарова, термин «государственная безопасность» в 80-е гг. прошлого века «рассматривался применительно к защите государственного строя, институтов и интересов государства» [9, с. 10]. Согласно информации названного автора, «научная разработка проблем ее обеспечения осуществлялась в научно-исследовательских учреждениях закрытого типа при КГБ, МВД, Министерстве обороны и других силовых ведомствах» [9, с. 11].

Вполне вероятно, что так оно в действительности было ранее и происходит в настоящее время, поскольку исследовательской информации, раскрывающей сущность государственной безопасности как национального приоритета, научной проблематики в этой сфере практически не представлено. Научные исследования в этой сфере осуществляются специализированными структурами, носят закрытый характер, а правовая регламентация имеет подзаконный характер и регулируется ведомственными нормативными правовыми актами ведомств, имеющих непосредственное отношение к данному направлению государственной деятельности.

Тем не менее, общие подходы к государственной безопасности как направлению деятельности государственных структур мы обнаруживаем в отдельных справочных и литературных источниках.

Так, по мнению авторов энциклопедии «Безопасность», «государственная безопасность — система общественных и государственных гарантий, защищающих основные ценности, духовные и материальные источники жизнедеятельности, гражданские права и свободы человека, суверенитет, территориальную целостность и независимость от внешних и внутренних угроз» [3].

Государственная безопасность, по определению юридического словаря, это «система мероприятий, направленных на охрану политической и экономической основ государства и его государственных границ» [16, с. 114].

Государственная безопасность — это уровень защищенности государства от внешних и внутренних угроз. Обеспечение государственной безопасности или охрана государственной безопасности — комплекс политических, экономических, социальных, военных и правовых мероприятий по защите существующего государственного и общественного строя, территориальной неприкосновенности и независимости государства от подрывной деятельности разведывательных и иных специальных служб иностранных государств, а также от противников существующего строя внутри страны.

Доктринальное определение данного института встречаем в специальной литературе. Так, по мнению исследователя А. С. Алпеева, государственная безопасность — это компонента национальной безопасности, характеризующая защищенность от «внутренних и внешних опасностей на основе изучения политических, экономических, социальных, военных и правовых процессов с целью предупреждения и устранения антигосударственных и подрывных кампаний разведывательных и иных спецслужб агрессивно настроенных государств, а также противников внутреннего строя» [1, с. 75–76].

Единственным законодательным актом, предметом регулирования которого есть основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности является Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»³. В ст. 1 названного закона перечисляются отдельные виды безопасности «деятельность по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации».

Ни один другой известный нам законодательный акт не содержит дефиниции и не раскрывает содержательную сторону и предмет регулирования государственной безопасности, выполняющей в современных условиях важнейшую роль.

Как представляется, государственная безопасность и как государственный национальный приоритет, и как самостоятельный вид безопасности должна получить свою правовую регламентацию в специальном законодательном акте Российской Федерации. Вопрос о концептуальных подходах и содержании подобного федерального закона преждевременен. Научное сообщество должно приложить усилия для обоснования научно-исследовательской и законодательной инициативы в целях его разработки и принятия.

Заметим, что законодательного акта, нормативно закрепляющего сущность государственной безопасности как вида национальной безопасности Российской Федерации ранее не принималось. Законопроектные работы в этой связи должны стать новационными.

До недавнего времени иначе складывалась правовая ситуация в отношении регламентации общественной безопасности как «стратегического национального приоритета».

Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 14 ноября 2018 г. одобрена Кон-

³ О безопасности : Федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ : в ред. от 9 нояб. 2020 г. // НПП «Гарант-Сервис» : принят Гос. Думой 7 дек. 2010 г. : одобрен Советом Федерации 15 дек. 2010 г.

цепция общественной безопасности в Российской Федерации, которая стала первым правовым актом в этой сфере⁴ (далее – Концепция).

Концепция в ст. 4 определяла, что общественная безопасность – «состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

Она, представляя собой систему взглядов на обеспечение общественной безопасности, по существу, выполнила роль «основного документа стратегического планирования, определившего государственную политику в сфере общественной безопасности», содержала полный глоссарий терминов и понятийный аппарат общественной безопасности, раскрывала цели, задачи, принципы и основные направления деятельности уполномоченных государственных органов, обеспечивающих общественную безопасность в государстве, основные источники угроз и многие другие особенности названного правового института.

Автором проанализированы ситуация с состоянием правовой регламентации, а также причины, приведшие к стагнации работ по дальнейшему развитию правовых основ общественной безопасности в приведенном [6, с. 18–31] и некоторых других исследованиях.

Как известно, действие Концепции было ограничено 2020 годом, после чего предполагалась пролонгация.

В процессе реализации Концепции становилось очевидным, что, с одной стороны, она как «система взглядов», т. е. доктринальных позиций, официально поддержанных и закрепленных в правовой форме, морально устаревает, а с другой, правовые проблемы такого масштаба переросли концептуальный этап своего развития и нуждаются в нормативной правовой регламентации.

Межведомственной рабочей группой под организационным руководством МВД России проведены научно-исследовательские и законопроектные работы по подготовке проекта указа Президента России, утверждающего обновленную концепцию общественной безопасности на период до 2030 года. Значительная часть законопроектных работ была выполнена. Однако впоследствии они сначала были приостановлены, а затем и прекращены.

Сегодня научное сообщество столкнулось с реальной перспективой возвращения научных

разработок в сфере общественной безопасности на доктринальный этап, оспаривания и дискутирования всего ранее признанного научной общественностью и закрепленного в Концепции понятийного и содержательного инструментария.

К настоящему времени в аудитории правоведов все с большим успехом превалирует точка зрения о том, что правовая регламентация общественной безопасности переросла концептуальный уровень, нуждается в нормативной правовой регламентации, возможной в формате подготовки и принятия специального законодательного акта федерального уровня.

Между тем необходимо констатировать, что общественная безопасность как важнейшая часть национальной безопасности государства и стратегический национальный приоритет нуждается в правовой регламентации и безотлагательном проведении законопроектных работ в этом направлении. Более того, как представляется, подобные законопроектные работы с большей эффективностью возможны в межведомственном формате как на базе научных организаций, не входящих в состав силовых государственных структур, так и при организационном руководстве, к примеру научного совета Совета Безопасности Российской Федерации, как это было в прошлом при разработке Концепции.

В марте 2024 г. Президент России В. В. Путин, по информации Интерфакс, поручил своей администрации и правительству «разработать нацпроект, направленный на воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁵. Безусловно, названное поручение высшего должностного лица государства является национальным приоритетом, который в Стратегии соответствует большинству национальных интересов.

По существу, поручение Президента России направлено на формирование «нового человека», что востребовано современной исторической ситуацией в России.

В этой связи, когда речь заходит о проблемах формирования «нового человека», который будет соответствовать базовым ценностям, основанным на российских национальных традициях, возникает вопрос об обстановке, которой он окружен в обычной жизни.

Согласно положениям Стратегии, характеризующим подходы к «сбережению народа России и развитию человеческого потенциала», на которых осуществляется концентрация усилий и ре-

⁴ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Рос. Федерации 14 нояб. 2013 года Пр-2685// Президент России. Офиц. сайт : URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653> (дата обращения: 19.03.2019).

⁵ Путин поручил подготовить нацпроект по воспитанию гармоничной личности // Интерфакс : сайт. URL: <https://www.interfax.ru/russia/949727> (дата обращения: 30.03.2024).

сурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества, обеспечивающих защиту национальных интересов Российской Федерации, целями государственной политики определяются не только «устойчивый естественный рост» народонаселения страны, но прежде всего «повышение уровня образования населения», «воспитание гармонично развитого и социально ответственного гражданина».

Обладая фундаментом жизненных ценностей и приоритетов, приобретенных на начальном этапе жизни в семье, человек последовательно приходит в школу, колледж, высшее учебное заведение, в которых также должна сложиться, быть сформирована адекватная внутренняя обстановка и микроклимат, которые будут способствовать дальнейшему развитию и укреплению (или искажению и деформации) заложенного в человеке базису его социальной ориентации и ответственности, а также фундаменту духовных и нравственных ориентиров.

Именно такая внутренняя обстановка, сформированная в образовательном учреждении, динамично изменяющаяся и во многом зависящая от социальных процессов, протекающих в обществе, сообразуясь с различного рода «установками» и нормативными предписаниями, приобрела в специальной литературе, исследованиях ученых наименование «образовательная среда». Она должна соответствовать современным запросам общества, нашедшим отражение в Стратегии.

По мнению академика РАО И. А. Баяевой, образовательная среда — это «психолого-педагогическая реальность, сочетание уже сложившихся исторических влияний и намеренно созданных педагогических условий и обстоятельств, направленных на формирование и развитие личности ученика» [2].

Образовательная среда по многим параметрам является «колыбелью» образовательного пространства для субъекта образовательного процесса, группы субъектов, объединенных единой социальной задачей.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод о том, что образовательная среда — это совокупность условий, необходимых для обучения, воспитания и развития человека, становления его личности. Что же из себя сегодня представляет современная образовательная среда, кто и с какой целью приходит в нее за получением знаний? Каким образом такой субъект формируется образовательной средой и какой в конечном итоге продукт приобретает общество в результате взаимодействия с ней?

Заметим, что в условиях образовательной среды, ориентированной на реализацию задач, определенных Стратегией, должны обеспечиваться и повышение уровня образования насе-

ления и воспитание гармонично развитого и социально ответственного гражданина, т. е. должен формироваться российский гражданин, качественно соответствующий определенным и даже конкретным заданным требованиям.

Подобное соответствие, как представляется, и должна обеспечить образовательная среда.

В IV разделе Стратегии, посвященном обеспечению национальной безопасности, применительно к «сбережению народа и развитию человеческого потенциала» базовый документ стратегического планирования в качестве таких условий определяет «свободное развитие человека, расширение возможностей для получения качественного образования, формирование здорового образа жизни». Причем целями государственной политики в этой части Стратегия определяет «повышение уровня образования» и, с нашей точки зрения, главное — «воспитание гармонично развитого и социально ответственного гражданина». Именно эта цель является центральной.

Зачастую приходится слышать, что образование относится к разряду услуг, оказываемых гражданину за соответствующее вознаграждение. Этот краеугольный тезис отражен и в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁶. Представляется, что подобные суждения устарели и, учитывая цели Стратегии, являются глубоким заблуждением и сегодня уже не отвечают насущным потребностям государственной политики. Сам же федеральный закон должен быть по своей сути иным.

Среди задач, обеспечивающих цели государственной политики в сфере «сбережения народа России», Стратегия выделяет также «выявление и развитие способностей и талантов у детей и молодежи; профессиональную подготовку и переподготовку на протяжении всей жизни» и, что нам видится приоритетным, основой обучения и воспитания детей и молодежи определяются «традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности».

Применительно к обороне страны Стратегия определяет военно-патриотическое воспитание в качестве одного из важнейших факторов, оказывающих позитивное влияние на общественное сознание граждан в части формирования у них внутреннего побуждения к участию в обеспечении обороны и безопасности своего государства.

Полагаем, что военно-патриотическое воспитание гражданина должно твердо закрепиться

⁶ Об образовании в Российской Федерации : Федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ : принят Гос. Думой 21 декабря 2012 г. : Одобрен Советом Федерации 26 декабря 2012 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.08.2024).

в структуре образовательного пространства и получить в нем современные формы реализации.

Следует заметить, что среди целей обеспечения государственной и общественной безопасности Стратегия определяет повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам. Все это также относится к задачам образовательных организаций и, соответственно, к образовательной среде.

В равной степени к задачам последних относятся и повышение уровня антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей, учебных заведений всех уровней.

И, конечно, самое значительное число вызовов и угроз для образовательной среды включено в раздел Стратегии, посвященный государственной и общественной безопасности.

Стратегия провозглашает обеспечение реализации общеправового принципа «неотвратимости наказания», а также «формирования в обществе атмосферы нетерпимости к противоправной деятельности». Полагаем, что образовательная среда должна быть пронизана подобной атмосферой.

По существу, речь в данном случае идет о формировании у молодых людей правоуправляемого поведения и правовой культуры. Так ли часто это соответствие мы можем наблюдать в реальной обстановке?

Стратегия отмечает, что «международные террористические и экстремистские организации» стремятся усилить свою пропаганду и вербовочную работу на территории России в целях вовлечения в противоправную деятельность, включая экстремистскую, российской молодежи. Стратегия гласит о предупреждении экстремистской деятельности, снижении уровня криминализации общественных отношений, а также предупреждении проявлений радикализма среди несовершеннолетних и молодежи.

Все перечисленные выше и многие другие послы, закрепленные в Стратегии, касающиеся здорового образа жизни, профилактики чрезвычайных ситуаций, информационной за-

щищенности от вредоносного контента, также имеют непосредственную проекцию на образовательную среду, и этими критериями должны руководствоваться все без какого-либо исключения образовательные организации при ее формировании и обеспечении безопасности.

Стратегия предъявляет конкретные требования к той среде, в которой происходит формирование гражданина страны, и, следовательно, определяет критерии, которым он должен соответствовать.

Такая среда по определению должна отвечать «национальным интересам» и «национальным приоритетам», определенным Стратегией и имеющим в ней непосредственную проекцию. Еще раз обратим внимание на то, что такими национальными интересами являются: развитие человеческого потенциала; поддержание гражданского мира и согласия; укрепление законности; защита граждан от противоправных посягательств; развитие безопасного информационного пространства и защита от деструктивного информационно-психологического воздействия.

Таким образом, воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей является национальным приоритетом, реализацию которого призвана обеспечить образовательная среда, в условиях которой формируются личность современного гражданина государства, востребованные обществом его личные и профессиональные качества, гражданская позиция. Реализация названных целей также предполагает совместные усилия научного сообщества и государственных структур, направленные на корректировку и обновление правовых основ сферы образования и воспитания, культурного и патриотического воспитания.

Подводя итог сказанному, заметим, что в реализации всех выделенных нами национальных приоритетов потребуются совместные усилия как научного сообщества, так и законодателей.

Список литературы:

1. Алтеев А. С. Критически важные объекты. Терминология безопасности // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 4 (17). С. 72–76.
2. Баева И. А. Психологическая безопасность в образовании : моногр. СПб., 2002. 271 с.
3. Безопасность // Гражданская защита : энцикл. в 4 т. М., 2015. Т. 1. 665 с.
4. Воронов А. М. Социальная напряженность: новые угрозы и вызовы национальной безопасности современной России // Приоритетные направления научных исследований проблем обеспечения безопасности Россий-

References:

1. Alpeev A. S. Critical objects. Terminology of safety // Voprosy kiberbezopasnosti. 2016. № 4 (17). P. 72–76.
2. Baeva I. A. Psihologicheskaya bezopasnost' v obrazovanii : monogr. SPb., 2002. 271 s.
3. Bezopasnost' // Grazhdanskaya zashchita : encikl. v 4 t. M., 2015. T. 1. 665 s.
4. Voronov A. M. Social'naya napryazhennost': novye ugrozy i vyzovy nacional'noj bezopasnosti sovremennoj Rossii // Prioritetnye napravleniya nauchnyh issledovaniy problem obespe-

- ской Федерации : сб. материалов межведомственной конф. М., 2022.
5. *Гирько С. И.* Актуальные проблемы общественной безопасности в Российской Федерации // Приоритетные направления научных исследований проблем обеспечения безопасности Российской Федерации : сб. материалов межведомственной конф. М., 2022.
 6. *Гирько С. И.* Современные проблемы правовой регламентации общественной безопасности // Современный юрист. 2023. № 1 (42). С. 18–31.
 7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2. М., 2006. 785 с.
 8. *Комкова Г. Н.* Стратегические национальные приоритеты России в поправках к Конституции РФ 2020 года // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23. Вып. 2. С. 186–192.
 9. *Назаров В. П.* К вопросу об эволюции Концепции национальной безопасности России // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. Вып. 1 (53). С. 10–18.
 10. *Пожаров А. И.* Национальная безопасность в теории и методологии научных исследований // Приоритетные направления научных исследований проблем обеспечения безопасности Российской Федерации : сб. материалов Межведомственной конф. М., 2022.
 11. *Сандугей А. Н.* О концептуальных проблемах стратегического планирования в сфере общественной безопасности // Приоритетные направления научных исследований проблем обеспечения безопасности Российской Федерации : сб. материалов Межведомственной конф. М., 2022.
 12. *Сильвестров С. Н.* Формирование институтов управления глобальными рисками устойчивого развития : возможности и вызовы // Приоритетные направления научных исследований проблем обеспечения безопасности Российской Федерации : сб. материалов межведомственной конф. М., 2022.
 13. *Смирнов А. А.* Вопросы совершенствования институционального механизма противодействия информационно-психологическим угрозам // Приоритетные направления научных исследований проблем обеспечения безопасности Российской Федерации : сб. материалов межведомственной конф. М., 2022.
 14. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.; СПб., 2008. 959 с.
 15. Сравнительная характеристика стратегических национальных приоритетов России cheniya bezopasnosti Rossijskoj Federacii : sb. materialov mezhvedomstvennoj konf. M., 2022.
 5. *Gir'ko S. I.* Aktual'nye problemy obshchestvennoj bezopasnosti v Rossijskoj Federacii // Prioritetnye napravleniya nauchnyh issledovanij problem obespecheniya bezopasnosti Rossijskoj Federacii : sb. materialov mezhvedomstvennoj konf. M., 2022.
 6. *Gir'ko S. I.* Modern problems of legal regulation of public safety // Modern Lawyer. 2023. № 1 (42). P. 18–31.
 7. *Dal' V. I.* Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka : v 4 t. T. 2. M., 2006. 785 s.
 8. *Komkova G. N.* Strategic national priorities of Russia in the 2020 amendments to the Russian Constitution // Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law. 2023. T. 23. Issue 2. P. 186–192.
 9. *Nazarov V. P.* On the evolution of the concept of national security of Russia // Political Science Issues. 2020. Vol. 10. Issue 1 (53). P. 10–18.
 10. *Pozharov A. I.* Nacional'naya bezopasnost' v teorii i metodologii nauchnyh issledovanij // Prioritetnye napravleniya nauchnyh issledovanij problem obespecheniya bezopasnosti Rossijskoj Federacii : sb. materialov Mezhvedomstvennoj konf. M., 2022.
 11. *Sandugej A. N.* O konceptual'nyh problemah strategicheskogo planirovaniya v sfere obshchestvennoj bezopasnosti // Prioritetnye napravleniya nauchnyh issledovanij problem obespecheniya bezopasnosti Rossijskoj Federacii : sb. materialov mezhvedomstvennoj konf. M., 2022.
 12. *Sil'vestrov S. N.* Formirovanie institutov upravleniya global'nymi riskami ustojchivogo razvitiya : vozmozhnosti i vyzovy // Prioritetnye napravleniya nauchnyh issledovanij problem obespecheniya bezopasnosti Rossijskoj Federacii : sb. materialov mezhvedomstvennoj konf. M., 2022.
 13. *Smirnov A. A.* Voprosy sovershenstvovaniya institucional'nogo mekhanizma protivodejstviya informacionno-psihologicheskim ugrozam // Prioritetnye napravleniya nauchnyh issledovanij problem obespecheniya bezopasnosti Rossijskoj Federacii : sb. materialov mezhvedomstvennoj konf. M., 2022.
 14. *Sovremennij tolkovij slovar' russkogo yazyka / gl. red. S. A. Kuznecov. M.; SPb, 2008. 959 s.*
 15. *Sravnitel'naya harakteristika strategicheskikh nacional'nyh prioritetov Rossii v versii Strategii nacional'noj bezopasnosti RF – 2015 i 2021 // Dzen : sajt. URL: https://dzen.ru/a/Y-pk0ig3TRXxD_ (data obrashcheniya: 01.08.2024).*
 16. *Yuridicheskij slovar' / gl. red. S. N. Bratus' [i dr.]. M., 1953. 784 s.*

в версии Стратегии национальной безопасности РФ – 2015 и 2021 // Дзен : сайт. URL: https://dzen.ru/a/Y-pk0ig3TRXxD_ (дата обращения: 01.08.2024).

16. Юридический словарь / гл. ред. С. Н. Братусь [и др.]. М., 1953. 784 с.

Для цитирования:

Гирько Сергей Иванович. Современные проблемы обеспечения национальных интересов и стратегических приоритетов Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 33–42.

For citation:

Gir'ko Sergej Ivanovich. Contemporary Problems of Ensuring National Interests and Strategic Priorities of the Russian Federation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 33–42.

Ищенко Олеся Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданско-правовых
дисциплин
Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И. Ф. Шилова,

Российская Федерация, 68030, г. Хабаровск,
Казарменный переулок, д. 15
E-mail:ishenkolesya@mail.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

УДК 342,7 : 347.61 : 348.04
DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-43-52

Дата поступления статьи: 1 ноября 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 24 декабря 2024 г.

Роль православия в реализации государственной семейной политики

The Role of Orthodoxy in the Implementation of State Family Policy

Аннотация

Актуальность: в век глобализации и взаимопроникновения культур разных стран институт брака переживает кризис, связанный с популяризацией в странах Запада различных видов семейных отношений, противоречащих традиционным представлениям о браке, что значительно деформирует отношение к нему населения. В последних поправках к Конституции Российской Федерации были обозначены ценностные ориентиры нашего государства, в том числе в регулировании институтов брака и семьи, а в принятой в 2014 г. Концепции государственной семейной политики изложена программа поддержки и защиты семьи и семейных ценностей. Помимо государственной, реализуются программы развития семейной и демографической политики субъектов Российской Федерации. Кроме того, законодательно регулируется мониторинг и ограничение контента, содержащего пропаганду нетрадиционных межполовых отношений для защиты детской психики от проникновения нежелательной информации, а за распространение и пропаганду сведений, противоречащих основным семейным ценностям, установлена административная ответственность. Но, не-

Olesya Alekseevna Ishchenko,
Candidate of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Civil Law
Disciplines,
Far Eastern Law Institute the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after I. F. Shilov,
Russian Federation, 68030, Khabarovsk,
Kazarmenny lane, 15
E-mail:ishenkolesya@mail.ru

Scientific speciality:
5.1.2. Public Law (State Law) Sciences

Annotation

Relevance: in the age of globalization and the interpenetration of cultures of different countries, the institution of marriage is experiencing a crisis associated with the popularization in Western countries of various types of family relations that contradict traditional ideas about marriage, which significantly distorts the attitude of the population towards it. The latest amendments to the Constitution of the Russian Federation outlined the value orientations of our state, including in regulating the institutions of marriage and family, and the Concept of State Family Policy adopted in 2014 outlined a program to support and protect the family and family values. In addition to the state, programs for the development of family and demographic policy of the subjects of the Russian Federation are being implemented. In addition, the legislation regulates the monitoring and restriction of content containing propaganda of non-traditional inter-sexual relations to protect the child's psyche from the penetration of unwanted information, and administrative responsibility is established for the dissemination and propaganda of information contrary to basic family values. But, despite all the measures taken by the legislator, the data from population surveys show a fairly strong influence

смотря на все принимаемые законодателем меры, данные опросов населения показывают достаточно сильное влияние западной пропаганды на мнение населения о нетрадиционных брачных отношениях и утрату традиционной ценности брака, что влечет за собой значительный процент разводов, незарегистрированных квазисемейных отношений и низкую рождаемость.

Постановка проблемы: очевидно, что принимаемых мер недостаточно в решении указанных проблем и законодателю сложно справиться с воспитанием подрастающего поколения без помощи общественных объединений, политических партий, профессиональных союзов и особенно религиозных организаций, концептуальная основа деятельности которых является неотъемлемой составляющей многовековой российской культуры.

Методологические исследования: исследование основано на таких общенаучных методах как анализ (проанализировано содержание нормативных правовых актов, а также канонических постулатов, закрепляющих развитие семейных ценностей), синтез (семейные ценности рассматривались как объединяющая категория для светских и церковных законов), социологический (приводятся статистические данные о влиянии западной пропаганды на мнение населения о нетрадиционных брачных отношениях, опросы ВЦИОМ о роли православия в российском обществе), историко-правовой (указывается положительное влияние православия на формирование и сохранение традиционных семейных ценностей на протяжении многовековой истории государства).

Результаты и ключевые выводы: в результате проведенного исследования установлены совпадения нравственных идеалов общества, государства и православного вероучения; определена значимость Русской православной церкви как внутренне гармоничной, хранящей ценности православного Писания, передающей эти ценности из поколения в поколение, в противостоянии влиянию на традиционные семейные ценности западной пропаганды, проникающей из различных общедоступных источников, преодолении кризиса института брака и формировании в единстве усилий с публичной властью здорового и ответственного отношения к институту брака и укреплению института семьи.

Ключевые слова: семья; современные проблемы; православие; кризис брака; нетрадиционные квазисемейные отношения; запрет пропаганды; семейные ценности; деятельность Русской православной церкви; государственная семейная политика.

of Western propaganda on the opinion of the population about non-traditional marital relations and the loss of the traditional value of marriage, which entails a significant percentage of divorces, unregistered quasi-family relationships and a low birth rate.

Problem statement: it is obvious that the measures taken are not enough to solve these problems and it is difficult for the legislator to cope with the upbringing of the younger generation without the help of public associations, political parties, trade unions and especially religious organizations, the conceptual basis of which is an integral component of centuries-old Russian culture.

Methodology: the research is based on such general scientific methods as analysis (the content of normative legal acts, as well as canonical postulates that consolidate the development of family values are analyzed), synthesis (family values were considered as a unifying category for secular and ecclesiastical laws), sociological (statistical data on the influence of Western propaganda on the opinion of the population about non-traditional marital relations, VTSIOM polls on the role of Orthodoxy in Russian society), historical and legal (the positive influence of Orthodoxy on the formation and preservation of traditional family values throughout the centuries-old history of the state is indicated).

Results and key conclusions: as a result of the conducted research, the coincidence of the moral ideals of society, the state and the Orthodox faith has been established; The importance of the Russian Orthodox Church as an internally harmonious one, preserving the values of Orthodox Scripture, passing these values from generation to generation, in resisting the influence of Western propaganda on traditional family values from various publicly available sources, overcoming the crisis of the institution of marriage and forming a healthy and responsible attitude towards the institution of marriage and strengthening the institution in unity of efforts with public authorities. families.

Keywords: family; modern problems; Orthodoxy; marriage crisis; non-traditional quasi-family relations; prohibition of propaganda; family values; activities of the Russian Orthodox Church; state family policy.

Принятая более 10 лет назад Концепция государственной семейной политики¹ провозгласила приоритетами утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи.

Анализ некоторых доктринальных (докторской диссертации П. А. Якушева [25], монографии Ю. Ф. Беспалова [2], научных статей А. А. Елисеевой [6], А. М. Рабец [16], Н. Н. Тарусиной [23], П. А. Якушева [24]) и нормативных (ст. 67.1, 72 Конституции РФ², Семейного кодекса РФ³, ст. 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях⁴, Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации (далее – Концепция), Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁵, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации⁶) источников показывает, что к традиционным семейным ценностям в нашей стране принято относить многогамный брак мужчины и женщины, крепкую семью, взаимоуважение и взаимопомощь, семейное воспитание детей, солидарность поколений, заботу о несовершеннолетних и нетрудоспособных членах семьи, стремление к продолжению рода, супружескую верность, ответственное родительство и иные нравственные категории. Сформулированное в докторской диссертации П. А. Якушева [25] авторское опре-

деление понятия традиционных семейных ценностей представляет их как исторически сформированные в обществе нормативные модели должного в семейных отношениях, поддерживаемые большинством членов общества и обеспечивающие выполнение семьей основных функций: демографической, воспитательной, экономической, социально-культурной, хозяйственно-бытовой, первичного социального контроля, социально-статусной, духовной, эмоциональной, досуговой и др. Нельзя не согласиться с П. А. Якушевым в том, что традиционные семейные ценности обеспечивают социальное благополучие семьи, личности и стратегическую безопасность государства.

Основываясь на указанных источниках, можно сказать, что исторически сформированные духовно-нравственные ориентиры передаются в нашей стране из поколения в поколение и ложатся в основу общенациональной идентичности мировоззрения граждан России.

В поддержание развития традиционных семейных ценностей в нашей стране в 2022 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал указ об установлении 8 июля Дня семьи, любви и верности⁷, а 2024 год объявлен Президентом РФ Годом семьи⁸, что указывает на актуальность вопросов защиты данного института от влияния распространяющихся в мире расширительных толкований. Приветствуя пристальное внимание публичной власти к указанным проблемам, отметим, что цель сохранения традиционных семейных ценностей и духовно-нравственного воспитания детей и молодежи в плане развития российского государства не является краткосрочной и, следовательно, реализация мер по ее достижению носит перманентный характер.

Развитие российского государства и общества, взаимодействие между ними издревле были связаны с тем, что институт брака и семьи считался священным и крайне важным для формирования и развития общества и государства. Однако в дохристианской Руси не существовало единых правил и брачных обрядов, и то, что для одного народа было нормой (например, кража невесты), у другого считалось преступлением.

Сложно переоценить ту ключевую роль, которую играло и продолжает играть православие в вопросах формирования и сохранения семейных ценностей в России. С принятием в 988 г. христианства семейные отношения стали ре-

¹ Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 25 августа 2014 г. № 1618-р // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2024).

² Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2024).

³ Семейный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ : в ред. от 23 нояб. 2024 г. : принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2024).

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : в ред. от 13 дек. 2024 г. : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г. : одобрен Советом Федерации от 26 дек. 2001 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2024).

⁵ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2024).

⁶ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2024).

⁷ О Дне семьи, любви и верности : Указ Президента Рос. Федерации от 28 июня 2022 г. № 411 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2024).

⁸ О проведении в Российской Федерации Года семьи : Указ Президента Рос. Федерации от 22 ноября 2023 г. № 875 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2024).

гулироваться каноническим правом. Долгое время светское законодательство практически не вторгалось в сферу семьи, считая брак таинством, скрепляемым небесами и потому подлежащим регулированию по законам Божиим. Некоторые известные истории княжеские и царские указы лишь дополняли канонические постулаты. Яркими примерами совпадения векторов социального регулирования, заданных установлениями православной церкви и предписаниями государственной власти, являются правила, закрепленные в Судебнике 1497 г. (Ивана III), посвященные упорядочению имущественных отношений супругов, или повеления Петра I, позволившего своим указом 1721 г. православным вступать в брак с христианами других конфессий [20].

Представляется, что историческая конвергенция воззрений о регулировании семейного быта, существующих в православном вероучении и содержащихся в основах государственной регламентации соответствующих общественных отношений, основана на очевидности как для светских властей, так и для церковных иерархов постулата о том, что «семья, по замыслу Творца, явилась наиважнейшим фактором в формировании человека. Она раскрывает все заложенные в нем способности, силы, дарования. Семья становится ковчегом духовной жизни, где человек учится быть личностью, открывающей в себе образ и подобие Божие». Не случайно и в Концепции обозначено, что ее цели должны быть достигнуты при участии не только органов государственной власти, общественных организаций, граждан, но и при помощи активной деятельности религиозных организаций, что указывает на роль традиционной для России религии в формировании ценностных ориентиров общества и признание канонических догматов при регулировании семейной политики в нашей стране.

Время глобализации и цифровых технологий во многом негативно влияет на институт брака, деформируя отношение населения к нему. Популяризация в странах Запада различных видов семейных отношений, противоречащих традиционным представлениям о браке, повлекло необходимость внесения поправок в Конституцию Российской Федерации, обозначающих ценностные ориентиры нашего государства, в том числе в регулировании института семьи.

Так, ст. 67.1, дополнившая Основной Закон государства, провозглашает детей важнейшим приоритетом государственной политики России, обеспечивая преимущество их семейного воспитания. Наряду с физическим, интеллектуальным нравственным и духовным развитием, упоминается необходимость патриотического воспитания молодого поколения. Допол-

нение ч. 1 ст. 72 п. ж.1 закрепило понятие брака как союза мужчины и женщины, дав определение, ранее отсутствовавшее в законах нашего государства.

Наряду с Конституцией РФ, упомянутая выше Концепция указывает на задачу укрепления института семьи как основу успешного развития страны, а одной из целей государственной семейной политики называет защиту семьи и ценностей семейной жизни. В качестве приоритетов государственной семейной политики обозначены утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни; возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании; создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства; повышение авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи.

На основе Концепции были приняты законы субъектов Российской Федерации, направленные на реализацию указанных задач. Так, например, в Хабаровском крае утверждена Комплексная краевая программа развития семейной и демографической политики Хабаровского края на 2014–2025 годы⁹, в которой главной целью вместе с повышением уровня и качества жизни обозначено укрепление семейных ценностей.

Таким образом, начиная с Основного Закона страны, переходя в федеральные законы и законы субъектов Российской Федерации, обозначены приоритеты, направленные на восстановление и сохранение традиционных семейных ценностей. Подобный акцент на защите института брака, семьи, материнства, отцовства и детства необходим в условиях глобализации для достойного воспитания подрастающего поколения.

Несмотря на нормативное закрепление указанных положений, в России, также как и во всем мире, дети сталкиваются с пропагандой однополых отношений через литературу, кинематограф и даже магазины игрушек. Так, компания Lego в 2022 г. к Международному дню защиты детей выпустила новый набор игрушек под названием «Каждый прекрасен» без лица, раскрашенных в цвета радуги в поддержку ЛГБТ-сообщества [1], а у куклы Барби появилась подруга-трансгендер, прототипом которой стала известная ЛГБТ-активистка, актриса Голливуда Лаверна Кокс [10]. Киноком-

⁹ О Комплексной краевой программе развития семейной и демографической политики Хабаровского края на 2014–2025 годы : распоряжение правительства Хабаровского края от 5 ноября 2014 г. № 780-рп // Электронный фонд нормативно-техн. и нормативно-правовой информ. Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/465333022> (дата обращения: 15.05.2024).

пания Marvel стала вводить в свои фильмы супергероев, находящихся в нетрадиционных отношениях или тяготеющих к ним [9]. При этом в комментариях к релизам актеры и режиссеры говорят, что зрители хотели бы видеть больше ЛГБТ-героев в их картинах [7]. Даже в мультипликационных фильмах и фильмах-сказках стали появляться однополые пары и проявления однополых любви персонажей. К примеру, компания Disney представила мультфильм «Ранчо динозавров», героями которого являются два динозавра гея [5]. Печатная продукция для детей также пестрит примерами однополых отношений. Нашумевшая в 2021 г. книга «Лето в пинонерском галстуке» про любовь двух мальчиков до сих пор доступна к продаже в онлайн-библиотеках [19] и на полках книжных магазинов.

Игнорируя критику стран Запада по поводу отсутствия толерантности в нашей стране к лицам, которые меняют свою половую принадлежность либо не могут определить свой гендер, вступающим в однополые отношения, государственная семейная политика Российской Федерации строится на признании и поддержке брака как союза мужчины и женщины и запрете пропаганды нетрадиционных отношений. Защита неокрепшей и неустойчивой психики детей и подростков от тлетворного влияния подобной пропаганды и сохранение традиционных семейных отношений являются стратегическим курсом нашей страны.

Проанализировав ст. 6.21 КоАП РФ¹⁰, федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹¹ и «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹², можно сделать вывод, что в нашем государстве создана достаточно эффективная система выявления и блокировки данных, содержащих информацию, наносящую вред здоровью и развитию детей. Так, законодательно предусмотрен мониторинг соцсетей для выявления пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и пред-

почтений, педофилии, смены пола; запрещено использовать СМИ для распространения соответствующих материалов; телепрограммы и фильмы, содержащие подобные материалы, не смогут получить прокатные удостоверения; запрещено продавать товары, содержащие сведения, за распространение которых предусмотрена административная или уголовная ответственность; закреплён механизм ограничения доступа детей к запрещенной информационной продукции на платных теле- и радиоканалах; реклама, включающая указанные материалы, также не принимается к размещению, а за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений или предпочтений, смены пола либо отказа от деторождения установлена административная ответственность.

Тем не менее, несмотря на все перечисленные меры, статистика указывает на то, что по сравнению с опросом десятилетней давности сегодня россияне чаще заявляют о столкновении с пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений. Доля тех, кто встречал их популяризацию на просторах Интернета, в СМИ и кинематографе, выросла с 2012 г. в два раза (13 %, 2012 г. — 6 %). Чаще это замечают мужчины (17 %), молодежь 18–24 лет (19 %), жители обеих столиц (18 %) [11].

Кроме того, Всероссийский центр изучения общественного мнения отмечает, что все больше российских граждан относится положительно к парам, находящимся в нетрадиционных отношениях. Согласно данным ВЦИОМ, с каждым годом доля респондентов, давших однозначный отрицательный ответ на вопрос: имеют ли право взрослые люди по взаимному согласию вступать в отношения с людьми того же пола, снижается, что означает все большую толерантность общества к подобного рода девиациям. Следовательно, для сохранения традиционных семейных ценностей существующих мер недостаточно.

В связи с описанными проблемами очевидно, что законодателю не справиться с воспитанием подрастающего поколения без помощи общественных объединений, политических партий, профессиональных союзов и особенно религиозных организаций, концептуальная основа деятельности которых является неотъемлемой составляющей многовековой российской культуры. Данный тезис находит отражение и в Указе Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где в п. 6 указано, что христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия,

¹⁰ О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 23 нояб. 2024 г. № 401-ФЗ : принят Гос. Думой 12 нояб. 2024 г. : одобрен Советом Федерации от 20 нояб. 2024 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.11.2024).

¹¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 5 дек. 2022 г. № 478-ФЗ : принят Гос. Думой 24 нояб. 2022 г. : одобрен Советом Федерации от 30 нояб. 2022 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2024).

¹² О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : Федер. закон от 29 дек. 2010 г. № 436-ФЗ : в ред. от 28 апр. 2023 г. : принят Гос. Думой 21 дек. 2010 г. : одобрен Советом Федерации от 24 дек. 2010 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.11.2024).

оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан, и отмечено, что особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию.

Деятельность Русской православной церкви всегда была направлена на продвижение и укрепление христианских духовных ценностей в обществе, включая сохранение традиционных семейных ценностей и воспитание подрастающего поколения в духе веры и добродетели. Опросы ВЦИОМ показывают, что роль православия в нашем обществе возросла. Сравнение статистики 1993 и 2023 г. показало, что за три десятилетия значение религии в жизни россиян усилилось. В два с половиной раза выросла доля тех, кто называет религию очень важной для себя (с 6 % в 1993 г. до 15 % в 2023 г.), а в общей сложности число россиян, для кого религия важна, составляет теперь 40 % опрошенных, в сравнении с 28 % в 1993 г. Одновременно с этим сократилось количество граждан нашей страны, для которых религия не играет никакой роли: с 35 % в 1993 г. до 28 % в 2023 г. Помимо этого, 56 % жителей России отмечают важнейшую роль Церкви в истории и развитии страны [17].

Религия, вера всегда являлись основой поддержания и продвижения нравственных и духовных ценностей, объединяя поколения и разные слои населения едиными для всех правилами поведения. Одной из функций семьи Концепция называет духовное развитие. Вне всякого сомнения, Русская православная церковь, представленная всей совокупностью идей, принципов православия, а также своими структурными подразделениями и объединениями граждан, являет собой традиционный российский институт, опирающийся на исконные морально-нравственные ценности значительной части населения страны. Кроме того, необходимо учитывать и немаловажную роль православия – всей его совокупности в российской истории и культуре.

Закрепленные в Основах социальной концепции Русской православной церкви [13] (далее – Основы социальной концепции) в разделе X «Вопросы личной, семейной и общественной нравственности» положения о том, что брак должен быть разнополюс, так как именно этот постулат заложен в основу отношения между полами, опираются на Библию, где указано, что мужчина и женщина созданы для целостного единения друг с другом в любви: «Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть» (Бытие, гл. 2, стих 24) [3]. Православная церковь в отличие от католической, которая позволила священнослужителям самим решать вопрос о венчании лиц одного пола [14], выступает категорически против однополых и иных

нетрадиционных брачных отношений. Исходя из ортодоксальных догматов христианства, гомосексуализм неприемлем не только как форма брачного союза, но и как вид отношений между людьми. Ссылаясь не только на канонические нормы, но и на постулаты римского права, Русская православная церковь признает браки, заключенные по гражданским законам, не подвергая таких супругов каноническим прещением. При этом в Основах социальной концепции изложено более терпимое отношение православной церкви к бракам с нехристианами и атеистами, при этом приводятся слова Святого апостола Павла: «Неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим» (Первое послание к Коринфянам, гл. 7, стих 14) [8].

С целью поддержания института семьи Церковь активно занимается воспитанием молодежи в духе православия, открывая воскресные школы, внедряя в систему общего образования религиозное просвещение, поддерживая многодетные семьи и помогая детям, оставшимся без попечения родителей, и семьям, оказавшимся в кризисной ситуации. Так, по сообщению Российской газеты, в 2023 г. в г. Лобне Московской области был открыт новый церковный приют «Надежда» для женщин с детьми, который стал 84-м приютом в стране для мам в кризисной ситуации, созданным при участии Русской православной церкви [18].

Проявляя заботу о детях-сиротах и детях, оставшихся без попечения родителей, церковь помогает государству в решении проблемы сиротства. Под эгидой Русской православной церкви работают православные детские дома, приюты-пансионы, школы-интернаты, специальные коррекционные православные детские дома, православные детские социальные реабилитационные центры, православные социальные приюты, православные семейные детские приюты [22]. Согласно принятым Высшим Церковным Советом 21 июня 2013 г. Основным принципам деятельности церковных приютов Русской православной церкви [12] одной из задач церковного приюта является приобщение детей к православной духовной традиции, их христианское воспитание. Воспитываясь в подобных заведениях, дети получают не только кров и заботу, но и принимают те ценности, которые несет в себе православие.

Русская православная церковь активно сотрудничает с государственными органами и общественными организациями, участвуя в совместных мероприятиях. Так, 25 сентября 2024 г. в Москве в Общественной палате Российской Федерации состоялся круглый стол на тему «Христианские духовные ценности в семье и обществе» [4], участники которого

обсудили важность продвижения и укрепления христианских духовных ценностей. На встрече Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла с губернатором Смоленской области 20 октября 2024 г. обсуждались вопросы конструктивного взаимодействия между властью и Церковью, где губернатор отметил важную роль духовенства Смоленской митрополии в реализации ряда значимых проектов по обучению и воспитанию молодежи и подготовке учебника «Духовное краеведение Смоленщины» для 8–9-х классов [21].

Учитывая то, что заключение однополых браков и квазисемейных союзов возможно более чем в 20 странах мира, а западные ценности проникают в сознание подрастающего поколения из множества доступных источников, прелесть которые не представляется возможным, необходимо создать систему воспитания молодежи в духе традиционных семейных ценностей, в том числе сформированных каноническими догматами Русской православной церкви.

Может показаться, что позиция Русской православной церкви во многом слишком консервативна, так как основные принципы, на которых базируется Церковь, имеют глубокие корни и являются догмами, которые не могут быть изменены. Вместе с этим следует учитывать интерпретационный потенциал форм догматических положений в приложении к конкретным жизненным обстоятельствам. Так, в 2001 г. создана Патриаршая комиссия по вопросам семьи, защиты материнства и детства для взаимодействия с обществом и организации мероприятий, ориентированных на адекватные ответы вызовам времени, среди которых не только осуждаемые повсеместно разрушение семьи и пропаганда безнравственности, однополые браки, но и аборт, а также суррогатное материнство.

Помимо указанных кризисов семьи, которым противостоит Церковь, можно указать также на отмеченную в Концепции (13, разд. VII) проблему разводов. В отличие от достаточно простой светской процедуры развода расторжение брака канонического возможно лишь по одобренным Поместным Собором Российской Православной Церкви в 1918 г. [15] пово-

дам к расторжению брачного союза, освященного Церковью. Для предупреждения разводов священникам рекомендуется при проведении бесед с брачующимися перед венчанием разъяснить жениху и невесте идею нерасторжимости церковного брачного союза, подчеркивая, что развод — это крайняя мера, так как Церковь настаивает на пожизненной верности супругов и нерасторжимости православного брака.

Таким образом, в большей степени нравственные идеалы общества, государства и православного вероучения совпадают и, как можно увидеть в упомянутых выше Основах социальной концепции, позиция Русской православной церкви близка государственно-правовым концептам, лежащим в основе семейной политики, реализуемой публичной властью в современной России. По поводу взаимодействия христианской этики и светского права в разделе IV Основ социальной концепции отмечено, что «право содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества», и основополагающим принципом права является правило «не делай другому того, чего не желаешь себе», и, следовательно, одна из главных задач как закона светского, так и духовного — не дать миру превратиться в ад (13, разд. IV).

В свете обозначенных проблем представляется, что в сфере взаимоподдержки и взаимодействия между традиционными религиями (религиозными организациями) и российским государством по вопросам реализации государственной семейной политики именно Русская православная церковь как внутренне гармоничная, эмоционально здоровая социальная сила, бережно хранящая ценности православного писания и предания, передающая эти ценности из поколения в поколение призвана в единстве усилий с публичной властью создавать и укреплять институт семьи. Верующие призваны на своем примере показать красоту отношений традиционной семьи, поднять ее авторитет на должный уровень, чтобы общество наполнялось нравственными, по-настоящему полноценными людьми.

Список литературы:

1. Lego выпустит набор в поддержку ЛГБТ-сообщества // РБК : сайт. URL: <https://style.rbc.ru/repost/60a658e59a79471fc9c8b876> (дата обращения: 15.09.2024).
2. Беспалов Ю. Ф. Несовершенство российского законодательства о семье, семейных ценностях и пути его преодоления : монография. М., 2021.

References:

1. Lego vypustit nabor v podderzhku LGBT-soobshchestva // RBK : sajt. URL: <https://style.rbc.ru/repost/60a658e59a79471fc9c8b876> (data obrashcheniya: 15.09.2024).
2. *Bespalov YU. F. Nesovershenstvo rossijskogo zakonodatel'stva o sem'e, semejnyh cennostyah i puti ego preodoleniya : monografiya. M., 2021.*

3. Бытие // Азбука веры: православная библиотека : сайт. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Gen.2:24> (дата обращения: 12.09.2024).
4. В Общественной палате РФ обсудили тему христианских духовных ценностей в семье и обществе // Христиане.ру : сайт. URL: <https://www.hristiane.ru/news/article/1792027> (дата обращения: 12.10.2024).
5. Вот так динозавры и вымерли: в канадском детском мультсериале показали тираннозавров-геев, которые хотят стать папами // Дзен: российская блог-платформа для создания и просмотра контента : сайт. URL: <https://dzen.ru/a/ZEE6EgVoDBX7ovi0> (дата обращения: 15.10.2024).
6. *Елисеева А. А.* Традиционные семейные ценности как объект интересов: частноправовой и публично-правовой аспекты // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5. С. 68–75.
7. Звезда «Тора» хочет видеть больше ЛГБТ-героев в фильмах Marvel // Чемпионат: российский спортивный интернет-портал. URL: <https://www.championat.com/cybersport/news-4742559-zvezda-tora-hochet-videt-bolshe-lgbt-geroev-v-filmah-marvel.html> (дата обращения: 12.09.2024).
8. К коринфянам // Азбука веры: православная библиотека : сайт. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?1Cor.7:14> (дата обращения: 15.09.2024).
9. Капитан Марвел, сын Росомахи, Валькирия: Marvel хочет сделать фильм с главным героем-геем // Газета.ру : сайт. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2021/02/01/a_13462586.shtml (дата обращения: 12.10.2024).
10. Компания Mattel выпустила первую трансгендерную куклу Barbie Forbs.ru : сайт. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/467005-kompania-mattel-vypustila-pervuu-transgendernuu-kuklu-barbie> (дата обращения: 12.10.2024).
11. Однополые браки: табу или новая норма? // ВЦИОМ : офиц. сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odnopolye-braki-tabu-ili-novaja-norma> (дата обращения: 12.10.2024).
12. Основные принципы деятельности церковных приютов Русской Православной Церкви // Азбука веры: православная библиотека : сайт. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovnye-printsipy-deyatelnosti-tserkovnyh-priyutov-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/> (дата обращения: 15.10.2024).
13. Основы социальной концепции Русской православной церкви // Патриархия.ру : офиц. сайт Московского Патриархата. URL: <https://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 22.10.2024).
3. Bytie // Azbuka very: pravoslavnaya biblioteka : sajt. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Gen.2:24> (data obrashcheniya: 12.09.2024).
4. V Obshchestvennoj palate RF obsudili temu hristianskih duhovnyh cennostej v sem'e i obshchestve // Hristiane.ru : sajt. URL: <https://www.hristiane.ru/news/article/1792027> (data obrashcheniya: 12.10.2024).
5. Vot tak dinozavry i vyperli: v kanadskom detskom mul'tseriale pokazali tirannozavrov-geev, kotorye hotyat stat' papami // Dzen: rossijskaya blog-platforma dlya sozdaniya i prosmotra kontenta : sajt. URL: <https://dzen.ru/a/ZEE6EgVoDBX7ovi0> (data obrashcheniya: 15.10.2024).
6. *Eliseeva A. A.* Traditional family values as an object of interest: private law and public law aspects // // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA). 2023. № 5. P. 68–75.
7. Zvezda «Tora» hochet videt' bol'she LGBT-geroev v fil'mah Marvel // CHempionat: rossijskij sportivnyj internet-portal. URL: <https://www.championat.com/cybersport/news-4742559-zvezda-tora-hochet-videt-bolshe-lgbt-geroev-v-filmah-marvel.html> (data obrashcheniya: 12.09.2024).
8. K korinfyanam // Azbuka very: pravoslavnaya biblioteka : sajt. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?1Cor.7:14> (data obrashcheniya: 15.09.2024).
9. Kapitan Marvel, syn Rosomahi, Val'kiriya: Marvel hochet sdelat' fil'm s glavnyim geroem-geem // Gazeta.ru : sajt. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2021/02/01/a_13462586.shtml (data obrashcheniya: 12.10.2024).
10. Kompaniya Mattel vypustila pervuyu transgendernyu kuklu Barbie Forbs.ru : sajt. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/467005-kompania-mattel-vypustila-pervuu-transgendernuu-kuklu-barbie> (data obrashcheniya: 12.10.2024).
11. Odnopolye braki: tabu ili novaya norma? // VCIOM : ofic. sajt. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/odnopolye-braki-tabu-ili-novaja-norma> (data obrashcheniya: 12.10.2024).
12. Osnovnye principy deyatel'nosti cerkovnyh priyutov Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi // Azbuka very: pravoslavnaya biblioteka : sajt. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovnye-printsipy-deyatelnosti-tserkovnyh-priyutov-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/> (data obrashcheniya: 15.10.2024).
13. Osnovy social'noj koncepcii Russkoj pravoslavnoj cerkvi // Patriarhiya.ru : ofic. sajt Moskovskogo Patriarhata. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (data obrashcheniya: 22.10.2024).
14. Papa Rimskij razreshil svyashchennikam blagoslovlyat' odnopolye pary // RBK : sajt.

- <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 22.10.2024).
14. Папа Римский разрешил священникам благословлять однополые пары // РБК : сайт. URL: <https://www.rbc.ru/society/19/12/2023/6580cd3f9a794792e3690dc2> (дата обращения: 22.10.2024).
 15. Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности // Азбука веры: православная библиотека : сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/pomestnyj-sobor-rossijskoj-pravoslavnoj-tserkvi-1917-1918-godov-i-printsip-sobornosti/ (дата обращения: 21.10.2024).
 16. Рабец А. М. Традиционные семейные ценности, семейные обычаи и традиции в системе источников семейного права Российской Федерации // Цивилист. 2024. № 4 (50). С. 6–13.
 17. Религия и общество: мониторинг // ВЦИОМ : офиц. сайт. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 27.10.2024).
 18. Русская православная церковь открыла 84-й церковный приют в стране для женщин с детьми // Российская газета : сайт. URL: <https://rg.ru/2023/12/15/sluzhba-miloserdie-otkryla-84-j-cerkovnyj-priiut-v-strane-dlia-zhenshchin-s-detmi.html> (дата обращения: 27.10.2024).
 19. Сильванова К. Лето в пионерском галстике // LITMIR.ORG : сайт. URL: <https://litmir.org/books/proza/sovremennaja-proza/page-56-291095-leto-v-pionerskom-galstike-silvanova-katerina.html> (дата обращения: 13.09.2024).
 20. Смирнов П. История христианской православной церкви. Изд. 31-е. Петроград, 1916.
 21. Состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с губернатором Смоленской области и главой Смоленской митрополии : офиц. сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6166724.html> (дата обращения: 27.10.2024).
 22. Справочная информация о действующих православных детских домах и приютах // Милосердие.RU : православный портал о благотворительности. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/gde-est-pravoslavnye-detskie-doma/> (дата обращения: 28.10.2024).
 23. Тарусина Н. Н. Гендер в законе и семейные ценности: в поисках баланса // Lex Russica (Русский закон). 2022. № 1 (182). С. 131–146.
 24. Якушев П. А. Нормативное закрепление признаков традиционной семьи в законодательстве России и государств Европы на современном этапе // Социально-правовые аспекты трансформации института современно URL: <https://www.rbc.ru/society/19/12/2023/6580cd3f9a794792e3690dc2> (дата обращения: 22.10.2024).
 15. Pomestnyj Sobor Rossijskoj Pravoslavnoj Cerkvi 1917–1918 gg. i princip sobornosti // Azbuka very: pravoslavnaya biblioteka : sajt. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/pomestnyj-sobor-rossijskoj-pravoslavnoj-tserkvi-1917-1918-godov-i-printsip-sobornosti/ (дата обращения: 21.10.2024).
 16. Rabets A. M. Traditional family values, family customs and traditions in the system of sources of family law of the Russian Federation // The civilist. 2024. № 4 (50). P. 6–13.
 17. Religiya i obshchestvo: monitoring // VCIOM : ofic. sajt. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/religiya-i-obshchestvo-monitoring> (дата обращения: 27.10.2024).
 18. Russkaya pravoslavnaya cerkov' otkryla 84-j cerkovnyj priyut v strane dlya zhenshchin s det'mi // Rossijskaya gazeta : sajt. URL: <https://rg.ru/2023/12/15/sluzhba-miloserdie-otkryla-84-j-cerkovnyj-priiut-v-strane-dlia-zhenshchin-s-detmi.html> (дата обращения: 27.10.2024).
 19. Sil'vanova K. Leto v pionerskom galstike // LITMIR.ORG : sajt. URL: <https://litmir.org/books/proza/sovremennaja-proza/page-56-291095-leto-v-pionerskom-galstike-silvanova-katerina.html> (дата обращения: 13.09.2024).
 20. Smirnov P. Istoriya hristianskoj pravoslavnoj cerkvi. Izd. 31-e. Petrograd, 1916.
 21. Sostoyalas' vstrecha Svyatejshego Patriarha Kirilla s gubernatorom Smolenskoj oblasti i glavoy Smolenskoj mitropolii : ofic. sajt Moskovskogo patriarhata. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6166724.html> (дата обращения: 27.10.2024).
 22. Spravochnaya informaciya o dejstvuyushchih pravoslavnyh detskih domah i priyutah // Miloserdie.RU : pravoslavnyj portal o blagotvoritel'nosti. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/gde-est-pravoslavnye-detskie-doma/> (дата обращения: 28.10.2024).
 23. Tarusina N. N. Gender in law and family values: in search of a balance // Lex Russica (Russian Law). 2022. № 1 (182). P. 131–146.
 24. Yakushev P. A. Normativnoe zakreplenie priznakov tradicionnoj sem'i v zakonodatel'stve Rossii i gosudarstv Evropy na sovremennom etape // Social'no-pravovye aspekty transformacii instituta sovremennoj sem'i v kontekste realizacii gosudarstvennoj semejnoy politiki : sbornik statej po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. k 25-letiyu prinyatiya Semejnogo kodeksa Ros. Federacii / pod obshch. red. O. YU. II'noj. Tver', 2020. S. 292–299

менной семьи в контексте реализации государственной семейной политики : сборник статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. к 25-летию принятия Семейного кодекса Рос. Федерации / под общ. ред. О. Ю. Ильиной. Тверь, 2020. С. 292–299

25. Якушев П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 27.

25. Yakushev P. A. Tradicionnye cennosti v mekhanizme pravovogo regulirovaniya semejnyh ot-noshenij v Rossii i stranah Evropy: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2021. S. 27.

Для цитирования:

Ищенко Олеся Алексеевна. Роль православия в реализации государственной семейной политики // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 43–52.

For citation:

Ishchenko Olesya Alekseevna. The Role of Orthodoxy in the Implementation of State Family Policy // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 43–52.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: методология, правовое обеспечение

Садюкова Ульяна Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры управления
органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России,

Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: ulyana578@list.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

Ulyana Valeryevna Sadiokova,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Management
of Crime Investigation Agencies,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi and Alexander Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: ulyana578@list.ru

Scientific speciality:
5.1.2. Public Law (State Law) Sciences

УДК 351.87

DOI 10.24412/2072-9391-2023-472-53-58

Дата поступления статьи: 22 октября 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 24 декабря 2024 г.

Методика расчета оптимальной нагрузки на следователя следственных подразделений в системе МВД России

The Methodology for Calculating the Optimal Burden on the Investigator of Investigative Units in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Аннотация

Актуальность: оценка деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России осуществляется сегодня на основе итоговых статистических показателей за отчетный период, критерии формирования которых не учитывают условий деятельности следственных подразделений, их кадровой обеспеченности и нагрузки, что не всегда позволяет в полной мере оценить результаты их работы и принять адекватные управленческие решения по воздействию на нее субъектами управления. В этой связи для ее оптимизации необходима выработка новых подходов с определяющими показателями вложенного труда сотрудников и его отраслевых

Abstract

Relevance: The assessment of the activities of preliminary investigation bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia is carried out today on the basis of final statistical indicators for the reporting period, the formation criteria of which do not take into account the operating conditions of investigative units, their staffing levels and workload, which does not always make it possible to fully evaluate the results of their work and make adequate management decisions on the influence of management subjects on it. In this regard, to optimize it, it is necessary to develop new approaches with defining indicators of the invested labor of employees and industry workload standards for the consideration of reports of crimes

нагрузочных норм. Озабоченность этим вопросом руководства подсистемы следственных органов в системе МВД России и тем самым его актуальность для правоприменительной деятельности нашла отражение в заявке Следственного департамента МВД России о выработке Академией управления МВД России отраслевых норм труда следователей и оптимальной нагрузки на них по рассмотрению сообщений о преступлениях и расследованию уголовных дел. Следует отметить, что определение нагрузочных норм является важным средством в совершенствовании организации деятельности следователей, способом выявления и использования резервов повышения эффективности трудовых условий в следственной работе, стимулирования следственных кадров.

Постановка проблемы: в настоящее время отсутствуют нормативно определенные методики расчета нагрузки на одного следователя, хотя попытки их научного обоснования предпринимались не единожды. Нормирование труда, являясь средством оценки, стимулирует к совершенствованию организацию следственной работы, выявление и использование резервов повышения ее эффективности. В этой связи становится необходимой выработка норм труда следователей, обосновывающих его оптимальную интенсивность и загруженность для сохранения здоровья и работоспособности, поддержания интереса к службе.

Цель исследования: выработка оптимальной нормы нагрузки на следователей следственных органов территориальных органов внутренних дел на районном уровне по рассмотрению сообщений о преступлениях и расследованию уголовных дел для оптимизации организации их деятельности и ее оценки, в том числе в условиях некомплекта личного состава

Методы исследования: формально-юридический, логический, статистический, сравнительный, социологический, методы исследования документов и наблюдения.

Результаты и ключевые выводы: выработанные оптимальные отраслевые нагрузочные нормы на одного следователя по рассмотрению сообщений о преступлениях и расследованию уголовных дел могут быть положены в основу динамической оценки деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России; стимулирования следователей в условиях их деятельности, превышающей оптимальную нагрузку, в том числе при реализации действующих нормативных правовых актов о дополнительных выплатах к денежному довольствию; методики расчета штатной численности органов предварительного следствия в системе МВД России.

Ключевые слова: следственные органы; нормирование труда следователя; оценка деятельности.

and the investigation of criminal cases. The concern of the management of the subsystem of investigative bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia with this issue and, thus, its relevance for law enforcement activities was reflected in the application of the Investigation Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the development by the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia of industry standards for the work of investigators and the optimal workload for reviewing reports of crimes and investigating criminal cases. It should be noted that determining workload indicators is an important means in improving the organization of investigators' activities, a way to identify and use reserves for increasing the efficiency of working conditions in investigative work, and stimulating investigative personnel.

Statement of the problem: At present, unlike investigators, there are no normatively defined methods for calculating the workload per investigator, although attempts to scientifically substantiate them have been made more than once. Labor standardization, being a means of assessment, stimulates the improvement of the organization of investigative work, the identification and use of reserves for increasing its efficiency. In this regard, it becomes necessary to develop work standards for investigators that justify its optimal intensity and reasonable workload to preserve health and performance, and maintain investigators' interest in the service.

The purpose of the study: development of an optimal workload standard for investigators of investigative bodies of territorial internal affairs bodies at the district level to consider reports of crimes and investigate criminal cases to optimize the organization of their activities, including in conditions of staff shortages

Research methods: formal legal, logical, statistical, comparative, sociological, methods of document research and observation

Results and key findings: The developed industry workload standards for one investigator for the consideration of reports of crimes and the investigation of criminal cases can be used as the basis for a dynamic assessment of the activities of preliminary investigation bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia. They can also form the basis for stimulating investigators in conditions of their activities that exceed the optimal workload, including in the implementation of existing regulations on additional payments to their salary. The calculated industry workload standards can be used when developing a methodology for calculating the staffing level of preliminary investigation bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: investigative authorities; standardization of investigator's work; performance assessment.

Оценка деятельности объекта управления является органической и важнейшей частью системы управления, определяющей характер, интенсивность и направленность управленческого воздействия на нее субъектом управления в последующий период, и основанием для принятия организационных управленческих решений. Оценочная деятельность субъектов управления является познавательным процессом и всегда сопровождается сравнением с неким установленным эталоном. Таким применяемым ценностным критерием в оценке может служить определение норм труда объекта управления. Последнее позволяет установить меру определения фактически выполненной работы, направления совершенствования ее организации, повышения эффективности и результативности деятельности. Одновременно определение норм труда обеспечивает не превосходящую возможно допустимые и безопасные для здоровья сотрудника показатели его интенсивности.

Тем самым одним из подходов к оптимизации оценки деятельности следственных органов в системе МВД России может стать выработка отраслевых нагрузочных норм на одного следователя по профильному направлению его деятельности — рассмотрению сообщений о преступлениях и расследованию уголовных дел. Нормирование труда следователя может служить не только средством оценки, но и стимулированию к совершенствованию организации следственной работы руководителями следственных органов, выявлению и использованию последними резервов повышения ее эффективности.

В настоящее время в отличие от дознавателей отсутствуют нормативно определенные методики расчета нагрузки на одного следователя, хотя попытки их научного обоснования предпринимались не единожды. Так, расчет нагрузочных показателей следователей нами осуществлен с учетом методик и результатов научных работ, проведенных в разное время ВНИИ МВД России¹, Московским университетом МВД России имени В. Я. Кикотя², Волгоградской ака-

демией МВД России³, по разработке отраслевых норм труда и методических рекомендаций по расчету штатной численности подразделений дознания, органов предварительного следствия, иных подразделений органов внутренних дел; рекомендаций по определению штатной численности и трудозатрат работников бюджетных организаций, разработанных Управлением нормативов по труду ФГУП «НИИ ТСС» Росздрава на основе обобщения опыта многоцелевого назначения, в том числе судей арбитражного суда⁴ и их оценки [1; с. 6], а также научных трудов по вопросам управления органами предварительного следствия в системе МВД России, формирования их нормативов численности [2; 3; 5].

Эмпирическую основу исследования составили 109 материалов проверок сообщений о преступлениях с принятым решением об отказе в возбуждении уголовного дела; 318 уголовных дел, приостановленных производством по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ; более 5 000 обвинительных заключений по оконченным уголовным делам в следственных органах органов внутренних дел четырех субъектов Российской Федерации; результаты экспертного опроса 841 руководителя следственных органов территориальных органов на районном уровне всех субъектов Российской Федерации. Подвергнуты исследованию статистические показатели о результатах следственной работы органов внутренних дел по форме № 1-Е, составе кадров в органах внутренних дел Российской Федерации по форме 1-К. Также использовались эмпирические данные, полученные другими авторами, по вопросам, имеющим отношение к теме научной работы, что в совокупности позволяет утверждать о полноте и объективности полученных результатов.

С учетом разных категорий преступлений, расследуемых следственными подразделениями в системе МВД России на районном, региональном и федеральном уровнях, объемов их трудозатратности и четкой дифференциации компетенции следственных органов в этой связи [4; с. 7] расчет норм в настоящем исследовании ограничен расчетом нагрузки следователей следственных органов территориальных органов внутренних дел на районном уровне.

¹ Аналитическая записка о расчете оптимальной нагрузки на одну штатную единицу: научно-исследовательская работа ВНИИ МВД России по заявке СК при МВД России от 1 июля 2002 г. № 17/1-6352; Методические рекомендации по расчету штатной численности подразделений дознания ВНИИ МВД России от 6 ноября 2018 г. № 43/2080; Нормативы численности по основным направлениям деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: методические рекомендации. М.: ВНИИ МВД России, 2015. 116 с.; Оценка затрат рабочего времени следователей органов предварительного следствия в системе МВД России // Информационный бюллетень Следственного комитета при МВД России. 2004. № 3 (121). С. 14–21.

² Нормативы численности по основным направлениям деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: методические рекомендации. М.: ВНИИ МВД России, 2015. 116 с.

³ Янин С. А., Маков М. А., Смагоринский Б. П. Разработка отраслевых норм труда и методических рекомендаций по расчету на их основе штатной численности подразделений предварительного следствия: методические рекомендации. Волгоградская академия МВД России, Организационно-штатное управление МВД России. 2019. 32 с.

⁴ Рекомендации по определению штатной численности работников бюджетных организаций на основе нормативов по труду: утв. Росздравом. Документ опубликован не был // СПС Консультант-Плюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.05.2024).

Методика расчета оптимальной нагрузки на одного следователя. В основу расчета оптимальной нагрузки на одного следователя (N) положено вычисление соотношения годового фонда его рабочего времени на профильную деятельность (F) и трудоемкости его процессуальной деятельности по рассмотрению сообщений о преступлениях, по приостановленным производством и оконченным уголовным делам (T):

$$N = F / T$$

Годовой фонд рабочего времени на профильную деятельность – это суммарное количество рабочего времени следователя в календарном году для осуществления процессуальной деятельности.

Для его расчета из общего годового фонда рабочего времени ($F_{\text{г}}$) – количества часов, которые в течение календарного года должен отработать следователь в соответствии с условиями контракта, правилами внутреннего трудового распорядка, иных локальных нормативных актов организации при 40-часовой рабочей неделе, вычтено время, затрачиваемое следователем на деятельность, не связанную непосредственно с расследованием преступлений, и время, предусмотренное соответствующими нормативными правовыми актами, на отдых следователя ($F_{\text{ни}}$).

$$F = F_{\text{г}} - F_{\text{ни}}$$

Показатель $F_{\text{г}}$ определялся на основе ежегодно разрабатываемого производственного календаря⁵. Согласно производственному календарю на 2025 г. общий годовой рабочий фонд при 40-часовой рабочей неделе составит 1 972 часа⁶.

$F_{\text{ни}}$ включает в себя время, затрачиваемое следователем:

1) на занятия по профессиональной служебной, физической и огневой подготовкам – не менее 165 часов⁷, морально-психологической – не менее 25 часов⁸;

2) еженедельные служебные совещания – 45 часов из среднего расчета 1 совещание в неделю длительностью 1 час,

45 = (52 (количество недель в календарном году) – 7 (количество недель пребывания следователя в отпуске) x 1 час;

3) ежегодный отпуск – 416 часов, из них:
– основной отпуск – 30 календарных дней (240 часов⁹);

– в качестве компенсации за выходные и праздничные дни в период отпуска – 10 календарных дней (80 часов);

– дополнительный отпуск за стаж службы в органах внутренних дел – 5 календарных дней (40 часов)¹⁰;

– дополнительный отпуск за ненормированный служебный день – 7 календарных дней (56 часов);

4) работа в составе дежурных следственно-оперативных групп и отдых после суточного дежурства¹¹ – 320 часов.

Итого, $F_{\text{ни}} = 165 + 25 + 45 + 416 + 320 = 971$ час.

$F = 1\,972 - 971 = 1\,001$ час или 125 рабочих дней ($1\,001 / 8 = 125$)

$F = 1\,001$ час (125 рабочих дней).

Трудоемкость профильной деятельности – это трудовые затраты рабочего времени следователя, непосредственно связанные с его процессуальной деятельностью по рассмотрению сообщений о преступлениях, по приостановленным производством и оконченным уголовным делам.

В основу расчета трудоемкости положены результаты хронометража деятельности следователей по рассмотрению сообщений о преступлениях, по приостановленным производством и оконченным уголовным делам, проведенного посредством экспертного опроса руководителей следственных органов территориальных органов на районном уровне всех субъектов Российской Федерации, изучения уголовных дел и материалов проверок.

В разработанной в ходе исследования форме руководителями следственных органов с учетом особенностей условий деятельности возглавляемого ими следственного органа¹² зафиксированы дифференцированно по видам процессуальных действий средние (медиальные) значения: 1) продолжительности их производства; 2) времени, затрачиваемого следователем на подготовку к ним и организацию их производства, включая выезд

⁵ Об утверждении порядка исчисления нормы рабочего времени на определенные календарные периоды времени (месяц, квартал, год) : приказ Минздравсоцразвития России от 13 авг. 2009 г. № 588н.

⁶ Производственный календарь на 2025 год // СПС Консультант-Плюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2024).

⁷ Служебная подготовка – не менее 50 часов; огневая – не менее 15 часов; физическая – не менее 100 часов. См.: Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 2 февр. 2024 г. № 44.

⁸ Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 27 авг. 2024 г. № 500.

⁹ Для районов Крайнего Севера и приравненных к ним или других местностей с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в том числе отдаленных, прибавляется 120 часов (15 дополнительных суток отпуска).

¹⁰ Медиальные значения, исходя из преимущественного стажа службы следователей в следственных органах на районном уровне до 5 лет.

¹¹ Из расчета 32 часа (4 дня в месяц (в среднем два дежурства и двое суток отдыха) умножить на 10 месяцев (время пребывания в отпуске – 52 дня (1,7 месяца)).

¹² Географические и этнические особенности субъекта Российской Федерации, кадровое обеспечение следственного органа, уровень квалификации его сотрудников, оперативная обстановка, материально-техническая оснащенность подразделения и др.

к месту производства процессуального действия; подготовку материалов в обоснование перед судом соответствующего ходатайства следователя; вызов его участников; выбор тактических приемов его проведения и т. д.; 3) их количества в одном материале проверки/уголовном деле (среднего значения их повторяемости).

Форма фиксации медиальных значений трудозатрат дифференцирует их по материалам проверки, приостановленным производством и окончанным уголовным делам, в том числе с учетом увеличения количества привлекаемых к уголовной ответственности лиц и расследуемых эпизодов преступной деятельности, позволяя тем самым рассчитать коэффициенты изменения трудоемкости при увеличении объема и сложности расследуемых уголовных дел.

В хронометрируемые перечни включены процессуальные действия, требуемые для установления определенных в УПК РФ обстоятельств на соответствующих этапах досудебного производства. Важно отметить, что при изучении материалов проверки и уголовных дел установлено их тождество с наиболее часто проводимыми по ним следователями процессуальными действиями, подтверждающее объективность и достоверность выбранной методики исследования.

Для определения трудоемкости деятельности следователя на рассмотрение/расследование одного материала проверки сообщения о преступлении/уголовного дела произведен расчет средних (медиальных) значений трудозатрат по России.

В результате исследования получены следующие значения показателей трудозатрат (T) следователя на рассмотрение/расследование одного материала проверки/уголовного дела, которые рассматриваются как константы и составляют:

T по материалу проверки ($T_{мр}$) – 21 час;

T по окончанному уголовному делу на:

1 эпизод 1 обвиняемое лицо ($T_{1,1}$) – 72 часа;

1 эпизод 2 обвиняемых лица ($T_{1,2}$) – 107 часов;

2 эпизода 1 обвиняемое лицо ($T_{2,1}$) – 92 часа;

T по приостановленному производством уголовному делу по основанию, предусмотренному п. 1 ч.1 ст. 208 УПК РФ, ($T_{пр}$) – 36 часов.

Установленные значения трудоемкости расследования уголовных дел о совершении одного и двух преступлений; преступлений, совершенных одним и двумя обвиняемыми, позволяют рассчитать коэффициенты увеличения трудозатратности относительно увеличения эпизодов преступной деятельности или привлекаемых к ответственности лиц.

Так, коэффициент увеличения трудозатратности относительно увеличения привлекаемых к ответственности лиц по окончанным уголовным делам ($K_л$) составляет – 1,49.

$$K_л = T_{1,2} / T_{1,1};$$

$$K_л = 107 / 72 = 1,49.$$

Коэффициент увеличения трудозатратности относительно увеличения эпизодов преступной деятельности по окончанным уголовным делам – 1,28.

$$K_{эп} = T_{2,1} / T_{1,1};$$

$$K_{эп} = 92 / 72 = 1,28.$$

С учетом централизованного и сплошного (тотального) опроса руководителей следственных органов территориальных органов на районном уровне всех субъектов Российской Федерации следует говорить о полноте, достоверности, объективности, репрезентативности и беспрецедентности проведенных расчетов и выводов.

Изложенный тезис подтверждается и тем, что при исследовании установлено тождество наиболее часто проводимых по материалам проверки/уголовным делам процессуальных действий и перечнем хронометрируемых процессуальных действий при расчете средних (медиальных) значений трудозатрат в среднем по России по анкетам экспертов, что подтверждает объективность и достоверность выбранной методики исследования¹³.

Оптимальная нагрузка на 1 следователя в год (N) определяется путем деления рассчитанных выше числовых показателей годового фонда рабочего времени следователя для профильной деятельности (F) на трудоемкость его процессуальной деятельности по рассмотрению сообщений о преступлениях, по приостановленным производством и окончанным уголовным делам (T): $N = F / T$.

Так, *оптимальная нагрузка на одного следователя в год* составляет:

по материалам проверки:

$$N_{мр} = 1001 / 21 = 47,6,$$

то есть 48 материалов проверки сообщений о преступлениях в год;

по окончанным уголовным делам:

на 1 эпизод 1 обвиняемый –

$$N_{1,1} = 1001 / 72 = 13,9;$$

на 1 эпизод 2 обвиняемых –

$$N_{1,2} = 1001 / 107 = 9,35;$$

на 2 эпизода 1 обвиняемый –

$$N_{2,1} = 1001 / 92 = 10,88, \text{ то есть}$$

14 уголовных дел на 1 эпизод 1 обвиняемый в год;

9 уголовных дел на 1 эпизод 2 обвиняемых в год;

11 уголовных дел на 2 эпизода 1 обвиняемый в год;

¹³ Вместе с тем следует отметить, что метод исследования документов ограничивает возможность определения трудозатрат исключительно временем, затраченным следователем непосредственно на производство процессуальных действий.

по приостановленным по п. 1 ч.1 ст. 208 УПК РФ:

$$N_{np} = 1001 / 36 = 27,8, \text{ то есть } 28 \text{ уголовных дел в год.}$$

Выработанные отраслевые нагрузочные нормы на одного следователя по рассмотрению сообщений о преступлениях и расследованию уголовных дел могут быть положены в основу оценки деятельности следственных органов; стимули-

рования следователей в условиях превышающей оптимальную нагрузку деятельности, в том числе с учетом некомплекта (по данным Следственного департамента МВД России, в следственных подразделениях в системе МВД России некомплект на июль 2024 г. составил 22,5 %), а также методики расчета штатной численности органов предварительного следствия в системе МВД России.

Список литературы:

1. Алексеевская Е. И. Мониторинг верховенства права и доступа в суд: 25 лет судебной реформе. М., 2017. 176 с.
2. Научная организация управления и труда в следственном аппарате органов внутренних дел / под ред. С. В. Мурашова, Г. Г. Зуйкова. М., 1974. 230 с.
3. Организация деятельности следственных аппаратов и органов дознания : учеб.-метод. материалы / под ред. И. И. Колесникова. М., 1996. 187 с.
4. Садиокова У. В. Вопросы разграничения компетенции органов предварительного следствия территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях // Уголовный процесс и криминалистика: правовые основы, теория, практика, дидактика (к 75-летию со дня рождения профессора Б. Я. Гаврилова) : сб. науч. статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. М., 2023. С. 363–370.
5. Управление органами расследования преступлений : учеб. пособие / под ред. И. И. Колесникова. М., 2000. 196 с.

Для цитирования:

Садиокова Ульяна Валерьевна. Методика расчета оптимальной нагрузки на следователя следственных подразделений в системе МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 53–58.

References:

1. Alekseevskaya E. I. Monitoring verhovenstva prava i dostupa v sud: 25 let sudebnoj reforme. M., 2017. 176 s.
2. Nauchnaya organizaciya upravleniya i truda v sledstvennom apparate organov vnutrennih del / pod red. S. V. Murashova, G. G. Zujkova. M., 1974. 230 s.
3. Organizaciya deyatel'nosti sledstvennyh apparatov i organov doznaniya : ucheb.-metod. materialy / pod red. I. I. Kolesnikova. M., 1996. 187 s.
4. Sadiokova U. V. Voprosy razgranicheniya kompetencii organov predvaritel'nogo sledstviya territorial'nyh organov MVD Rossii na regional'nom i rajonnom urovnyah // Ugolovnyj process i kriminalistika: pravovye osnovy, teoriya, praktika, didaktika (k 75-letiyu so dnya rozhdeniya professora B. YA. Gavrilova) : sb. nauch. statej po materialam mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2023. S. 363–370.
5. Upravlenie organami rassledovaniya prestuplenij : ucheb. posobie / pod red. I. I. Kolesnikova. M., 2000. 196 s.

For citation:

Sadiokova Ulyana Valeryevna. The Methodology for Calculating the Optimal Burden on the Investigator of Investigative Units in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 53–58.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО: и административный процесс

Агамагомедова Саният Абдулганиевна,
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник сектора
административного права и административного
процесса,
Институт государства и права
Российской академии наук,
Российская Федерация, 119019, г. Москва, ул.
Знаменка, 10
E-mail: saniyat_aga@mail.ru

Научная специальность:
5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

УДК 342.9

DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-59-66

Дата поступления статьи: 16 октября 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 24 декабря 2024 г.

Административные правонарушения в области таможенного дела в проекте Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

Administrative Offences in the Field of Customs in the Draft Code of the Russian Federation on Administrative Offences

Аннотация

Актуальность сравнительного анализа института административной ответственности за нарушения таможенных правил в действующем административном законодательстве и проекте Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) обусловлена необходимостью выявить тенденции трансформации данного института в современных условиях.

Постановка проблемы: институт административной ответственности в таможенной сфере является важной составляющей механизмов административно-правового регулирования экономических отношений. Его реформирование должно соотноситься с тенденциями опти-

Saniyat Abdulganievna Agamagomedova,
Candidate of Law, Associate Professor,
Senior Researcher in the Sector
of Administrative Law and Administrative
Procedure,
The Institute of State and Law
of The Russian Academy of Sciences,
Russian Federation, 119019, Moscow,
Znamenka St., 10
E-mail: saniyat_aga@mail.ru

Scientific specialty:
5.1.2. Public Law (State Law) Sciences

Abstract

The relevance of the comparative analysis of the institute of administrative responsibility for violations of customs rules in the current administrative legislation and the draft Code of Administrative Offences (CAO RF) is determined by the need to identify the trends of transformation of this institution in modern conditions.

Problem statement: the institution of administrative responsibility in the customs sphere is an important component of the mechanisms of administrative and legal regulation of economic relations. Its reform should be consistent with the trends in optimizing state control (supervision). The draft Code of Administrative Offences of the

мизации государственного контроля (надзора). Проект КоАП РФ призван отразить процессы снижения административного воздействия на бизнес, дифференциации невластных субъектов, выборочности юрисдикционного внимания государства.

Цель исследования: обозначить тенденции развития института административной ответственности за нарушения таможенных правил на основе анализа положений гл. 32 проекта КоАП РФ.

Методы исследования: диалектика, сравнительно-правовой анализ, классификация, систематизация.

Результаты и ключевые выводы: на основе сравнительно-правового анализа КоАП РФ и проекта КоАП РФ выделено несколько особенностей развития института административной ответственности в таможенной сфере, связанных со статусом индивидуального предпринимателя, с применением конфискации и предупреждения за нарушения таможенных правил. Изменения в регламентации административной ответственности за нарушения таможенных правил в проекте КоАП РФ имеют как количественные, так и качественные характеристики. Количественные характеристики связаны с изменением количества составов, предусматривающих административную ответственность. Качественные характеристики обусловлены отказом законодателя от отдельных составов нарушений таможенных правил и появлением новых составов. Сделаны выводы о недостаточности использования предупреждения как вида наказания за нарушения таможенных правил, о более детальной регламентации института конфискации, о несколько ограниченном использовании дифференциации статуса индивидуального предпринимателя как лица, привлекаемого к административной ответственности за нарушения таможенных правил. Сделан вывод о необходимости соотнесения положений законодательства об административной ответственности с регулированием контрольно-надзорной деятельности в таможенной сфере.

Ключевые слова: нарушение таможенных правил; административная ответственность; либерализация; конфискация; таможенный орган; предупреждение.

Russian Federation is designed to reflect the processes of reducing administrative impact on business, differentiation of non-governmental entities, and selectivity of the state's jurisdictional attention.

The purpose of the study is to identify trends in the development of the institute of administrative responsibility for violations of customs rules based on the analysis of the provisions of Chapter 32 of the draft Administrative Code of the Russian Federation.

Research methods: dialectics, comparative legal analysis, classification, systematization.

Results and key conclusions: based on a comparative legal analysis of the Administrative Code of the Russian Federation and the draft Administrative Code of the Russian Federation, several features of the development of the institution of administrative responsibility in the customs sphere related to the status of an individual entrepreneur, with the use of confiscation and warnings for violations of customs rules have been identified. Changes in the regulation of administrative liability for violations of customs rules in the draft Administrative Code of the Russian Federation have both quantitative and qualitative characteristics. Quantitative characteristics are associated with a change in the number of compositions involving administrative responsibility. The qualitative characteristics are due to the legislator's rejection of certain formulations of customs violations and the emergence of new formulations. Conclusions are drawn about the insufficiency of the use of warnings as a type of punishment for violations of customs rules, about more detailed regulation of the institution of confiscation, about the somewhat limited use of differentiation of the status of an individual entrepreneur as a person brought to administrative responsibility for violations of customs rules. It is concluded that it is necessary to correlate the provisions of legislation on administrative responsibility with the regulation of control and supervisory activities in the customs sphere.

Keywords: violation of customs rules; administrative responsibility; liberalization; confiscation; customs authority; warning.

Трансформация административной ответственности как одного из базовых институтов публичного права закономерно затронет практически все сферы общественных отношений. Грядущая третья кодификация административного и административно-процессуального

законодательства призвана не только актуализировать и оптимизировать действующее нормативно-правовое регулирование применения мер административной ответственности в различных областях социальной жизни, но и отразить в себе современные принципы и ориен-

тиры государственного регулирования в целом, с учетом внешних и внутренних угроз, вызовов, рисков.

Согласно Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, реформирование действующего законодательства об административных правонарушениях обусловлено многими факторами, наиболее значимыми среди которых являются: анализ практики внесения изменений в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), отсутствие в них системности; промежуточные результаты административной реформы, в том числе трансформация системы государственного контроля (надзора); перманентные изменения в системе и компетенции федеральных органов исполнительной власти; проблемы правоприменительной практики и многие др. Все они отражают назревшую необходимость пересмотра норм законодательства об административной ответственности по прошествии более двух десятилетий с момента принятия КоАП РФ. В качестве главного результата такой работы законодателем обозначена стабильность нового правового регулирования отношений в сфере административной ответственности¹.

О предпосылках к обновлению законодательства об административных правонарушениях говорят и ученые. Так, профессор Б. В. Россинский отстаивает убеждение, что многие положения действующего КоАП РФ надо менять [7], а идеология нового кодифицированного законодательства об административных правонарушениях нуждается в серьезном научном обосновании [6]. По нашему мнению, необходимость обновления данного законодательства назрела давно и требует практической реализации.

Мы предлагаем сравнительно-правовой анализ правового регулирования условий и порядка привлечения к административной ответственности за нарушения таможенных правил в действующем КоАП РФ² и правового регулирования подобных отношений в проекте КоАП РФ (далее – Проект³).

В Проекте нарушениям таможенных правил посвящена гл. 32, название которой сохранилось в формулировке наименования дей-

ствующей гл. 16 КоАП РФ. Количество статей и составов в главе изменилось несущественно (вместо 24 статей действующего КоАП РФ Проект содержит 25 статей, вместо 42 составов – 44 состава). Достоинством Проекта можно считать более точные, соответствующие действующему таможенному законодательству названия статей гл. 32. В качестве примеров можно привести названия статей: 16.1 КоАП РФ (соответствующая ей ст. 32.1. Проекта называется «Незаконное перемещение через таможенную границу Евразийского экономического союза товаров и (или) транспортных средств международной перевозки»), 16.3 КоАП РФ (соответствующая ей ст. 32.3. Проекта называется «Несоблюдение запретов и (или) ограничений, а равно мер защиты внутреннего рынка») и др. Речь здесь идет не только об учете создания Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) как нового уровня межгосударственной интеграции, но и о структурном усложнении и уточнении многих базовых понятий в области таможенного дела. В качестве примера подобного усложнения можно привести понятие «мер защиты внутреннего рынка», определение которого закреплено в праве ЕАЭС подп. 20 п. 1 ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС⁴). Подобным мерам посвящены ст. 48–50 Договора о ЕАЭС⁵.

В качестве примера уточнения структуры используемых в административном и таможенном законодательстве понятий следует привести обновленное название ст. 32.23 Проекта «Незаконное осуществление деятельности лиц, включаемых в реестры в соответствии с правом Евразийского экономического союза». Статья 16.23 КоАП РФ называется «Незаконное осуществление деятельности в области таможенного дела» и не соответствует действующему праву ЕАЭС по двум основаниям.

Во-первых, подобная деятельность называется в праве ЕАЭС «деятельностью в сфере таможенного дела» (ст. 397 ТК ЕАЭС). Несмотря на сложившуюся практику синонимичного употребления понятий «сферы» и «области» в различных отраслях регулирования, представляется, что применительно к правовому регулированию деятельности в соответствии с определенным административно-правовым статусом, предоставляемым федеральным органом исполнительной власти (в нашем случае – ФТС Рос-

¹ Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Правительство России : сайт. URL: <http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBlwAY7khO7NAt9EL.pdf> (дата обращения: 10.06.2019).

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 1.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Проект (подготовлен Минюстом России, ID проекта : 02/04/05-20/00102447) // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.05.2020).

⁴ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29 мая 2019 г.) (с изм. от 18 марта 2023 г.) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.06.2023).

⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) (ред. от 25 мая 2023 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24 июня 2024 г.) // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2024).

сии), следует придерживаться терминологической аккуратности и точности, понятийной чистоты и выдержанности.

Во-вторых, подобная деятельность состоит из себя деятельность шести категорий юридических лиц, включаемых в соответствующие реестры, связанную с оказанием определенных услуг и контролируруемую таможенными органами (п. 1 ст. 397 ТК ЕАЭС). Эта деятельность не включает в себя деятельность уполномоченных экономических операторов (далее – УЭО), статус которых принципиальным образом (по цели и содержанию) отличается от деятельности в сфере таможенного дела. УЭО получают соответствующий административно-правовой статус в целях пользования специальными упрощениями при совершении таможенных операций и прохождении таможенного контроля, услуги они не оказывают и к профессиональным участникам регулируемых отношений (таким как таможенный представитель, таможенный перевозчик и др.) не относятся. Статус УЭО и статусы лиц, осуществляющих деятельность в сфере таможенного дела, объединяет только реестровая система получения разрешения на определенную деятельность (предоставление соответствующих услуг или пользование специальными упрощениями). Поэтому наименование ст. 32.23. Проекта видится нам более точным и корректным с точки зрения права ЕАЭС, оно объединяет в себе и деятельность в сфере таможенного дела, и деятельность УЭО. Именно эти категории лиц выступают в качестве лиц, которых потенциально можно привлечь к административной ответственности за правонарушения, предусмотренные ст. 32.23 Проекта.

В качестве принципиальных изменений в институте административной ответственности за нарушения таможенных правил в Проекте следует выделить следующие аспекты.

Первый аспект. Статья 2.10. Проекта посвящена административной ответственности индивидуальных предпринимателей, – это, на наш взгляд, позитивная новелла Проекта. Причем подобный подход был присущ и проектам КоАП РФ предыдущего периода. Так, Н. Г. Салищева и М. А. Штатина при характеристике проекта КоАП РФ 2015 г. констатировали тот факт, что в нем было реализовано предложение о выделении в качестве самостоятельного субъекта административной ответственности индивидуального предпринимателя [8, с. 152]. При этом они обращали внимание на то, что, несмотря на закрепление в проекте того периода особого статуса такого субъекта, «в особенной части (видимо, по настоянию ведомств) в примечаниях к конкретным составам правонарушений устанавливается административ-

ная ответственность индивидуальных предпринимателей в том же размере, какой предусмотрен для юридических лиц» [8, с. 161]. К сожалению, подобный подход отчетливо просматривается и в анализируемом нами Проекте. Несмотря на то что индивидуальный предприниматель выделен в качестве лица, привлекаемого к административной ответственности, в статьях гл. 32 Проекта в подавляющем числе составов он несет ответственность такую же, как и юридическое лицо. Подобный принцип применен законодателем в составах, предусмотренных ст. 32.1–32.3; 32.5–32.17; 32.19–32.23; 32.25 Проекта. Лишь в двух (!) составах из 44-х законодатель дифференцирует ответственность индивидуального предпринимателя и юридического лица: в составах, предусмотренных ч. 3 ст. 32.18 и ч. 1 ст. 32.24 Проекта.

Представляется, что благие цели дифференциации лиц, привлекаемых к административной ответственности, и тем самым развития принципа индивидуализации административного наказания, углубления выборочности мер государственного принуждения к лицам с различным правовым статусом, получили слабое подтверждение в нормах Проекта применительно к нарушениям таможенных правил. По сути, Проект сохранил устоявшийся подход законодателя в отношении уравнивания административной ответственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в сфере внешнеэкономической деятельности. В условиях последовательной либерализации административной ответственности за правонарушения в сфере внешней торговли [2], поэтапного снижения административных барьеров на малый и средний бизнес [1] подобная позиция несколько противоречит базовым приоритетам permanently осуществляемой административной реформы.

Важнейшей составляющей последней выступает реформа контрольно-надзорной деятельности. Таможенные органы традиционно относятся к контрольно-надзорным органам, осуществляющим одновременно и фискальные, и правоохранные (юрисдикционные) функции. Последние обоснованно должны соотноситься с реформой государственного контроля (надзора), значимым видом которого выступает таможенный контроль.

С учетом затянувшегося процесса принятия нового КоАП РФ (а точнее, двух проектов, которые призваны заменить действующий КоАП РФ) ФТС России последовательно проводится комплекс мероприятий, направленных на единообразное применение положений законодательства, отражающих смягчение административной ответственности за совершение административных правонарушений, выявлен-

ных в рамках контрольно-надзорных мероприятий.

В соответствии с п. 3.1 Постановления Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 14 декабря 2022 г. № 633-СФ «О деятельности Федеральной таможенной службы в современных условиях»⁶ и поручения Заместителя Председателя Правительства Российской Федерации Д. Ю. Григоренко от 22 декабря 2022 г. № ДГ-П4-22189 разработан и направлен в Минфин России проект Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»⁷, который смягчает ответственность за совершение административных правонарушений, отнесенных к компетенции таможенных органов и связанных с контрольно-надзорным функционалом ведомства⁸.

Таким образом, еще до вступления в силу Проекта таможенными органами проводится активная работа по либерализации административной ответственности не только за нарушения таможенных правил, но и за иные административные правонарушения, отнесенные к компетенции таможенных органов.

Вторым аспектом, на который следует обратить внимание при сравнении положений КоАП РФ и Проекта в части нарушений таможенных правил, является использование конфискации как вида административного наказания за рассматриваемую категорию правонарушений. Данный вид административного наказания традиционно широко используется в таможенном законодательстве, на что обращает внимание Н. В. Витрук, разграничивая правообеспечительные меры и меры юридической ответственности, и относит к ним конфискацию [3].

В проекте законодатель изменил наименование данного вида административного наказания. Статья 3.14. Проекта посвящена конфискации, под которой «для целей настоящего Кодекса является принудительное безвозмездное обращение в государственную собственность вещей, не ограниченных в обороте». В КоАП РФ данный вид административного наказа-

ния называется конфискацией орудия совершения или предмета административного правонарушения (ст. 3.7. КоАП РФ) и предусматривает конфискацию не изъятых из оборота вещей.

Анализ положений КоАП РФ и Проекта о возможности применения конфискации за нарушения таможенных правил позволяет сделать вывод, что законодатель сохранил подход, основанный на особом использовании данного вида административного наказания за нарушения таможенных правил, но сделал его более выборочным. Согласно КоАП РФ, конфискация орудия совершения или предмета административного правонарушения, принадлежащих на праве собственности лицу, не привлеченному к административной ответственности за данное административное правонарушение и не признанному в судебном порядке виновным в его совершении, не применяется, за исключением административных правонарушений в области таможенного дела (ч. 4 ст. 3.7. КоАП РФ). Статья 3.15. Проекта, устанавливающая правила назначения административного наказания в виде конфискации, сохраняет подобный подход в отношении нарушений таможенных правил, за исключением случаев, связанных: 1) с категорией товаров (товаров легкой промышленности); 2) со статусом товаров (изъятых по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 32.1–32.3 и 32.7, ч. 1 ст. 32.9, ст. 32.19, ч. 1 ст. 32.20, ст. 32.21 Проекта, подлежащих уничтожению за счет лица, признанного виновным в совершении указанных административных правонарушений).

Таким образом, в Проекте более детально (дифференцированно) регламентируются особенности применения конфискации за нарушения таможенных правил.

Третий аспект, на который хотелось бы обратить внимание при сравнении положений КоАП РФ и Проекта в части административной ответственности за нарушение таможенных правил, – это использование предупреждения как вида административного наказания. К сожалению, сфера использования предупреждения в Проекте осталась примерно той же, что и в действующем КоАП РФ. Сравнительный обзор применения законодателем предупреждения позволил выявить лишь один состав в гл. 32 Проекта, дополнительно предусматривающий возможность предупреждения как санкции за нарушение таможенных правил (ч. 1 ст. 32.2 Проекта). Во всех остальных составах Проекта позиция законодателя в части использования предупреждения сохранена. Представляется, что сфера применения подобного вида наказания могла быть расширена в Проекте более очевидно.

Так, можно было бы предусмотреть в Проекте административное наказание в виде пред-

⁶ О деятельности Федеральной таможенной службы в современных условиях : постановление Совета Федерации Федерального Собрания Рос. Федерации от 14 декабря 2022 г. № 633-СФ // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

⁷ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : Проект Федер. закона (подготовлен Минфином России, ID проекта 02/04/07-23/00140076) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.07.2023) // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.07.2023).

⁸ Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России в 2023 году // Официальный сайт ФТС России. URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti> (дата обращения: 12.10.2024). С. 44–45.

упреждения при привлечении к ответственности: за несоблюдение запретов и (или) ограничений, а равно мер защиты внутреннего рынка (ст. 32.3 Проекта), непринятие перевозчиком в случае аварии, действия непреодолимой силы или возникновения иных обстоятельств, препятствующих доставке товаров и (или) транспортных средств в место прибытия либо в место пересечения таможенной границы ЕАЭС, осуществлению остановки или посадки водного или воздушного судна в установленных местах либо перевозке товаров в соответствии с таможенным транзитом, мер по обеспечению сохранности товаров и (или) транспортных средств, за исключением случаев безвозвратной утраты товаров и (или) транспортных средств вследствие обстоятельств, которые перевозчик не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело (ч. 1 ст. 32.6 Проекта), представление недействительных документов и (или) сообщение недостоверных сведений при совершении таможенных операций (ст. 32.7 Проекта) и другие правонарушения.

Возможность же замены наказания в виде административного штрафа предупреждением, основанная на усмотрении суда, органа, должностного лица, рассматривающего дело об административном правонарушении, требует отдельного анализа.

Это далеко не полный перечень изменений в процедурах привлечения к административной ответственности за нарушения таможенных правил в Проекте. Другие изменения имеют более точечный характер.

В Проекте появились и новые составы, часть из которых уточняет составы правонарушений в современном их правовом формулировании (например, ч. 3 ст. 32.18 Проекта). Действующий КоАП РФ сегодня не дифференцирует невывоз временно ввезенного транспортного средства международной перевозки, оно поглощено составом, предусматривающим ответственность за невывоз с таможенной территории Таможенного союза физическими лицами временно ввезенных товаров и (или) транспортных средств в установленные сроки временного ввоза (ч. 1 ст. 16.18 КоАП РФ). В то же время правовой статус транспортного средства как разновидности товара и правовой статус транспортного средства международной перевозки существенно образом различаются.

Другим новым составом является такой состав, который предусмотрен ст. 32.25 Проекта и устанавливает административную ответственность за несоблюдение условий использования отдельных категорий товаров, которые при таможенном декларировании не помещаются под таможенную процедуру.

Появление новых составов нарушений таможенных правил свидетельствует об опреде-

ленном ужесточении ответственности в рассматриваемой сфере. Эту тенденцию подтверждают и иные новации Проекта (распространение положений ч. 1 ст. 32.19 Проекта на все разновидности таможенных процедур в отличие от ч. 1 ст. 16.19 КоАП РФ и др.).

Проведенный нами анализ далеко не исчерпывающий и может быть дополнен. Считаем, что новеллы Проекта еще станут темами для новых научных изысканий. Но даже этот анализ позволяет сделать вывод о сохранении позиции законодателя в отношении административной ответственности в области таможенного дела как ответственности, обладающей существенной спецификой. В то же время следует согласиться в этой связи с мнением ученых о том, что для выделения самостоятельных видов юридической ответственности, таких как бюджетная, налоговая, таможенная и другие, нет достаточных научных и правовых оснований, а специфические черты этих групп отношений являются условиями для внутривидовой дифференциации административной ответственности на различные подвиды (включая административно-таможенную) [3]. Об универсальности и гибкости института административной ответственности говорит и П. П. Серков, который на примере ответственности за нарушение таможенных правил делает вывод о том, что институт административной ответственности за счет достаточно простых законодательных решений способен адаптироваться к современным условиям [9].

Таким образом, в Проекте сохранилась значимая специфика административной ответственности в таможенной сфере. При этом в нем проглядываются две противоположные тенденции: либерализация и ужесточение ответственности за нарушение таможенных правил одновременно. Эксперты констатируют тот факт, что предложения бизнеса были учтены при разработке Проекта не в полной мере [4]. Проект не лишен недостатков и с точки зрения общих положений. Ученые обращают внимание на то, что проектами обоих кодексов не решен вопрос вины юридического лица, а предлагаемые законодательные конструкции прямо противоречат друг другу, требуя согласования [10].

В целом следует признать, что применительно к рассмотренной нами категории административных правонарушений цель закрепления приоритета превентивной функции над карательной [11] в Проекте достигнута не была. Понять законодателя вполне возможно с точки зрения того, что административные правонарушения в целом вполне обоснованно позиционируются в качестве угрозы национальной безопасности [5], а правонарушения в сфере внешнеэкономической деятельности несут потенци-

альную угрозу безопасности всех уровней еще более отчетливо и явно. В то же время представляется, что Проект должен был «впитать» в себя актуальные тренды современного регулирования экономических отношений, приоритеты реформы контрольно-надзорной деятельности и отразить тенденции регуляторной политики в условиях угроз сегодняшней ситуации. В Проек-

те было необходимо расширить возможности для применения предупреждения как вида административного наказания за нарушения таможенных правил. В связи с этим видится актуальной необходимость определенной доработки Проекта в части регулирования института административной ответственности за нарушения таможенных правил.

Список литературы:

1. Агамагомедова С. А. Административные барьеры для бизнеса: минимизация в условиях реформы государственного контроля и надзора // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 6–9.
2. Агамагомедова С. А. Либерализация административной ответственности за правонарушения, отнесенные к компетенции таможенных органов // Вестник Российской таможенной академии. 2023. № 2 (63). С. 90–98.
3. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. 431 с.
4. Косов А. Новый КоАП: планируемые изменения в части таможенных правонарушений // Альта-софт : сайт. URL: https://www.alt.ru/images/news/files/2020/73728/Kosov_KOAP.pdf (дата обращения: 08.10.2024).
5. Россинский Б. В. Административные правонарушения как угроза национальной безопасности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11 (99). С. 30–40.
6. Россинский Б. В. Идеология нового КоАП РФ нуждается в новых научных идеях // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика : V Всерос. науч.-практ. конф., посвященная 60-летию д-ра юрид. наук, проф. В. В. Денисенко. Новороссийск, 2016. С. 33–38.
7. Россинский Б. В. Нужен ли сейчас новый КоАП РФ? // Теория и практика административного права и процесса : материалы X Всерос. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. В. Д. Сорокина (Небугские чтения) / отв. ред В. В. Денисенко, С. Г. Денисенко. Небуг, 2016. С. 33–38.
8. Салищева Н. Г., Штатаина М. А. Новеллы проекта нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Российское правосудие. 2016. № 1. С. 150–161.
9. Серков П. П. Административная ответственность в российском праве : современное осмысление и новые подходы : монография. М., 2012. 480 с.

References:

1. Agamagomedova S. A. Administrative barriers to business: minimization in the context of the reform of state control and supervision // Russian Justice. 2021. № 2. P. 6–9.
2. Agamagomedova S. A. Liberalization of administrative responsibility for offenses attributed to the competence of customs authorities // Vestnic of Russian Customs Academy. 2023. № 2 (63). P. 90–98.
3. Vitruk N. V. Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2009. 431 s.
4. Kosov A. Novyj KoAP: planiruemye izmeneniya v chasti tamozhennyh pravonarushenij // Al'ta-soft : sajt. URL: https://www.alt.ru/images/news/files/2020/73728/Kosov_KOAP.pdf (data obrashcheniya: 08.10.2024).
5. Rossinskij B. V. Administrative offences as a threat to national security // Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2022. № 11 (99). P. 30–40.
6. Rossinskij B. V. Ideologiya novogo KoAP RF nuzhdaetsya v novyh nauchnyh ideyah // Administrativno-pravovoe regulirovanie pravoohranitel'noj deyatel'nosti: teoriya i praktika : V Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj 60-letiyu d-ra yurid. nauk, prof. V. V. Denisenko. Novorossiysk, 2016. S. 33–38.
7. Rossinskij B. V. Nuzhen li sejchas novyj KoAP RF? // Teoriya i praktika administrativnogo prava i processa : materialy X Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj pamyati prof. V. D. Sorokina (Nebugskie chteniya) / отв. red V. V. Denisenko, S. G. Denisenko. Nebug, 2016. S. 33–38.
8. Salishcheva N. G., Shtatina M. A. New laws of draft of new Code of Administrative Offences of the Russian Federation // Russian Justice System. 2016. № 1. P. 150–161.
9. Serkov P. P. Administrativnaya otvetstvennost' v rossijskom prave : sovremennoe osmyslenie i novye podhody : monografiya. M., 2012. 480 s.
10. Sokolov A. Yu., Lakaev O. A. A Critical View on Drafts of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation and the Procedural Code of Administrative Offences of the Russian Federation // Administrative Law and Procedure. 2020. № 8. P. 44–51.

10. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Критический взгляд на проекты Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 8. С. 44–51.
11. Чернышенко И. Г., Киселев А. С. Сравнительно-правовой анализ института административного наказания в действующем Кодексе об административных правонарушениях и в Проекте нового Кодекса об административных правонарушениях // Административное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 69–76.
11. Chernyshenko I. G., Kiselev A. S. Comparative legal analysis of the institution of administrative punishment in the current Code of Administrative Offences and in the Draft of the new Code of Administrative Offences // Administrative and Municipal Law. 2022. № 3. P. 69–76.

Для цитирования:

Агамагомедова Саният Абдулганиевна. Административные правонарушения в области таможенного дела в проекте Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 59–66.

For citation:

Agamagomedova Saniyat Abdulganievna. Administrative Offences in the Field of Customs in the Draft Code of the Russian Federation on Administrative Offences // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 59–66.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА России

Бунова Ирина Ивановна,
кандидат юридических наук,
докторант 3-го факультета
(подготовки научных и научно-педагогических
кадров),
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.
E-mail: bynva@rambler.ru

Irina Ivanovna Bunova,
Candidate of Law,
Doctoral Candidate of the 3rd Faculty
(Training of Scientific and Scientific-Pedagogical
Personnel)
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: bynva@rambler.ru

Научная специальность:
5.1.4 – Уголовно-правовые науки

Scientific specialty:
5.1.4 – Criminal Law Sciences

УДК 343.42

DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-67-74

Дата поступления статьи: 14 августа 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 12 декабря 2024 г.

Уголовно-правовая охрана права на свободу совести и вероисповеданий в современных условиях трансформации преступности

Criminal-Legal Protection of the Right to Freedom of Conscience and Religion in Modern Conditions of Transformation of Crime

Аннотация

Актуальность исследования вопроса уголовно-правовой охраны права на свободу совести и вероисповеданий обусловлена сложившейся негативной тенденцией увеличения количества совершенных преступлений, предусмотренных ст. 148 УК РФ, что связано в первую очередь с трансформацией преступности, а именно совершением преступлений публично, посредством информационно-коммуникационных сетей, как следствие, охватом неограниченного числа пользователей сети, во-вторых, с вовлечением в совершение данных деяний несовершеннолетних, в-третьих, формированием высокого общественного резонанса, в результате чего возникает нетерпимость к другим религиям, что способствует развязыванию религиозных конфликтов, которые приводят к массовым беспорядкам и трагическим последствиям.

Annotation

The relevance of the study of the issue of criminal law protection of the right to freedom of conscience and religion is due to the prevailing negative trend of an increase in the number of crimes committed under art. 148 of the Criminal Code of the Russian Federation, which is primarily related to the transformation of crime, namely the commission of crimes in public, through information and communication networks, as a result, reaching an unlimited number of network users, secondly, involving minors in the commission of these acts, thirdly, the formation of a high public response, resulting in intolerance towards other religions, which contributes to the outbreak of religious conflicts that lead to mass riots and tragic consequences.

Criminal law is designed to protect the human right to freedom of conscience and religion, but due to the evolution of modern ways of committing

Уголовное право призвано охранять право человека на свободу совести и вероисповеданий, однако в силу эволюционирования современных способов совершения преступлений посредством использования цифровых технологий не позволяет чувствовать себя защищенным.

Постановка проблемы: исследование современного состояния преступлений, нарушающих право человека на свободу совести и вероисповеданий, несмотря на возросшее количество зарегистрированных преступлений, наглядным образом демонстрирует наличие оценочных признаков в содержательной части нормы уголовного закона, коллизий между уголовным и административным законодательством, что зачастую препятствует правильной квалификации указанного деяния.

Цель исследования: определить, как повлияла современная трансформация преступности на уголовно-правовую охрану права человека на свободу совести и вероисповеданий.

Методы исследования: при подготовке статьи применялся общий диалектический метод научного познания, а также методы логической дедукции, индукции, анализа, познавательные и сравнительно-правовые методы. Проведен анализ российского законодательства, судебной практики, научных трудов ряда исследователей.

Результаты и ключевые выводы: автором исследованы проблемные вопросы уголовно-правовой охраны права человека на свободу совести и вероисповеданий в современных условиях трансформации преступности. Проанализированы мнения ученых, исследовавших указанную проблему. Результаты анализа состояния и динамики преступлений, предусмотренных ст. 148 УК РФ, сформировали видение необходимости особого подхода не только в плане уголовно-правового запрета, но и обеспечении сотрудниками органов внутренних дел профилактики данного вида преступлений среди несовершеннолетних, приближающихся к возрасту наступления уголовной ответственности; необходимости совершенствования уголовного законодательства в части, касающейся квалификации преступлений, предусмотренных ст. 148 УК РФ, с целью более точного разграничения соответствующих преступлений и административных правонарушений. Представленный материал лишь частично отражает глубину назревшей проблемы и перспективу масштабных негативных общественно опасных последствий, которые может повлечь нарушение незыблемости уголовно-правовой охраны права на свободу совести и вероисповеданий в современных условиях трансформации преступности.

crimes through the use of digital technologies, it does not allow you to feel protected.

Problem statement: A study of the current state of crimes that violate a person's right to freedom of conscience and religion, despite the increased number of registered crimes, clearly demonstrates the presence of evaluative features in the substantive part of the norm of the Criminal Law, conflicts between criminal and administrative legislation, which often prevents the correct qualification of the said act.

The purpose of the study: to determine how the modern transformation of crime has influenced the criminal-legal protection of the human right to freedom of conscience and religion.

Research methods: the general dialectical method of scientific cognition, as well as methods of logical deduction, induction, analysis, cognitive and comparative legal methods were used in the preparation of the article. The analysis of the Russian legislation, judicial practice, scientific works of a number of researchers is carried out.

Results and key conclusions: The author has studied the problematic issues of criminal-legal protection of the human right to freedom of conscience and religion in the modern conditions of crime transformation. The opinions of scientists who have studied this problem have been analyzed. The results of the analysis of the state and dynamics of crimes provided for by Art. 148 of the Criminal Code of the Russian Federation have formed a vision of the need for a special approach not only in terms of criminal-legal prohibition, but also ensuring that employees of internal affairs bodies prevent this type of crime among minors approaching the age of criminal responsibility; the need to improve criminal legislation in terms of the qualification of crimes provided for by Art. 148 of the Criminal Code of the Russian Federation, in order to more accurately distinguish between the relevant crimes and administrative offenses, the presented material only partially reflects the depth of the pressing problem and the prospect of large-scale negative socially dangerous consequences that may result from a violation of the inviolability of the criminal-legal protection of the right to freedom of conscience and religion in the modern conditions of crime transformation.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана права; свобода совести и вероисповеданий; трансформация преступности; информационно-телекоммуникационные сети; публичность; несовершеннолетние; профилактика преступлений.

Keywords: criminal law protection; freedom of conscience and religion; transformation of crime; information and telecommunication networks; publicity; minors; crime prevention.

Активное развитие информационного и цифрового общества, особенностями которого являются виртуальные коммуникации в глобальной компьютерной сети Интернет, наряду с очевидными положительными изменениями в жизни каждого человека, привело к трансформации преступности, позволило преступному элементу перейти в плоскость дистанционного совершения преступлений и их последующей демонстрации неограниченному числу лиц.

Создание сети Интернет и распространение цифровых технологий изменили характер и структуру преступности, актуализировалась проблема уязвимости граждан перед новыми видами криминальных угроз. В этой связи совершенно справедливо утверждение авторов, полагающих, что «трансформация преступности представляет собой глобальную проблему в новой цифровой эпохе» [14, с. 228].

Общеизвестно, что Российская Федерация является многоконфессиональной страной, народы которой имеют свою религию и традиции, в связи с чем вопрос религиозной толерантности и правильного диалога между традиционными конфессиями не просто крайне важен, он необходим.

Уголовным законом Российской Федерации охраняется право верующих на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ), однако за последнее время можно отметить негативную тенденцию роста преступлений данной направленности (2014 г. – 2; 2017 г. – 22; 2021 г. – 30; 2023 г. – 47)¹.

Можно сказать, что представленные цифры незначительны на общем фоне числа зарегистрированных преступлений, однако публичный характер и социальные последствия, к которым может привести растущая динамика данных преступлений, имеют весьма негативные перспективы.

Еще в 2012 г. законодателем было обращено пристальное внимание на нормы уголовно-

го закона, содержащиеся в ст. 148 УК РФ. Появление новых форм общественного поведения, оскорбляющего чувства верующих, потребовало от законодателя внесения концептуальных изменений в ст. 148 УК РФ². Содержание статьи отныне предусматривало уголовную ответственность не только за «незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций...», акцент был сделан на «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу, совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих».

Предпосылками к внесению соответствующих изменений явилось в том числе преступление, получившее широкий общественный резонанс.

«Участницы группы Pussy Riot грубо нарушили общественный порядок, проявляя явное неуважение к культуре поведения в храме, находясь в преддверной части храма, руководствуясь чувством религиозной ненависти и вражды, выкрикивали, скандируя, бранные слова и слова, оскорбляющие присутствующих. Все происходившее было зафиксировано заранее приглашенными сотрудниками средств массовой информации, блогерами»³. Виновным в преступном деянии был вынесен приговор по ч. 2 ст. 213 УК РФ.

Совершенное преступление продемонстрировало отсутствие в Уголовном кодексе Российской Федерации специальной нормы, обеспечивающей уголовно-правовую охрану религиозных чувств верующих. «Эта реформа послужила своего рода ответом на случаи проявления религиозной нетерпимости в обществе и была призвана служить их надлежащему предупреждению» [4, с. 4].

Сложившаяся динамика увеличения числа преступлений, оскорбляющих чувства верующих, с учетом активного развития цифрового

¹ Единый отчет о преступности. Сведения за 2014 год. М.: ФКУ ГИАЦ МВД России, 2015. С. 14; Единый отчет о преступности. Сводный отчет по России. Сведения за 2017 год. М.: ФКУ ГИАЦ МВД России, 2018. С. 14; Единый отчет о преступности. Сводный отчет по России. Сведения за 2021 год. М.: ФКУ ГИАЦ МВД России, 2022. С. 14; Единый отчет о преступности. Сводный отчет по России. Сведения за 2023 год. М.: ФКУ ГИАЦ МВД России, 2024. С. 6.

² О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан: Федер. закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ: принят 11 июня 2013 г.: одобрен Советом Федерации 26 июня 2013 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 11.09.2024).

³ Приговор именем Российской Федерации, 17 августа 2012 г. // Религия и право: сетевое издание. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=322&ELEMENT_ID=4517 (дата обращения: 12.09.2024).

пространства и трансформации преступности стала переходить все больше в цифровой формат, значительно увеличивая аудиторию пользователей информационно-коммуникационной сети (далее – ИТС).

Проведенный контент-анализ текстовых массивов прессы за период 2020–2024 гг. путем интегрального сбора данных позволил выявить негативную динамику, выраженную не только в увеличении числа совершенных преступлений, оскорбляющих религиозные чувства верующих, но связанных с призывами к совершению насилия в отношении священнослужителей Русской православной церкви⁴; осквернением, уничтожением религиозной атрибутики⁵; применением насилия в отношении верующих⁶.

Каждое из событий было не только широко освещено в средствах массовой информации и получило большой общественный резонанс, но привело к увеличению числа религиозных конфликтов, подпадающих под действие уголовного закона.

Публичное оскорбление чувств верующих, «посягательство на священные каноны церкви, надругательство над объектами культа вызывают негативную реакцию у верующих, которая может привести к массовым протестам, насилию и другим тяжким последствиям» [12, с. 21].

Публичный характер совершения преступлений, предусмотренных ст. 148 УК РФ, позволяет говорить о схожести по данному признаку с преступлениями экстремистской направленности.

Если ранее акцентировалось внимание на совершении преступных действий в общественном месте, прилюдно, то в последнее время на первый план выходит аспект обязательного использования средств массовой информации либо ИТС, включая сеть Интернет⁷.

В этой связи высказываются соображения «о реализации ответственности за все виды посягательств, совершаемых на религиозной почве, — от незначительных правонарушений

до особо тяжких преступлений экстремистской направленности» [6, с. 77].

По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ (преимущественно совершаются), огромное значение имеет правильное установление признака публичности, что необходимо при квалификации действий лица, совершившего преступление. В случае отсутствия данного признака действия лица не могут квалифицироваться по данной статье. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно преступлений экстремистского характера аналогичным образом подчеркивают моменты, связанные с оценкой экспертного заключения⁸.

Учеными высказывается мнение, что «аналогичным образом складывается ситуация относительно и экстремистских преступлений, в конструкции объективной стороны которых наличествует подобный признак» [1, с. 69; 7, с. 5].

Важным представляется установление следующих обстоятельств:

— распространение информации на открытом ресурсе, который в реальности доступен для пользования неограниченному кругу лиц;

— лицо, которое разместило соответствующие сведения, должно осознавать возможность пользования ресурсом широким кругом лиц.

В 2023 г. в рамках ведомственного статистического учета указанием Генпрокуратуры России⁹ внесены изменения, суть которых заключается в том, что только при наличии отметки в статистической карточке «о совершении деяния по экстремистским мотивам» преступления, совершенные по ст. 148 УК РФ, относят к числу преступлений экстремистской направленности. Ранее деяния, запрещенные ст. 148 УК РФ, вне зависимости от фактических мотивов их совершения, относили к преступлениям экстремистской направленности¹⁰.

Вместе с тем следует отметить сложившуюся в последнее время негативную тенденцию провокационной демонстрации отдельными радикально настроенными личностями (блогера-

⁴ Стало известно, в чем обвиняется «сильнейшая ведьма» Алёна Полянь // LIFE : сайт. URL: <https://life-ru.turbopages.org/life.ru/s/p/1663970> (дата обращения: 23.06.2024).

⁵ В Москве возбуждено уголовное дело против распотавшего православный крест блогера // RG RU : сайт. URL: <https://rg.ru/video/2024/07/17/v-moskve-vozbuzhdno-ugolovnoe-delo-protiv-rastoptavshogo-pravoslavnyj-krest-blogera.html?ysclid=lyxlv12e44346879072> (дата обращения: 16.09.2024).

⁶ В Москве иностранец потушил свечи в церкви и напал на прихожанку // Известия. URL: <https://iz.ru/1714705/2024-06-19/v-moskve-inostranec-potushil-svechi-v-tserkvi-i-napal-na-prikhozhanku> (дата обращения: 23.06.2024).

⁷ П. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 : в ред. от 28 октября 2021 г. «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 18.05.2024).

⁸ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 : в ред. от 28 октября 2021 г. // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 18.05.2024).

⁹ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генпрокуратуры России № 11/11, МВД России № 1 от 17 января 2023 г. П. 2 Перечня № 20 преступлений экстремистской направленности. Документ официально опубликован не был // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.05.2024).

¹⁰ П. 2.1 приказа Генпрокуратуры России от 19 ноября 2009 г. № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности». Утратил силу. Документ официально опубликован не был. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.05.2024).

ми), имеющими свой блог или контент в ИТС, пренебрежительного, в большей степени оскорбительного отношения к религии, призывов к совершению насилия, массовым беспорядкам на религиозной почве, а также осуществления манипулятивной деятельности с целью формирования у внешней целевой аудитории канала одобрительного отношения к своим преступным действиями, поиска единомышленников.

Такие действия могут быть продиктованы не только желанием повысить свой рейтинг в ИТС, но и применением информационно-психологического воздействия, направленного на нарушение психического здоровья своих подписчиков, побуждения их к агрессивным и иным асоциальным действиям. Более того, личности блогеров, не всегда известны, как правило, они вещают под псевдонимом или ником.

С особой тревожностью следует отметить тот факт, что целевой аудиторией, вовлекаемой в деструктивный контент, являются несовершеннолетние, которые зачастую живут в иллюзии дозволенности, не осознают последствий своих преступных деяний, более того, не владеют информацией о том, за какие именно действия они могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Исследование, проведенное группой ученых, посвященное преступлениям в интернет-среде с участием несовершеннолетних, лишь подтвердило тот факт, что «особую опасность для детей и подростков представляют преступные деяния, которые реализуются с привлечением современных информационных технологий и средств коммуникации... они облегчают реализацию преступной деятельности, расширяя возможности по поиску потенциальной жертвы, а также снабжая разнообразными техническими средствами для оказания на нее психологического воздействия и давления» [10, с. 4].

Кроме того, отдельные категории несовершеннолетних, публично, с особым цинизмом демонстрируют явное неуважение к обществу, фиксируя и выкладывая для обзора на доступные цифровые платформы свои преступные действия, оскорбляющие чувства верующих. Действия несовершеннолетних выражены в обнажении, провокационных фото- и видеосессиях на фоне мест, специально предназначенных для проведения богослужений¹¹; демонстративном осквернении (уничтожении) религиозной атрибутики (икон, литературы)¹² и т. п.

¹¹ В Петербурге задержали двух несовершеннолетних за непристойные фото у храма Спаса на Крови // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/12975913> (дата обращения: 14.09.2024).

¹² На Кубани несовершеннолетняя пойдет под суд за оскорбительный ролик с иконой // РАПСИ : сайт. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240528/309930474.html (дата обращения: 01.06.2024); Дело о публичном сожжении Нового Завета на Ставрополье передали в суд // RG RU : сайт. URL: <https://rg.ru/2024/07/31/reg-skfo/>

В этой связи представляется уместным предпринять предупредительные меры профилактического характера для недопущения (сокращения) числа несовершеннолетних, вовлеченных в преступную деятельность, выраженную в публичных действиях, оскорбляющих религиозные чувства верующих. Ведь сущность уголовно-правовой охраны заключается не только в привлечении виновных в совершении преступного деяния к уголовной ответственности, а в первую очередь в недопущении и пресечении совершения ими преступлений.

Учитывая изложенное выше, нами полностью разделяется мнение ученых, которые полагают, что «предупредительная роль уголовного права заключается в необходимости соблюдать установленные в государстве общественные отношения... в удержании неустойчивых в моральном отношении лиц от совершения преступлений под страхом наказания» [13, с. 3], ведь предупреждение преступлений выступает «частью уголовно-правовой охраны... заключается в недопущении причинения охраняемым объектам вреда...» [9, с. 208].

Осознавая происходящую сегодня трансформацию преступности в целом, солидаризируемся с мнением авторов, утверждающих, что «требуется особый подход не только в плане уголовно-правового запрета, но и профилактики преступлений, которая должна осуществляться с учетом сведений о состоянии и динамике преступности», а также скрытом потенциале «возможностей ее появления, диктующем потребность в профилактике» [3, с. 108–109; 11, с. 72].

Продолжая, необходимо выделить следующий аспект, вызывающий вопросы непосредственно у правоприменителя, касающийся особенностей квалификации деяний по ст. 148 УК РФ и соотношения со смежными составами преступлений аналогичной направленности.

В частности, следует обратить внимание на диспозицию ст. 239 УК РФ, в которой речь идет о создании некоммерческих организаций, посягающих на личность и права граждан.

Так, действия, влекущие ответственность по ст. 148 УК РФ, могут быть совершены единолично и не обязательно в связи с деятельностью религиозного или общественного объединения либо иной некоммерческой организации, тогда как для преступлений, предусмотренных ст. 239 УК РФ, такая связь имеет обязательный характер.

Вместе с тем представляется, что противоправная деятельность организаций, обозначенных в ч. 1 и ч. 2 ст. 239 УК РФ, а также пропаганда такой деятельности, предусмотренной ч. 3

<delo-o-publichnom-sozhzhenii-novogo-zaveta-na-stavropole-peredali-v-sud.html?ysclid=m17117etgh318977957> (дата обращения: 14.09.2024).

ст. 239 УК РФ, способны унижить религиозные чувства верующих. Если же деятельность религиозной некоммерческой организации связана с принуждением граждан к участию в последних, то происходит нарушение права на свободу совести и вероисповедания.

По мнению ученых, «объект преступлений, предусмотренных этими уголовно-правовыми нормами, является широким, что отражает сущность запрещаемых ими деяний» [5, с. 43; 8, с. 17].

В то же время субъективная сторона составов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 148 УК РФ, заключается в непосредственном оскорблении религиозных чувств верующих, в то время как в ст. 239 УК РФ такая цель в качестве конститутивного признака не предусмотрена.

Таким образом, невзирая на сопряженность неправомерной деятельности, направленной на оскорбление религиозных чувств верующих, тождество и разграничение указанных составов преступлений необходимо производить по криминалообразующим признакам.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что понятие «оскорбление религиозных чувств верующих» до настоящего времени не имеет четкой формулировки и официального толкования, в связи с чем можно отметить наличие оценочных признаков, не всегда позволяющих раскрыть сущность совершенного деяния, что, несомненно, осложняет правоприменение ч. 1 и ч. 2 ст. 148 УК РФ.

По данному вопросу высказываются различные суждения. Одни определяют «религиозные чувства как высший продукт развития эмоциональных процессов... эмоциональное отношение верующих к гипостазированным существам, атрибутированным свойствам и связям, к сакральным вещам»¹³, другие утверждают, что «религиозными чувствами являются только те, которые обусловлены отношением верующих к объекту религиозной веры — сверхъестественному во множестве его манифестаций. Эти чувства нельзя оскорбить» [2, с. 99].

Таким образом, формулирование экспертом выводов не ограничивается заключением о наличии или отсутствии публичности в действиях, оскорбляющих религиозные чувства верующих, способных вызвать у аудитории сильную эмоциональную реакцию в ответ на просмотр антиэстетического видеоряда.

Не менее важным аспектом, позволяющим квалифицировать действия лица по ст. 148 УК РФ, является определение экспертом в ходе проведения судебной лингвистической экспертизы наличия (отсутствия) объекта, непосредственно предназначенного для богослужений и проведения религиозных обрядов (церемоний), их конфессиональной принадлежности и, главное, содержатся ли в действиях лица признаки оскорбления (осквернения), выражения явного неуважения по отношению к религии, культу или другому конфессиональному вероучению (доктрине).

Завершая рассмотрение обозначенной темы исследования, следует резюмировать следующее: *динамичное развитие цифрового пространства самым непосредственным образом повлияло на трансформацию преступности в части уголовно-правовой охраны права человека на свободу совести и вероисповеданий.* Изменились способы, средства и общественная опасность деяний, направленных на нарушение прав верующих на свободу совести и вероисповеданий, они носят массовый агрессивный характер, нацелены на разжигание религиозных конфликтов, ненависти и вражды. Используя ИТС, лицо, совершающее преступление, охватывает огромную аудиторию, информация имеет высокую скорость передачи и распространения, как следствие, влечет негативные, порой непредсказуемые последствия и массовые беспорядки, совершение иных более тяжких преступлений.

Одной из самых незащищенных категорий, вовлекаемых в совершение преступлений, является несовершеннолетние. Видится необходимым уделить особое внимание профилактике данного вида преступлений, которая должна заключаться в информационном просвещении несовершеннолетних, начиная с 15-летнего возраста, подразделениями по противодействию экстремизму и службой участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних МВД России, о недопущении фактов их вовлечения и последствиях участия в совершении преступлений, предусмотренных ст. 148 УК РФ. Кроме того, на законодательном уровне необходимо предпринять меры по формированию духовных и нравственных ценностей в медиасфере, ограничивая деструктивный контент, призывы к насилию, которые обладают разрушительной силой и способствуют потере самоидентичности.

Внесение концептуальных изменений в норму уголовного закона, предусматривающую уголовную ответственность за совершение преступления, предусмотренного ст. 148 УК РФ, в части расширения диспозиции, спектра уголовно-правовой охраны права на свободу совести и вероисповеданий, не исключило проблемы ее правоприменения.

¹³ Приговор Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 11 мая 2017 г. по делу 1-131/2017 // ГАС РФ «Правосудие»: сайт. URL: https://verhisesky-svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=_juid&vnkod=66RS0001&srv_num=2&delo_id=1540006&case_type=0&judicial_uid=66RS0001-02-2017-000060-25 (дата обращения: 20.06.2024).

В целях оптимизации правоприменительной практики ст. 148 УК РФ необходимо определить единообразный подход к толкованию составообразующих признаков нормы статьи, часть из которых имеет оценочный характер, а также ввести четкие отграничения деяний, предусмотренных ст. 148 УК РФ, от преступлений, смежных с ним по элементам и признакам составов, в частности имеющих экстремистскую направленность, которые зачастую препятствуют правильной квалификации совершенного деяния.

Список литературы:

1. Андрюхин Н. Г., Борисов С. В. Предпосылки, содержание и значение новых разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации о квалификации и доказывании преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети Интернет // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4.
2. Астапов С. Н. Религиоведческий аспект экспертизы по делам об оскорблении религиозных убеждений и чувств // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Т. 12. № 1.
3. Бабаев М. М. Российская уголовная политика и уголовный закон: опыт критического анализа : монография. / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. М., 2017.
4. Бахметьев П. В. Уголовно-правовые гарантии свободы совести и вероисповедания: отечественный опыт и международные стандарты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017.
5. Беспалько В. Г. Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Журнал российского права. 2014. № 7.
6. Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.
7. Борисов С. В. Современные проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности / С. В. Борисов, А. В. Жеребченко. М., 2018.
8. Винокуров В. Н. Предмет уголовно-правового регулирования и границы объекта преступления // Уголовное право. 2019. № 3.
9. Макаров Д. Ю. К вопросу о понятии уголовно-правовой охраны // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8-9.
10. Макушкин Е. В. Преступления в интернет-среде с участием несовершеннолетних и их медико-психологическая профилактика: аналитический обзор Е. В. Макушкин, В. Д. Бадмаева, Е. Г. Дозорцева. М., 2021.

Видится необходимым совершенствование уголовного законодательства и подготовки разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам квалификации преступлений, нарушающих права на свободу совести и вероисповеданий, которыми необходимо дополнить постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46, с целью более точного разграничения соответствующих преступлений и административных правонарушений.

References:

1. Andryukhin N. G., Borisov S. V. Prerequisites, contents and value of new explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation about qualification and proof of the crimes of extremist orientation committed with use of internet network // Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4.
2. Astapov S. N. The religious studies aspect of forensic evaluation in cases involving offense to religious beliefs and sensibilities // Theory and Practice of Forensic Science. 2017. T. 12. № 1.
3. Babaev M. M. Rossijskaya ugolovnaya politika i ugolovnyj zakon: opyt kriticheskogo analiza : monografiya. / M. M. Babaev, YU. E. Pudovochkin. M., 2017.
4. Bahmet'ev P. V. Ugolovno-pravovye garantii svobody sovesti i veroispovedaniya: otechestvennyj opyt i mezhdunarodnye standarty : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2017.
5. Bepal'ko V. G. Criminallaw protection of religious relations // Russian Law Journal. 2014. № 7.
6. Borisov S. V. Prestupleniya ekstremistskoj napravlenosti: problemy zakonodatel'stva i pravoprimeneniya: dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2012.
7. Borisov S. V. Sovremennye problemy kvalifikacii prestuplenij ekstremistskoj napravlenosti / S. V. Borisov, A. V. ZHerebchenko. M., 2018.
8. Vinokurov V. N. The subject-matter of criminal-regulation and boundaries of an objectof crime // Criminal law. 2019. № 3.
9. Makarov D. YU. On the issue of the concept of criminal law protection // Humanities, social-economic and social sciences. 2017. № 8-9.
10. Makushkin E. V. Prestupleniya v internet-srede s uchastiem nesovershennoletnih i ih medikopsihologicheskaya profilaktika: analiticheskij obzor. E. V. Makushkin, V. D. Badmaeva, E. G. Dozorceva. M., 2021.
11. Pinkevich T. V. Countering crimes committed in the field of competition: problem statement // Proceedings of Management Academy

11. Пинкевич Т. В. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере конкуренции: постановка проблемы // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 4 (52).
12. Сичкаренко А. Ю. Публичность как признак преступного нарушения права на свободу совести и вероисповеданий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 4 (46).
13. Уголовное право России : учебник для вузов / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М., 2005.
14. Шалагин А. Е., Идиятуллово А. Д. Трансформация преступности в XXI веке: особенности предупреждения и противодействия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 2 (44).
- of the Ministry of the Interior of Russia. 2019. № 4 (52).
12. Sichkarenko A. Yu. Publicity as a sign of criminal violation rights to freedom of conscience and religion // Vestnik of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4 (46).
13. Uголовное право Rossii: uchebник dlya vuzov / pod red. A. N. Ignatova, YU. A. Krasikova. M., 2005.
14. SHalagin A. E., Idiyatullov A. D. Transformation of crime in the xxi century: features of prevention and counteraction // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2021. T. 12. № 2 (44).

Для цитирования:

Бунова Ирина Ивановна. Уголовно-правовая охрана права на свободу совести и вероисповеданий в современных условиях трансформации преступности // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 67–74.

For citation:

Bunova Irina Ivanovna. Criminal-Legal Protection of the Right to Freedom of Conscience and Religion in Modern Conditions of Transformation of Crime // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 67–74.

Гаврилов Борис Яковлевич,

доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры управления
органами расследования преступлений,
Академия управления МВД России,

Российская Федерация, 125171,
г. Москва, ул. Зои и Александра
Космодемьянских, д. 8
E-mail: profgavrilov@yandex.ru

Старостин Сергей Алексеевич,

доктор юридических наук, профессор,
профессор
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
Российская Федерация, 123995, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9
E-mail: prof.starostin@gmail.com

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Boris Yakovlevich Gavrilov,

Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department of Management
of Crime Investigation Bodies,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171,
Moscow, Zoi i Alexandra
Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: profgavrilov@yandex.ru

Sergej Alekseevich Starostin,

Doctor of Law, Professor,
Professor
Kutafin Moscow State Law University (MGUA),
Russian Federation, 123995, Moscow,
Sadovaya-Kudrinskaya St., 9
E-mail: prof.starostin@gmail.com

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

УДК 343

DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-75-86

Дата поступления статьи: 6 ноября 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 12 декабря 2024 г.

Быть ли уголовному проступку? Депутаты высказались

Should there be a Criminal Offense? The Deputies Spoke out

Аннотация

Актуальность: настоящая статья является реакцией на снятие с рассмотрения проекта федерального закона № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», внесенного в Государственную Думу Российской Федерации постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 24-П. Отмечается несостоятельность доводов Правительства Российской Федерации, давшего отрицательный отзыв на законопроект. Подчеркнуто, что, несмотря на возможные сложности в правовом регулировании и правоприменительной практике, внедрение уголовного проступка необходимо.

Annotation

Relevance: this article is a reaction to the withdrawal from consideration of draft Federal Law № 1112019-7 “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with the Introduction of the concept of criminal misconduct”, submitted to the State Duma of the Russian Federation by Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 13, 2020 No. 24-P. The inconsistency of the arguments of the Government of the Russian Federation, which gave a negative response to the bill, is noted. It was emphasized that, despite possible difficulties in legal regulation and law enforcement practice, the introduction of criminal misconduct is necessary.

Problem statement: the need for further human-

Постановка проблемы: необходимость дальнейшей гуманизации и либерализации уголовно-правовых норм, снижения уровня их репрессивности.

Цель исследования: совершенствование положений уголовного законодательства, предусматривающих уголовную ответственность за совершение противоправных деяний, не представляющих значительной общественной опасности.

Методы исследования: диалектический метод познания, а также общенаучные методы абстрагирования, анализа и синтеза, дедукции, конкретизации и др.

Результаты и ключевые выводы: принятие предложенного авторами уголовного проступка законодателем будет способствовать, во-первых, реорганизации государством мер по снижению уровня уголовной репрессии, во-вторых, позволит обеспечить стабильную следственно-судебную практику при совершении противоправных деяний, не представляющих значительной общественной опасности, и, в-третьих, позволит, в случае принятия наших предложений, реализовать Указ Президента Российской Федерации от 30 марта 1998 г. № 328 «О разработке единой государственной системы регистрации и учета преступлений», призванный обеспечить полноту регистрации и учета значительного количества (не менее 3–4 млн) противоправных деяний, чем гарантировать предусмотренное ст. 52 Конституции Российской Федерации право граждан на их доступ к правосудию и возмещению причиненного ущерба.

Ключевые слова: преступление; уголовный проступок; административное правонарушение; уголовная ответственность; административная ответственность; административные процедуры; налоговые правонарушения; бюджетные правонарушения.

ization and liberalization of criminal law norms, reducing their level of repression.

The purpose of the study is to improve the provisions of criminal legislation providing for criminal liability for committing illegal acts that do not pose a significant public danger.

Research methods: dialectical method of cognition, as well as general scientific methods of abstraction, analysis and synthesis, deduction, concretization, etc.

Results and key conclusions: the adoption of the criminal offense proposed by the authors by the legislator will contribute, firstly, to the reorganization by the state of measures to reduce the level of criminal repression, secondly, it will ensure stable investigative and judicial practice in the commission of illegal acts that do not pose a significant public danger, and, thirdly, it will allow, if adopted our proposals to implement the Decree of the President of the Russian Federation dated March 30, 1998. No. 328 “On the development of a unified State system for registration and accounting of crimes”, designed to ensure the completeness of registration and accounting of a significant number (at least 3-4 million) of illegal acts, thereby guaranteeing the right of citizens to access justice and compensation for damage provided for in Article 52 of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: crime; criminal misconduct; administrative offense; criminal liability; administrative liability; administrative procedures; tax offenses; budget offenses.

Совет Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации принял решение вернуть Верховному Суду Российской Федерации проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка¹» (далее – законопроект) в связи с нару-

шением Регламента Думы², а именно с тем, что «законопроект предусматривает внесение изменений в законодательные акты Российской Федерации или их отдельные положения, срок действия которых истек либо которые являются утратившими силу».

го Суда Рос. Федерации от 13 октября 2020 г. № 24-П // Верховный суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/29309/> (дата обращения: 20.10.2024).

² Протокол заседания Совета Государственной Думы от 24 июня 2024 г. № 174 // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество» : офиц. сайт. URL: https://sozd.duma.gov.ru/events_document/43C5456B-9E8B-49CB-BD0E-69F6723699DD (дата обращения: 20.10.2024).

¹ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» : постановление Пленума Верховно-

При этом Правовое управление Государственной Думы признало, что направленность законопроекта на гуманизацию уголовного законодательства, сокращение объема уголовно-правовой репрессии в отношении лиц, совершивших преступления, не представляющие особой общественной опасности, путем внедрения альтернативных уголовному наказанию способов урегулирования уголовно-правового конфликта, в том числе иных мер уголовно-правового характера, способствующих снижению количества лиц, имеющих судимость, заслуживает поддержки.

В заключении также отмечено, что по законопроекту имеется ряд замечаний, которые изложены в приложении, содержащем восемь страниц текста формата А4.

При этом на сайте Системы обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законоворчество» это приложение не было размещено, а сотрудники аппаратов правового управления и профильного комитета по Конституционному законодательству Государственной Думы на многочисленные просьбы предоставить его для изучения ответили мягким отказом, лишив таким образом научное сообщество необходимых материалов для его оценки и дальнейшей проработки теории уголовного проступка. Что же такого выявило Правовое управление, раз его заключение имеет столь внушительный объем да еще и сокрыто от правоприменителей? В этих условиях остается лишь подождать, пока Верховный Суд Российской Федерации проведет работу над ошибками и, надеемся, представит (уже в третий раз) новый законопроект, который и будет сравниваться с предыдущими проектами.

В связи с изложенным авторами отмечается, что институт уголовного проступка издавна известен за рубежом в странах как англосаксонской правовой семьи, так и романо-германской правовой семьи, включая республики бывшего СССР. Например, Уголовный кодекс Республики Казахстан определил уголовный проступок как совершенное виновное деяние (действие или бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста³. С преступлением уголовный проступок разграничивается по двум основани-

ям: степенью общественной опасности и наказуемостью.

Казахстанский законодатель, формулируя институт уголовного проступка, совершил переоценку законодательства об административных правонарушениях, в связи с чем ряд деяний перенесен из КоАП РК в уголовный закон Республики.

Что касается Российской Федерации, то институт уголовного проступка вполне подходит под поговорку «Все новое – хорошо забытое старое». В российском законодательстве он появился еще в XVIII в., во исполнение Наказа Екатерины II Уложенной комиссии [18, с. 54–58] был воплощен в Уставе Благочиния или Полицейском 1782 г.⁴, в котором был применен термин «проступок», хотя Устав и не давал ему определения. При этом его системное толкование позволяет определить проступок как правонарушение с меньшей степенью общественной опасности, дела о которых были подведомственны управе благочиния как органу полиции.

Свод законов Российской Империи 1832 г.⁵ устанавливал различие между преступлением и проступком по тяжести наказания, а Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.⁶ – по субъекту посягательства. Статья 2 Уложения к проступкам относил «нарушения правил, предписанных для охранения определенных законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы» [6, с. 115–138]. Дефиниции проступка не давало и Уголовное уложение 1903 г.⁷, однако отграничивало его от преступлений и тяжких преступлений возможными мерами наказания – арестом и денежной пеней (штрафом).

После Октябрьской революции 1917 г. отечественное право отказывается от категории «проступок». Однако новая власть законодательно обособила фактически сложившийся в Российской империи институт административной ответственности как внесудебного применения карательных мер⁸, приспособив для этого также существовавший в дореволюционной Рос-

⁴ Устав Благочиния или Полицейский // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 5. М. : Юрид. лит., 1991. С. 410–411.

⁵ Свод законов Российской Империи. СПб., 1832. // Классика Российского Права : электронная библиотека. URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/229/> (дата обращения: 06.09.2020).

⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Издано Н. С. Таганцевым. 17-е изд., пересмотр. и доп. СПб., 1913. С. 190.

⁷ Уголовное уложение Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. Киев – Петербург – Харьков, 1903. С. 89.

⁸ Например, п. 2 именного указа Сенату от 18 марта 1879 г. «О мерах к пресечению уклонения от прописки видов в городах: Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе и Ялте и Санкт-Петербургской губернии» (ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 54. Отд. I. № 59422) предусматривал полномочие Санкт-Петербургского градоначальника «налагать и взыскивать в административном порядке» денежные штрафы и устранять нарушителей от занимаемых должностей с воспрещением впредь наниматься на таковые должности.

³ Ч. 3 ст. 10 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. // Правовой портал «Закон.кз» : сайт. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 20.10.2024).

сии институт обязательных постановлений как подзаконных нормативных правовых актов [17, с. 199–207].

Однако возникновение административной ответственности, по крайней мере, как категории, признанной законодателем, связывают не с внесудебной ответственностью за нарушения правовых актов центральных властей молодой советской республики, а с предоставлением низовым звеньям Советов правомочия самостоятельного установления противоправности и наказуемости отдельных проявлений антиобщественного поведения [1, с. 35–38]. Окончательное оформление децентрализации юридической ответственности в административном порядке имело место в Положении о порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке 1922 г.⁹

Ответственность в «административном порядке», вторя дореволюционному законодательству, противопоставлялась ответственности в «судебном порядке», «ответственности по суду» или «судебной ответственности» (синонимы уголовной ответственности¹⁰). Впоследствии такая логика разделения уголовной и административной ответственности нарушалась в связи с помещением норм о применении мер ответственности в административном порядке в УК РСФСР¹¹ и появлением судебного порядка наложения административных взысканий.

Помимо ранее указанных нами черт административного правонарушения в отечественном праве 1920-х гг. [28, с. 24–26], необходимо назвать:

- помещение в тексты обязательных постановлений указания на юридическую ответственность и конкретные ее меры;

- надзор НКВД и вышестоящих органов Советской власти за содержанием обязательных постановлений.

Ст. 192 УК РСФСР в редакции 1926 г. устанавливала те же взыскания за нарушение обязательных постановлений, что и действовавшее в то время Положение об издании местными исполнительными комитетами и городскими сове-

тами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке. Более того, санкция названной статьи УК РСФСР прямо указывала на применение соответствующих мер наказания именно в административном порядке. То есть нормативно-правовая связь институтов уголовной и административной ответственности на это время была восстановлена и сохранялась вплоть до коренной реформы уголовного законодательства в период «оттепели».

Учитывая изложенное, возникает вопрос, а не стоит ли воспроизвести опыт советского законодателя и определить УК РФ как универсальный перечень противоправных деяний, ответственность за которые наступает как в судебном (по УПК РФ), так и в административном (то есть внесудебном порядке)? Однако вряд ли это осуществимо, поскольку для этого нужно поместить предельно общие формулировки диспозиций в соответствующие составы преступлений/проступков и бланкетные ссылки на федеральные и региональные законы и муниципальные нормативные правовые акты. Однако чрезмерно размытая граница правомерного и противоправного поведения, вкупе с серьезностью проступка или даже административного правонарушения, отнюдь не способствует поддержанию режима законности, потворствуя произволу компетентных органов и должностных лиц, прикрывающихся судебным или административным усмотрением при толковании гипотетических составов Особенной части УК РФ [16, с. 107–118].

Пока правовая культура депутатов и качество законов не достигнут достаточного уровня, уйти от отраслевой специфики тех или иных противоправных деяний в силу множественности законов о юридической ответственности не представляется возможным. Поэтому полное «поглощение» уголовным законом положений КоАП РФ, Налогового и Бюджетного кодексов создаст больше проблем, чем их решит.

Это означает, что лишь часть административных правонарушений может войти в уголовно-правовое поле. Прежде всего, речь идет о тех правонарушениях, которые являются общественно опасными, несмотря на отсутствие соответствующих указаний на это в КоАП РФ. Так, оказание финансовой поддержки терроризму (ст. 15.27.1) – деяние, несущее реальную угрозу как высшей ценности – человеку и его правам, так и производной ценности – национальной безопасности, помещено в КоАП РФ лишь потому, что нормы для института уголовной ответственности юридических лиц в УК РФ законодатель не предусматривает.

⁹ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 27 июля 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 48. Ст. 603.

¹⁰ «Правления промыслово-кооперативных товариществ и учредители последних за прекращение и ликвидацию деятельности товарищества без соблюдения правил... подлежат судебной ответственности по ст. 226 Уголовного Кодекса». См. ст. 17 Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 24 мая 1923 г. «О порядке прекращения промыслово-кооперативных товариществ и их союзов» // СУ РСФСР. 1923. № 49. Ст. 488.

¹¹ Например, ч. 2 ст. 108 УК РСФСР 1926 г. за неисполнение или нарушение при производстве строительных работ установленных законом или распоряжением власти строительных, санитарных или противопожарных правил, не повлекшее тяжких последствий, предусматривала принудительные работы на срок до одного месяца или штраф до ста рублей, налагаемые в административном порядке.

Весьма наглядно проблема разграничения уголовной и административной ответственности усматривается при сравнительном анализе таких административных правонарушений и преступлений, как кража (ч. 1 ст. 158 УК РФ) и мелкое хищение (ст. 7.27 КоАП РФ), где разница между уголовно наказуемым и административным деянием формально составляет всего один рубль при размере похищенного 2,5 тыс. рублей [4], а также ряд других деяний, в частности о незаконном обороте наркотиков [30], причинении имущественного вреда и др. Уголовными проступками могли бы быть и административные правонарушения, повторное совершение которых образует состав преступления; административные правонарушения, влекущие административный арест, и ряд других подобных деяний.

Что касается остальных административных правонарушений, то их можно «перевести» в соответствующие федеральные законы, законы субъектов Российской Федерации и, возможно, вновь принимаемые кодексы (полицейский, конкурентный, миграционный и пр.). КоАП РФ если и не исчезнет из правового поля, то станет хотя бы блоком общих норм административной ответственности с Особенной частью, «рассеянной» в комплексе самостоятельных законов и кодексов. В связи с этим налоговые и бюджетные правонарушения уже давно помещены в указанные кодексы и, соответственно, не названы административными правонарушениями, хотя и имеют аналоги в КоАП РФ.

Разумным представляется возвращение к истокам административной ответственности как ответственности в административном порядке. В КоАП РФ или в законах и кодексах, что должны прийти ему на смену, останутся деяния, дела о которых будут рассматривать органы исполни-

тельной власти и должностные лица, а уголовными проступками будут деяния, подлежащие рассмотрению судом (желательно административным). Однако разумным представляется отказ и от ответственности в административном порядке, учитывая, что органы исполнительной власти и должностные лица должны быть лишены квазисудебных функций при сохранении за ними полномочий по выявлению правонарушений.

Не менее актуальным является анализ, наряду с правовой составляющей, социально-правовых последствий института административной ответственности, которые наиболее показательны с криминологической точки зрения. Исследуются при этом и данные о степени общественной опасности отдельных видов административных правонарушений, по сути, аналогичных по их объективной и субъективной стороне с преступлениями небольшой, а в ряде случаев и средней тяжести, что во многом определяет необходимость дальнейшей гуманизации и либерализации уголовно-правовых норм, снижения уровня их репрессивности, на это указывают С. С. Босхолов [2], С. М. Зубарев [19], А. Г. Кибальник [23] и др. Со всей очевидностью данная категория деяний сегодня нуждается в должной криминологической оценке для исключения причин их неотражения в уголовно-правовой статистике и, в свою очередь, снижения уровня латентности противоправных деяний данного вида [26, с. 106]. Их показатель в 2018–2023 гг. составляет ежегодно более 3 млн только по трем видам противоправных деяний, в том числе 1,1 млн таких решений по фактам совершения краж чужого имущества, почти 1 млн фактов мошенничества и порядка 1,2 млн фактов причинения гражданам телесных повреждений (таблица 1)¹².

¹² Статистические данные ГИАЦ МВД России : отчет по форме 4-Е за 2018–2023 гг.

Таблица 1

Сведения о количестве зарегистрированных сообщений об отдельных видах преступлений, по которым приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела

Статья УК РФ	2022 год		2023 год	
	Всего зарегистрировано заявлений, сообщений о преступлениях и правонарушениях	По ним принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела	Всего зарегистрировано заявлений, сообщений о преступлениях и правонарушениях	По ним принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела
111	49 767	9 851	23 877	5 022
112	146 969	84 636	68 554	38 563
116	939 091	645 369	465 415	301 661
119	692 067	454 482	328 260	215 970
158	2 605 432	1 106 774	1 128 851	479 388
159	1 781 998	838 026	1 088 689	530 984
159.1	167 300	116 807	174 957	126 555

161	65 085	18 519	26 172	7 458
162	5 806	668	2 339	282
163	34 024	17 776	16 735	8 179
166	53 801	23 617	23 679	10 626
171	13 965	7 822	6 393	3 813
171.1	11 418	5 347	7 224	3 606
173.1	15 741	6 872	6 745	2 458
207	196 851	5 389	83 072	2 291
228	161 096	57 499	81 029	29 849

Из приведенных в таблице статистических данных усматривается, что в 2023 г. в органы внутренних дел поступило:

– 1,8 млн заявлений, сообщений о преступлениях по фактам причинения телесных повреждений различной степени тяжести, из них было отказано в возбуждении уголовного дела – 1,2 млн;

– 4,7 млн заявлений и сообщений о преступлениях против собственности, из которых в более 2 млн случаев было принято решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Основную часть из них составляют кражи (1,1 млн), мошеннические действия (995 тыс.) и др., большинство из которых могли бы быть отнесены к преступлениям небольшой тяжести.

О высокой доле в структуре преступности противоправных деяний небольшой тяже-

сти свидетельствуют приведенные ниже статистические данные, а также результаты осуществленного аналитического анализа преступных деяний, за которые максимальный срок лишения свободы составляет три года. Так, в 2005–2009 гг. в России ежегодной регистрации подвергался 1 млн преступлений небольшой тяжести (35–36 % от общего количества зарегистрированных преступлений), доля которых в 2025 г. возросла до 46,2 %. Несмотря на то, что в 2019–2023 гг. количественный показатель преступлений небольшой тяжести сокращался, что обуславливалось декриминализацией отдельных видов данных противоправных деяний, их удельный вес в структуре общей преступности сохранялся в пределах 40–43 % (таблица 2).

Таблица 2

Сведения о количестве зарегистрированных преступлений небольшой тяжести¹³

Годы	Количество зарегистрированных преступлений небольшой тяжести	Прирост к предыдущему году (%)	Удельный вес в общем количестве зарегистрированных преступлений (%)
2005	1 084 029	28,8	30,5
2006	1 265 271	16,7	32,8
2007	1 230 791	–2,7	34,4
2008	1 130 691	–8,1	35,0
2009	1 068 912	–5,5	36,0
2012	947 376	8,0	41,0
2018	920 153	–0,6	46,2
2019	875 332	–0,9	43,2
2020	845 487	–3,4	42,4
2021	839 921	–0,7	41,9
2022	830 804	–1,1	42,2
2023	787 367	–5,2	40,4

¹³ Статистические данные ГИАЦ МВД России по форме I-A (годовая) : утв. приказом МВД России от 18 декабря 1996 г. № 662.

При этом за последние два десятилетия значительно (с 30 % в 2005 г. до 54,7 % в 2020 г.) увеличился удельный вес осужден-

ных за совершение преступлений небольшой тяжести (таблица 3).

Таблица 3

Сведения о числе осужденных, в том числе за преступления небольшой тяжести¹⁴

Годы	Всего осуждено	в том числе за преступления небольшой тяжести	То же в %
2005	878 893	254 062	30,0
2006	909 853	280 445	30,8
2007	927 074	296 698	32,0
2008	925 166	323 470	35,0
2009	892 361	326 076	36,5
2012	739 278	273 346	37,0
2017	697 054	363 208	52,1
2018	658 291	347 066	52,7
2019	620 054	317 390	51,2
2020	530 965	290 231	54,7
2021	565 317	304 035	53,8
2022	578 751	292 380	50,5
2023	589 011	288 018	48,9

¹⁴ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2023 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 07.08.2024).

Проведенное в 2015 г. Б. Я. Гавриловым и Е. В. Роговой исследование данной проблемы показало аналогичные результаты. В этой связи распространность преступлений небольшой тяжести ими объясняется соответствующим уровнем их латентности, что свидетельствует об отсутствии должной реакции со стороны государства с позиции применения уголовного закона, зарождающая тем самым чувство незащищенности у граждан и способствуя рецидиву преступности [11].

Подтверждением этому служат проводимые социологические опросы граждан, в результа-

те которых были получены данные, свидетельствующие о том, что в правоохранительные органы не обращается практически каждый второй пострадавший [14; 15], что, соответственно, значительно повышает уровень латентной преступности и в первую очередь противоправных деяний, не представляющих значительной общественной опасности. В основном это, как отмечено выше, кражи чужого имущества, различные виды мошенничества, факты причинения телесных повреждений, не повлекших тяжкого вреда здоровью, и т. п. деяния, что отражено в таблице 4.

Таблица 4

Статистические данные о количестве зарегистрированных отдельных составов административных правонарушений¹⁵

Статья КоАП РФ/год		6.1.1. Побои	6.9. Потребление наркотических средств	7.27. Мелкое хищение	20.1. Мелкое хулиганство
2020	Всего пресечено (зарегистрировано)	240 905	106 417	222 457	674 615
	Рассмотрено судом	80 710 (33 %)	60 278 (56,6 %)	80 422 (36,1 %)	132 471 (19,6 %)
	Рассмотрено ОВД	62 595 (25,9 %)	9 386 (8,8 %)	57 304 (25,7 %)	466 091 (69 %)
2021	Всего пресечено (зарегистрировано)	225 127	116 666	222 310	704 537
	Рассмотрено судом	54 104 (46,3 %)	46 527 (20,6 %)	54 446 (24,4 %)	141 305 (20 %)
	Рассмотрено ОВД	79 887 (35,4 %)	113 24 (9,7 %)	84 789 (38,1 %)	514 698 (73 %)
2022	Всего пресечено (зарегистрировано)	202 476	113 775	243 778	746 352
	Рассмотрено судом	99 039 (48,9%)	89 448 (78,6%)	108 528 (44,5%)	159 084 (21,3%)
	Рассмотрено ОВД	68 741 (33,9%)	13 839 (12,1%)	95 199 (39,05%)	558 706 (74,8%)

¹⁵ Сведения об административной практике ОВД Российской Федерации за 2022 год : статистическая форма I-АП (приказ МВД России от 14 мая 2012 г. № 507).

По сути, как с мелким хищением, аналогичная ситуация сложилась и с фактами причинения побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ). К указанному выводу авторы настоящей публикации пришли с учетом статистических данных о пресечении (регистрации) фактов побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ). В 2022 г. данных деяний зарегистрировано 202,5 тыс., из которых были разрешены 82,9 %.

В этой связи авторы обращаются к практически исключенному институту административной преюдиции¹⁶, насчитывающему се-

¹⁶ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс

годня 25 составов преступлений, о чем достаточно подробно изложено в ряде публикаций Д. В. Шемякина [32; 33].

Анализ статистических данных о числе зарегистрированных преступлений с административной преюдицией свидетельствуют о том, что наиболее распространенными в 2023 г. являлись ст. 116.1, ст. 158.1 и ч. 1 ст. 264.1 УК РФ (таблица 5).

Российской Федерации : Федер. закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ : в ред. от 7 декабря 2011 г. : принят Гос. Думой 21 ноября 2003 г. : одобрен Советом Федерации 26 ноября 2003 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 50. Ст. 4848.

Таблица 5

Статистические данные о количестве зарегистрированных сообщений о преступлениях и принятых по ним процессуальных решений о возбуждении уголовного дела

Статья УК РФ	Всего зарегистрировано сообщений о преступлении	Возбуждено уголовных дел	В том числе удельный вес в %
ст. 116.1	38 519	6 469	16,8 %
ст. 158.1	65 008	33 306	51,2 %
ч. 1 ст. 264.1	74 232	59 503	80,1 %

Таким образом, в понятие «уголовный проступок» может быть включена часть противоправных деяний, которые по фактическим обстоятельствам их совершения и, соответственно, противоправности сегодня присутствуют и в УК и в КоАП РФ, что позволит идентифицировать уголовный проступок как деяние, которое формально содержит в себе признаки уголовно-наказуемого деяния, но причиненный им вред является малозначительным, в силу чего оно не представляет значительной общественной опасности и наказание, как правило, не связано с лишением свободы [27].

С учетом изложенного в случае закрепления категории уголовного проступка в системе российского уголовного законодательства в ближайшем будущем возникнет необходимость, во-первых, сформулировать предложения по упрощению процессуальных правил как досудебного, так и судебного производства по этой категории противоправных деяний при обязательном соблюдении уровня процессуальных гарантий прав и законных интересов участников уголовного процесса; во-вторых, снизить процессуальную нагрузку на следственные и судебные органы, что, в свою очередь, даст возможность для перераспределения бюджетного финансирования с данного вида процессуальной деятельности на раскрытие, расследование тяжких и особо тяжких преступлений, в том числе совершенных в составе организованных групп, преступных сообществ (преступных организаций), а также с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и др.

Об актуальности проблемы возвращения в российское законодательство уголовного проступка свидетельствует и активная дискуссия среди научного сообщества и практиков, представляющих правоохранительные и судебные органы, как непосредственно по положениям указанного выше законопроекта Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 24-П, так и по другим вопросам совершенствования действующего уголовного и административного законодательства, конечной целью которых является:

– снижение уровня уголовной репрессии, показатель которой к концу 90-х гг. XX в. достиг 1 млн 10 тыс. российских граждан [20], отбывающих наказание в местах лишения свободы (на 1 января 2024 г. этот показатель снизился до 447 тыс. граждан);

– при этом к уголовной ответственности ежегодно привлекалось в 1992–2001 гг. более 1,5 млн граждан, в 2012–2017 гг. – около 900 тыс., в 2019 г. – 789 тыс. и в 2023 г. – 723,6 тыс. граждан, что ведет к дальнейшей криминализации общества;

– реализация предложений представителей науки [3; 8] и практиков [13] об исключении из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях деяний, являющихся по степени общественной опасности на «границе» административного правонарушения, например ст. 7.27 КоАП РФ, и преступления – ч. 1 ст. 158 УК РФ, о чем сказано выше;

– предложение авторов о необходимости разграничения уголовно наказуемого и административного деяния путем исключения из ст. 14

УК РФ части второй, содержащей понятие малозначительности деяния. Его негативные последствия заключаются в создании для правоприменителя возможности принятия по заявлениям и сообщениям граждан и организаций о преступлениях процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, число которых в 2015–2023 гг. ежегодно составляло от 5,7 до 6,8 млн, чем нарушается конституционное право на доступ граждан к правосудию и возмещение причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ) [9, с. 14].

Говоря о научной дискуссии о введении уголовного проступка, авторы указывают на ее неоднозначность. Так, Л. В. Головкин [12] с приведением аргументов высказывается об отсутствии правовых оснований для введения в УК РФ уголовного проступка. Следует выделить и позицию заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке) А. А. Толкаченко [29] о том, что «в современных условиях введение уголовного проступка и судопроизводство по нему сами по себе не способны оказать принципиального влияния

на уголовную политику и практику применения уголовного законодательства» [29].

Исследуя проблему возвращения в российское законодательство уголовного проступка, авторы настоящей публикации обращаются к таким известным ученым, как С. Г. Келина [21, с. 51], Г. А. Кригер [23], Н. Ф. Кузнецова [24], М. Д. Шаргородский [32], в трудах которых не только изложена, но и обоснована идея о выделении в уголовном законодательстве уголовного проступка. Положительно об этой идее высказываются Е. В. Рогова [8], В. Ф. Цепелев [31], сами авторы [5; 7; 10; 28], относительно места уголовного проступка в статье приводится точка зрения С. В. Максимова, отмечающего, что уголовный проступок может быть «внедрен» в структуру единого кодифицированного акта [25, с. 130; 34].

Таким образом, данные криминологического анализа преступлений, отнесенных к категории небольшой тяжести, и лиц, их совершивших, позволяют сделать вывод о том, что значительную часть данного вида уголовно наказуемых деяний возможно выделить в группу уголовных проступков.

Список литературы:

1. Агеев А. А. Становление и развитие российского административно-деликтного законодательства в советский период // Административное право и процесс. 2016. № 8. С. 35–38.
2. Босхолов С. С. О понятии и критериях криминологической обоснованности гуманизации уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3. С. 28–35.
3. Воскобитова Л. А. Судопроизводство по делам об административных правонарушениях и его место в системе реализации судебной власти // Мировой судья. 2017. № 2. С. 28–34.
4. Гаврилов Б. Я. Уголовный проступок в изменяющейся системе российского законодательства: взгляд ученого и видение правоприменителя // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 416–423.
5. Гаврилов Б. Я. Роль современного законодательства уголовно-правового комплекса в обеспечении гуманизации уголовно-правовой политики: мифы и реалии // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 7. С. 9–16.
6. Гаврилов Б. Я., Крымов В. А., Шпагина Ю. В. Уголовный проступок: новые грани российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 1. С. 115–138.

References:

1. Ageev A. A. The formation and development of Russian administrative and tort legislation in the Soviet period // Administrative law and process. 2016. № 8. P. 35–38.
2. Boskholov S. S., Badmayeva B. B. On the concept and criteria of criminological substantiation of humanizing criminal policy // Criminological Journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2012. № 3. P. 28–35.
3. Voskobitova L. A. Legal proceedings in administrative cases and their place in the judiciary system // Justice of the Peace. 2017. № 2. P. 28–34.
4. Gavrillov B. Ya. Criminal misconduct in the changing system of Russian legislation: a scientist's view and a law enforcement officer's vision // Legal technique. 2023. № 17. P. 416–423.
5. Gavrillov B. YA. The role of modern legislation of the criminal law complex in ensuring the humanization of criminal law policy: myths and realities // The laws of Russia: experience, analysis, practice. 2023. № 7. P. 9–16.
6. Gavrillov B. YA., Krymov V. A., SHpagina YU. V. Criminal misconduct: new facets of Russian legislation // Right. Journal of the Higher School of Economics. 2022. № 1. P. 115–138.
7. Gavrillov B. YA. The return of criminal offense to the Russian legislation as one of the directions of the state policy to ensure the rights and freedoms of man and citizen // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1 (91). P. 91–99.

7. *Гаврилов Б. Я.* Возвращение в российское законодательство уголовного проступка как одно из направлений политики государства по обеспечению прав и свобод человека и гражданина // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 1 (91). С. 91–99.
8. *Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В.* Закрепление уголовного проступка в контексте реформирования уголовного законодательства России // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 2–5.
9. *Гаврилов Б. Я.* Современная уголовная политика: цифры и факты : монография. М. : Проспект, 2008. 208 с.
10. *Гаврилов Б. Я.* Уголовный проступок в российском праве: пожелания законодателя или реалии российского общества // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26. № 2. С. 131–136.
11. *Гаврилов Б. Я., Рогова Е. В.* Уголовный проступок: концепция развития (мнение ученого и практика) // Публичное и частное право. 2016. № 4 (32). С. 7–15.
12. *Головко Л. В.* Законопроект об уголовном проступке: нымые замыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1. С. 127–136.
13. *Гордиенко В. В.* Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Российский следователь. 2011. № 16. С. 3–5.
14. *Горяинов К. К., Овчинский В. С., Кондратюк Л. В.* Улучшение взаимоотношений граждан и милиции: доступ к правосудию и система выявления, регистрации и учета преступлений. М. : Инфра-М, 2001. 48 с.
15. *Горяинов К. К., Овчинский В. С., Кондратюк Л. В.* Изучение общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. М. : ВНИИ МВД России, 2011. С. 61–62.
16. *Зайцев Д. И., Щепалов С. В.* Административное и судебное усмотрение в российской науке: проблемы соотношения // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 46. С. 107–118.
17. *Зокиров Т. З.* Предпосылки принципа федерализма в правовом регулировании административной ответственности (на примере управленческих решений) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 5 (117). С. 199–207.
18. *Зуева Л. Ю.* К вопросу о времени возникновения института административной ответственности в России // Административное право и процесс. 2020. № 5. С. 54–58.
19. *Зубарев С. М.* Новое в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве: не-
8. *Gavrilov B. Y., Rogova E. V.* The prospects for the consolidation of criminal misconduct in the context of the reform of the criminal legislation of Russia // Russian justice. 2016. № 11. P. 2–5.
9. *Gavrilov B. YA.* Sovremennaya ugolovnaya politika: cifry i fakty : monografiya. M. : Prospekt, 2008. 208 s.
10. *Gavrilov B. YA.* Criminal offence in russian law: suggestions of lawyers and reality of Russian society // Man: crime and punishment. 2018. T. 26. № 2. P. 131–136.
11. *Gavrilov B. Ya., Rogova E. V.* Criminal misconduct: the concept of development (opinion of a scientist and practice) // Public and private law. 2016. № 4 (32). P. 7–15.
12. *Golovko L. V.* Draft legislation on misdemeanor: manufactured meanings and real rationale // Law. 2018. № 1. P. 127–136.
13. *Gordienko V. V.* Legislative innovations and their role in improving the effectiveness of the fight against crime // The Russian investigator. 2011. № 16. P. 3–5.
14. *Goryainov K. K., Ovchinskij V. S., Kondratyuk L. V.* Uluchshenie vzaimootnoshenij grazhdan i milicii: dostup k pravosudiyu i sistema vyyavleniya, registracii i ucheta prestuplenij. M. : Infra-M, 2001. 48 s.
15. *Goryainov K. K., Ovchinskij V. S., Kondratyuk L. V.* Izuchenie obshchestvennogo mneniya ob urovne bezopasnosti lichnosti i deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii. M. : VNII MVD Rossii, 2011. S. 61–62.
16. *Zaitsev D. I., SHCHepalov S. V.* Administrative and judicial discretion in Russian science: problems of correlation // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2022. № 46. P. 107–118.
17. *Zokirov T. Z.* Prerequisites of the principle of federalism in the legal regulation of administrative responsibility (on the example of managerial decisions) // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA). 2024. № 5 (117). P. 199–207.
18. *Zueva L. YU.* On the time of the origination of the administrative liability institution in Russia // Administrative law and process. 2020. № 5. P. 54–58.
19. *Zubarev S. M.* New in criminal and penal enforcement legislation: some aspects of the humanization of punitive policy // Journal of Russian Law. 2004. № 4. P. 26–40.
20. *Kalinin YU. I.* Lesopoval s chelovecheskim licom // Ros. gaz. 2002. № 186.
21. *Kelina S. G.* Ugolovnyj zakon. Opyt teoreticheskogo modelirovaniya / otv. red. V. M. Kudryavcev, S. G. Kelina. M. : Nauka, 1987. 278 s.
22. *Kibalnik A. G.* What the “humanization” of criminal legislature will come? // Legality. 2011. № 9. P. 22–25.

- которые аспекты гуманизации карательной политики // Журнал российского права. 2004. № 4. С. 26–40.
20. Калинин Ю. И. Лесоповал с человеческим лицом // Рос. газ. 2002. № 186.
 21. Келина С. Г. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. М. Кудрявцев, С. Г. Келина. М. : Наука, 1987. 278 с.
 22. Кибальник А. Г. К чему приведет «гуманизация» уголовного законодательства? // Законность. 2011. № 9. С. 22–25.
 23. Кригер Г. А. Конституция СССР и совершенствование уголовного законодательства // Вестник Московского университета. Серия Право. 1979. № 2. С. 3–9.
 24. Кузнецова Н. Ф. Преступление и преступность. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. 232 с.
 25. Мониторинг уголовно-правовой политики Российской Федерации : монография / под общ. ред. С. В. Максимова. М. : Институт государства и права РАН, 2014. 482 с.
 26. Рогова Е. В., Забавко Р. А., Ивушкина О. В. Межотраслевая дифференциация ответственности в контексте введения уголовного проступка // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 2 (101). С. 106–115.
 27. Сизова В. Н. Концептуальные основы систематизации Уголовного кодекса Российской Федерации : в 2 т. : дис ... д-ра юрид. наук. М., 2024. 792 с.
 28. Старостин С. А., Фатьянов А. А. Уголовный проступок: красивая теория? // Административное право и процесс. 2017. № 12. С. 24–26.
 29. Толкаченко А. А. К обсуждению проекта федерального закона в связи с введением понятия уголовного проступка, или чем может помочь Постановление Пленума ВС РФ от 31 октября 2017 г. № 42 // Закон. 2018. № 1.
 30. Федоров А. В. Соотношение наркопреступлений и административных наркоправонарушений // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2 (7). С. 262–270.
 31. Цепелев В. Ф. Соотношение преступления и иных правонарушений: сравнительный аспект // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: материалы IV междунар. науч.-практ. конф., посвященной 250-летию образования Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова и состоявшейся на юрид. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : ЛексЭст, 2005. С. 331–419.
 32. Шаргородский М. Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества // Советское государство и право в период раз-
 23. Krieger G. A. The Constitution of the USSR and the improvement of criminal legislation // Bulletin of the Moscow University. The Law series. 1979. № 2. P. 3–9.
 24. Kuznecova N. F. Prestuplenie i prestupnost'. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1969. 232 s.
 25. Monitoring ugolovno-pravovoj politiki Rossijskoj Federacii : monografiya / pod obshch. red. S. V. Maksimova. M. : Institut gosudarstva i prava RAN, 2014. 482 s.
 26. Rogova E. V., Zabavko R. A., Ivushkina O. V. Inter-branch differentiation of responsibility in the context of the introduction of a criminal offense // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (101). P. 106–115.
 27. Sizova V. N. Konceptual'nye osnovy sistemati-zacii Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii : v 2 t. : dis ... d-ra yurid. nauk. M., 2024. 792 s.
 28. Starostin S. A., Fatyanov A. A. Criminal offence: legal necessity or just another beautiful theory? // Administrative law and process. 2017. № 12. P. 24–26.
 29. Tolkachenko A. A. Deliberating over the misdemeanor bill, or how court fines can be helped by SC Plenum's ruling no. 42 of 31 October 2017 // Law. 2018. № 1.
 30. Fyodorov A. A. The relation between drug crimes and administrative drug offences // The criminologist's library. Scientific journal. 2013. № 2 (7). P. 262–270.
 31. Cepelev V. F. Sootnoshenie prestupleniya i inyh pravonarushenij: sravnitel'nyj aspekt // Sootnoshenie prestuplenij i inyh pravonarushenij: sovremennye problemy: materialy IV mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashchennoj 250-letiyu obrazovaniya Mosk. gos. un-ta im. M. V. Lomonosova i sostoyavshejsya na yurid. fak. MGU im. M.V. Lomonosova. M. : LeksEst, 2005. S. 331–419.
 32. SHargorodskij M. D. Voprosy obshchego ucheniya o nakazaniyah v period razvernuto-ogo stroitel'stva kommunisticheskogo obshchestva // Sovetskoe gosudarstvo i pravo v period razvernuto-ogo stroitel'stva kommunizma : tezisy dokladov nauch. konf. Leningrad : Izd-vo LGU, 1961.
 33. Shemyakin D. V. Controversial issues of use of administrative prejudice in criminal law // The Russian investigator. 2015. № 15. P. 45–47.
 34. Ekspert: Modernizaciya Ugolovnogo kodeksa polozhitel'no povliyaet na ekonomiku strany // RG. RU : internet-portal «Rossijskoj gazety». URL: <http://www.rg.ru/2011/06/07/uk.html> (data obrashcheniya: 20.10.2020).

вернутого строительства коммунизма : тезисы докладов науч. конф. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1961.

33. *Шемякин Д. В.* Проблемные вопросы использования административной преюдиции в уголовном праве // Российский следователь. 2015. № 15. С. 45–47.
34. Эксперт: Модернизация Уголовного кодекса положительно повлияет на экономику страны // RG. RU : интернет-портал «Российской газеты». URL: <http://www.rg.ru/2011/06/07/uk.html> (дата обращения: 20.10.2020).

Для цитирования:

Гаврилов Борис Яковлевич, Старостин Сергей Алексеевич. Быть ли уголовному проступку? Депутаты высказались // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 75–86.

For citation:

Gavrilov Boris Yakovlevich, Starostin Sergej Alekseevich. Should there be a Criminal Offense? The Deputies Spoke out // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 75–86.

Лелетова Марина Владимировна,
доцент кафедры уголовной политики,

кандидат юридических наук, доцент,
Академия управления МВД России,

Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ORCID 0000-0002-0996-4389

E-mail: leletova@list.ru

Научная специальность:
12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

УДК 342.711

DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-87-100

Дата поступления статьи: 21 июня 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 12 декабря 2024 г.

Некоторые особенности натурализации в России: современное состояние, проблемы и пути решения

Some features of naturalization in Russia: current state, problems and solutions

Аннотация

Актуальность изучения некоторых особенностей состояния натурализации в Российской Федерации связана со сложной международной ситуацией, обострившимися в связи с ней внутренними криминогенными факторами, прежде всего экономического и дестабилизирующего характера, которые способны усугубить криминальную ситуацию в России (военные конфликты, низкий уровень жизни в отдельных странах, многочисленные санкции и ограничения, действующие в отношении Российской Федерации и др.). К таким факторам, кроме прочих, относятся миграционные процессы, в том числе процессы, связанные с натурализацией иностранных граждан на территории России.

Постановка проблемы. Развитие негативных явлений в сфере миграции и натурализации позволяет предположить дальнейший рост числа преступлений террористического характера, проявлений организованной преступности и экстремизма, а также отдельных преступлений против собственности, правонарушений

Marina Vladimirovna Leletova,
Associate Professor of the Department
of Criminal Policy,

Candidate of Law, Associate Professor
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,

Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8

ORCID 0000-0002-0996-4389

E-mail: leletova@list.ru

Scientific specialty:
12.00.08 — Criminal Law and Criminology; Penal
Enforcement Law

Abstract

The relevance of studying some features of the state of naturalization in the Russian Federation is associated with the complex international situation, aggravated in connection with it by internal criminogenic factors, primarily of an economic and destabilizing nature, which are capable of aggravating the criminal situation in Russia (military conflicts, low standard of living in certain countries, numerous sanctions and restrictions in force with respect to the Russian Federation, etc.). Such factors, among others, include migration processes, including processes related to the naturalization of foreign citizens on the territory of Russia.

Statement of the problem. The development of negative phenomena in the sphere of migration and naturalization allows us to assume a further increase in the number of terrorist crimes, manifestations of organized crime and extremism, as well as individual crimes against property, offenses based on interethnic relations, etc. These crimes can be committed both by migrants (persons who have the opportunity in the future, if they wish, to obtain citizenship of the Russian Federation) and

на почве межнациональных отношений и др. Данные преступления могут совершаться как мигрантами (лицами, которые имеют возможность в будущем, при их желании, получить гражданство Российской Федерации), так и натурализованными гражданами (лицами, уже получившими гражданство Российской Федерации), в связи с чем для выработки мер по предупреждению таких преступлений необходимо изучение современного состояния натурализации иностранных граждан в Российской Федерации, анализа количественного и качественного состава лиц (из каких стран прибыли, в каком количестве, какая динамика, с чем связаны ее изменения), прибывающих в страну по различным основаниям и в последующем претендующим на гражданство Российской Федерации. Данная информация необходима для построения прогноза развития ситуации в миграционной сфере, оценке возможных рисков и угроз, связанных с этим и выработке мер по противодействию незаконным проявлениям в миграционной сфере.

В России натурализация, т. е. процесс приобретения гражданства иностранными гражданами, является предметом изучения различных научных дисциплин, включая теорию государства и права, конституционное право, социологию, политологию и др. Одним из первых трудов, в котором раскрываются условия натурализации несомненно следует считать монографию В. М. Гессена «Подданство, его установление и прекращение», в которой он проанализировал идеи подданства, временного подданства, натурализации, двойного подданства [2]. Однако вопросам натурализации иностранных граждан Российской Федерации в советской науке, как и в настоящее время, должного внимания не уделялось. Имеются две диссертационные работы В. Б. Николаева [11] и И. Г. Шауро [21], в которых хотя и раскрываются вопросы подданства и гражданства, однако они ограничены периодом с XVI по XX вв., и вопросы натурализации иностранных граждан в более поздний период не затронуты.

В современном монографическом исследовании «Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы» под редакцией В. И. Мукомель рассматриваются процессы адаптации и интеграции иностранных мигрантов, включая аспекты натурализации, их взаимодействие с принимающим населением и влияние на локальные сообщества [1]. Анализ условий и факторов натурализации, а также влияние на национальную безопасность Российской Федерации находит отражение в научных статьях М. И. Черпановой и С. Г. Максимовой [10], где авторами проведен анализ субъективных оценок мигрантов относитель-

naturalized citizens (persons who have already received citizenship of the Russian Federation), in connection with which, in order to develop measures to prevent such crimes, it is necessary to study the current state of naturalization of foreign citizens in the Russian Federation, analyze the quantitative and qualitative composition of persons (from which countries they arrived, in what quantities, what is the dynamics, what are the reasons for its changes), arriving in the country on various grounds and subsequently applying for citizenship of the Russian Federation. This information is necessary to build a forecast for the development of the situation in the migration sphere, assess possible risks and threats associated with this and develop measures to counter illegal manifestations in the migration sphere. In Russia, naturalization, that is, the process of acquiring citizenship by foreign citizens, is the subject of study of various scientific disciplines, including the theory of state and law, constitutional law, sociology, political science, etc. One of the first works that reveals the conditions of naturalization should undoubtedly be considered the monograph by V.M. Gessen "Citizenship, its establishment and termination", in which he analyzed the ideas of citizenship, temporary citizenship, naturalization, dual citizenship [2]. However, the issues of naturalization of foreign citizens of the Russian Federation in Soviet science, as well as at present, were not given due attention. There are two dissertations by V. B. Nikolaev [11] and I. G. Shauro [21], which, although they reveal the issues of citizenship and nationality, are limited to the period from the 16th to the 20th century and the issues of naturalization of foreign citizens in a later period are not touched upon.

In the modern monographic study "Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicators" edited by V. I. Mukomel examines the processes of adaptation and integration of foreign migrants, including aspects of naturalization, their interaction with the host population and the impact on local communities [1]. The analysis of the conditions and factors of naturalization, as well as the impact on the national security of the Russian Federation, is reflected in the scientific articles by M. I. Cherpanova and S. G. Maksimova [10], where the authors analyze the subjective assessments of migrants regarding the purpose and time of stay in the border area, and identify stable factors inherent in the adaptation models of migrants in cross-border territories.

There are also other studies that conducted an in-depth scientific analysis of various aspects of naturalization in Russia, including legal, socio-cultural and political factors influencing this process³.

³ V. V. Chervonyuk presents an analysis of the ethnosocial component of modern immigration in the Russian Federation, which has a significant

но цели и времени пребывания на территории приграничья, выделены устойчивые факторы, присущие адаптационным моделям мигрантов в трансграничных территориях.

Имеются и другие исследования, в которых проводился глубокий научный анализ различных аспектов натурализации в России, включая правовые, социокультурные и политические факторы, влияющие на этот процесс¹.

В 2024 г. опубликованы две научные статьи: Е. А. Мельникова «Проблемные вопросы прекращения гражданства Российской Федерации вследствие совершения преступления» и О. Н. Хужина «Миграционные процессы в России сквозь призму традиционных духовно-нравственных ценностей: теоретико-правовой аспект», в которых рассматриваются отдельные вопросы прекращения гражданства Российской Федерации за совершение преступлений и корректировки целей государственной миграционной политики России в целях сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Однако многие вопросы, касающиеся процессов натурализации, состояния и перспективы развития, рассматривались недостаточно.

Цель исследования: анализ современного состояния натурализации иностранных граждан в России; выработка мер противодействия незаконной натурализации, а также предупреждения совершения правонарушений и преступлений, совершаемых натурализованными гражданами, а также лицами, имеющими в будущем возможность стать гражданами Российской Федерации, т. е. натурализоваться.

Методы исследования. Логические методы. Анализ статистики – для обработки и интерпретации количественных данных о натурализованных гражданах (которые были получены из официальных статистических отчетов, а также ГУВМ МВД России), о лицах, въехавших на территорию Российской Федерации в течение последних десяти лет.

Анализ нормативно-правовой базы – для выявления правовых основ поставленной проблемы исследовался Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»².

Анализ трудов других авторов – для выявления существующих подходов к решению по-

In 2024, two scientific articles were published: E. A. Melnikova "Problem issues of termination of citizenship of the Russian Federation due to the commission of a crime", O. N. Khuzhina "Migration processes in Russia through the prism of traditional spiritual and moral values: theoretical and legal aspect" in which individual issues of termination of citizenship of the Russian Federation for committing crimes and adjustment of the goals of the state migration policy of Russia in order to preserve and strengthen traditional Russian spiritual and moral values are considered.

However, the issues of criminality of naturalized citizens, the influence of naturalization processes on the state of crime in general, as well as the study of the causes and conditions contributing to the commission of crimes by naturalized citizens were not considered sufficiently.

The purpose of the study: to analyze the current state of naturalization of foreign citizens in Russia; to develop measures to counteract illegal naturalization, as well as to prevent offenses and crimes committed by naturalized citizens, as well as by persons who have the opportunity in the future to become citizens of the Russian Federation, that is, to naturalize.

Research methods. Logical methods. Analysis of statistics - to process and interpret quantitative data on naturalized citizens (which were obtained from official statistical reports, as well as the Main Directorate for Migration of the Ministry of Internal Affairs of Russia), on persons who entered the territory of the Russian Federation over the past ten years.

Analysis of the regulatory framework – to identify the legal basis for the problem posed, Federal Law № 138-FZ of April 28, 2023 "On Citizenship of the Russian Federation" was studied⁴.

Analysis of the works of other authors devoted to similar topics to identify existing approaches to solving the problem, forming a theoretical basis for the study, and determining new aspects not previously considered.

Synthesis and comparison – formation of a general idea of the number of foreign citizens who entered the territory of the Russian Federation over the past 10 years, as well as a comparison of their characteristics: the country from which they arrived, the purpose of arrival, subsequent acquisition of citizenship, etc.

Induction – generalization of information on foreign citizens who entered the territory of the Rus-

¹ В. В. Червонюк представляет анализ этносоциальной составляющей современной иммиграции в Российской Федерации, оказывающей существенное влияние на устойчиво сформировавшуюся асимметрию в сфере натурализации [20]; Е. А. Гринченко исследует факторы, детерминирующие социальные риски формирования этнических анклавов в условиях дезинтеграции полиэтнического пространства [4]; [9]; [7] и др.

² О гражданстве Российской Федерации: Федер. закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ (ред. от 08 августа 2024 г.). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

impact on the stable asymmetry in the field of naturalization [20]; E. A. Grinchenko examines the factors determining the social risks of the formation of ethnic enclaves in the context of the disintegration of the multiethnic space [4]; [9]; [7] and others.

⁴ About the citizenship of the Russian Federation: Feder. Law № 138-FZ of April 28, 2023 (as amended on August 08, 2024). URL: <http://pravo.gov.ru> (date of request: 06.07.2024).

ставленной задачи, формирования теоретической базы исследования, определения новых аспектов, не рассмотренных ранее.

Синтез и сравнение – формирование общего представления о количестве въехавших на территорию Российской Федерации иностранных граждан за последние 10 лет, а также сравнение их характеристик: страны, из которой они прибыли, цели прибытия, получения в последующем гражданства и др.

Индукция – обобщение информации о въехавших на территорию Российской Федерации иностранных граждан за последние 10 лет для выявления тенденций миграционных процессов.

Дедукция – прогнозирование результатов применения Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» для обоснования внесения в него изменений.

Метод моделирования – прогнозирование возможных последствий принятия или изменения нормативных актов; внесение изменений в уголовный и административные кодексы Российской Федерации в части усиления ответственности за совершение преступлений и правонарушений в миграционной сфере, в Федеральный закон № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» и др.

Данные методы позволили повысить обоснованность полученных выводов исследования, сформировать системный взгляд на натурализацию как на правовое и социальное явление, выработать аргументированные предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере, а также разработке мер, направленных на совершенствование института натурализации, противодействие преступности натурализованных граждан и др.

Результаты и ключевые выводы. Для России миграционные процессы играют важную роль: оказывают серьезное влияние на социально-демографическую ситуацию, а также на криминогенную обстановку в стране. В связи с чем можно говорить о том, что сложившаяся на сегодняшний день ситуация в этой сфере имеет значение для дальнейшего развития преступности на территории страны.

28 апреля 2023 г. был принят Федеральный закон от № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», одна из идей которого заключается в том, что для натурализации определяющим фактором правового статуса гражданина должно являться не формализованное наличие и выдача российского паспорта, а факт устойчивой правовой связи и морально-патриотического отношения соискателя титула российского гражданства к Российскому государству.

Для обеспечения действия данного закона

sian Federation over the past 10 years to identify trends in migration processes.

Deduction – forecasting the results of applying Federal Law № 138-FZ "On Citizenship of the Russian Federation" to justify making changes to it.

The modeling method – forecasting the possible consequences of adopting or amending regulatory acts; amendments to the criminal and administrative codes of the Russian Federation in terms of increasing liability for committing crimes and offenses in the migration sphere, in Federal Law № 138-FZ "On Citizenship of the Russian Federation", etc.

These methods made it possible to increase the validity of the obtained research findings, to form a systemic view of naturalization as a legal and social phenomenon, to develop reasoned proposals for improving legislation in this area, as well as to develop measures aimed at improving the institution of naturalization, combating crime by naturalized citizens, etc.

Results and key findings. Migration processes play an important role for Russia: they have a serious impact on the socio-demographic situation, as well as on the crime situation in the country. In this regard, we can say that the current situation in this area is important for the further development of crime in the country. On April 28, 2023, Federal Law № 138-FZ "On Citizenship of the Russian Federation" was adopted, the main idea of which is that for naturalization, the determining factor in the legal status of a citizen should not be the formalized presence and issuance of a Russian passport, but the fact of a stable legal connection and moral and patriotic attitude of the applicant for the title of Russian citizenship to the Russian state. In order to ensure the full effect of this law, as well as to prevent crime by naturalized citizens and persons who may subsequently become naturalized, a number of measures are proposed aimed at improving the mechanism for implementing Federal Law № 138-FZ "On Citizenship of the Russian Federation"; strengthening criminal liability for crimes committed in the area of migration; and regulating the presence of foreign citizens on the territory of the Russian Federation.

в полной мере, а также в целях предупреждения преступности натурализованных граждан и лиц, которые в последующем могут натурализоваться, предлагается ряд мер, направленных на совершенствование механизма реализации Федерального закона № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», таких как усиление уголовной ответственности за преступления, совершенные в сфере миграции; упорядочение нахождения на территории Российской Федерации иностранных граждан.

Ключевые слова: натурализация; гражданство; иностранный гражданин; преступление; незаконная миграция.

Keywords: naturalization; citizenship; foreign citizen; crime; illegal migration.

С самого начала существования человечества людям было свойственно искать новые земли для проживания, где было бы более безопасно и комфортно. Таким образом, миграционные процессы традиционно сопровождали развитие человеческого общества.

С понятием «миграция» (перемещение людей через границы различных территориальных образований по различным причинам с целью постоянного или временного проживания)⁵ тесно связано понятие «натурализация». Также нередко наблюдается сравнение между понятием «гражданство» и «натурализация», однако это не одно и то же. Дело в том, что гражданство человек может получить при рождении, в результате признания гражданином Российской Федерации, в результате выбора гражданства Российской Федерации при изменении Государственной границы Российской Федерации (оптации). А натурализация – это процесс получения гражданства другой страны с соблюдением определенных правил, прописанных в законах выбранной страны, путем подачи заявления (или ходатайства) и на добровольных началах [3].

⁵ В российском законодательстве отсутствует единое определение термина «миграция». Однако в различных нормативных актах это понятие так или иначе затрагивается. Например, Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» хотя и регулирует вопросы, связанные с пребыванием иностранных граждан на территории Российской Федерации, но не содержит четкого определения термина «миграция». В Указе Президента Рос. Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» миграция упоминается лишь в контексте перемещения иностранных граждан и лиц без гражданства.

Для целей настоящего исследования мы используем наиболее полное, на наш взгляд, понятие «миграция», приводимое в Постановлении Правительства Рос. Федерации от 10 ноября 1997 г. № 1414 «О Федеральной миграционной программе на 1998–2000 годы» (утратило силу): миграция – перемещение по различным причинам людей через границы территориальных образований в целях постоянного или временного изменения места жительства.

Обычно для приобретения гражданства необходимо соблюдение ряда условий (знание языка, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации; в отношении указанного иностранного гражданина или лица без гражданства отсутствуют обстоятельства, являющиеся основаниями отклонения заявления о приеме в гражданство Российской Федерации т. д.). Термин «натурализация» (naturalization) исторически означает приобретение прав природных (natural) граждан (или подданных).

Понятие «натурализация» в словаре Т. Ф. Ефремовой звучит как «получение иностранцем прав гражданства, или подданства какого-либо государства» [6], в словаре Д. Н. Ушакова определение данного понятия звучит как «переход в подданство чужой страны, предоставление государством прав гражданства иностранцу» [18].

Всеобщая Декларация прав человека говорит о том, что натурализация напрямую связана с правом каждого человека на смену гражданства (ч. 2 ст. 15)⁶. Она предполагает совершение определенных действий, закрепленных законодательством страны, гражданство которого намерен получить иностранный гражданин. Лицо, желающее получить гражданство, должно соблюсти определенный перечень условий. Законодатель предусмотрел этот перечень для того, чтобы удостовериться в твердом намерении заявителя связать свою жизнь, судьбу и судьбу своей семьи с новым государством, его культурой, историей и порядками.

Домицилий, т. е. место постоянного проживания, является важным условием натурализации. Гражданин должен прожить определенное количество лет в том государстве, гражданство которого желает получить. Немаловажен и та-

⁶ Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.

кой документ, как вид на жительство. Его наличие будет считаться законным основанием для пребывания иностранца на территории государства с целью натурализации⁷.

Современный контекст натурализации – это устойчивая, или вневременная, не ограниченная пространством правовая связь лица с государством, которая является титульной и существенной характеристикой гражданства. Обстоятельства, подтверждающие сохранение такой связи иностранного гражданина с Российской Федерацией, являются фактическим и юридическим основанием для предоставления ему на основе волеизъявления российского гражданства путем натурализации [12].

Несмотря на приведенное понятие натурализации до настоящего времени на законодательном уровне оно не определено и не закреплено. В связи с чем полагаем необходимым закрепить его в Федеральном законе № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

Как было отмечено выше, для России миграционные процессы играют важную роль: оказывают серьезное влияние на социально-демографическую ситуацию, криминогенную обстановку в стране. Можно с уверенностью констатировать, что сложившаяся на сегодняшний день ситуация в этой сфере имеет значение для дальнейшего развития преступности на территории страны [8].

Рассмотрим более подробно некоторые положения Федерального закона № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

В главе 3 «Приобретение гражданства Российской Федерации» ст. 12 указаны основания приобретения гражданства:

- 1) по рождению;
- 2) в результате приема в гражданство Российской Федерации;
- 3) в результате признания гражданином Российской Федерации;
- 4) в результате выбора гражданства Российской Федерации при изменении Государственной границы Российской Федерации (оптации);
- 5) в соответствии с международным договором Российской Федерации.

Порядок приема в гражданство Российской Федерации урегулирован ст. 15 данного За-

кона, которая дает право «иностранному гражданину или лицу без гражданства, достигшему возраста восемнадцати лет и обладающему дееспособностью, подать заявление о приеме в гражданство Российской Федерации при условии, что указанные иностранный гражданин или лицо без гражданства обязуется соблюдать Конституцию Российской Федерации, принести в соответствии со статьей 21 настоящего Федерального закона Присягу гражданина Российской Федерации, а также одновременно соответствует определенным требованиям»⁸.

Прекращается гражданство Российской Федерации по следующим основаниям:

- 1) добровольное волеизъявление гражданина Российской Федерации (выход из гражданства России);
- 2) сообщение заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации, выразившееся в том числе:

- в совершении преступления (приготовление к преступлению или покушение на преступление);
- в совершении действий, создающих угрозу национальной безопасности России;
- в неисполнении обязанности по первоначальной постановке на воинский учет;

3) установление факта представления лицом поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения им заведомо ложных сведений, на основании которых принималось решение о приеме в гражданство Российской Федерации или решение о признании гражданином Российской Федерации [13];

4) иные основания, предусмотренные международным договором Российской Федерации, предоставляющим возможность сохранить или изменить гражданство.

Важным изменением нового закона «О Гражданстве в Российской Федерации» являются ст. 24–26, в которых подробно рассматриваются основания прекращения гражданства вследствие совершения преступления, установления факта представления заявителем поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения заявителем заведомо ложных сведений, совершения действий, создающих угро-

⁷ Как отмечают ученые, историческое развитие института гражданства (подданства) в России, т. е. натурализации, можно связать с решением в христианскую православную веру. В те времена, принимая православие, иностранный гражданин становился равноправным подданным государства.

Позже, при Петре I, браки с иностранными гражданами стали признаваться при натурализации иностранца (если учесть, что ранее такие браки были запрещены, кроме случаев принятия православия иностранным подданным). С началом октябрьской революции 1917 г. законодательство и отечественная доктрина отказались от понятия «подданство», заменив его «гражданством» [5].

⁸ 1) постоянно проживает в Российской Федерации со дня принятия решения о выдаче вида на жительство в Российской Федерации и до дня подачи заявления о приеме в гражданство Российской Федерации в течение пяти лет;

2) владеет русским языком;

3) знает историю России и основы законодательства Российской Федерации;

4) в отношении указанных иностранного гражданина или лица без гражданства отсутствуют обстоятельства, являющиеся основаниями отклонения заявления о приеме в гражданство Российской Федерации, предусмотренными статьей 18 настоящего Федерального закона.

зу национальной безопасности Российской Федерации⁹.

Кроме того, Гражданство Российской Федерации прекращается независимо от времени совершения соответствующего преступления, даты вынесения приговора суда об осуждении лица за совершение соответствующего преступления и даты принятия решения о приеме в гражданство Российской Федерации [9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Федеральный закон № 138-ФЗ сохранил упрощенного приема в российское гражданство выходцев из стран бывшего СССР, родившихся или постоянно проживавших в РСФСР, а также заявителей, имеющих близких родственников, состоящих в гражданстве России, или иную правовую связь с Российской Федерацией. При этом в целях повышения эффективности противодействия угрозам национальной и общественной безопасности Российской Федерации введен институт прекращения российского гражданства [16].

С учетом отмеченного обстоятельства действующее законодательство о гражданстве и практика его применения должны обеспечить безопасность российского общества, реализацию социально-культурной интеграции натурализованных граждан в российское общество, способствовать формированию у каждого из них гражданской идентичности [15].

С 2015 г. в связи с произошедшими изменениями политической ситуации на Украине граждане Украины составляют наибольшую часть среди соискателей российского гражданства. Установление возможности упрощенного приема (в гуманитарных целях) в гражданство Российской Федерации украинских граждан¹⁰ повлекло еще большее увеличение их числа, оказывая прямое влияние на формирование

общероссийской статистики. Если в течение 2015–2018 гг. доля приобретших гражданство Российской Федерации граждан Украины составляла порядка 30 %, то в 2019 и 2020 гг. их количество превышало 60 %, в 2021 г. – 51 %.

В 2022 г. количество украинских граждан, принятых в гражданство Российской Федерации, снизилось на 21 % по сравнению с 2021 г. (с 376 тыс. до 297 тыс.). За девять месяцев 2023 г. снижение натурализованных граждан Украины составило более 80 % по сравнению с аналогичными показателями прошлого года (9 месяцев 2023 г. – 51,3 тыс., АППГ – 260,5 тыс.). Данное снижение обусловлено признанием Российской Федерацией независимости Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей и их последующим вхождением в состав Российской Федерации¹¹, что позволило жителям соответствующих территорий, ранее составлявшим основную массу соискателей российского гражданства, приобретать его в результате признания гражданами Российской Федерации.

Данное обстоятельство позволяет прогнозировать возвращение статистики приема в российское гражданство к показателям, фиксируемым до 2019 г., с характерным увеличением за счет сохранения в положениях Федерального закона № 138-ФЗ норм, предоставляющих возможность упрощенного приобретения гражданства Российской Федерации близкими родственниками граждан России, обеспечивших с 2020 г. значительный прирост натурализованных лиц данной категории¹².

⁹ Так, гражданство Рос. Федерации прекращается, если гражданин Российской Федерации приобрел гражданство Российской Федерации и совершил одно из преступлений (осуществил приготовление к преступлению или покушение на преступление), предусмотренных ч. 3–5 ст. 131, ч. 4–6 ст. 134, ч. 4–5 ст. 135, ч. 2–3 ст. 186, ст.ст. 205, 205.1, частью 2 ст. 205.2, ст.ст. 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207.3, 208, 209, 210, 210.1, частью 4 ст. 211, частью 1 ст. 212, ст. 212.1, ч. 4–6 ст. 222, ч. 2–6 ст. 222.1, ч. 4–6 ст. 222.2, ч. 2–3 ст. 223.1, ч. 3–4 ст. 226, частью 3 ст. 226.1, ч. 2–3 ст. 228, ч. 3–5 ст. 228.1, ч. 2–4 ст. 229, ч. 2–4 ст. 229.1, ч. 2–4 ст. 230, ч. 1–2 ст. 239, ст.ст. 243.4, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 280.1, 280.2, 280.3, 281, 281.1, 281.2, 281.3, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 283, 284.1, 284.2, 295, 317, 328, 329, 330.1, 338, 339, 354, 354.1 и 361 Уголовного кодекса Рос. Федерации либо сопряженных с осуществлением террористической или экстремистской деятельности и предусмотренных ст. 318 и 360 Уголовного кодекса Рос. Федерации.

¹⁰ Часть 8 ст. 14 Федерального закона № 62-ФЗ, Указы Президента Российской Федерации от 24 апреля 2019 г. № 183 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» и от 29 апреля 2019 г. № 187 «Об отдельных категориях иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

¹¹ Федеральные конституционные законы от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики», № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики», № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области», № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области» (далее – федеральные конституционные законы). Пункты 3–5 ч. 2 ст. 16 Федерального закона № 138-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

¹² Соответствующие изменения в Федеральный закон № 62-ФЗ были внесены Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О гражданстве Российской Федерации" в части упрощения процедуры приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» и Федеральным законом от 13 июля 2020 г. № 209-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О гражданстве Российской Федерации" и Федеральный закон "О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации"». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.06.2024).

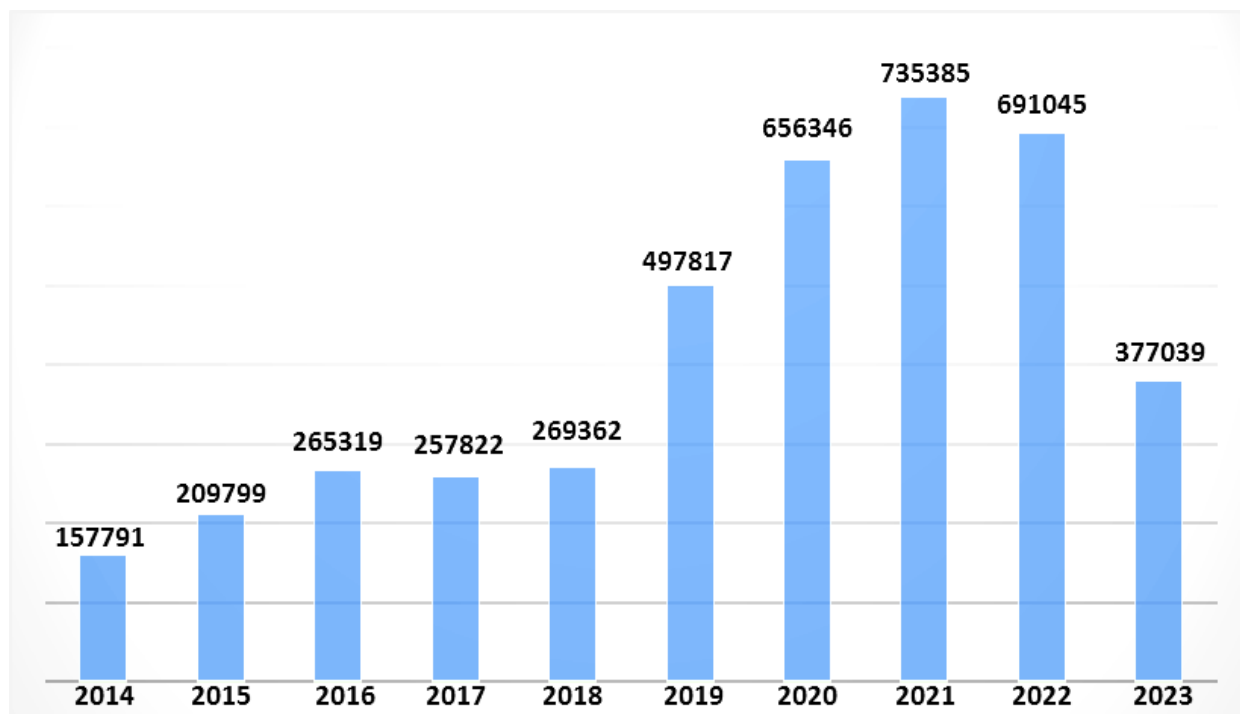

Рис. 1. Общее количество лиц, приобретших гражданство Российской Федерации, с разбивкой по годам

По итогам 2023 г. фиксируется уменьшение общего количества принятых в гражданство Российской Федерации соискателей (377 тыс.)¹³ (рис. 1).

Гуманитарные причины по-прежнему остаются одними из наиболее востребованных оснований приема в гражданство Российской Федерации и составляют более 16 %.

В 2023 г. правом на упрощенный прием в российское гражданство его соискатели преимущественно пользовались:

- в связи с наличием хотя бы одного родителя, состоящего в гражданстве Российской Федерации и проживающего на ее территории (70,9 тыс.);

- участием в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (40,8 тыс.);

- наличием дееспособных сына или дочери, достигших возраста восемнадцати лет

и являющихся гражданами Российской Федерации (39,3 тыс.);

- заключением брака с гражданином Российской Федерации, проживающим на территории Российской Федерации, и наличием в этом браке общих детей (33,7 тыс.);

- наличием гражданства Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Молдова или Украины (33,6 тыс.);

- наличием брака с гражданином Российской Федерации, проживающим на территории Российской Федерации, в котором соискатель российского гражданства состоит не менее трех лет (15,2 тыс.);

- признанием носителями русского языка (14,2 тыс.) [17].

Также, несмотря на более чем на 20 % снижение, остается востребованным российское гражданство детей (37,3 тыс.)¹⁴.

¹³ «Анализ миграционной ситуации во взаимосвязи с практикой получения вида на жительство в целях последующего приобретения гражданства РФ» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://18.мвд.рф/document/49330480> (дата обращения: 07.06.2024).

¹⁴ Анализ миграционной ситуации во взаимосвязи с практикой получения вида на жительство в целях последующего приобретения гражданства РФ. URL: <http://18.мвд.рф/document/49330480> (дата обращения: 07.06.2024).

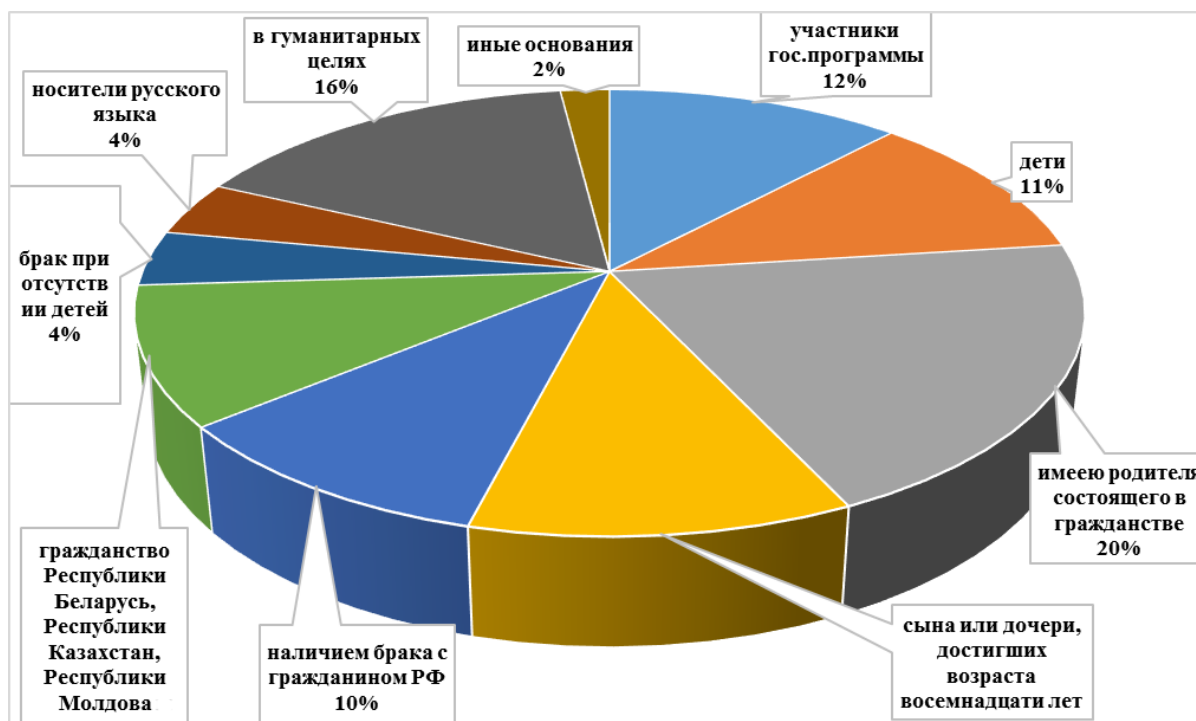

Рис. 2. Соотношение лиц, приобретших гражданство Российской Федерации за 11 месяцев 2023 г., в зависимости от оснований его приобретения

Абсолютное большинство приобретших российское гражданство по-прежнему составляют граждане государств, ранее входивших в состав СССР. По состоянию на 9 месяцев 2023 г. основное количество натурализованных граждан в зависимости от стран исхода выглядит следующим образом: Республика Таджикистан – 121,8 тыс. (АППГ – 119,6 тыс.); Украина – 51,3 тыс. (АППГ – 260,5 тыс.); Республика Армения – 25,4 тыс. (АППГ – 32,8 тыс.); Республика Казахстан – 19,9 тыс. (АППГ – 31 тыс.); Киргизская Республика – 14,8 тыс. (АППГ – 16,4 тыс.); Республика Узбекистан – 13,5 тыс. (АППГ – 19,3 тыс.); Республика Молдова – 11,1 тыс. (АППГ – 11,4 тыс.); Азербайджанская Республика – 10,8 тыс. (АППГ – 17,8 тыс.); Республика Беларусь – 6,5 тыс. (АППГ – 12 тыс.).

За отчетный период 2023 г. на 24,8 % уменьшилось общее число отклоненных заявлений о приеме в гражданство Российской Федерации (1 901; АППГ – 2 527), что также является следствием снижения общего количества претендующих на приобретение российского гражданства лиц.

Вступлением в силу Федерального закона № 138-ФЗ, помимо прочего, существенно модернизированы механизмы, направленные на противодействие угрозам национальной и общественной безопасности, исходящим от натурализованных граждан, что также требует активизации соответствующей работы правоохранительных органов. Законодательно закреп-

ленный институт прекращения гражданства Российской Федерации, упразднив практику отмены решений о приеме в российское гражданство, существенно расширил перечень уголовно наказуемых деяний, совершение которых, равно как и приготовление к ним или покушение на них, влечет за собой прекращение российского гражданства у вышеуказанных граждан.

Согласно сведениям ведомственной статистической отчетности с начала реализации Федерального закона (с 26 октября 2023 г.) в соответствии со ст. 22 Федерального закона принято 809 решений о прекращении гражданства Российской Федерации, из них 786 решений – в связи с вступлением в силу приговоров суда о привлечении натурализованных граждан к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 24 Федерального закона, более половины из которых связаны с незаконным оборотом наркотических средств; 7 – в связи с совершением действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации; 4 – на основании установления факта представления подложных документов, сообщения заведомо ложных сведений при приобретении гражданства Российской Федерации; 12 – на основании добровольного волеизъявления гражданина Российской Федерации (выход из гражданства Российской Федерации).

В рамках прежнего регулирования за 11 месяцев 2023 г. территориальными органами МВД России отменено 30 решений о приеме в гражданство Российской Федерации в связи с вступлением в силу приговоров суда о привлечении натурализованных граждан к уголовной ответственности за совершение преступлений, указанных в ч. 2 ст. 22 Федерального закона № 62-ФЗ (АППГ – 36).

Наряду с преступлениями террористической направленности нормы Федерального закона № 138-ФЗ предусматривают включение в перечень в том числе отдельных преступлений, посягающих на общественную безопасность, половую неприкосновенность, здоровье населения, правосудие, внешнюю безопасность, обороноспособность, экономическую безопасность, а также преступлений, связанных с уклонением от прохождения военной и альтернативной службы, дезертирством, дискредитацией армии и призывами к нарушению территориальной целостности Российской Федерации¹⁵.

В то же время, несмотря на прогрессивные положения Федерального закона № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», остаются проблемы при регулировании механизма принятия в гражданство трудовых и социальных мигрантов, выявленные в ходе реализации рассматриваемого закона, такие как:

1. Доступность получения российского гражданства лицами, не владеющими русским языком, не знающими русской истории, культуры, а в некоторых случаях враждебно относящимися к России. Данное обстоятельство создает реальную угрозу для коренного населения Российской Федерации.

Анализ сложившейся практики в данной сфере показал, что многие федеральные вузы передавали право проведения экзамена на знание русского языка в соответствии с договором оказания услуг коммерческим центрам, имеющим право на ведение образовательной деятельности. В некоторых центрах сдача экзамена носила формальный характер: сертификат получали все, кто оплатил сдачу экзамена.

Далее ситуация усугублялась тем, что за таким новым гражданином Российской Федерации следовали и члены его семьи, для которых, согласно положениям части 1 ст. 16 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», действует упрощенный режим, не тре-

бующий подтверждения знания ни русского языка, ни российской истории.

В связи с чем предлагается установить жесткий контроль за соблюдением требований по проведению экзаменов для мигрантов только государственными и муниципальными организациями, исключить возможность принятия таких экзаменов коммерческими вузами [19].

2. В настоящее время ч. 5 ст. 25 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» устанавливает 10-летний срок давности для прекращения гражданства натурализованных лиц, предоставивших поддельные, подложные или недействительные документы, на основании которых принималось решение о приеме в гражданство Российской Федерации (затем этот факт дает возможность членам семей таких лиц получить гражданство по упрощенной схеме, без достаточного знания русского языка, истории, культуры России). Такая лояльность к мигрантам, приобретшим российское гражданство незаконным путем, порождает в дальнейшем правовой беспредел, провоцируя новый приток нерусскоговорящих граждан России.

Судебная практика дел по статьям об организации незаконной миграции (п. «а» ч. 2 ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) и превышении должностных полномочий (п. «е» ч. 3 ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации) также свидетельствует о росте количества поддельных сертификатов, позволяющих получить гражданство Российской Федерации.

В связи с этим предлагается исключить такую возможность и считать предоставление поддельного сертификата о знании русского языка, истории и основ законодательства, а также других документов, необходимых для приема в гражданство Российской Федерации, бессрочным основанием для прекращения гражданства таких лиц.

3. На протяжении длительного времени в России отмечается рост числа неквалифицированных иностранных работников, который связан с активным привлечением в Россию дополнительных трудовых ресурсов (как мигрантов, так и натурализованных граждан) [14].

Считается, что трудовые мигранты являются более дешевой рабочей силой, и это способствует снижению цены на товары и услуги для россиян, а также увеличивает доходы бизнеса. Однако, начиная с 2020 г. был отмечен рост доходов таких лиц примерно в 1,5 раза (средняя сумма их ежемесячных переводов в родные страны составила 48 000 рублей). При этом, согласно данным Росстата, медианная среднемесячная зарплата в том же году была оценена в 32 422 руб. Эти данные позволяют сделать вы-

¹⁵ Первые решения о прекращении гражданства Российской Федерации в отношении граждан, уклоняющихся от прохождения военной службы, совершивших преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, уже вынесены ГУ МВД России по г. Москве, ГУ МВД России по Московской области, ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области и УМВД России по Тверской области.

вод о том, что во многих сегментах российской экономики гастарбайтеры стали зарабатывать не меньше граждан России. Таким образом, неверно утверждение, что труд мигрантов более дешевый, в связи с чем более привлекательный для российской экономики. Это обстоятельство также вызывает недовольство населения страны.

Полагаем, что существующее в настоящее время правовое регулирование рынка труда иностранных работников нуждается в совершенствовании.

В связи с этим необходимо учитывать в приоритетном порядке трудоустройство граждан Российской Федерации, для чего установить допустимую долю иностранных работников, используемых в различных отраслях экономики. Также рассмотреть вопрос о сокращении доли иностранных граждан в тех секторах экономики, где задействовано их значительное количество.

Представляется необходимым рассмотреть вопрос о запрете (временном ограничении) на привлечение мигрантов к наиболее значимым общественным сферам, в которых использование их низкоквалифицированного труда вызывает дополнительные риски.

В частности, следует рассмотреть вопрос о недопустимости привлечения мигрантов к сфере оказания медицинских услуг, системе школьного образования, сфере торговли розничными лекарственными средствами, деятельностью легкового такси и перевозкам автомобильным грузовым транспортом и др.

Кроме представленных мер, представляется необходимым рассмотреть вопросы:

– о расширении правовых оснований для использования современных средств и способов контроля за въездом и нахождением в Российской Федерации иностранных граждан (правовые основания для введения биометрической идентификации личности при въезде в Россию, разработке и совершенствованию цифрового профиля иностранного гражданина);

– введении положения о том, чтобы такое обстоятельство, как несоблюдение правил пребывания в России считать отягчающим обстоятельством при назначении наказания за совершенные иностранцами преступления;

– упорядочении нахождения на территории Российской Федерации иностранных граждан, которые в последующем смогут стать натурализованными гражданами, т. е. получить гражданство Российской Федерации.

Подводя итоги проведенного исследования, возможно сделать следующие выводы.

Процессы натурализации и миграции тесно связаны между собой: взаимно определяют и дополняют друг друга, образуют единую ми-

грационную ситуацию в текущий период времени на территории Российской Федерации.

Для эффективного противодействия преступности натурализованных граждан необходимо воздействие как на натурализованных граждан, так и на лиц, которые в будущем будут иметь возможность натурализации – становления гражданами Российской Федерации.

Ключевыми аспектами состояния натурализации в современной России являются следующие:

1. Статистические тенденции. Большая часть новых граждан России – выходцы из стран бывшего СССР. Основными странами являются Таджикистан, Украина, Армения, Казахстан, Узбекистан. После 2022 г. наблюдается снижение числа натурализованных граждан Украины, что связано с изменением статуса отдельных территорий и вхождением их в состав России.

2. При получении гражданства Российской Федерации действуют упрощенные механизмы натурализации, которые применяются в отношении отдельных категорий иностранных граждан. Значительное влияние на упрощение процесса оказывает гуманитарная политика, особенно в отношении граждан Украины.

3. Проблемные вопросы, характеризующие сферу натурализации.

4. Качество интеграции натурализованных граждан. Многие лица, получающие гражданство Российской Федерации не обладают достаточными знаниями языка, культуры и истории России. Некоторые новые граждане проявляют враждебность к российской культуре и законам, что создает социальное напряжение в обществе.

5. Коррупционные проявления и формальность в процессе натурализации. Выдача сертификатов о знании языка и истории нередко сопровождается формальным подходом и коррупцией, особенно в частных образовательных учреждениях.

6. Угрозы национальной безопасности. Ряд натурализованных граждан нарушает законы Российской Федерации, что приводит к необходимости введения механизма прекращения гражданства за совершение преступлений, а также за предоставление поддельных документов при получении гражданства. Низкая квалификация мигрантов и их экономическая конкуренция с местным населением вызывают социальную напряженность и другие негативные явления.

Для противодействия данным явлениям в сфере натурализации полагаем необходимым осуществление следующих мер:

1. Продолжить работу по разработке и совершенствованию цифрового профиля натурализованного (иностранного) гражданина, пред-

ставляющего собой совокупность сведений об иностранном гражданине, содержащихся в информационных системах государственных органов и организаций, которые связаны единым уникальным идентификатором, по которому возможно проследить статус иностранного гражданина: натурализовался, депортировался, осуждался и т. д. Для этого ввести:

– обязательную дактилоскопическую регистрацию и фотографирование всех иностранных граждан при въезде в Российскую Федерацию, в том числе тех, которые в последствии могут натурализоваться;

– использование технических средств для сбора информации об иностранных гражданах, находящихся в процессе натурализации и др.

2. Рассмотреть вопрос об использовании соглашения о лояльности – согласие иностранного гражданина с возможным ограничением его права на въезд в Российскую Федерацию, пребыванием и проживанием на территории Российской Федерации в случае нарушения им законодательства Российской Федерации в период прохождения им процедуры натурализации.

3. Внести изменения в уголовный и административные кодексы в части усиления от-

ветственности за совершение преступлений и правонарушений в миграционной сфере:

– за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых натурализованными гражданами;

– отнести преступления, совершаемые в миграционной сфере, к тяжким и особо тяжким.

4. Предусмотреть бессрочную возможность прекращения гражданства Российской Федерации натурализованных граждан в случае выявления факта предоставления ими при получении гражданства поддельных документов.

5. Рассмотреть вопрос о возможности прекращения гражданства натурализованных лиц, за совершение ими любого тяжкого и особо тяжкого преступления.

Таким образом, необходимо отметить, что сфера натурализации в России находится в стадии реформирования. Несмотря на упрощенные механизмы для определенных категорий граждан, существует ряд нерешенных вопросов, связанных с интеграцией, безопасностью и борьбой с коррупцией в данной области. Успешное решение этих задач требует комплексного подхода, включающего законодательные, социальные и экономические меры.

Список литературы:

1. Мукомель В. И., Григорьева К. С., Монусова Г. А. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы: моногр. / отв. ред. В. И. Мукомель, К. С. Григорьева [и др.]; ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 400 с.
2. Гессен В. М. Подданство, его установление и прекращение. Санкт-Петербург, 1909. 448 с.
3. Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция / под ред. А. С. Прудникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юнити-Дана, 2024. 535 с.
4. Гринченко Е. А. Социальные риски формирования этнических анклавов // Гуманитарий Юга России. 2023. № 3.
5. Дрогавцева Е. А. Изменения условий натурализации в России: конституционно-правовые особенности и перспективы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 1 (89). 2021.
6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
7. Ирхин И. В. Национально-этнические анклавы в современном мире: природа, инструменты регуляции (публично-правовой

References:

1. Mukomel' V. I., Grigor'eva K. S., Monusova G. A. Adaptaciya i integraciya migrantov v Rossii: vyzovy, realii, indikatory: monogr. / отв. red. V. I. Mukomel', K. S. Grigor'eva [i dr.]; FNISC RAN. M.: FNISC RAN, 2022. 400 s.
2. Gessen V. M. Poddanstvo, ego ustanovlenie i prekrashchenie. Sankt-Peterburg, 1909. 448 s.
3. Gosudarstvenno-pravovye osnovy migracii i migracionnyh processov: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchihhsya po napravleniyu podgotovki YUrisprudenciya / pod red. A. S. Prudnikova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: YUniti-Dana, 2024. 535 s.
4. Grinchenko E. A. Social risks of forming ethnic enclaves // Humanities of the South of Russia. 2023. № 3.
5. Drogavtseva E. A. Changes in the conditions of naturalization in Russia: constitutional and legal features and prospects // Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia. № 1 (89). 2021.
6. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. M.: Russkij yazyk, 2000.
7. Irkhin I. V. National and ethnic enclaves in the modern world: nature, regulatory instruments (public law aspect). Part 1 // Lex Russica (Russian Law). 2021. № 11 (180).

- аспект). Часть 1 // Lex Russica (Русский закон). 2021. № 11 (180).
8. *Кулешов Р. В., Фойгель Е. И.* Противодействие преступности, связанной с организацией незаконной миграции в период осуществления специальной военной операции: организационно-правовые и криминалистические аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 1. С. 54–63.
 9. *Мельникова А. С.* Изучение факторов формирования национальных анклавов в условиях мегаполисов: сб. статей VIII Уральского демографического форума / отв. ред. А. И. Кузьмин. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2017.
 10. *Черепанова М. И., Максимова С. Г.* Национальная безопасность в приграничных регионах России: натурализация мигрантов в принимающих сообществах // Социодинамика. 2020. № 2. С. 74–92.
 11. *Николаев В. Б.* Подданство Российской империи его установление и прекращение (историко-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008.
 12. Особенности натурализации иностранных граждан, не относящимся к титульным народам, традиционно населяющих территорию Российской Федерации // Аналитический обзор с предложениями. М., 2003.
 13. *Поладова Л. Т.* Незаконная миграция в Россию: тенденции, последствия, противодействие: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2020.
 14. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 18.1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в части установления предельной доли иностранных работников, используемых в различных отраслях экономики, и установления запрета их привлечения к трудовой деятельности». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/127003-8> (дата обращения: 07.06.2024).
 15. *Прудникова Т. А.* Административно-правовое регулирование миграционных процессов (современность и перспективы): моногр. М., 2021.
 16. *Сергеева А. А., Ракова М. Н.* Нелегальная миграция в системе трансграничных угроз: к вопросу о проблемах нормативного регулирования миграционных процессов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 14.
 17. Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 07.06.2024).
 8. *Kuleshov R. V., Foigel E. I.* Counteracting crimes related to the organization of illegal migration during the special military operation: organizational-legal and criminological aspects // Russian journal of criminology. 2023. Т. 17. № 1. P. 54–63.
 9. *Mel'nikova A. S.* Izuchenie faktorov formirovaniya nacional'nyh anklavov v usloviyah megalopolisov: sb. statej VIII Ural'skogo demograficheskogo foruma / отв. red. A. I. Kuz'min. Ekaterinburg: Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN, 2017.
 10. *CHerepanova M. I., Maksimova S. G.* National security in the border regions of Russia: naturalization of migrants in the accepting communities // Biodynamics. 2020. № 2. P. 74–92.
 11. *Nikolaev V. B.* Poddanstvo Rossijskoj imperii ego ustanovlenie i prekrashchenie (istoriko-pravovoj analiz): dis. ...kand. jurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2008.
 12. Osobennosti naturalizacii inostrannyh grazhdan, ne odnosyashchimsya k titul'nym narodam, tradicionno naselyayushchih territoriyu Rossijskoj Federacii // Analiticheskij obzor s predlozheniyami. M., 2003.
 13. *Poladova L. T.* Nezakonnaya migraciya v Rossiiyu: tendencii, posledstviya, protivodejstvie: avto-ref. dis. ... kand. ekonom. nauk. M., 2020.
 14. Poyasnitel'naya zapiska k proektu Federal'nogo zakona «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 18.1 Federal'nogo zakona «O pravovom polozhenii inostrannyh grazhdan v Rossijskoj Federacii» v chasti ustanovleniya predel'noj doli inostrannyh rabotnikov, ispol'zuemyh v razlichnyh otraslyah ekonomiki, i ustanovleniya zapreta ih privlecheniya k trudovoj deyatel'nosti». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/127003-8> (data obrashcheniya: 07.06.2024).
 15. *Prudnikova T. A.* Administrativno-pravovoe regulirovanie migracionnyh processov (sovremennost' i perspektivy): monogr. M., 2021.
 16. *Sergeeva A. A., Rakova M. N.* Illegal migration in the system of cross-border threats: on the issue of the problems of regulatory regulation of migration processes // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2020. № 14.
 17. Sudebnaya statistika RF. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (data obrashcheniya: 07.06.2024).
 18. *Ushakov D. N.* Tolkovyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka. M., 2014.
 19. *Fomenko D. D.* On the concept and mechanism of organizing illegal migration // Law and practice. 2022. № 1. P. 106–109.
 20. *CHervonyuk V. I.* The factor of ethnoanclavization in the field of migration and its connection with naturalization in modern Russia (based on the materials of a specific sociological study) // Migration law. 2024. № 4.

18. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014.
19. Фоменко Д. Д. О понятии и механизме организации незаконной миграции // Право и практика. 2022. № 1. С. 106–109.
20. Червонюк В. И. Фактор этноанклавизации в сфере миграции и его связь с натурализацией в современной России (на материалах конкретно-социологического исследования) // Миграционное право, 2024. № 4.
21. Шауро И. Г. Возникновение и развитие института подданства в России в XVI–начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., Московская государственная юридическая академия имени О. Е. Кутафина, 2013.

Для цитирования:

Лелетова М. В. Некоторые особенности натурализации в России: современное состояние, проблемы и пути решения // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 87–100

For citation:

Leletova M. V. Some features of naturalization in Russia: current state, problems and solutions // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 87–100

Нудель Станислав Львович,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий Центром уголовного
и уголовно-процессуального законодательства,
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации,
Российская Федерация, 117218, г. Москва,
ул. Большая Черемушкинская, д. 34

ORCID 0000-0001-6699-5694

E-mail: crim@izak.ru

Stanislav L'vovich Nudel',
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Center for Criminal
and Criminal Procedure Legislation,
Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government
of the Russian Federation,
Russian Federation, 117218, Moscow,
Bolshaya Cheremushkinskaya St., 34

ORCID 0000-0001-6699-5694

E-mail: crim@izak.ru

Горенская Елена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
старший научный сотрудник Центра уголовного
и уголовно-процессуального законодательства,
Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации,
Российская Федерация, 117218, г. Москва,
ул. Большая Черемушкинская, д. 34

ORCID 0000-0001-9063-8750

Научная специальность:
5.1.4 Уголовно-правовые науки

УДК 336.74 : 341.355.22

DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-101-112

Дата поступления статьи: 4 сентября 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 12 декабря 2024 г.

Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов: особенности уголовной ответственности в России и других государствах Евразийского экономического союза

Smuggling of Cash and (or) Monetary Instruments: Features of Legislative Regulation in Russia and Other EAEU States

Аннотация

Актуальность: контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (далее – контрабанда НДС¹ и (или) ДИ) выде-

Abstract

Relevance: smuggling of cash and (or) monetary instruments (hereinafter – smuggling of NDS²

¹ Аббревиатура НДС означает «наличные денежные средства»

² The abbreviation NDS means “cash” only for the purposes of this work.

лена в самостоятельную статью более 10 лет назад (ранее данное деяние охватывалось статьей 188 «Контрабанда» Уголовного кодекса Российской Федерации) и с тех пор ежегодно правоохранительными органами выявляются десятки указанных преступлений. В последние несколько лет общественная опасность контрабанды НДС и (или) ДИ еще более возросла, так как существует реальная угроза направления данных НДС на финансирование террористических и экстремистских организаций, незаконных военных формирований, незаконного оборота наркотиков, иной преступной, в том числе трансграничной, деятельности. Кроме того, контрабанда НДС и (или) ДИ негативно влияет на экономику государства вследствие укрывания наличных денег от налогообложения, использования их в нелегальном экономическом обороте, в том числе для организации «серой» занятости и нелегальной миграции, тем самым ухудшая состояние экономической безопасности. Государства – члены Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) заинтересованы в организации эффективного противодействия указанной контрабанде, в том числе путем унификации уголовно-правовых средств.

Постановка проблемы: возросший уровень общественной опасности контрабанды НДС и (или) ДИ обусловил необходимость актуализации уголовно-правового противодействия путем совершенствования института уголовной ответственности за совершение такой контрабанды, учитывая единое экономическое пространство государств ЕАЭС.

Цель исследования: выработка концептуальных положений уголовно-правового противодействия контрабанде НДС и (или) ДИ на основе содержательно-конструктивистского подхода к формированию уголовно-правовой нормы (далее также – УПН) об ответственности за указанное деяние и определение ее эффективности на современном этапе развития уголовного закона. Для достижения поставленной цели решались задачи, связанные с характеристикой понятия и содержания контрабанды НДС и (или) ДИ, выявлением особенностей структурных элементов УПН, сравнительным анализом УПН, предусматривающих ответственность за такую контрабанду в уголовном законодательстве государств ЕАЭС.

Методы исследования: диалектический метод познания, а также общенаучные методы абстрагирования, анализа и синтеза, дедукции, конкретизации, сравнительно-правовой метод и др.

Результаты и ключевые выводы: в статье проведен структурно-содержательный ана-

and (or) DI) was allocated to an independent article more than 10 years ago (previously this act was covered by Article 188 “Smuggling” of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter – the Criminal Code of the Russian Federation) and since then dozens of these crimes have been detected annually by law enforcement agencies. In the last few years, the public danger of smuggling NDS and (or) DI has increased even more, since there is a real threat of sending NDS data to finance terrorist and extremist organizations, illegal military formations, drug trafficking, and other criminal, including cross-border, activities. In addition, the smuggling of NDS and (or) DI has a negative impact on the economy of the state due to the concealment of cash from taxation, its use in illegal economic turnover, including for the organization of “gray” employment and illegal migration, thereby worsening the state of economic security. The member States of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU) are interested in organizing effective counteraction to this smuggling, including through the unification of criminal law means.

Statement of the problem: the increased level of public danger of smuggling of VAT and (or) DI has led to the need to update criminal law counteraction by improving the institution of criminal responsibility for the commission of such smuggling, taking into account the common economic space of the EAEU states.

The purpose of the study: is to develop conceptual provisions of the criminal law counteraction to the smuggling of NDS and (or) DI on the basis of a meaningful constructivist approach to the formation of a criminal law norm (hereinafter also referred to as UPN) on responsibility for the specified act and to determine its effectiveness at the present stage of the development of criminal law. To achieve this goal, tasks related to the characterization of the concept and content of smuggling of NDS and (or) DI, identification of the features of the structural elements of the UPN, a comparative analysis of the UPN providing for liability for such smuggling in the criminal legislation of the EAEU states were solved.

Research methods: dialectical method of cognition, as well as general scientific methods of abstraction, analysis and synthesis, deduction, concretization, comparative legal method, etc.

The results and key conclusions: the article provides a structural and substantive analysis of the considered UPN, reveals the significance of the changes made to it on 04/01/2024. The issue of unification and harmonization of criminal legislation on the smuggling of NDS and (or) DI in the EAEU member states is investigated. Measures are proposed to improve the institution of criminal liability for smuggling NDS and (or) DI.

лиз рассматриваемой УПН, раскрыто значение внесенных в нее 1 апреля 2024 г. изменений. Исследован вопрос унификации и гармонизации уголовного законодательства о контрабанде НДС и (или) ДИ в государствах – членах ЕАЭС. Предложены меры по совершенствованию института уголовной ответственности за контрабанду НДС и (или) ДИ.

Ключевые слова: контрабанда; наличные денежные средства; денежные инструменты; таможенная граница; Евразийский экономический союз; уголовная ответственность; санкции; наказание.

Keywords: smuggling; cash (cash money); monetary instruments; customs border; Eurasian Economic Union; criminal liability; sanctions; punishment.

В 2013 г. в УК РФ была введена ст. 200.1 «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов»³, предусматривающая ответственность за нарушение правил перемещения указанных предметов через таможенную границу ЕАЭС (далее – ТГ ЕАЭС), которая заполнила правовой вакуум в отношении уголовной ответственности за контрабанду НДС и (или) ДИ, возникший вследствие декриминализации контрабанды, предусмотренной ст. 188 «Контрабанда» УК РФ (несмотря на одновременное введение в уголовный закон ст. 226.1 и 229.1)⁴. С этого момента таможенными

органами ежегодно выявляется более 10 тыс. попыток незаконного вывоза либо ввоза через ТГ ЕАЭС таких денежных средств, по десяткам фактов возбуждаются уголовные дела (таблица 1)⁵.

его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, иного вооружения, иной военной техники, а также сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации или результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании вооружения или военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных, водных биологических ресурсов, растений и грибов» и 229.1 «Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ» введены в УК РФ. Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации».

⁵ Правоохранительная деятельность // Федеральная таможенная служба : офиц. сайт. URL: <https://customs.gov.ru/activity/pravoohranitel-naya-deyatel-nost-> (дата обращения: 10.09.2024).

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям : Федер. закон от 28 июня 2013 г. № 134-ФЗ : принят Гос. Думой 11 июня 2013 г. : одобрен Советом Федерации от 26 июня 2013 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.09.2024).

⁴ Статьи 226.1 «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или

Таблица 1

Количество возбужденных уголовных дел по ст. 200.1 УК РФ

Год	2023	2022	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013
Кол-во ВУД	81	103	99	72	72	90	65	60	88	76	95

По данным ФТС России, в первом полугодии 2024 г. выявлено 5 449 фактов незаконного перемещения гражданами наличных денежных средств на сумму в эквиваленте 922,4 млн руб. По сравнению с аналогичным периодом 2023 года, количество попыток сократилось, однако сумма осталась на том же уровне (в 1 полугодии 2023 г. – 5 915 таких фактов на 911,4 млн руб) И это несмотря на снижение оборота наличных денежных средств, отмеченного Центральным банком Российской Федерации. В основном контрабандой пытались про-

вести доллары, евро и российские рубли. Странами, предпочтительными для вывоза валюты, выступали Объединенные Арабские Эмираты, Турция и Азербайджан (в 2023 г. также Китай, Узбекистан, Сербия и Израиль). Всего в указанный период таможенными органами возбуждено 41 уголовное дело по ст. 200.1 УК РФ, 25 (более 60 %) из них – по фактам незаконного вывоза, а также 5 408 дел об административных правонарушениях (далее – АП), возбужденных по ст. 16.4 КоАП РФ «Недекларирование либо недостоверное декларирование физическими

лицами наличных денежных средств и (или) денежных инструментов», из которых 3 167 связаны с запретом на вывоз валюты в эквиваленте, превышающем 10 тыс. долл. США⁶.

Следует отметить, что изменения в ст. 200.1 УК РФ за весь срок ее действия внесены единожды: с 1 апреля 2024 г. слова «Таможенный союз в рамках ЕврАзЭС» заменены на «Евразийский экономический союз», а «таможенное законодательство Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» – на «право Евразийского экономического союза⁷», что было обусловлено проблемой отсутствия единообразия терминов и определений в нормативных правовых актах (например, уже с 2014 г. в ст. 101 Договора о ЕАЭС⁸ было закреплено, что таможенная граница Таможенного союза теперь является ТГ ЕАЭС, а государства – члены Таможенного союза теперь члены ЕАЭС). Несмотря на то, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в целях обеспечения единообразия применения судами уголовного закона об ответственности за контрабанду в целом и контрабанду НДС и (или) ДИ в постановлении «О судебной практике по делам о контрабанде» от 27 апреля 2017 г. № 12 (далее – постановление Пленума ВС РФ № 12), в частности, разъяснил, что под терминами «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» («таможенная граница Таможенного союза»), «Государственная граница Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» следует понимать, соответственно, «таможенная граница ЕАЭС», «Государственная граница Российской Федерации с государствами – членами ЕАЭС» (п. 1), на практике возникали некоторые спорные ситуации с их применением: дискуссионными являются содержание объекта и предмета преступного посяательства, способы его совершения и др.

Так, основным непосредственным объектом (далее – ОНО) рассматриваемого вида контра-

банды, на наш взгляд, выступают «общественные отношения, обеспечивающие устойчивость валюты всех государств – членов ЕАЭС и стабильность внутреннего рынка ЕАЭС» [11]. Вместе с тем в доктрине есть иные мнения относительно объекта преступления. Так, одни ученые считают, что в данном случае ОНО такого преступления выступают общественные отношения в сфере финансов и охраняемые законные государственные интересы в реализации финансовых операций, другие – что в качестве ОНО выступают урегулированные нормами финансового и других отраслей (прежде всего таможенного и административного) права общественные отношения, в рамках которых обеспечиваются экономическая безопасность государства и прежде всего стабильное функционирование внешнеэкономической деятельности и осуществление таможенного контроля, третьи считают ОНО установленный таможенным и валютным законодательством порядок перемещения наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через ТГ ЕАЭС, обеспечивающий прозрачность валютных операций и стабильность финансовой системы России [5; 7] и т. п.

Предметами контрабанды выступают НДС и (или) ДИ. Следует отметить, что в данном случае практически не возникает спорных ситуаций благодаря достаточно четкому законодательному закреплению вещей (предметов), к ним относимых [4; 6; 8; 13]. Так, в п. 23 ч. 1 ст. 2 Таможенного кодекса⁹ (далее – ТК) ЕАЭС и в п. 4 ч. 1 ст. 1 Договора о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза¹⁰ НДС определяются как денежные знаки в виде банкнот и казначейских билетов, монет (за исключением монет из драгоценных металлов), находящиеся в обращении и являющиеся законным платежным средством в государствах – членах ЕАЭС или государствах (группе государств), не являющихся членами ЕАЭС.

Под ДИ понимаются дорожные чеки, векселя, чеки (банковские чеки), а также ценные бумаги в документарной форме, удостоверяющие

⁶ В 2023 г. совокупный объем таких НДС составил в рублевом эквиваленте 1,88 млрд (на 11,3 тыс. попыток). По фактам незаконного вывоза наличности на общую сумму 1,36 млрд руб. возбуждено 48 уголовных дел и 9 678 дел об АП, в том числе 6 801 дело об АП, связанное с вывозом иностранной валюты, превышающей эквивалент 10 тыс. долл. По фактам незаконного ввоза валюты на общую сумму 521,7 млн руб. возбуждено 33 уголовных дела и 1 604 дела об АП. Показатели снизились на 43,1 % и 24,4 % соответственно, что обусловлено сокращением потока иностранных туристов в Россию. См.: ФТС России отмечает снижение объемов незаконного перемещения наличности физлицами в 2023 году // Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/548083?ysclid=lu6p8bhhj9944476504> (дата обращения: 10.09.2024).

⁷ Членами ЕАЭС являются Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Армения, Российская Федерация и Киргизская Республика. См.: Евразийский экономический союз : сайт. URL: <http://www.eaeunion.org/#about> (дата обращения: 10.09.2024).

⁸ Договор о Евразийском экономическом союзе : подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

⁹ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза : приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза : подписан в г. Москве 11 апреля 2017 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁰ Договор о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Таможенного союза : подписан в г. Москве 19 дек. 2011 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

обязательство эмитента (должника) по обезличенной выплате денежных средств (п. 9 ч. 1 ст. 2 ТК ЕАЭС, п. 1 ч. 1 ст. 1 вышеуказанного Договора о противодействии легализации, п. 5 прим. к ст. 200.1 УК РФ). Несмотря на то, что в нормативных правовых актах указано столько предметов, анализ материалов практики показал, что за последние восемь лет предпринимались попытки ввоза/вывоза исключительно валюты, причем разнообразной. Например, в августе 2022 г. сотрудники Шереметьевской таможни обнаружили у прибывшего из г. Абу-Даби (ОАЭ) гражданина РФ свыше 33 тыс. незадекларированных долл. США. 51-летний мужчина был остановлен таможенниками на «зеленом» коридоре. В ходе устного опроса он заявил о наличии у него НДС в размере 9 тыс. долл. США, однако во время таможенного осмотра достал из поясной сумки 32,5 тыс. долл. США, а также 875 евро, 1 350 российских руб., 250 турецких лир и 154 сингапурских долл. Таким образом, общая сумма незаконно перемещенных НДС в долларовой эквиваленте составила 23,5 тыс. долл. США. Разрешенная для перемещения через ТГ ЕАЭС без обязательного письменного таможенного декларирования сумма возвращена гражданину под расписку. По данному факту возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 200.1 УК РФ¹¹.

Отдельно следует сказать о способах совершения контрабанды НДС и (или) ДИ. Изучение материалов практики показало, что чаще всего используются такие способы, как недекларирование НДС и (или) ДИ (84 % в международных аэропортах, 16 % в международных пунктах пропуска автомобилей [9]) и сокрытие указанных предметов контрабанды от таможенного контроля (обычно граждане пытаются спрятать ее в ручной клади (маскируя под предметы гигиены, книги), одежде, на теле в специальных поясах, жилетах и т. п., а также в скрытых полостях машин, например в багажнике автомобиля под обшивкой [2]).

Остальные способы контрабанды, указанные в постановлении Пленума ВС РФ № 12, за последние 5 лет на практике зафиксированы не были. При этом новых способов контрабанды НДС и (или) ДИ также не было выявлено, в основном контрабандисты проявляют изобретательность, совершенствуя тайники и способы их сокрытия. Однако любые, самые невероятные тайники и способы маскировки все равно охватываются одним действием — сокрытие.

Структура указанной статьи как ранее, так и в настоящее время, включает две части и пять примечаний.

¹¹ Таможенники в аэропорту Шереметьево пресекли контрабанду валюты из ОАЭ // Федеральная таможенная служба: офиц. сайт. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/352553?ysclid=1ujubge4uc66024540> (дата обращения: 10.09.2024).

В первой части, содержащей диспозицию нормы, закреплён признак «крупный размер», который позволяет разграничивать данное преступление и административное правонарушение, предусмотренное ст. 16.4 КоАП РФ «Недекларирование либо недостоверное декларирование физическими лицами НДС и (или) ДИ». Крупным размером считается стоимость предметов контрабанды на сумму свыше 20 тыс. долларов США. Возникает вопрос: почему именно такая сумма?

Согласно Указу Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации» с 2 марта 2022 г. запрещено вывозить из РФ наличную иностранную валюту и денежные инструменты в иностранной валюте в сумме, превышающей эквивалент 10 тыс. долл. США (по официальному курсу ЦБ РФ на дату вывоза). Таким образом, чтобы вменить лицу ч. 1 ст. 200.1 УК РФ, оно должно незаконно переместить (попытаться переместить) через ТГ ЕАЭС сумму, эквивалентную 20 тыс. долл. США (в основу расчета положен двукратный размер суммы НДС и (или) ДИ, разрешенных правом ЕАЭС к перемещению без письменного декларирования) и более, так как из этой суммы вычитается 10 тыс. долл. США, а от размера оставшейся суммы и зависит квалификация деяния.

Во второй части рассматриваемой статьи «особо крупный размер» является квалифицирующим признаком, для установления которого лицо должно незаконно переместить (попытаться переместить) через ТГ ЕАЭС НДС и (или) ДИ на общую сумму, превышающую пятикратный размер суммы таких предметов, разрешенных правом ЕАЭС к перемещению без письменного декларирования. Относительно расчета особо крупного размера можно привести следующий пример. Донецкий городской суд (Ростовская область) в приговоре от 27 июня 2023 г. № 1-148/2023 по делу № 1-148/2023 (по ч. 2 ст. 200.1 УК РФ), обосновывая свое решение, указал: в целях определения точного размера перемещенных гражданином незадекларированных НДС применен официальный курс валют ЦБ РФ по состоянию на ... года, в соответствии с которым 1 долл. США равен 60,4696 руб. Гражданином было осуществлено незаконное перемещение НДС в размере 5 700 000 руб. Таким образом, 5 700 000 руб. / 60,4696 руб. (курс доллара США на ...) = 94 262,24 долл. США за вычетом из нее разрешенной к перемещению без декларирования суммы — 84 262,24 долл. США, что признается особо крупным размером.

Вторым квалифицирующим признаком в этой же части является совершение контрабанды НДС и (или) ДИ «группой лиц», под ко-

торой подразумевается любая группа из числа указанных в ст. 35 УК РФ.

В целом, трудности при квалификации и доказывании контрабанды НДС и (или) ДИ возникают редко, тем более что достаточно эффективно работают поощрительные нормы УК РФ (прим. 4 к ст. 200.1, ст. 75 УК РФ и др.). В результате количество осужденных, по дан-

ным Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации, в разы меньше количества возбужденных уголовных дел (таблица 2)¹².

Таблица 2

¹² Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL : <http://www.cdep.ru> (дата обращения 10.09.2024).

Количество осужденных по ч. 1, 2 ст. 200.1 УК РФ

Год	2023	2022	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013
Ч. 1	24	28	26	21	35	27	27	24	35	76	-
Ч. 2	33	5	9	9	5	12	6	5			

Обжалуются в основном правила применения конфискации¹³. Так, некоторые специалисты считают, что причиной недекларирования валюты является незнание правил ее легального оборота. Однако нами при изучении приговоров было выявлено, что судами неоднократно указывалось на наличие стендов информации перед зоной таможенного контроля, образцов для заполнения таможенных деклараций, которые свидетельствовали о *доступности информа-*

ции о порядке прохождения гражданами таможенного контроля, необходимости декларирования перемещаемых денежных средств¹⁴.

Санкция за указанное деяние является альтернативной и включает три вида наказания (таблица 3). Основными видами наказаний в период с 2018 по 2023 г. выступали штраф и ограничение свободы. Наказание в виде принудительных работ назначалось только в 2019 г.

¹³ Статья 200.1 УК РФ. Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов // Судебные и нормативные акты РФ : офиц. сайт. URL:

<https://sudact.ru/law/uk-rf/osobennaia-chast/razdel-viii/glava-22/statia-200.1/> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁴ См.: приговор Жуковского городского суда МО от 11 сентября 2023 г. № 1-160/2023 по делу № 1-160/2023; постановление Химкинского городского суда МО от 16 октября 2023 г. № 1-814/2023 по делу № 1-814/2023; приговор Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 3 июля 2023 г. № 1-634/2023 по делу № 1-634/2023 и др.

Таблица 3

Виды и количество наказаний по ст. 200.1 УК РФ¹⁵

Год	штраф		ограничение свободы		принудительные работы	
	часть 1	часть 2	часть 1	часть 2	часть 1	часть 2
2022	16	11	7	9	-	-
2022	15	1	13	2	-	-
2021	19	2	7	7	-	-
2020	14	7	7	2	-	-
2019	27	3	8	2	10	4
2018	22	8	4	2	-	-
2017	20	5	7	1	-	-
2016	22	4	2	1	-	-
2015	22		6		-	
2014	68		7		-	
2013	данные отсутствуют					

¹⁵ В Форме № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» Судебного департамента при Верховном суде РФ в 2014–2015 гг. данные по ст. 200.1 УК РФ указаны без деления на части, в 2013 г. ст. 200.1 УК РФ в отдельную графу не выделялась.

Таким образом, в уголовно-правовой сфере, как и в административно-правовой, в основном применяется такое наказание, как штраф. На наш взгляд, законодателю следует более четко отграничить административное правонарушение и преступление, связанные с незакон-

ным перемещением физическими лицами НДС и (или) ДИ через ТГ ЕАЭС. Иногда для квалификации правонарушения как преступления не хватает нескольких долларов или евро. Например, 1 августа 2023 г. в «зеленом» коридоре — зоне упрощенного таможенного конт-

роля, расположенной в зале «Отправление» ЦПП аэропорт Пулково, гражданин, убывающий в Италию, в нарушение пп. 7 п. 1 ст. 260 ТК ЕАЭС не задекларировал подлежащую таможенному декларированию ввозимую на территорию ЕАЭС наличную валюту, а именно 122 доллара США, 18 025 евро, что в соответствии с курсом ЦБ РФ на 1 августа 2023 г. составило в эквиваленте 1 830 668,23 российских руб. или 19 987,14 долл. США (что за минусом разрешенных к вывозу 10 тыс. долл. США составило 9 987,14 долл.), тем самым совершил административное правонарушение¹⁶. В таких случаях отчасти нарушается принцип справедливости, требующий соразмерности наказания характеру и степени общественной опасности деяния.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод, что в российском уголовном законодательстве основной особенностью регламентации ответственности за контрабанду НДС и (или) ДИ является непосредственно конструкция ст. 200.1 УК РФ, которая представляет собой бланкетную норму, требующую обращения к нормам иных отраслей законодательства. По мнению Конституционного Суда Российской Федерации, принцип правовой определенности не исключает введения в уголовный закон юридических конструкций бланкетного характера. Регулятивные нормы, непосредственно закрепляющие те или иные правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же правовом акте, что и нормы, предусматривающие юридическую ответственность за их нарушение, а потому оценка степени определенности содержащихся в законе понятий должна осуществляться исходя не только из самого текста закона и используемых в нем формулировок, но и из их места в системе нормативных предписаний, а также с учетом смежных составов правонарушений¹⁷. Таким образом, бланкетность ст. 200.1 УК РФ предопределяет обращение прежде всего к нормам таможенного законодательства ЕАЭС, в которых содержится понятие незаконного перемещения через таможенную границу ЕАЭС или Государственную границу Российской Федерации предметов контрабанды. Тем самым рассматриваемой правовой нормой, помимо бланкетности, свойственна корреляция с правом Евразийско-

го экономического союза (в контексте изменений, вступивших в силу с 1 апреля 2024 г.).

Исследование уголовно-правового контента национальных правовых баз государств ЕАЭС в рассматриваемой сфере показало, что на сегодняшний день они недостаточно унифицированы и гармонизированы, в том числе относительно единого правового механизма противодействия контрабанде НДС и (или) ДИ в государствах ЕАЭС. И это несмотря на то, что участники Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств — членов таможенного союза обязались способствовать единообразному определению противоправности преступлений и административных правонарушений в таможенной сфере (п. 2 ст. 3)¹⁸. Активизация работы по данному направлению предусмотрена также п. 3.1.6. Плана мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.¹⁹

Сравнительный анализ статей уголовных кодексов стран — членов ЕАЭС показал, что они имеют различия, причем довольно значительные.

Например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК РБ) от 9 июня 1999 г. № 275-3²⁰ диспозиция ч. 2 ст. 228 «Контрабанда» аналогична ч. 1 российской нормы, однако санкции здесь гораздо более строгие, включают лишение свободы (далее также — ЛС) на срок от двух до пяти лет. В ч. 3 указанной статьи перечислены квалифицирующие признаки: группой лиц по предварительному сговору, либо повторно, либо лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные статьями 328.1 и 333.1 УК РБ²¹, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, либо совершенные с применением насилия к лицу, проводящему таможенный или осуществляющему пограничный контроль, и предусмотрено наказание в виде ЛС на срок от пяти до десяти лет со штрафом или без такового. В ч. 4 ст. 228 УК РБ уста-

¹⁶ Решение Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 20 сентября 2023 г. № 12-1295/2023 по делу № 12-1295/2023 // Судебные и нормативные акты РФ : офиц. сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vyQEfMGRJKlg/> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тимошенко Максима Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 171 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 16 мая 2024 г. № 1120-О // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁸ Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств — членов таможенного союза : подписан в г. Астане 5 июля 2010 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170240/?ysclid=lukvrdke73730947467 (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁹ О плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года : распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 5 апреля 2021 г. № 4 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

²⁰ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июня 1999 г. № 275-3 // Pravo.by : сайт. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk990027> (дата обращения: 10.09.2024).

²¹ Указанными статьями предусмотрена ответственность за незаконное перемещение через ТГ ЕАЭС и (или) Государственную границу РБ иных предметов контрабанды (наркотических средств, ядовитых веществ, огнестрельного оружия, боеприпасов, оружия массового поражения и др.).

новлена ответственность за совершение контрабанды организованной группой с наказанием в виде ЛС (со штрафом или без).

Следует отметить, что в примечаниях к ст. 228 УК РБ также содержатся отличия: в определении стоимости перемещаемых НДС или ДИ указан двукратный размер, в России – двукратный и пятикратный. Представляется интересным закрепление в п. 5 положения о непризнании добровольной сдачей НДС или ДИ их обнаружения при устном опросе в качестве меры, обеспечивающей проведение таможенного контроля... (далее – как в п. 4 российской УПН).

В Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее – УК РК) от 3 июля 2014 г. № 226-V отсутствует специальная статья об ответственности за контрабанду НДС и (или) ДИ, однако в ст. 234 «Экономическая контрабанда» криминализовано перемещение в крупном размере через ТГ ЕАЭС товаров или иных предметов, в том числе запрещенных или ограниченных к перемещению через ТГ товаров, вещей и ценностей²², в отношении которых установлены специальные правила перемещения через ТГ, за исключением указанных в ст. 286 «Контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено» УК РК. В отличие от российского уголовного законодательства способы совершения экономической контрабанды перечислены прямо в диспозиции ст. 234: «помимо или с сокрытием от таможенного контроля; с обманным использованием документов или средств таможенной идентификации; сопряженное с недекларированием или заведомо недостоверным декларированием; с указанием заведомо недостоверных сведений в заявлении о выпуске товаров до подачи декларации на товары...». Санкция в ч. 1 кумулятивная, включает следующие виды наказаний: штраф, исправительные работы (далее – ИР), общественные работы (далее – ОР), арест с конфискацией имущества или без таковой.

Часто 2 содержит указание на пять квалифицирующих признаков: неоднократность, использование служебного положения, применение насилия к лицу, осуществляющему пограничный или таможенный контроль, особо крупный размер, а также групповое по предварительному сговору совершение контрабанды. Санкция в этой части предусматривает штраф, ИР, ОР (как

в ч. 1), а также ограничение либо ЛС с конфискацией имущества.

Еще два квалифицирующих признака закреплены в ч. 3 и касаются совершения контрабанды лицом, уполномоченным на выполнение государственных функций (либо приравненным к нему лицом, либо должностным лицом, либо лицом, занимающим ответственную государственную должность, если они сопряжены с использованием им своего служебного положения), а также преступной группой²³. Санкция ч. 3 предусматривает наказание в виде ЛС с конфискацией имущества. Кроме того, относительно вышеперечисленных категорий лиц предусмотрено пожизненное лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В Уголовном кодексе Киргизской Республики (УК КР) от 28 октября 2021 г. № 127 контрабанда НДС и (или) ДИ охватывается ст. 231 «Экономическая контрабанда», под которой понимается «перемещение через ТК ЕАЭС товаров или иных предметов в значительном размере», здесь же указаны способы ее совершения. За данное деяние ч. 1 предусмотрено наказание в виде ИР или штрафа с лишением права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью. В ч. 2 закреплена ответственность за совершение контрабанды «в крупном размере», а к наказаниям добавлено ЛС на срок до двух лет. В ч. 3 указано пять квалифицирующих признаков: в особо крупном размере; должностным лицом с использованием своего служебного положения; с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, к лицу, осуществляющему таможенный контроль; группой лиц; группой лиц по предварительному сговору. Виды санкций установлены те же, что и в ч. 2. В ч. 4 ст. 231 предусмотрена ответственность за совершение деяний организованной (трансграничной) группой или в составе преступного сообщества, санкция за которые альтернативная – ЛС на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества.

В примечаниях к ст. 127 законодатель Киргизской Республики устанавливает стоимостные критерии различных размеров, особенности их исчисления, условия освобождения лица от уголовной ответственности и наказания. Помимо этого, введено следующее правило: «подлежат конфискации товары и иные предметы, перемещенные помимо таможенного контроля, а также транспортные средства (в том числе другие перевозочные средства), использованные для их перевозки». Следует отметить, что такого правила относительно транспортных

²² Под предметами контрабанды понимаются любые движимые предметы материального мира, в том числе валюта, валютные ценности, электрическая, тепловая или иные виды энергии и транспортные средства. См.: нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 20 апреля 2018 г. № 8 «О внесении изменений и дополнений в некоторые нормативные постановления Верховного Суда Республики Казахстан по уголовному и уголовно-процессуальному законодательству» // Online.zakon.kz : сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38703727 (дата обращения: 10.09.2024).

²³ В ст. 31 УК РК перечислены десять видов преступных групп.

средств нет в законодательстве других членов ЕАЭС.

Кроме того, только Киргизская Республика и Российская Федерация предусмотрели в уголовных законах возможность освобождения лица от уголовной ответственности за контрабанду НДС и (или) ДИ.

В Уголовном кодексе Республики Армения (УК РА) от 5 мая 2021 г. содержится ст. 291 «Контрабанда наличных денежных средств и (или) платежных инструментов». Название во многом аналогично российской норме, устанавливающей ответственность за вышеуказанное деяние, но вместо «денежных» инструментов используется понятие «платежные» (далее – ПИ). Однако содержание значительно разнится, начиная с диспозиции (контрабанда НДС и (или) ПИ – незаконное перемещение через Государственную границу РА или ТГ ЕАЭС НДС и (или) ПИ без таможенного контроля или с их сокрытием, или недекларированием,.. или с использованием таможенных или иных документов путем обмена (перечислены способы контрабанды), совершенное в крупных размерах. Альтернативная санкция в 1 ч. включает: штраф, ОР, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы, краткосрочное ЛС (максимально на два месяца), ЛС.

Квалифицирующие признаки указаны в ч. 2 (с использованием властных или служебных полномочий или обусловленного ими воздействия; группой лиц по предварительному сговору; путем шантажа или в особо крупных размерах), а также в ч. 3 (совершенные преступной организацией). Санкции во 2 и 3 частях установлены безальтернативные – ЛС. При этом конструкция ст. 291 УК РА не включает приложений. Поэтому в ч. 4 закреплены стоимостные критерии крупного и особо крупного размеров и особенности их исчисления, а в ч. 5 разъяснено, что относится к НДС и ПИ.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что государствам – членам ЕАЭС необходимо стремиться унифицировать рассмотренные выше УПН. В научном сообществе высказывается мнение, что создать единую нормативную базу ЕАЭС одновременно невозможно, это процесс постепенного развития и разработки [3; 7]. С этим можно было бы согласиться, но ЕАЭС существует уже много лет, а упомянутый ранее Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства был заключен в 2010 г.

Несомненно, положительным шагом к формированию такой единой нормативной базы можно назвать решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 6 августа 2019 г. № 130 «О представлении документов для под-

тверждения происхождения наличных денежных средств и (или) денежных инструментов». Однако в данном случае речь идет о представлении документов вместе с пассажирской таможенной декларацией (ПТД), если общая сумма таких НДС и (или) ДИ при их одновременном ввозе на таможенную территорию ЕАЭС или одновременном вывозе с таможенной территории ЕАЭС превышает сумму, эквивалентную 100 тыс. долл. США по курсу валют, действующему на день подачи таможенному органу ПТД.

Помимо этого, одним из перспективных направлений сотрудничества ЕАЭС по указанному направлению служит своевременный обмен информацией и сведениями в целях недопущения использования НДС и (или) ДИ, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС, в том числе для легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма. С этой целью в 2021 г. в г. Москве было заключено Соглашение об обмене информацией в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Евразийского экономического союза.

Однако предпринятые меры – только шаг к решению проблемы противодействия контрабанде НДС и (или) ДИ, общественная опасность которой в последние годы еще более возросла. Эксперты оценивают как реальную угрозу направление перемещенных посредством контрабанды денежных средств на финансирование террористических и экстремистских организаций, незаконных военных формирований, незаконного оборота наркотиков, иной преступной деятельности. Также, по их мнению, эти деньги поступают в нелегальный экономический оборот, так как теневая экономика нуждается в наличных деньгах, которые можно использовать для безналоговых расчетов, задействовать их в коррупционных схемах (усиление ресурсной составляющей коррупции ведет к росту ее масштабов и вынуждает государство направлять дополнительные, не предусмотренные государственными программами и нацпроектами, бюджетные средства), способствует процветанию серой занятости, в том числе ввозу с этой целью рабочей силы – незаконных мигрантов, и т. п. Контрабанда НДС и (или) ДИ негативно влияет на экономику еще и тем, что, лишая бюджет налоговых поступлений, приводит к его дефициту и возрастающему давлению на легальный сектор экономики [10; 12], тем самым ухудшая состояние экономической безопасности государства.

В связи с этим российскому законодателю, на наш взгляд, следует рассмотреть целесообразность ужесточения ответственности за кон-

трабанду НДС и (или) ДИ. В настоящий момент рассматриваемая уголовно-правовая норма излишне гуманна, особенно по сравнению с законодательством других стран, входящих в ЕАЭС.

Следует также разрешить проблемные вопросы освобождения от уголовной ответственности путем добровольной сдачи НДС и ДИ (прим. 4 к ст. 200.1 УК РФ). Отмечается, что законодатель создал «относительно самостоятельную уголовно-правовую норму, направленную на прекращение совершаемого преступления либо (и) предупреждение других, зачастую более тяжких уголовно наказуемых деяний, а также на выявление совершенного преступления посредством предусмотренного позитивного посткриминального поведения виновного, при наличии которого государство в лице правоприменителя обязано либо вправе освободить его от уголовной ответственности» [1, с. 11]. Существует также мнение, что добровольная сдача НДС и (или) ДИ может рассматриваться как форма деятельного раскаяния. Для применения указанного специального основания освобождения от уголовной ответственности достаточно факта добровольной сдачи предметов контрабанды²⁴.

Однако такая сдача не может быть осуществлена до момента окончания преступления, которое будет признано таковым с момента незаконного перемещения НДС и (или) ДИ через ТГ ЕАЭС любым из возможных способов. Также сдача НДС и (или) ДИ не будет считаться добровольной после обнаружения должностными лицами таможенных органов предметов контрабанды во время проведения таможенного контроля либо после их изъятия при задержании лица. Как отметил Верховный Суд Российской Федерации, по смыслу закона добровольная сдача означает выдачу наличных денежных средств и (или) денежных инструментов представителям правоохранительных органов по своей воле, несмотря на реальную возможность распорядиться ими²⁵. Таким образом, в основе рассматриваемой сдачи лежит именно добровольность волеизъявления лица отказаться от совершения контрабанды.

Однако в следственной и судебной практике, а также в доктрине уголовного права нет четко выработанных механизмов квалификации

сдачи предметов контрабанды именно как добровольной. Помимо этого, ни уголовно-процессуальное, ни таможенное законодательство не дают ответа на вопрос, каким образом должна быть закреплена добровольная сдача НДС и (или) ДИ. Представляется, что данная процедура может быть оформлена в виде рапорта об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК РФ), а также и в виде явки с повинной²⁶ (ст. 142 УПК РФ).

Полагаем, следует рассмотреть возможность внесения изменений в постановление Пленума ВС РФ № 12 и разъяснить, до какого момента сдача НДС и (или) ДИ все еще считается добровольной и не утрачивает своего значения как основание освобождения от уголовной ответственности (в настоящее время в спорных ситуациях приходится обращаться к нескольким нормативным правовым актам и все равно невозможно дать однозначный ответ, так как даже вопрос сотрудника таможни о наличии у лица НДС и (или) ДИ в размере, превышающем разрешенный, считается устным опросом, а положительный ответ на него не может считаться добровольной сдачей).

Необходимо также внести дополнение в п. 4 примечаний к ст. 200.1 УК РФ, что указанное в нем основание освобождения от уголовной ответственности не применяется к лицу, подвергнутому административному наказанию по ст. 16.4 КоАП РФ либо имеющему судимость по любой из статей УК РФ, предусматривающих ответственность за контрабанду.

Такая мера, как включение в перечень санкций ч. 2 рассматриваемой УПН лишения свободы сроком от шести месяцев до одного года, будет иметь значительное превентивное воздействие в отношении лиц, нарушающих правила перемещения НДС и (или) ДИ через таможенную границу ЕАЭС.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо отметить, что контрабанда НДС и ДИ посягает не только на устойчивость валюты и стабильность внутреннего рынка ЕАЭС, но в перспективе создает угрозу национальной безопасности в результате совершения незаконных операций с денежными средствами. Кроме этого, такие средства могут быть направлены (и направляются) на противоправные цели. Таким

²⁴ При этом согласно примечанию 4 к ст. 200.1 УК РФ и п. 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 применение примечания допускается и в случае совершения лицом совокупности преступлений: так, освобождению лица, добровольно сдавшему денежные средства или инструменты, от уголовной ответственности в соответствии с примечанием к ст. 200.1 УК РФ не препятствует привлечение его к ответственности за совершение, например, легализации денежных средств.

²⁵ О судебной практике по делам о контрабанде: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2024)

²⁶ Невозможность применения примечания не исключает освобождение от уголовной ответственности по ч. 1 ст. 75 УК РФ, если лицом выполнены условия, установленные данной нормой, и вследствие этого оно перестало быть общественно опасным. Так, может быть освобождено от уголовной ответственности лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 200.1 УК РФ, которое хотя и не сдало денежные средства или денежные инструменты, но при этом явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию указанного преступления. См. п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 27 июня 2013 г. № 19.

образом, необходимо принять стратегически взвешенные и рациональные меры по совершенствованию правового и организационного противодействия контрабанде НДС и ДИ.

Список литературы:

1. Антонов А. Г. Современное состояние системы освобождения от уголовной ответственности и перспективы ее развития // Российская юстиция. 2022. № 7. С. 23–27.
2. Горенская Е. В. Проблемы борьбы с нелегальным автобизнесом. М., 2001. 179 с.
3. Зайцева В. Д., Тарарышкина Л. И. Направления унификации законодательства о таможенных правонарушениях в государствах – членах ЕАЭС : сб. материалов конф. Минск, 2019. С. 180–185.
4. Касимов Р. Р. Конструирование квалифицирующих признаков состава контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 УК РФ) // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 78-3. С. 128–130.
5. Кудратов М., Печегин Д. А. Перемещение активов и незаконный вывод капиталов: актуальные проблемы противодействия // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 101–111.
6. Кузнецов М. П. О конфискации предметов контрабанды денежных средств (ст. 200.1 УК РФ) // Право и политика. 2019. № 1. С. 32–39.
7. Лазарев В. В. Новое видение сферы правового регулирования // Российская юстиция. 2022. № 1. С. 8–15.
8. Печегин Д. А. Чеки как предмет контрабанды денежных инструментов // Российский следователь. 2024. № 2. С. 48–53.
9. Сухов А. О. Способ совершения контрабанды наличных денежных средств и (или) денежных инструментов как элемент криминалистической характеристики // Вестник Российской таможенной академии. 2020. № 4 (53). С. 141–146.
10. Сычев П. Г. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации: правоохранительная деятельность и законодательный процесс // Российская юстиция. 2023. № 3. С. 67–71.
11. Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы: науч.-практ. пособие / В. Ю. Артемов, Н. А. Голованова, Е. В. Горенская [и др.]. М., 2021. 284 с.
12. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности / Е. В. Авдеева,

References:

1. Antonov A. G. The current state of the system of exemption from criminal liability and prospects for its development // Russian justice. 2022. № 7. P. 23–27.
2. Gorenskaya E. V. Problemy bor'by s nelegal'nym avtobiznesom. M., 2001. 179 s.
3. Zajceva V. D., Tararyshkina L. I. Napravleniya unifikacii zakonodatel'stva o tamozhennykh pravonarusheniyah v gosudarstvah – chlenah EAES : sb. materialov konf. Minsk, 2019. S. 180–185.
4. Kasimov R. R. The construction of qualifying signs of the composition of the smuggling of cash and (or) monetary instruments (art. 200.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Trends in the development of science and education. 2021. № 78-3. P. 128–130.
5. Kudratov M., Pechegin D. A. Movement of assets and illegal withdrawal of funds: current issues of counteraction // Journal of Russian Law. 2020. № 1. P. 101–111.
6. Kuznetsov M. P. On the confiscation of contraband items (art. 200.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Law and Politics. 2019. № 1. P. 32–39.
7. Lazarev V. V. A new vision of the sphere of legal regulation // Russian justice. 2022. № 1. P. 8–15.
8. Pechegin D. A. Cheques as a subject of smuggling of monetary instruments // Russian investigator. 2024. № 2. P. 48–53.
9. Sukhov A. O. Method of smuggling of cash and monetary instruments as element of forensic characteristic // Vestnik of Russian Customs Academy. 2020. № 4 (53). P. 141–146.
10. Sychev P. G. Strategy of economic security of the Russian Federation: law enforcement and legislative procedure // Russian justice. 2023. № 3. P. 67–71.
11. Uголовно-pravovaya ohrana finansovo-byudzhethnoy sfery: nauch.-prakt. posobie / V. YU. Artemov, N. A. Golovanova, E. V. Gorenskaya [i dr.]. M., 2021. 284 s.
12. Uголовно-pravovye i uголовно-processual'nye sredstva obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti / E. V. Avdeeva, S. A. Aleksandrov, D. A. Basangov [i dr.]. M., 2022. 304 s.
13. Fedorov A. V. Contraband of physical cash and (or) monetary instruments: scientific and practical commentary on article 200.1 of the criminal code of the Russian Federation // Bulletin of

С. А. Александров, Д. А. Басангов [и др.]. М., 2022. 304 с.

13. Федоров А. В. Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов: научно-практический комментарий к статье 200.1 УК РФ // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2 (24). С. 13–35.

Moscow academy of the investigative committee of the Russian Federation. 2020. № 2 (24). P. 13–35.

Для цитирования:

Нудель Станислав Львович, Горенская Елена Владимировна. Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов: особенности уголовной ответственности в России и других государствах Евразийского экономического союза // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 101–112.

For citation:

Nudel' Stanislav L'vovich, Gorenskaya Elena Vladimirovna. Smuggling of Cash and (or) Monetary Instruments: Features of Legislative Regulation in Russia and Other EAEU States // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 101–112.

ВЫЯВЛЕНИЕ, РАСКРЫТИЕ, расследование преступлений

Баранов Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры информационных технологий,

Академия управления МВД России,

Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
ORCID 0000-0002-4603-7533
E-mail: de_la_sergio@mail.ru

Научная специальность:
5.1.2. Государственно правовые
(публично-правовые) науки

УДК 34.07

DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-113-128

Дата поступления статьи: 11 октября 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 12 декабря 2024 г.

Использование искусственного интеллекта для выявления и предотвращения распространения экстремистской и террористической пропаганды в Интернете

The Use of Artificial Intelligence to Identify and Prevent the Spread of Extremist and Terrorist Propaganda on the Internet

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена стремительной цифровизацией общества, которая не только открывает новые возможности для коммуникации и информационного обмена, но и создает благоприятные условия для распространения экстремистской и террористической пропаганды. Массовый и анонимный характер интернет-пространства способствует разжиганию ненависти, вербовке сторонников радикальных идеологий и координации противоправной деятельности.

Проблема заключается в том, что традиционные подходы к противодействию экстремизму в Интернете, основанные на ручной модерации контента и точечных мерах реагирования, не

Vladimir Vladimirovich Baranov,
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of
Information Technology,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
ORCID 0000-0002-4603-7533
E-mail: de_la_sergio@mail.ru

Scientific Speciality:
5.1.2. Public Law (State Law) Sciences

Abstract

The relevance of the research topic is due to the rapid digitalization of society, which not only opens up new opportunities for communication and information exchange, but also creates favorable conditions for the spread of extremist and terrorist propaganda. The massive and anonymous nature of the Internet space contributes to inciting hatred, recruiting supporters of radical ideologies and coordinating illegal activities.

The problem lies in the fact that traditional approaches to countering extremism on the Internet, based on manual content moderation and targeted response measures, do not keep pace with the growing scale and adaptability of extremist online campaigns. In these conditions, the issue of the

успевают за растущими масштабами и адаптивностью экстремистских онлайн-кампаний. В этих условиях актуализируется вопрос о возможностях и рисках использования технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) для автоматизации процессов выявления и блокировки противоправных материалов.

Цель исследования – выявление потенциала и разработка научно обоснованных предложений по внедрению технологий искусственного интеллекта в практику противодействия экстремистской пропаганде в Интернете на основе анализа технологического потенциала существующих решений, оценки правовых механизмов их применения и выработки этических принципов использования.

Методы исследования: правовой, сравнительный и статистический анализ, контент-анализ, моделирование, прогнозирование и экспертная оценки.

Результаты и ключевые выводы: анализ существующих подходов к использованию ИИ для модерации контента показал, что наиболее перспективными являются методы, основанные на сопоставлении с базами данных хешей и классификации на основе машинного обучения. Однако их эффективность ограничивается рядом факторов, таких как качество и репрезентативность обучающих выборок, сложность понимания контекста и языковых вариаций. Проведенный анализ выявил активное внедрение ИИ-систем в деятельность государственных органов РФ: разработка Роскомнадзором систем «Вебрь» и «Окулус», создание в МВД России систем «Клон» и «Конъюнктура». Исследование опыта коммерческого сектора на примере продуктов «Крибрум» показало эффективность применения ИИ для выявления деструктивных смысловых конструкций и анализа информационных угроз. На основе проведенного анализа разработан комплекс практических рекомендаций: совершенствование нормативно-правовой базы с установлением четких критериев и механизмов контроля применения ИИ; включение сферы противодействия экстремизму в перечень направлений для экспериментальных правовых режимов; создание специализированного подразделения на базе Национального центра когнитивных разработок; формирование системы подготовки профильных специалистов; введение механизмов добровольной сертификации ИИ-систем; развитие международного сотрудничества. Обоснована необходимость создания комплексной национальной экосистемы использования ИИ в противодействии экстремизму, обеспечивающей баланс между эффективностью выявления угроз и защитой фундаментальных прав человека.

possibilities and risks of using artificial intelligence (AI) technologies to automate the processes of identifying and blocking illegal materials is being updated.

The purpose of the study is identification of potential and development of scientifically based proposals for the introduction of artificial intelligence technologies into the practice of countering extremist propaganda on the Internet based on the analysis of the technological potential of existing solutions, assessment of legal mechanisms for their application and development of ethical principles of use.

Research methods include legal, comparative and statistical analysis, content analysis, modeling, forecasting and expert assessment.

Results and key conclusions. An analysis of existing approaches to using AI for content moderation has shown that the most promising methods are based on comparison with hash databases and classification based on machine learning. However, their effectiveness is limited by a number of factors, such as the quality and representativeness of the training samples, the difficulty of understanding the context and language variations. The analysis revealed the active implementation of AI systems in the activities of government agencies of the Russian Federation: the development by Roskomnadzor of the systems “Boar” and “Oculus”, the creation of the Clone systems in the Ministry of Internal Affairs of Russia and “Conjuncture”. A study of the experience of the commercial sector using the example of Cribrum products has shown the effectiveness of using AI to identify destructive semantic constructs and analyze information threats. Based on the analysis, a set of practical recommendations has been developed: improvement of the regulatory framework with the establishment of clear criteria and mechanisms for controlling the use of AI; inclusion of the sphere of countering extremism in the list of areas for experimental legal regimes; creation of a specialized unit based on the National Center for Cognitive Development; formation of a training system for specialized specialists; introduction of mechanisms for voluntary certification of AI-systems; development of international cooperation. The necessity of creating a comprehensive national ecosystem for the use of AI in countering extremism, ensuring a balance between the effectiveness of threat detection and the protection of fundamental human rights, is substantiated.

Ключевые слова: искусственный интеллект; Российская Федерация; противоправный контент; Интернет; террористическая пропаганда; экстремизм; информационная безопасность; нормативно-правовая база.

Keywords: artificial intelligence; Russian Federation; illegal content; Internet; terrorist propaganda; extremism; information security; regulatory framework.

Стремительная цифровая трансформация общества, интенсивно протекающая в последние десятилетия, оказывает существенное влияние на социальный и правовой ландшафт. Интернет-пространство, ставшее неотъемлемой частью жизни современного человека, представляет собой не только мощный инструмент коммуникации и информационного обмена, но и новую арену для реализации деструктивных идеологий и практик. Экстремизм, ранее носивший преимущественно точечный и личностный характер, в эпоху Интернета приобретает массовый и анонимный масштаб, порождая целый спектр проблем, связанных с разжиганием ненависти и пропагандой насилия. Необходимо признать, что в настоящее время Интернет представляет собой серьезный инструмент ведения экстремистской деятельности, а также обширное поле для распространения радикальных идей.

Осознание масштабов и потенциальных последствий этой угрозы вынуждает государственные структуры и IT-компании создавать специализированные системы и подразделения, ответственные за выявление и удаление контента экстремистского содержания, что предполагает масштабную и трудоемкую работу. В социальной сети Facebook, как показывает статистика, ежегодно удаляется от 20 до 100 млн публикаций экстремистского характера¹. Неслучайно в Российской Федерации после 2022 г. Facebook (Meta) признана экстремистской организацией и запрещена на территории страны в связи с многочисленными фактами призывов к насилию над российскими гражданами и военнослужащими, выражением желаний смерти политическим лидерам и президенту, а также проявлениями русофобии. Однако проблема экстремизма в интернет-пространстве имеет свои специфические грани и в самой России. По данным Роскомнадзора только в 2023 г. было заблокировано более 558 000 сайтов и интернет-страниц, связанных с экстремизмом, терроризмом, распространением наркотических

веществ, фейковых новостей и других противоправных материалов². Анализ статистических данных уголовного судопроизводства за последние 5 лет (табл. 1) свидетельствует о практически двукратном увеличении количества рассмотренных дел и осужденных лиц по преступлениям экстремистской направленности (ст. 280, 282, 282-1, 282-2 УК РФ) (рис. 1)³.

С одной стороны, подобная динамика может рассматриваться как показатель эффективности оперативно-розыскной деятельности по линии выявления и предотвращения распространения экстремистской пропаганды, обеспечивающей своевременное выявление и привлечение к ответственности правонарушителей. С другой стороны, сопоставление приведенных данных с контекстом нарастающей геополитической напряженности и резонансными террористическими и экстремистскими инцидентами 2022–2024 гг. позволяет сделать вывод о реальном росте экстремистской активности в обществе и значительной доле латентной преступности в данной сфере. Указанные обстоятельства актуализируют проблему противодействия экстремизму в Интернете и побуждают к поиску инновационных методов ее решения.

В этом контексте развитие технологий ИИ открывает новые возможности для адаптации к вызовам экстремизма в цифровом пространстве. Под использованием ИИ в данном исследовании понимается применение самообучающихся алгоритмов и нейросетевых технологий, способных автоматически анализировать большие массивы текстовых, визуальных и аудиоданных для выявления признаков экстремистского контента на основе заданных параметров и постоянно совершенствующихся моделей машинного обучения.

¹ Actioned hate speech content items on Facebook worldwide from 4th quarter 2017 to 2nd quarter 2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/1013804/facebook-hate-speech-content-deletion-quarter/> (дата обращения: 10.10.2024)

² Роскомнадзор в 2023 году заблокировал более 558 000 сайтов и интернет-страниц. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/01/26/1016847-roskomnadzor-zablokiroval-bolee-558-000-saitov> (дата обращения: 10.10.2024).

³ Уголовное судопроизводство. Общие показатели по категориям дел. URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 17.09.2024).

ДИНАМИКА РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛ И ВЫНЕСЕНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНЫХ ПРИГОВОРОВ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В 2019-2023 ГГ.

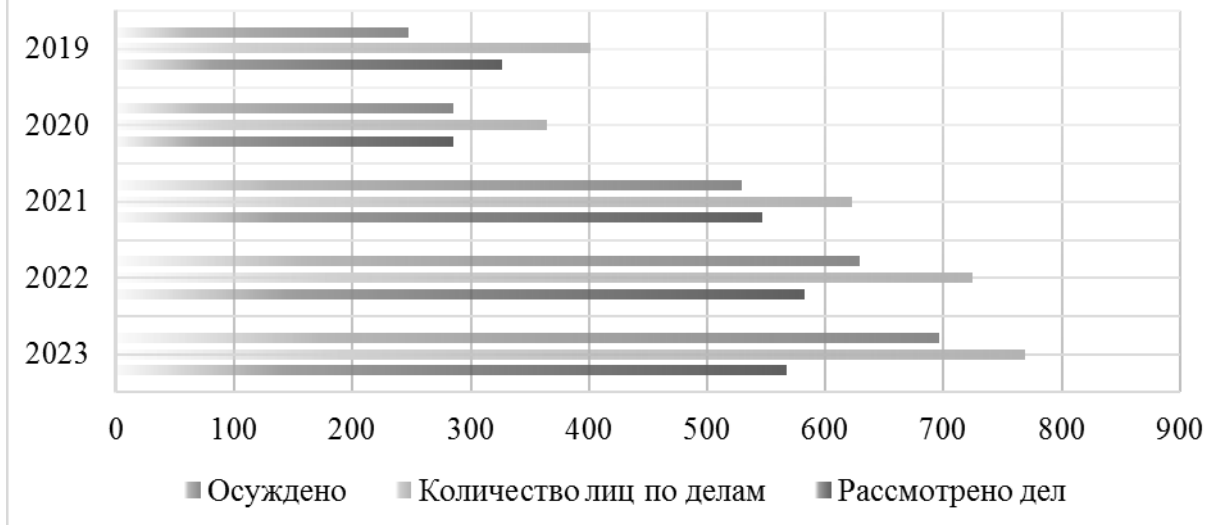

Рис. 1. Динамика рассмотрения дел и вынесения обвинительных приговоров по преступлениям экстремистской направленности в 2019–2023 гг.

Несмотря на то, что ИИ находится на относительно ранней стадии развития, отдельные его особенности и возможности уже сейчас могут быть использованы для выявления и предотвращения распространения экстремистских материалов.

Однако внедрение ИИ в данную сферу сопряжено с определенными рисками и требует формирования новой правовой базы, регулирующей его применение и устанавливающей границы допустимого.

В связи с вышеизложенным цель настоящей статьи заключается в комплексном исследовании потенциала использования технологий искусственного интеллекта для противодействия распространению экстремистской и террористической пропаганды в Интернете. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- проанализировать современное состояние проблемы распространения экстремистской и террористической пропаганды в интернет-пространстве и оценить эффективность существующих мер противодействия данному виду противоправной деятельности;

- изучить возможности и ограничения применения ИИ в сфере выявления и предотвращения распространения экстремистского контента;

- исследовать практический опыт внедрения ИИ-систем в деятельность государственных органов Российской Федера-

ции (Роскомнадзор, МВД России) и частных компаний («Крибрум») по противодействию распространению экстремистской и террористической пропаганды;

- разработать рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы и организационных механизмов использования ИИ в борьбе с экстремизмом в Интернете.

Для достижения поставленной цели и решения исследовательских задач в работе использовался комплекс взаимодополняющих методов. Теоретико-методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных авторов в области изучения экстремизма и терроризма, правового регулирования и этических аспектов использования ИИ, а также технологий автоматизированной модерации контента. В частности, особое внимание уделялось концептуальным разработкам М. Фернадес и Х. Алани, Р. Горвы, Р. Биннса и К. Катценбаха, Н. Дуарте, Э. Ллансо и А. Лоупа, И. ван дер Вега, П. Гилла, С. Макдональда и Б. Клейнберга. Важным источником фактических данных послужила официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Роскомнадзора, крупнейших социальных платформ (Meta, Twitter, Discord), а также аналитические отчеты авторитетных исследовательских центров (Statista, Pew Research Center и др.).

Методика исследования носила комплексный характер, сочетая элементы пра-

вового, сравнительного и статистического анализа, контент-анализа, моделирования и прогнозирования. На начальном этапе был проведен анализ действующей нормативно-правовой базы и правоприменительной практики в сфере противодействия экстремистской деятельности в целом и ее проявлениям в интернет-среде в частности. Далее на основе обобщения статистических данных о масштабах удаления экстремистского контента крупнейшими интернет-платформами, а также динамики возбуждения уголовных дел и вынесения обвинительных приговоров по составам экстремистской направленности была проведена оценка эффективности существующих мер противодействия. Параллельно осуществлялся контент-анализ передовых исследований в области применения ИИ-инструментов для автоматизированного выявления экстремистских материалов в целях выделения ключевых технических и методологических подходов, оценки их возможностей и ограничений. Была рассмотрена специфика функционирования ИИ в Российской Федерации с точки зрения нормативного и правового регулирования. На заключительном этапе на основе метода экспертных оценок был сформирован комплекс практических рекомендаций по созданию экосистемы использования ИИ в противодействии экстремизму онлайн, адаптированный к условиям Российской Федерации.

Анализ современного состояния проблемы экстремизма в интернет-пространстве свидетельствует о том, что деструктивная деятельность радикальных группировок и отдельных лиц, направленная на разжигание ненависти и пропаганду насилия, приобретает все более масштабный и изощренный характер. Благодаря своей доступности, анонимности и трансграничности Интернет становится идеальной платформой для распространения экстремистских идей и вербовки новых сторонников [6]. Экстремистские организации активно используют социальные сети, мессенджеры, форумы и другие онлайн-ресурсы для пропаганды своих взглядов, координации действий и финансирования противоправной деятельности.

Одним из наиболее распространенных проявлений экстремизма в Интернете является разжигание ненависти на почве национальной, расовой, религиозной или иной принадлежности. Так, в Соединенных Штатах Америки, где проблема экстремизма на почве национальной и расовой нетерпимости стоит особенно остро, статистические данные демонстрируют тревожную тенденцию: доля взрослого населения, сталкивавшегося с онлайн-домогательствами на почве экстремизма, превышает долю тех, кто подвергался реальным домогательствам аналогичного характера (рис. 2)⁴.

⁴ Share of adults in the United States who have ever experienced online harassment and severe harassment as of February 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/1323426/us-adults-online-harassment-severe-by-identity-group/> (дата обращения: 10.10.2024)

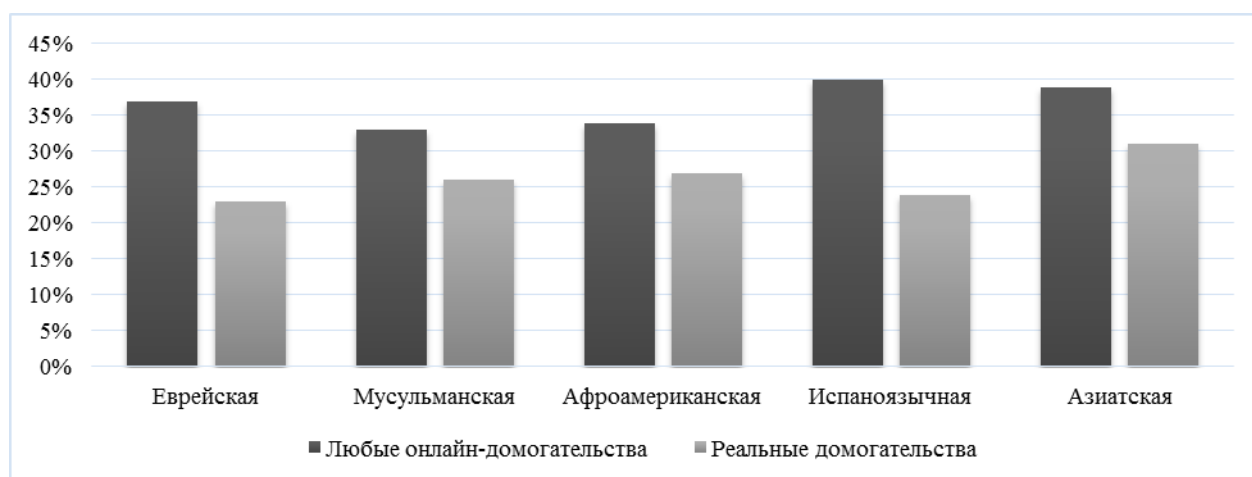

Рис. 2. Доля взрослого населения США, сталкивавшегося с онлайн и реальными домогательствами на почве экстремизма (по этническим группам)

Однако экстремистская пропаганда в интернете не ограничивается лишь разжиганием ненависти на почве групповой принадлежности. Все большую угрозу представляет кибертерроризм – использование интернет-

технологий для планирования и осуществления террористических актов, а также для распространения идеологии терроризма [9]. Террористические организации активно осваивают киберпространство, создавая соб-

ственные сайты, аккаунты в социальных сетях, каналы в мессенджерах для пропаганды своих идей, вербовки новых членов и координации действий. Кроме того, интернет используется для сбора средств на финансирование террористической деятельности, в том числе через криптовалюты и анонимные платежные системы.

Для противодействия распространению экстремизма и терроризма в Интернете применяются различные меры, которые можно разделить на несколько категорий (табл. 1):

– законодательные меры, предусматривающие уголовную ответственность за экстремистскую деятельность в Интернете и обязывающие

интернет-платформы удалять противоправный контент;

– организационные меры, включающие создание специализированных подразделений правоохранительных органов и IT-компаний, занимающихся выявлением и пресечением распространения экстремистских материалов;

– технические меры, такие как блокировка сайтов, удаление аккаунтов и контента, внедрение систем автоматического обнаружения противоправных материалов;

– информационно-просветительские меры, направленные на повышение осведомленности пользователей об угрозах экстремизма в Интернете и формирование критического мышления.

Таблица 1

Меры противодействия распространению экстремизма в Интернете

Категория мер	Примеры
Законодательные	– уголовная ответственность за экстремистскую деятельность в Интернете; – обязательства интернет-платформ по удалению противоправного контента
Организационные	– специализированные подразделения правоохранительных органов; – отделы модерации контента в IT-компаниях
Технические	– блокировка сайтов и аккаунтов; – удаление экстремистского контента; – системы автоматического обнаружения противоправных материалов
Информационно-просветительские	– кампании по повышению осведомленности об угрозах экстремизма в Интернете; – программы медиаграмотности и критического мышления

Несмотря на предпринимаемые усилия масштабы распространения экстремистского контента в Интернете остаются значительными. Согласно открытым данным количество удаленных материалов с разжиганием ненависти в Facebook по всему миру достигло пиковых значений в 2021 г., составив прак-

тически 98 млн единиц контента (рис. 3)⁵. Несмотря на то, что в последних двух кварталах 2024 г. объем удаленных материалов существенно снизился до 15 млн, проблема экстремизма в Интернете не теряет своей актуальности.

⁵ Actioned hate speech content items on Facebook worldwide from 4th quarter 2017 to 2nd quarter 2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/1013804/facebook-hate-speech-content-deletion-quarter/> (дата обращения: 10.10.2024).

Рис. 3. Количество удаленных материалов с разжиганием ненависти в Facebook по всему миру с второго квартала 2017 г. по четвертый квартал 2024 г.

Эти цифры свидетельствуют о том, что существующие меры противодействия не в полной мере справляются с растущей угрозой экстремизма в цифровом пространстве. Аналогичная ситуация наблюдается и в других интернет-платформах. Так, количество серверов Discord, удаленных с платформы в четвертом квартале 2023 г. за различные нарушения, составило бо-

лее 28 тыс. (табл. 3)⁶. При этом наиболее распространенными причинами удаления были угроза безопасности детей, регулируемая или незаконная деятельность, а также насильственный и графический контент, что указывает на высокую активность экстремистских и криминальных элементов на данной платформе.

⁶ Number of Discord servers removed from the platform in 4th quarter 2023, by violation. URL: <https://www.statista.com/statistics/1286867/discord-deleted-servers-by-violation/> (дата обращения: 10.10.2024)

Рис. 4. Количество серверов Discord, удаленных с платформы в четвертом квартале 2023 г., по нарушениям

Россия не является исключением в плане распространения экстремизма в Интернете. Если за 2017 г. Роскомнадзором было заблокировано 8 400 сайтов экстремистского содержания,

то за 2024 г. эта цифра возросла до 274 000 (рис. 5)⁷.

⁷ Статистика блокировок. URL: <https://rknweb.ru/statistics/> (дата обращения: 10.10.2024)

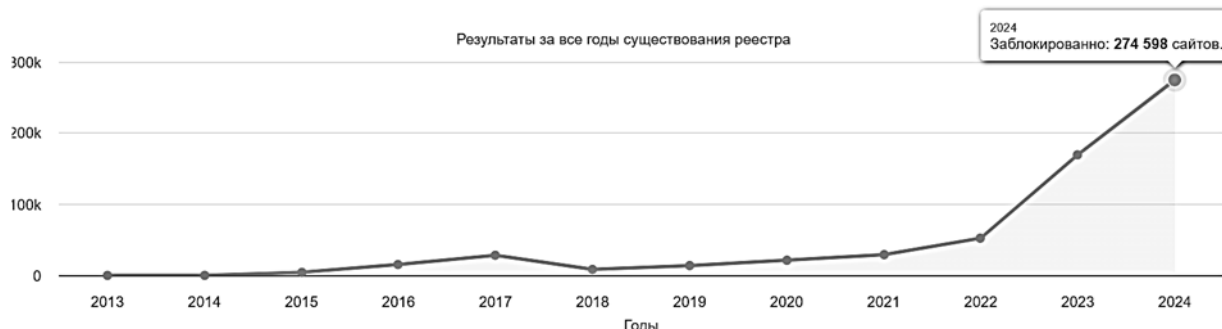

Рис. 5. Количество блокировок в Российской Федерации по годам [2]

На сегодняшний день в реестре запрещенных сайтов находится 615 тыс. доменов, связан-

ных с экстремистской деятельностью⁸. Эти данные красноречиво свидетельствуют о масшта-

⁸ Там же.

бах проблемы и необходимости поиска более эффективных методов противодействия.

Большинство случаев удаления экстремистского контента в настоящее время осуществляется с помощью ручной модерации, что требует значительных трудовых и временных затрат и не всегда позволяет оперативно реагировать на появление новых угроз. Кроме того, экстремистские группировки постоянно совершенствуют свои стратегии сетевой активности, используя шифрование, анонимайзеры и другие технологии для обхода систем контроля. Правовые механизмы противодействия экстремизму в Интернете зачастую отстают от темпов развития цифровых технологий и не учитывают трансграничный характер угроз. Все это указывает на необходимость поиска инновационных подходов к решению проблемы, одним из которых может стать использование ИИ.

При определении ключевых направлений и принципов внедрения ИИ-систем в практику противодействия экстремизму в Интернете следует исходить из того, что эти системы должны обеспечивать эффективное выявление и блокировку противоправного контента при одновременном уважении фундаментальных прав и свобод человека. Это предполагает поиск оптимального баланса между автоматизацией процессов модерации и сохранением роли человеческого фактора в принятии решений, затрагивающих свободу выражения мнений [5].

Архитектура ИИ-инструментов для идентификации экстремистских материалов строится на базе двух основных подходов: сопоставления (matching) и классификации (classification) [4]. Первый подход предполагает сравнение новых изображений или видео с существующей базой данных, содержащей контент, ранее идентифицированный как террористический. В его основе лежит техника хеширования (hashing), преобразующая элементы контента в уникальную строку данных. Наиболее защищенной формой хеширования является криптографическое хеширование, однако оно уязвимо к попыткам обхода систем модерации путем незначительных изменений контента. Поэтому технологические компании чаще используют перцептивное хеширование (perceptual hashing), фокусирующееся на шаблонах в значимых признаках контента и игнорирующее изменения, незаметные для человеческого глаза [6].

Второй подход, основанный на классификации, часто использует машинное обучение и такие формы ИИ, как обработ-

ка естественного языка (Natural Language Processing, NLP). Этот подход предполагает использование большого корпуса текстов, размеченных человеком-аннотатором, для обучения ИИ распознаванию признаков определенных категорий контента (например, террористического). Затем обученная система способна предсказывать принадлежность новых элементов контента к одной из этих категорий [4]. Примером может служить используемый Facebook инструмент машинного обучения, оценивающий посты на предмет поддержки ИГИЛ или Аль-Каиды и присваивающий им оценку вероятности нарушения антитеррористической политики платформы [1].

Однако применение подходов, основанных на классификации, сопряжено с рядом проблем. Во-первых, формирование обучающего набора данных осложняется трудностями сбора достаточно большой и репрезентативной выборки, а также ресурсоемкостью процесса очистки и разметки данных [3]. Кроме того, обучающие выборки часто содержат ложноположительные и ложноотрицательные примеры, что может исказить итоговые статистические оценки и отрицательно сказаться на точности работы алгоритмов. Во-вторых, алгоритмы машинного обучения имеют временные, контекстные и культурные ограничения. Обученные на данных конкретного периода они могут терять актуальность по мере эволюции экстремистского ландшафта и появления новых терминов, выражений и тактик [3]. Алгоритмы также испытывают трудности с пониманием контекста, включая иронию и сарказм [4], распознаванием намерений людей [8], а также культурных и языковых вариаций в использовании языка разными группами [2].

Указанные ограничения порождают риск ошибочного и непоследовательного применения политик модерации контента, что, безусловно, важно учитывать при использовании ИИ для выявления и предотвращения контента экстремистского содержания. Есть риск чрезмерного ограничения свободы выражения активистов, журналистов и гражданского общества [2], или, говоря языком западных исследователей, навязывания формы «цифрового колониализма» [9].

Специфика использования искусственного интеллекта для противодействия распространению экстремистских материалов в российском сегменте Интернета определяется особенностями правового регулирования и приоритетами государственной политики в данной сфере. Несмотря на то, что

в ключевых стратегических документах, касающихся борьбы с экстремизмом и терроризмом, ИИ не упоминается напрямую, ряд положений этих документов подразумевает необходимость его применения для эффективного решения поставленных задач. Так, Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы предусматривает реализацию мер по выявлению и ограничению доступа к террористическим материалам в сети Интернет, в том числе посредством «внедрения современных средств мониторинга и совершенствования форм и алгоритмов передачи уполномоченным органам сведений о страницах, содержащих противоправный контент»⁹ (п. 4.1.1). Ответственным за исполнение данного пункта назначен Роскомнадзор – федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, информационных технологий и связи. Аналогичным образом, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344, в числе основных направлений государственной политики в данной сфере называет «проведение мониторинга средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», в целях пресечения распространения экстремистской идеологии и выявления экстремистских материалов, в том числе содержащих призывы к подготовке и совершению террористических актов», а также «создание и эффективное использование специализированных информационных систем в целях осуществления правоприменительной практики в сфере противодействия экстремизму»¹⁰. Очевидно, что реализация указанных мер предполагает задействование передовых технологических решений, в том числе основанных на использовании ИИ.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на наличие данных установок в концептуальных документах, само развитие искусственного интеллекта в России, не говоря уже о его применении в сфере противодействия экстремизму, пока не получило должного законодательного регулирова-

ния и осуществляется не по всем потенциально значимым направлениям. Определенные шаги в этом направлении были сделаны с принятием Федерального закона Российской Федерации от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹¹ и Федерального закона Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 331-ФЗ¹², которыми был введен механизм экспериментальных правовых режимов (далее – ЭПР), призванный стимулировать развитие цифровых технологий, включая ИИ, в отдельных областях. Однако в перечне направлений, в рамках которых могут устанавливаться ЭПР (медицина, беспилотный транспорт, государственные услуги, финансовый рынок, промышленность и сельское хозяйство, строительство), область выявления и предотвращения распространения экстремистской и террористической пропаганды в Интернете пока отсутствует.

Тем не менее в 2020-х гг. Роскомнадзором были предприняты определенные практические шаги по внедрению ИИ-инструментов в деятельность по контролю интернет-пространства на предмет наличия противоправного контента. Речь идет о двух технологических решениях, работающих в связке (информационных системах «Окулус»¹³ и «Вебрь»¹⁴), разработка которых ведется подведомственным Роскомнадзору Главным радиочастотным центром (ГРЧЦ)¹⁵ (табл. 2).

¹¹ Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/74451176/> (дата обращения: 11.10.2024).

¹² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» : Федер. закон Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 331-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/74451176/> (дата обращения: 11.10.2024).

¹³ В России включили «Окулус»: что это за система, как работает и какой запрещенный контент ищет. URL: <https://vm.ru/technology/1031988-v-rossii-vklyuchili-okulus-chto-eto-za-sistema-kak-rabotaet-i-kakoj-zapreshennyj-kontent-ishet> (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁴ Роскомнадзор выпустит «Вебрь» уже в 2023 году. Что это за система и как она работает. Об этом сообщает «Рамблер». URL: https://news.rambler.ru/internet/50529230/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁵ Систему «Вебрь» для выявления угроз в Интернете запустят во второй половине 2023 года. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17091419> (дата обращения: 11.10.2024).

⁹ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408366785/#review> (дата обращения: 11.10.2024).

¹⁰ Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : Указ Президента Рос. Федерации от 29 мая 2020 г. № 344. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/> (дата обращения: 11.10.2024).

Таблица 2

Характеристики информационных систем «Вебрь» и «Окулус»

Параметр	«Вебрь»	«Окулус»
Назначение	Выявление потенциальных точек информационной напряженности в сети, способных перерасти в информационные угрозы, их анализ и прогнозирование распространения деструктивных материалов	Распознавание изображений и символов, заданных сцен и действий, анализ текста на фото и видео с целью обнаружения материалов экстремистской тематики, призывов к незаконным действиям, пронаркотического и ЛГБТ-контента
Тип анализируемого контента	Текст	Изображения, видео
Функциональные возможности	<ul style="list-style-type: none"> – выявление фактов распространения общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создающих угрозу причинения вреда жизни, здоровью, имуществу граждан, массового нарушения общественного порядка и безопасности; – прогнозирование рисков, связанных с распространением деструктивной информации; – идентификация авторов анонимных сообщений, нарушающих законодательств; – оценка тональности сообщений (позитивная, нейтральная, негативная) 	<ul style="list-style-type: none"> – автоматическое обнаружение материалов экстремистской тематики, призывов к незаконным действиям, пронаркотического и ЛГБТ-контента – распознавание ложной информации; – производительность – анализ более 200 тыс. изображений в сутки (около 3 сек на изображение)
Текущая стадия	Внутреннее тестирование первых модулей системы	Обучение системы (в 2022 г. – 106 изображений и 101 видео в день)
Объем финансирования	60 млн руб.	57 млн руб.

Несмотря на впечатляющую репрезентацию, тем не менее аналитико-статистические данные по использованию данных ИИ-систем в широком доступе отсутствуют, что затрудняет вопрос их качественной оценки и оценки эффективности данных технологий. Вместе с тем даже имеющаяся в открытых источниках информация об их функциональных возможностях и сферах применения позволяет сделать некоторые предварительные выводы. Так, судя по заявленным характеристикам, система «Вебрь» обладает достаточно широким спектром возможностей по выявлению потенциальных информационных угроз на основе анализа текстовых данных, включая идентификацию фактов распространения дезинформации, прогнозирование связанных с этим рисков, установление авторства анонимных деструктивных сообщений и оценку их тональности. Учитывая, что значительная часть экстремистской пропаганды в сети реализуется именно через текстовый контент (посты, комментарии, статьи и т. д.), наличие подобного функционала представляется весьма полезным в контексте решения задач противодействия. В свою очередь, комплекс «Окулус», используя технологии компьютерного зрения, ориентирован на обнаружение визуальных материалов деструктивного характера, в том числе экстремистской и террористической направленности, а также на выявление недостоверной графической информации. Принимая во внимание растущую роль визуального контента как инструмента пропаганды и манипуляции в современ-

ном информационном пространстве, проблема возможности автоматизированного детектирования подобных угроз также видится актуальной и востребованной. Конечно, для более точных и обоснованных оценок полезности этих инструментов в противодействии именно экстремизму требуется доступ к детализированной статистике и практическим кейсам их использования, однако общая функциональная направленность представляется релевантной рассматриваемой задаче.

В контексте российских правоохранительных органов следует отметить позицию МВД России в вопросах внедрения ИИ. Согласно утвержденному плану по внедрению технологий ИИ в деятельность органов внутренних дел на 2023–2025 годы, Министерство инициировало разработку двух специализированных систем – «Клон» и «Конъюнктура»¹⁶. Первая система предназначена для выявления поддельных видеоизображений, что особенно актуально в контексте противодействия экстремистской пропаганде, использующей технологии глубоких фейков. Вторая система ориентирована на прогнозирование негативных событий и чрезвычайных ситуаций с моделированием сценариев реагирования, что может существенно повысить эффективность превентивных мер в борьбе с экстремизмом. Для реализации

¹⁶ МВД решило применить нейросети для поиска фейков и прогнозирования ЧС. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/01/2024/659f82459a7947ef6a4f54e5> (дата обращения: 12.11.2024).

этих инициатив в структуре МВД создаются специальные подразделения на базе Главного информационно-аналитического центра и НПО «Специальная техника и связь МВД России», а также планируется открытие лаборатории анализа данных для моделирования и управления данными. Однако на данный момент эти системы существуют лишь в форме проектов, и их реальная эффективность еще не подтверждена практикой.

Говоря об альтернативных решениях в области автоматизированного анализа данных и идентификации экстремистского контента, нельзя не отметить разработки отечественной компании «Крибрум», которая предлагает целый ряд программных продуктов, применяющих ИИ и ориентированных на мониторинг и анализ социальных медиа и открытых источников информации (табл. 3).

Таблица 3

Основные продукты АО «Крибрум» для анализа данных и идентификации экстремистского контента

Продукт	Назначение и функции	Применение для выявления и предотвращения экстремистской пропаганды
Крибрум.ПРО	<ul style="list-style-type: none"> – комплексный мониторинг и анализ информационного поля, включая СМИ, социальные сети и мессенджеры; – семантическая кластеризация и категоризация публикаций, выявление тематических трендов и инфоповодов; – определение тональности сообщений, выявление потенциальных информационных угроз и рисков; – интерактивная визуализация аналитических срезов 	<ul style="list-style-type: none"> – выявление публикаций, содержащих признаки экстремистской и террористической пропаганды, на основе заданных категорий и ключевых слов; – оценка уровня эмоциональной напряженности и конфликтности дискуссий вокруг тематик экстремистского толка; – определение основных каналов и географии распространения деструктивного контента; – формирование доказательной базы для принятия решений о блокировке контента и аккаунтов
Крибрум Зеркало	<ul style="list-style-type: none"> – построение цифрового следа и профиля аккаунта на основе анализа его активности, связей и интересов; – выявление скрытых связей и закономерностей в поведении пользователей, построение социального графа; – идентификация лидеров мнений, активных комментаторов и распространителей информации; – проверка аккаунтов на предмет наличия признаков риска и отклоняющегося поведения 	<ul style="list-style-type: none"> – идентификация аккаунтов и сообществ, вовлеченных в распространение экстремистской идеологии и координацию противоправных действий; – выявление ключевых узлов и каналов распространения экстремистского контента, анализ инфраструктуры пропагандистских сетей; – оценка уровня влияния и охвата аудитории потенциально опасных аккаунтов и групп; – обнаружение признаков вербовочной и подстрекательской активности, направленной на вовлечение пользователей в экстремистскую деятельность
Крибрум.Поиск	<ul style="list-style-type: none"> – поиск и извлечение целевой информации по заданным параметрам из неструктурированных данных социальных медиа и веб-ресурсов; – интеллектуальная фильтрация и дедупликация результатов поиска; – идентификация первоисточников информации и ключевых участников дискуссии; – сохранение истории поисковых запросов и результатов для дальнейшего анализа 	<ul style="list-style-type: none"> – оперативный поиск публикаций, содержащих экстремистские лозунги, символику и призывы к насилию; – обнаружение фото- и видеоматериалов, пропагандирующих деятельность террористических и экстремистских организаций; – установление авторства и цепочек распространения деструктивного контента; – ретроспективный анализ активности субъектов пропаганды на основе сохраненных данных
Крибрум. Пушкин М	<ul style="list-style-type: none"> – обеспечение комплексной информационной и психологической безопасности; – выявление и оценка информационных рисков и угроз общественной стабильности; – мониторинг и анализ информационных кампаний и акций влияния в социальных медиа; – построение прогнозных сценариев развития информационной обстановки 	<ul style="list-style-type: none"> – выявление информационных вбросов и кампаний дезинформации, направленных на разжигание социальной розни и дестабилизацию обстановки; – идентификация источников и каналов распространения контента, пропагандирующего экстремистскую и террористическую идеологию; – анализ динамики общественных настроений и реакции на значимые инфоповоды в контексте угроз экстремизма; – прогнозирование протестной активности и потенциальных очагов социальной напряженности на почве экстремистских проявлений

Представленные в таблице продукты АО «Крибрум» образуют экосистему инструментов для автоматизированного сбора, обработки и анализа неструктурированной информации из открытых источников. Функциональные возможности этих систем в части семантического анализа контента, выявления неявных связей и закономерностей, построения поведенческих

профилей и прогнозных моделей открывают широкие перспективы для их применения в целях противодействия распространению идеологии экстремизма и терроризма в цифровом пространстве. При этом если эффективность государственных разработок «Вебрь» и «Окулус» оценить затруднительно в силу полного отсутствия данных, то в случае с продуктами «Криб-

рум» определенные косвенные индикаторы все же имеются.

Так, в рамках подготовленного специалистами «Крибрум» аналитического отчета «Политическая ситуация в стране в преддверии выборов», охватывающего период с середины 2020 г., зафиксировано участие более 400 тыс. человек в уличных акциях в поддержку различных политических сил, при этом, по данным опросов, протестные настроения разделяли от 59 % до 73 % населения¹⁷. Столь масштабная протестная активность, особенно в условиях предвыборного периода, несет в себе значительные риски эскалации напряженности и перерастания мирных акций в насильственные действия и массовые беспорядки. Выявленные с помощью инструментария «Крибрум», основанного на применении ИИ, основные проблемы в интернет-пространстве (национализм, экстремизм и терроризм и др.) особенности политического дискурса, социально-демографические характеристики сторонников различных сил, задействованные ими лозунги и хэштеги позволяют точно отслеживать индикаторы эскалации противостояния и вовремя принять превентивные меры.

Еще более тревожные тенденции выявлены в ходе масштабного исследования «Фальсификации истории 2023: Войны памяти: битва за прошлое», где с помощью разработанных на основе ИИ «Крибрум» лингвистических моделей проанализировано распространение в социальных медиа четырех деструктивных смысловых конструктов: «Россия – агрессор», «Россия – геноцид», искажение истории Великой Отечественной войны, «Россия – оккупант». Всего за период с января 2021 г. по сентябрь 2023 г. выявлено свыше 730 тыс. сообщений с признаками фальсификации истории, которые набрали более 1 млрд просмотров. Например, по конструкту «Россия – агрессор» зафиксировано более 85 тыс. публикаций, в которых действия СССР и России в различных исторических эпизодах представляются как «захватнические войны», причем чаще всего такие обвинения продвигались авторами с Украины (59 % сообщений). Схожая тенденция отмечена и по конструкту «Россия – оккупант» (250 тыс. сообщений), где также активно эксплуатируется тема «советской оккупации», которая в 2022 г. стала проецироваться на текущие события на Украине. Принципиально важно, что подобные исторические фальсификации и мифы не только искажают правду о прошлом, но и служат идеологическим фундаментом для

эскалации русофобии и конфронтации в настоящем. Используемый компанией инструментарий позволяет с высокой точностью идентифицировать деструктивные смысловые конструкции, оценивать динамику и масштабы их распространения [7].

Важно отметить, что внедрение таких систем как, Окулус и Вепрь, так и Крибрум, сопряжено с определенными трудностями и ограничениями. Помимо необходимости формирования обширной и репрезентативной обучающей выборки возникают вопросы, связанные с точностью и контекстной адекватностью принимаемых решений, обеспечением прозрачности и подотчетности, соблюдением прав человека. Отсутствие четкой правовой базы, регламентирующей использование ИИ в данной сфере, создает дополнительные риски избыточного или непропорционального ограничения свободы выражения мнений. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей использование ИИ в контексте обеспечения национальной безопасности и борьбы с противоправным контентом в сети, а также принятия дополнительных мер по обеспечению прозрачности, подотчетности и этичности соответствующих практик.

Проведенный анализ современного состояния проблемы экстремизма в интернет-пространстве и оценка эффективности существующих мер противодействия позволяют сформулировать ряд рекомендаций, направленных на оптимизацию использования систем ИИ в борьбе с распространением деструктивной идеологии и противоправного контента в сети.

Прежде всего представляется целесообразным дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы, регламентирующей применение ИИ-инструментов в контексте обеспечения информационной безопасности и противодействия экстремизму. Необходимо четкое законодательное определение принципов, условий и пределов использования систем ИИ в данной сфере, а также закрепление механизмов обеспечения прозрачности, подотчетности и соблюдения прав человека. В частности, следует предусмотреть обязательное документирование и раскрытие информации о назначении, архитектуре, функциональных возможностях и ограничениях ИИ-систем, используемых для модерации контента. Должны быть установлены четкие критерии отнесения материалов к категории экстремистских, основанные на положениях действующего законодательства и учитывающие необходимость защиты свободы выражения мнений. Решения об удалении или блокировке контента, принятые на основании алгоритмического анализа, должны под-

¹⁷ Анализ социальных медиа и интернет-изданий. Политическая ситуация в стране в преддверии выборов. URL: <https://www.kribrum.ru/upload/politics.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

лежать обязательному последующему рассмотрению человеком-модератором, обладающим необходимой квалификацией и компетенциями. Пользователи должны иметь возможность оспорить принятое решение в рамках предусмотренной законом процедуры, обеспечивающей соблюдение принципов естественной справедливости.

Другим важным направлением совершенствования работы в рассматриваемой области является повышение качества и репрезентативности данных, используемых для обучения ИИ-моделей. Как показывает проведенный анализ, формирование обучающих выборок на сегодняшний день сопряжено с рядом трудностей методологического и ресурсного характера, что негативно сказывается на результативности применения соответствующих инструментов. В этой связи представляется необходимым налаживание более тесного взаимодействия между разработчиками ИИ-систем, научным сообществом, правоохранительными органами, гражданским обществом и интернет-платформами в целях интеграции экспертных знаний и передового опыта, аккумулирования и разметки качественных массивов данных, разработки единых подходов и стандартов.

Отдельного внимания заслуживает проблема обеспечения кросс-платформенного и трансграничного характера принимаемых мер. Учитывая глобальный охват и взаимосвязанность современных коммуникационных сетей, противодействие экстремизму в Интернете не может ограничиваться рамками отдельных ресурсов или юрисдикций и требует тесной международной кооперации. Представляется целесообразным создание единой защищенной инфраструктуры для кросс-платформенного обмена хешами противоправного контента, отслеживания цепочек его распространения, идентификации повторяющихся паттернов и скоординированных кампаний. Это позволит своевременно пресекать межплатформенную миграцию экстремистских материалов и более эффективно бороться с организованными сетями их распространителей. Одновременно следует развивать региональное (национальное) сотрудничество компетентных органов и организаций, учитывающее локальную специфику проявления угроз и социокультурные особенности соответствующих сегментов интернет-аудитории.

Наконец, особое значение имеет обеспечение должного уровня квалификации и компетентности специалистов, вовлеченных в разработку, обучение и применение ИИ-инструментов в сфере противодействия экстремизму. Как отмечалось выше, недостаточная экспертиза и контекстная чувствительность в данном вопросе чреваты принятием ошибоч-

ных и непропорциональных решений, необоснованно ограничивающих права и свободы пользователей. Решение этой проблемы предполагает целенаправленную подготовку кадров, обладающих одновременно глубокими познаниями в области компьютерных наук и машинного обучения, пониманием природы и специфики экстремизма, знанием нормативно-правовых основ и приверженностью ценностям прав человека.

Что касается непосредственно контекста Российской Федерации, то здесь могут быть даны следующие рекомендации компетентным органам власти и организациям:

1. Реализовать принятие специального законодательства, регулирующего разработку и использование технологий ИИ, с учетом особенностей их применения в сфере обеспечения национальной безопасности и противодействия экстремизму. Закрепить в нем базовые принципы и требования к прозрачности, подотчетности, этичности и соблюдению прав человека в соответствующей области, а также установить четкие критерии оценки рисков и механизмы внешнего аудита. Для этого целесообразно сформировать межведомственную рабочую группу с участием представителей профильных министерств и ведомств (Минцифры, МВД, ФСБ, Роскомнадзора и др.), ведущих научно-исследовательских и образовательных организаций, компаний-разработчиков ИИ-решений, а также экспертного сообщества. В рамках этой группы необходимо определить центральные принципы и требования к разработке и применению ИИ в данной сфере, включая обеспечение прозрачности используемых алгоритмов и наборов данных, ответственности за результаты автоматизированного принятия решений, соблюдения прав человека и недискриминации, защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни, подотчетности и подконтрольности систем ИИ. Эти принципы и требования должны быть закреплены на уровне федерального закона с указанием конкретных механизмов их реализации. Среди таких механизмов – обязательная оценка алгоритмических рисков перед внедрением ИИ-систем, регулярный аудит используемых моделей на предмет соответствия заявленным характеристикам и отсутствия негативных социальных эффектов, создание специальной структуры по надзору в сфере ИИ с выездными проверками, введение административной и уголовной ответственности за нарушение установленных норм.

2. Включение сферы противодействия распространения экстремистской и террористической пропаганды в Интернет в перечень направлений, где возможно установление ЭПР

в области цифровых инноваций. Однако прежде чем вносить изменения в соответствующее постановление Правительства Российской Федерации, необходимо четко определить потенциальные риски и ограничения, связанные с экспериментальным применением ИИ в данной сфере. Речь идет о рисках нарушения фундаментальных прав граждан вследствие ошибок или предвзятости алгоритмов, утечки конфиденциальных данных, использования ИИ-инструментов не по назначению и т. д. Для управления этими рисками требуется разработать специальные условия и требования к ЭПР в данном направлении, которые бы предусматривали повышенные меры безопасности, строгие этические и правовые рамки экспериментов, постоянный мониторинг и оценку результатов.

3. Инициировать создание на базе Национального центра когнитивных разработок специального подразделения, занимающегося прикладными исследованиями и разработками в области применения ИИ для решения задач информационной безопасности и противодействия деструктивным информационным воздействиям. На первом этапе необходимо провести анализ существующего опыта и лучших практик применения ИИ в задачах информационной безопасности как в России, так и за рубежом, определить направления исследований и разработок на ближайшую и среднесрочную перспективу. Затем с учетом этих направлений сформировать структуру подразделения, включающую отделы фундаментальных исследований, прикладных разработок, тестирования и валидации, анализа данных и прогнозирования угроз. Подбор кадров должен осуществляться на конкурсной основе с обязательным требованием наличия профильного образования и опыта работы по специальности. Параллельно с формированием подразделения наладить каналы его постоянного взаимодействия с ФСБ, МВД, Роскомнадзором (передача оперативных данных об угрозах, техническое задание на разработки, внедрение и апробация решений), научным и образовательным сообществом (совместные НИОКР, подготовка кадров, конференции и семинары), индустрией (технологическое партнерство с разработчиками ИИ).

4. Предусмотреть возможности для более широкого вовлечения экспертного сообщества и представителей гражданского общества в процесс выработки политики и мониторинга практики использования ИИ в контексте борьбы с экстремизмом онлайн, в том числе путем создания соответствующих консультативных и наблюдательных советов, экспертных панелей, рабочих групп на площадке Общественной палаты, Совета при Президенте по разви-

тию гражданского общества и правам человека и т. д.

5. Инициировать федеральную целевую программу подготовки кадров в сфере разработки и применения ИИ-решений для обеспечения информационной безопасности и противодействия деструктивным информационным воздействиям. Прежде всего необходимо в партнерстве с ведущими техническими вузами и индустриальными лидерами (Сколтех, ИТМО, МФТИ, МГУ, Иннополис, Яндекс, Mail.ru Group и др.) разработать профессиональные и образовательные стандарты в данной области, сформировав четкие требования к компетенциям, навыкам и умениям выпускников. На основе этих стандартов спроектировать модульные магистерские программы и программы повышения квалификации, сочетающие базовую подготовку в области компьютерных наук и ИИ с углубленным изучением вопросов кибербезопасности, анализа данных, юридических и этических аспектов. Важно предусмотреть механизмы постоянной актуализации таких программ в соответствии с развитием технологий и эволюцией угроз. Для практико-ориентированного обучения необходимо создать сеть специализированных научно-образовательных центров и лабораторий на базе вузов-участников с современной исследовательской и вычислительной инфраструктурой. Запустить систему конкурсного отбора студентов и слушателей с предоставлением грантов и стипендий, в том числе целевого характера. Обеспечить регулярные стажировки в ведущих исследовательских центрах и компаниях как России, так и стран-партнеров, поддержать программы академической мобильности. Ввести систему распределения выпускников в государственные структуры и организации оборонно-промышленного комплекса, связав ее с льготами по образовательным кредитам.

6. Дополнительно проработать вопрос о целесообразности введения обязательной сертификации и/или государственной аккредитации ИИ-систем, используемых для модерации контента и выявления экстремистских материалов на территории Российской Федерации. С одной стороны, введение подобных требований позволило бы обеспечить соответствие разрабатываемых решений неким базовым стандартам качества, безопасности и надежности. С другой стороны, избыточно жесткое и непрозрачное регулирование может затормозить развитие инноваций, создать дополнительные барьеры для выхода решений на рынок. Видится, что оптимальным было бы введение добровольной сертификации на основе национальных и межгосударственных стандартов (по аналогии с существующими ГОСТами в сфере ИБ). Причем

разрабатывать эти стандарты необходимо при активном участии как регуляторов и потребителей ИИ-решений (госорганы), так и их производителей (бизнес, разработчики), чтобы учесть интересы и опасения всех сторон. В стандартах должны быть зафиксированы базовые функциональные и эксплуатационные требования к системам (быстродействие, отказоустойчивость, удобство использования и т. д.), единые метрики оценки их эффективности (точность, полнота, релевантность выдачи и т. д.), а также обязательные процедуры проверки и подтверждения соответствия заявленным характеристикам. Прохождение сертификации должно давать разработчику определенные преимущества и послабления, например в виде ускоренного внедрения в госсекторе, налоговых льгот, субсидий и т. д.

7. Обеспечить активное участие и представленность России на площадках профильных международных организаций и форумов (ОБСЕ, ООН, в особенности евразийского направления – ШОС, ОДКБ и др.), занимающихся выработкой универсальных стандартов и принципов надлежащей модерации контента, в том числе с использованием ИИ.

Заключение

Проведенное исследование показало, что проблема распространения экстремистской и террористической пропаганды в Интернете приобретает все более угрожающие масштабы, адаптируясь к новым технологическим возможностям цифровой эпохи. Анализ существующих мер противодействия свидетельствует о том, что традиционные подходы, основанные на ручной модерации контента и точечных законодательных и организационных мерах, не в полной

мере справляются с растущим объемом и изощренностью экстремистских материалов в сети. В этих условиях использование технологий ИИ открывает новые перспективы для автоматизации процессов выявления и блокировки противоправного контента. Вместе с тем их внедрение сопряжено с рядом технических, правовых и этических вызовов, требующих тщательной проработки в целях обеспечения эффективности, прозрачности и подотчетности соответствующих систем.

В этой связи крайне важно обеспечить ответственное и контролируемое использование потенциала ИИ в борьбе с экстремизмом онлайн, основанное на четких правовых и этических принципах, широком общественном участии, непрерывном мониторинге возникающих рисков и своевременной адаптации к новым вызовам. Цена бездействия или неверных шагов в этом направлении может быть слишком высока. Учитывая динамичный и адаптивный характер современных экстремистских и террористических группировок, нельзя исключать, что в обозримом будущем именно они могут попытаться обратить возможности ИИ против общества, создавая новые угрозы в виде кибертерроризма и автоматизированных кампаний по дезинформации и радикализации. Чтобы избежать подобных сценариев и обеспечить безопасность граждан в цифровом пространстве, государство, индустрия, научное сообщество и гражданское общество уже сегодня должны объединить усилия для создания надежной и этичной экосистемы использования ИИ в противодействии экстремизму – экосистемы, ставящей во главу угла защиту прав человека и демократических ценностей.

Список литературы:

1. *Bickert M., Fishman B.* Hard Questions: What Are We Doing to Stay Ahead of Terrorists? // Meta Newsroom. 2018. 8 November.
2. *Duarte N., Llanso E., Loup A.* Mixed Messages? The Limits of Automated Social Media Content Analysis // Centre for Democracy & Technology, 2017.
3. *Fernandez M., Alani H.* Artificial Intelligence and Online Extremism: Challenges and Opportunities. Predictive Policing and Artificial Intelligence. Poutledge, 2021.
4. *Gorwa R., Binns R., Katzenbach C.* Algorithmic content moderation: Technical and political challenges in the automation of platform governance. URL: <https://doi.org/10.1177/2053951719897945> (дата обращения: 20.11.2024).
5. *Macdonald S., Correia S. G., Watkin A. L.* Regulating terrorist content on social media: automa-

References:

1. *Bickert M., Fishman B.* Hard Questions: What Are We Doing to Stay Ahead of Terrorists? // Meta Newsroom. 2018. 8 November.
2. *Duarte N., Llanso E., Loup A.* Mixed Messages? The Limits of Automated Social Media Content Analysis // Centre for Democracy & Technology, 2017.
3. *Fernandez M., Alani H.* Artificial Intelligence and Online Extremism: Challenges and Opportunities. Predictive Policing and Artificial Intelligence. Poutledge, 2021.
4. *Gorwa R., Binns R., Katzenbach C.* Algorithmic content moderation: Technical and political challenges in the automation of platform governance. URL: <https://doi.org/10.1177/2053951719897945> (data obrashcheniya: 20.11.2024).
5. *Macdonald S., Correia S. G., Watkin A. L.* Regulating terrorist content on social media: automa-

- tion and the rule of law // International Journal of Law in Context. 2020. № 15. P. 183–197.
6. *Macdonald Stuart & Mattheis, Ashley & Wells, David*. Using Artificial Intelligence and Machine Learning to Identify Terrorist Content Online. 2024.
 7. *Shahid F., Vashistha A.* Decolonizing Content Moderation: Does Uniform Global Community Standard Resemble Utopian Equality or Western Power Hegemony? URL: <https://doi.org/10.1145/3544548.3581538> (дата обращения: 20.11.2024).
 8. *Van der Vegt I., Gill P., Macdonald S., Kleinberg B.* Shedding Light on Terrorist and Extremist Content Removal. URL: https://rusi.org/sites/default/files/20190703_grntt_paper_3.pdf (дата обращения: 20.11.2024).
 9. *Шарифов М. Д.* Кибертерроризм и его негативные последствия // Актуальные проблемы политических процессов Таджикистана: сб. научно-исследовательских статей. Душанбе, 2021. Т. 9. С. 194–201.
6. *Macdonald Stuart & Mattheis, Ashley & Wells, David*. Using Artificial Intelligence and Machine Learning to Identify Terrorist Content Online. 2024.
 7. *Shahid F., Vashistha A.* Decolonizing Content Moderation: Does Uniform Global Community Standard Resemble Utopian Equality or Western Power Hegemony? URL: <https://doi.org/10.1145/3544548.3581538> (data obrashcheniya: 20.11.2024).
 8. *Van der Vegt I., Gill P., Macdonald S., Kleinberg B.* Shedding Light on Terrorist and Extremist Content Removal. URL: https://rusi.org/sites/default/files/20190703_grntt_paper_3.pdf (data obrashcheniya: 20.11.2024).
 9. *SHarifov M. D.* Kiberterrorizm i ego negativnye posledstviya // Aktual'nye problemy politicheskikh processov Tadjhikistana: sb. nauchno-issledovatel'skih statej. Dushanbe, 2021. T. 9. S. 194–201.

Для цитирования:

Баранов Владимир Владимирович. Использование искусственного интеллекта для выявления и предотвращения распространения экстремистской и террористической пропаганды в Интернете // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 113–128.

For citation:

Baranov Vladimir Vladimirovich. The Use of Artificial Intelligence to Identify and Prevent the Spread of Extremist and Terrorist Propaganda on the Internet // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 113–128.

Жандров Владимир Юрьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности и специальной техники,
Московский университет МВД России
имени В. Я. Кикотя,

Российская Федерация, 117997, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12
E-mail: vaisvladimir74@gmail.com

Научная специальность:
5.1.4 Уголовно-правовые науки

УДК 343.1

DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-129-138

Дата поступления статьи: 24 февраля 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 12 декабря 2024 г.

Проверочная закупка наркотиков в сети Интернет: формирование новой модели оперативно- розыскного мероприятия

Verification Purchase of Drugs on the Internet: the Formation of a New Model of Operational Investigative Measures

Аннотация

Актуальность темы исследования определяется снижением эффективности наработанных методик оперативно-розыскной деятельности в условиях развития информационно-коммуникационных технологий, повлекшего появление новых способов сбыта наркотиков с использованием технологических инструментов сети Интернет, и возникшей в связи с этим необходимостью модернизации оперативно-розыскных мероприятий, в числе которых приоритетным по критерию результативности документирования продолжает оставаться проверочная закупка.

Постановка проблемы: применение для решения задач оперативно-розыскной деятельности по выявлению и документированию преступного сбыта наркотиков в Интернете нового инструмента в виде цифрового профиля личности производится в отсутствие прямого нормативного регулирования и единой методики использования, что повышает риски признания полученных в ходе проверочной закупки доказательств недопустимыми.

Vladimir Yu'evich Zhandrov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Operational
Investigative Activities and Special Equipment,
Moscow University of the Ministry of Internal
Affairs of Russia named after V. Ya . Kikot
Russian Federation, 117997, Moscow,
Akademika Volgina St., 12
E-mail: vaisvladimir74@gmail.com

Scientific Specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

Annotation

The relevance of the research topic is determined by the decrease in the effectiveness of established methods of operational investigative activities in the context of the development of information and communication technologies, which led to the emergence of new ways of selling drugs using technological tools of the Internet, and the need to modernize operational investigative measures, among which verification procurement continues to be a priority according to the criterion of effectiveness of documentation.

Problem statement: the use of a new tool in the form of a digital personality profile to solve the tasks of operational investigative activities to identify and document the criminal sale of drugs on the Internet is carried out in the absence of direct regulatory regulation and a unified methodology of use, which increases the risks of recognizing evidence obtained during the verification purchase as unacceptable.

The purpose of the study: is to generalize the experience of using verification procurement in the context of contactless drug sales and to de-

Цель исследования: заключается в обобщении опыта применения проверочной закупки в условиях бесконтактного сбыта наркотиков и выработке на его основе требований к действиям сотрудников оперативных подразделений, позволяющих оставаться им в рамках законности при сохранении принципа наступательности в борьбе с преступностью.

Методы исследования: при выделении этапов проведения проверочной закупки наркотиков в Интернете и комплексности предпринимаемых мер на каждом из них применялся системный подход; для разграничения способов использования контролируемого цифрового профиля применялся метод классификации; при формулировании требований соблюдения законности – методы анализа и синтеза; в основу оценки эффективности и пределов допустимости применения проверочной закупки наркотиков в Интернете положено обобщение результатов анкетирования 189 сотрудников территориальных оперативных подразделений ГУНК МВД России.

Результаты и ключевые выводы: повышения эффективности проверочной закупки наркотиков в сети Интернет возможно достичь путем использования контролируемого цифрового профиля личности на этапах внедрения в наркоориентированные онлайн-сообщества, а также непосредственного осуществления сделки при условиях соблюдения правил оборота персональных данных конфиденнта, надлежащего приобщения используемых цифровых профилей к делу оперативного учета и преодоления повышенных рисков провокации при интернет-коммуникации.

Ключевые слова: проверочная закупка; незаконный оборот наркотиков; бесконтактный сбыт; цифровой профиль; персональные данные.

velop on its basis requirements for the actions of employees of operational units, allowing them to remain within the framework of legality while maintaining the principle of offensiveness in the fight against crime.

Research methods: when identifying the stages of conducting verification drug purchases on the Internet and the complexity of the measures taken, a systematic approach was used for each of them; a classification method was used to distinguish the ways of using a controlled digital profile; when formulating requirements for compliance with legality, methods of analysis and synthesis; the basis for evaluating the effectiveness and limits of the use of verification drug purchases on the Internet is summarizing the results of a survey of 189 employees of the territorial operational units of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Results and key conclusions: it is possible to increase the effectiveness of drug verification purchases on the Internet by using a controlled digital personality profile at the stages of introduction into drug-oriented online communities, as well as direct transaction implementation under conditions of compliance with the rules of turnover of personal data of the confidant, proper involvement of the digital profiles used in the case of operational accounting and overcoming increased risks of provocation on the Internet-communications.

Keywords: verification purchase; illegal drug trafficking; contactless sales; digital profile; personal data.

Противодействие незаконному обороту наркотиков (далее – НОН) продолжает оставаться задачей уровня обеспечения национальной безопасности страны. Это прямо следует из пп. 11 п. 47 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹, положение которого поставило в один ряд задачи организации противодействия незаконному распространению наркотиков, использованию в противоправных целях цифровых валют и предупреждения преступлений, совершаемых

с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ).

Так сложилось, что цифровизация трансформировала модель преступного сбыта контролируемых веществ, показала дезадаптивность наработанных оперативно-розыскных методик противодействия НОН. Тем не менее даже в условиях новых криминальных реалий потенциал одного из самых востребованных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), с помощью которых производится документирование преступного сбыта наркотиков в Интернете, продолжает сохраняться именно за проверочной закупкой. Правомочие органам, проводящим оперативно-розыскную де-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 10.03.2024).

тельность (далее – ОРД), на осуществление проверочной закупки содержится в ст. 49 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее – Федеральный закон «О наркотических средствах»), и согласно ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Федеральный закон «Об ОРД») проверочная закупка входит в установленный перечень ОРМ.

К сожалению, в последние годы практика использования проверочной закупки выявила значительный перечень проблем, решение которых позволит значительно повысить результативность противодействия НОН, осуществляемому бесконтактным способом, и тем самым лишить злоумышленников возникшего преимущества в виде повышенного уровня безопасности наркосбытчиков [4, с. 26.]. Полагаем, что задача повышения результативности проверочной закупки наркотиков в Интернете должна решаться на системной основе, предполагающей комплексность предпринимаемых действий [11, с. 177] на всех этапах ее осуществления – 1) подготовительном, 2) основном и 3) завершающем – с последующим использованием в доказывании полученных результатов.

Содержание подготовительного этапа проверочной закупки образует система взаимосвязанных мер, имеющих целью создать условия для заключения контролируемой сделки, выявить и в дальнейшем идентифицировать лицо, готовящееся к сбыту наркотиков бесконтактным способом.

Опираясь на сложившуюся в правоприменительной практике модель использования материалов ОРД в доказывании по уголовным делам в сфере НОН, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее – постановление Пленума ВС РФ № 14) в п. 14 обобщило требования к признанию законности проведенных ОРМ. В числе таковых определены: осуществление их для обеспечения решения задач ОРД; направленность на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступления и установление лица, его подготавливающего или совершившего.

Основания для проведения проверочной закупки были определены в результате обобщения работы российских судов еще в 2012 г. В качестве таковых Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) расценил как возможное использовать в качестве доказательства данные, свидетельствующие о незаконной дея-

тельности лица, в отношении которого планируется проверочная закупка². Указанные требования дополняют основания, закрепленные п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об ОРД», в соответствии с которыми для реализации ОРМ следует располагать информацией о признаках поведения, выраженного в подготовке или совершении преступного деяния, а равно о допустивших данное поведение лицах, при условии, что достаточные данные для решения вопроса о возбуждении уголовного дела отсутствуют. Иными словами, проверочная закупка может проводиться только в случае, когда у правоохранительных органов будет иметься подтвержденная информация о причастности лица к НОН.

Задача оперативных сотрудников заключается в получении конкретной информации, в том числе с использованием имеющихся возможностей специальных технических средств. Получение оперативно значимых сведений и данных надлежит осуществлять в соответствии с установленными ведомственными нормативными актами процедурами, включая подтверждение первичных сведений о фактах сбыта наркотиков из нескольких независимых источников и полной идентификации причастных к данной преступной деятельности лиц.

Новым решением по созданию необходимых условий для проверочной закупки наркотиков в Интернете может служить использование цифровых профилей в качестве инструмента сначала для выстраивания коммуникации в наркоориентированных онлайн-сообществах, сбора информации, ее анализа, поиска интернет-площадок сбыта наркотиков, а затем в процессе непосредственного осуществления закупки запрещенного к обороту вещества. Опрос экспертов показал, что с новой практикой знакомы 36,5 % респондентов, остальные продолжают опираться на традиционные решения. Обобщение способов использования цифровых профилей для решения задач выявления и документирования сбыта наркотиков в Интернете позволило выделить пути решения возникающих проблем, допустимые с позиций действующего законодательства, каждый со своими преимуществами и недостатками.

Первый способ заключается в создании аккаунта (учетной записи), на базе которого формируется цифровой профиль вымышленной личности. Необходимо отметить, что осуществление ОРМ в электронном пространстве сети Интернет с целью противодействия преступле-

² См. п. 7.1 Обзора судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ : утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 27 июня 2012 г. // Верховный Суд Рос. Федерации : офиц. сайт. – URL: <https://vsrf.ru/files/14055/> (дата обращения: 10.02.2024).

ниям в сфере НОН – достаточно новое явление в сфере правоохраны, поэтому достижение баланса между сбором оперативно значимой информации и защитой прав личности является сложной задачей, требующей тщательного контроля со стороны государства. Также современное российское правовое поле предусматривает открытое окно возможностей для создания фейковых профилей, имитирующих не существующую в реальной действительности личность, что активно применяется пользовательской аудиторией сети Интернет, например в развлекательных целях или правомерно удовлетворения законного интереса защиты своих персональных данных и сохранения анонимности в сети. Спрос на законное сохранение анонимности даже породил конкурентное предложение услуг от сервисов, способных генерировать виртуальную личность: Randus, Fakepersongenerator, Fakexy, Coolgenerator, Randomus и др., которые не относятся к типу вредоносных компьютерных программ в контексте ст. 273 УК РФ. Создание цифрового профиля, имитирующего реальную личность, для решения задач ОРД не входит в конфликт с гарантиями прав и законных интересов пользователей наркоориентированных онлайн-сообществ и не требует специального судебного санкционирования, поскольку переписка в таких сообществах осуществляется на основе анонимности его участников. В литературе вопрос о фейковых аккаунтах хотя и рассматривается в контексте возможных угроз, однако остается в рамках дискуссии о способах их выявления и последующем управлении конкретными социальными сетями [6, с. 98].

Использование цифрового профиля вымышленной личности требует тщательной проработки и предполагает выстраивание легенды со многими деталями, повышающими его восприятие и оценку как подлинного. Имитация реальной личности может включать моделирование биографии, связей, интересов, которые соответствуют потенциальным задачам присоединения к целевому сообществу или группе. Проработанная легенда усложняет задачу распознавания профиля как фейкового, для чего также разработаны различные подходы, в числе которых наиболее часто используются поведенческий анализ, теория графов и машинное обучение [4, с. 227].

Второй способ состоит в создании профиля-дубликата, использующего персональные данные реальной личности. Создание дубликата цифрового профиля с использованием персональных данных реального лица для выполнения оперативно-розыскных задач требует соблюдения как правовых, так и этических норм.

Во многих юрисдикциях, включая и российскую, использование персональных данных строго регламентируется законом, защищающим право на частную жизнь, личную тайну, а конфиденциальность прочно заняла место в числе гарантируемых государством фундаментальных прав. Использование персонифицированной информации оперативными подразделениями ОВД также не может осуществляться без контроля со стороны государства, а оперирование ими для решения задач ОРД допускается как вынужденная мера [8, с. 58].

Правовую основу для использования персональных данных для решения задач ОРД создают положения ст. 5, 8, 20 и 21 Федерального закона «Об ОРД», на основании которых можно сделать вывод о невозможности их оборота без получения согласия владельца данных. Кроме того, незаконные сбор, обработка и использование личной информации могут повлечь для оператора персональных данных нежелательные последствия юридического характера. Это следует учитывать, поскольку Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» требует наличия законных оснований для обработки и использования такого рода информации. Несанкционированный доступ или использование личной информации может привести к признанию проведенных мероприятий незаконными и, как следствие, исключению доказательств в суде, поэтому создание дубликата профиля без получения согласия субъекта персональных данных является нарушением законности и не может быть использовано в рамках проведения ОРМ.

Наиболее отработанным в практике оперативно-розыскных подразделений является третий способ – использование реального профиля участника онлайн-сообщества. Его содержание составляет работа с лицами, сотрудничающими с правоохранительными органами на конфиденциальной основе, при соблюдении всех предъявляемых к ней требований. Главной из перечня возникающих при этом оперативных задач становится купирование угрозы раскрытия личности конфиденнта, которая может как нанести вред его персональной безопасности, так и скомпрометировать с точки зрения возможной провокации само ОРМ.

Выбор способа получения информации с помощью цифрового профиля всецело зависит от анализа оперативной обстановки, квалификации сотрудника и специфики криминальной деятельности конкретных участников наркобизнеса.

Как видно из вышеизложенного, только первый способ предполагает создание вымышленного образа с определенным набором уникальных качеств, позволяющих ему в ходе комму-

никации в онлайн-среде осуществлять сбор информации о незаконной деятельности вовлеченных в НОН лиц, их намерениях, связях и формах вовлечения в конкретные преступные схемы. Специально созданные аккаунты и профили обеспечивают мониторинг онлайн-сообществ, а также ведение наблюдения за криминально ориентированными участниками и в дальнейшем помогают использовать собранную информацию для оценки перспектив оперативного вмешательства с последующим документированием преступной деятельности. При этом успех проведения оперативно-розыскного мероприятия зачастую зависит от сохранения в тайне личности его инициатора и поддержания ложного сценария криминального поведения, поскольку в ином случае обнаружить проявление незаконной деятельности наркосбытчиков не представляется возможным.

В свою очередь, общим для второго и третьего способов, связанных с использованием реального образа, является выполнение требования обоснованности их выбора. Ввиду того, что лицами, чьи персональные данные используются в формате дублирования, зачастую являются наркозависимые граждане, оперативные подразделения должны продемонстрировать, что использование принадлежащих им учетных записей оправдано и никакие альтернативные методы не могли достичь эффективных результатов. Крайне важно оценить, действовали ли данные лица, чьи учетные записи использовались в ходе проверочной закупки, добровольно или имела место какая-либо форма принуждения. Добровольность участия имеет важное значение для определения законности таких операций, поскольку использование личных аккаунтов при проведении ОРМ всегда связано с задачей сохранения конституционно гарантированных прав и свобод.

Наряду с подготовкой цифрового профиля, выбором метода его использования и проникновения в наркоориентированные онлайн-сообщества, на подготовительном этапе необходимо идентифицировать IP-адрес фигуранта [1, с. 49], организовавшего или готовящегося к бесконтактному сбыту наркотиков. Преступники, занимающиеся онлайн-торговлей наркотиками, как правило, используют инструменты анонимности и технологии шифрования, чтобы скрыть свою личность и род деятельности. Большая доля незаконной торговли наркотиками в Интернете происходит в ее неиндексируемой части и на скрытых платформах, которые труднодоступны и не видны широкому кругу пользователей. Решение оперативно-розыскной задачи по идентификации IP-адреса фигуранта позволяет определить его местопо-

ложение, документировать производимые им коммуникационные сеансы, что возможно посредством проведения специальных ОРМ.

Основной этап проведения проверочной закупки заключается в осуществлении сделки сбыта/приобретения наркотиков при выполнении условий правомерности [10, с. 86], главным из которых является исключение подстрекательства к сбыту наркотиков. Открытость Интернета и социальных сетей создает объективные трудности всеобъемлющего контроля над осуществлением ОРМ, что, очевидно, может увеличивать риски, связанные с провоцированием преступного поведения. Данное положение подтверждается опросом экспертов, абсолютное большинство которых (78,8 %) согласилось с утверждением, что в условиях интернет-коммуникации риски провокации повышаются, а проверочные возможности контролирующих органов, напротив, снижаются. Поскольку проверочная закупка выражена в форме контролируемой сделки, предполагающей удовлетворение взаимных интересов путем встречных актов поведения, для обеспечения ее законности и исключения провокации требуется выполнение условий: а) характеризующих поведение предполагаемых сбытчиков наркотиков и б) предъявляемых к действиям сотрудников, производящих закупку.

Первая группа условий вытекает из оценки взаимосвязанных между собой объективных и субъективных признаков преступления, состав которого закреплен ст. 228.1 УК РФ. Достаточно часто в ходе документирования фактов сбыта наркотиков правоприменитель сталкивается с проблемой доказывания наличия умысла в незаконных действиях фигуранта. Имея статус обязательного признака субъективной стороны предусмотренного ст. 228.1 УК РФ состава преступления, правомерно подтвержденная следственными действиями умышленная форма вины обеспечивает правильную квалификацию деяния и, как следствие, законную и обоснованную ответственность фигуранта. И напротив, если не имеется доказательств умысла, направленного на сбыт наркотиков, то исключается возможность установить и состав преступления, а реальной становится такая пере-квалификация деяния, при которой сбытчик наркотиков в юридическом значении преобразуется в обычного потребителя.

Как следует из п. 13 постановления Пленума ВС РФ № 14, об умысле на сбыт наркотиков могут свидетельствовать преступные акты поведения, которые выражаются в их приобретении, изготовлении, переработке, хранении, перевозке самим их не употребляющим лицом, количество (объем) наркотиков, распределение их в удобную для реализации фасовочную тару, на-

личие соответствующей договоренности с потребителями и т. п. Как видно из содержания указанного пункта, сформулированное ВС РФ положение имеет сугубо уголовно-правовое значение (для квалификации признаков состава преступления). Однако для принятия решения о заключении контролируемой сделки по сбыту наркотиков простой констатации выполнения злоумышленником перечисленных деяний недостаточно, необходимо удостоверение факта проявления преступного намерения в форме инициативного предложения об их сбыте.

Поэтому первой группе условий корреспондирует вторая группа, которая характеризует действия производящих закупку — сотрудников и лиц, оказывающих им содействие. Располагая подтвержденной информацией о причастности проверяемого к сбыту наркотиков, оперативный сотрудник создает условия для документирования его преступной деятельности. При этом действия сотрудника не должны стать причиной принятия злоумышленником решения о незаконной реализации контролируемых веществ. Преступный умысел у проверяемого должен сформироваться самостоятельно, без определяющего влияния оперативных сотрудников [9, с. 65], включая и привлекаемых к участию в проведении проверочной закупки покупателей «под прикрытием».

Воспреещение провокации не являет собой новую страницу для российского законодательства и предусмотрено в положениях ряда федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов. Так, положения ст. 5 Федерального закона «Об ОРД» устанавливают прямой запрет в прямой или косвенной форме подстрекать, склонять или побуждать к совершению противоправных действий. Аналогичное по своему значению требование заключено и в ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», раскрывающей принцип законности. Закономерно в этой связи внесенное постановлением Пленума ВС РФ № 14 разъяснение, согласно которому результаты ОРМ могут использоваться в доказывании по уголовному делу, если они получены и переданы органу предварительного расследования или суду в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у лица умысла на незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, сформировавшегося независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих ОРД³.

В Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г., ВС РФ указал, что оценка судами предпринятых оперативными сотрудниками при проверочной закупке действий должна основываться на положениях п. 14 постановления Пленума ВС РФ № 14. Из их содержания следует, что результаты ОРМ могут быть положены в основу приговора, если только они получены законным способом и свидетельствуют о наличии у виновного умысла, сформировавшегося самостоятельно, то есть независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений⁴. Там же содержится определение провокации, раскрываемое через подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов (или лицам, привлекаемым для проведения ОРМ).

На формирование российской правоприменительной практики недопущения провокации в сфере НОН заметно повлияли решения Европейского суда по правам человека (далее — Суд, ЕСПЧ), подсудность которого Россия признавала до денонсации Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. вступлением в силу Федерального закона от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы».

В числе самых значимых резолюций ЕСПЧ, касающихся вопросов правоохранительной деятельности государственных органов России, имеются судебные постановления по интересующим нас «наркотическим статьям», в рамках которых российской судебной системе был предъявлен ряд претензий и обозначены повторяющиеся недостатки. При этом отдельную группу из них составляют решения ЕСПЧ, принятые по обращениям на нарушение прав заявителей в ходе проведения проверочной закупки подконтрольных веществ, наиболее известные из которых «Ваньян (Vanujan) против Рос-

Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»: в ред. от 16 мая 2017 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61074/ (дата обращения: 10.02.2024).

⁴ См. п. 7.2. Обзора судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 27 июня 2012 г. // Верховный Суд Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://vsrf.ru/files/14055/> (дата обращения: 10.02.2024).

³ См. п. 14. постановления Пленума Верховного суда Рос.

сийской Федерации»⁵; «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации»⁶; «Веселов и другие (Veselov and Others) против Российской Федерации»⁷; «Лагутин и другие (Lagutin and Others) против Российской Федерации»⁸ и «Кузьмина и другие (Kuzmina and Others) против Российской Федерации»⁹. В основу всех вышеуказанных жалоб легла оценка проведенных в отношении заявителей проверочной закупки как провокации полицейских органов. По мнению осужденных, инкриминируемые им преступления были совершены вследствие подстрекательства, выраженного в настойчивых просьбах, обмане, а иногда и угрозах со стороны «подставных покупателей», чье поведение полностью контролировалось оперативными сотрудниками.

Сложившаяся в ЕСПЧ практика рассмотрения жалоб на действия правоохранителей при проведении тайных операций предлагает производить оценку полученных доказательств с позиции возможного нарушения ст. 6 Конвенции о защите прав и основных свобод от 4 ноября 1950 г. При этом основа формируемой оценки должна строиться на трех базовых постулатах: 1) соблюдение прав человека должно быть неукоснительным даже при противодействии НОН, 2) использование тайных агентов допустимо при известных ограничениях, 3) сотрудники полиции могут действовать тайно, но не вправе заниматься подстрекательством [13]. Как уже отмечалось, сформулированные решения ЕСПЧ по так называемым наркотическим статьям получили свое развитие и в отечественной судебно-следственной практике.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав чело-

века и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» юридические подходы ЕСПЧ должны были учитываться при применении законодательства России.

Состоявшиеся решения ЕСПЧ по рассмотренным жалобам обозначили наличие системной проблемы несовершенства российского законодательства в сфере ОРД на момент произошедших инцидентов. По мнению Суда, уголовные дела, возбужденные в отношении заявителей, явились следствием проведения ОРМ «Проверочная закупка», где в качестве покупателей выступали сотрудники полиции либо лица, находящиеся от них в прямой зависимости. Во всех случаях правоохранительные органы не раскрывали источник получения первичной информации в отношении фигурантов, тем самым не давая возможности рассмотреть надлежащим образом доводы о провокации, не предпринимая необходимых шагов для установления истины и устранения сомнений относительно того, было ли преступление совершено заявителем в результате подстрекательства со стороны провокатора (п. 96, 98 постановления ЕСПЧ от 20 апреля 2021 г. «Дело «Кузьмина и другие (Kuzmina and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 66152/14 и восемь других жалоб).

Также позиция Суда выработала модель, предполагающую соблюдение требования о проведении расследования в основном пассивным способом, исключаям инициативные контакты с заявителем, повторное предложение после первоначального отказа, настоятельные требования, повышение цены по сравнению с обычной или обращение к состраданию заявителя с упоминанием абстинентного синдрома (п. 92 постановления ЕСПЧ от 2 октября 2012 г. «Дело «Веселов и другие (Veselov and Others) против Российской Федерации», жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10).

Необходимо отметить, что толкование юридических норм по определению провокации в сфере НОН в российской правоприменительной практике почти полностью совпадает с решениями, принятыми ЕСПЧ. Одновременно с этим, принимая во внимание имеющиеся различия в правовых системах европейских стран и России, отметим, что дословное восприятие некоторой применяемой ЕСПЧ терминологии не совсем уместно, на что уже обращалось внимание в литературе [2, с. 34].

Используемое в постановлении ЕСПЧ от 26 октября 2006 г. «Дело «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации» выражение «проведение расследования в основном пассивным способом» следует оценивать критически и правильно соотносить с выработанным оперативно-розыскной практикой принципом насту-

⁵ Дело «Ваньян (Vanujan) против Российской Федерации» (жалоба № 53203/99) : Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

⁶ Дело «Худобин (Khudobin) против Российской Федерации» (жалоба № 59696/00) : Постановление Европейского Суда по правам человека от 26 октября 2006 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

⁷ Дело «Веселов и другие (Veselov and Others) против Российской Федерации» : Постановление Европейского Суда по правам человека от 2 октября 2012 г. (жалобы № 23200/10, 24009/07 и 556/10) // СПС КонсультантПлюс. — URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

⁸ Дело «Лагутин и другие (Lagutin and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 6228/09, 19123/09, 19678/07, 52340/08 и 7451/09) : Постановление Европейского Суда по правам человека от 24 апреля 2014 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

⁹ Дело «Кузьмина и другие (Kuzmina and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 66152/14 и восемь других жалоб) : Постановление Европейского Суда по правам человека от 20 апреля 2021 г. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

пательности. Данный принцип является ключевым в принятии быстрых и непосредственных мер в борьбе с преступностью. Согласно ему оперативные сотрудники должны проявлять инициативу в обнаружении и принятии соответствующих решений к выявлению и пресечению противоправных деяний до наступления вредных последствий. Содержание принципа наступательности составляют нормы ст. 1, 2, п. 1 ст. 14 Федерального закона «Об ОРД», которые реализуются в процессе планирования и осуществления ОРМ, в первую очередь по латентным преступлениям, в которых доля преступлений в сфере НОН является значительной. Пассивность «покупателя» при проверочной закупке в ее абсолютном значении справедливо подвергалась критике специалистами [5, с. 60; 7, с. 29].

Таким образом, в ходе проведения ОРМ «Проверочная закупка» оперативный сотрудник является, с одной стороны, инициатором мероприятия, с другой — не должен какими-либо действиями побуждать лицо к сбыту наркотиков, в том числе участвуя в переговорах со стороны покупателя. В связи с этим грамотно выстроенная комбинация должна осуществляться еще этапе подготовки проверочной закупки в форме документирования фактов, свидетельствующих о желании и возможности продавца сбыта наркотики.

Рассматривая трактовку провокации с точки зрения отечественного права и подходов, имеющих у ЕСПЧ, следует признать схожесть основных взглядов на проблему. При этом запрет такого рода действий, сформулированный в ст. 5 Федерального закона «Об ОРД», предоставляет правоприменителю все необходимые инструменты для правильного применения данной нормы. В настоящее время надзорно-следственная практика выработала основные критерии отнесения тех или иных действий, оказывающих давление на фигуранта в ходе проведения ОРМ, к провокации совершения им преступления. В их числе называется инициативное обращение к сбытчику с повторной просьбой о продаже наркотиков при имеющемся первоначальном отказе от их приобретения. Напротив, если покупатель имел предварительную договоренность о приобретении наркотиков еще до обращения в правоохранительные органы, которые, в свою очередь, уже проводили в отношении фигуранта комплекс ОРМ (прослушивание телефонных переговоров, наблюдение, снятие информации с технических каналов связи и т. д.) и были осведомлены о его преступной деятельности, в этих случаях активные действия сотрудников полиции не могут быть расценены как провокационные.

Рассматривая проблемные вопросы, связанные с основанием проведения проверочной закупки наркотиков и возможными провокационными действиями при ее непосредственном осуществлении, нельзя обойти вниманием сложности, возникающие у оперативных сотрудников в случае необходимости повторения данного ОРМ. Особую актуальность данная ситуация приобретает при осуществлении противодействия организованным формам наркопреступности, когда необходимо установить всех участников преступных групп, цепочки задействованных в сбыте лиц, каналы поступления наркотиков, финансовые следы, формы легализации полученных доходов и т. д. Судебно-следственная практика знакома со случаями, когда оперативные сотрудники имели возможность задержать фигуранта, но не делали этого и продолжали проводить повторные проверочные закупки, искусственно создавая многоэпизодность преступления, формируя таким образом порочную практику повышения результатов служебной деятельности [3, с. 96]. Такого рода оперативные материалы рассматриваются как полученные с нарушением Федерального закона «Об ОРД» и признаются недопустимыми доказательствами по уголовному делу. При этом действия оперативных сотрудников, проводивших повторную проверочную закупку, расцениваются как провокация [12, с. 103], поскольку, выявив преступные действия фигуранта в ходе первого ОРМ, они не пресекли его деятельность, а вместо этого создали условия для продолжения сбыта наркотиков.

На завершающем этапе проверочной закупки важно определиться с моментом ее окончания, то есть выполнением всех необходимых документирующих действий. Согласно разъяснению, представленному в постановлении Пленума ВС РФ № 14 под НОН надлежит понимать незаконную деятельность лица, направленную на их возмездную либо безвозмездную реализацию другому лицу (приобретателю) любыми способами, в том числе путем сообщения о месте их хранения, проведения закладки в обусловленном с ним месте.

Обратим внимание еще на два принципиальных положения, содержащихся в п. 13.1 постановления Пленума ВС РФ № 14, а именно: а) момент окончания сбыта наркотиков не ставится в прямую зависимость от результата в виде их распространения; б) незаконный сбыт становится окончательным с момента выполнения виновным передачи наркотиков покупателю, независимо от получения их в натуральном виде, и в первую очередь когда такого рода мероприятия проходят в рамках ОРМ «Проверочная закупка». Начавшийся процесс незаконной реализации подконтрольных веществ,

уже вне зависимости от его результатов, образует завершенный состав преступления. Изъятие из незаконного оборота указанных предметов на квалификацию преступления как окончательного не влияет. Постановлением Пленума ВС РФ № 14 также дано разъяснение ситуации, когда при реализации проверочной закупки передача лицом наркотиков не состоялась, в то время как продавец предпринял все направленные на сбыт меры. В этом случае для виновного наступает уголовная ответственность по ч. 3 ст. 30 УК РФ, то есть за покушение на незаконный сбыт этих средств, веществ, растений.

Таким образом, повышение эффективности противодействия НОН, прочно занявшему неконтролируемые сегменты сети Интернет, требует поиска новых решений по адаптации привычных методов ОРД к условиям современных криминальных реалий. В сложившуюся систему документирования бесконтактного сбыта наркотиков следует внедрить модель проверочной закупки с включением в нее актуального технологического инструмента — контролируемого цифрового профиля личности — используемой для решения задач ОРД совокупности цифро-

вых записей о физическом лице, содержащихся в информационных системах и аккумулирующих удостоверяющие сведения.

Оперирование цифровым профилем для внедрения в наркоориентированные онлайн-сообщества, а затем и для совершения сделки по приобретению запрещенных веществ должно производиться при неукоснительном соблюдении принципа законности. Следование данному принципу становится возможным при выполнении основных требований: а) получении при работе с контролируемым цифровым профилем согласия лица на использование его персональных данных; б) документировании наркосбыта только путем использования цифровых профилей, которые надлежащим образом приобщены к соответствующим материалам проверки; в) должной фиксации представленной в электронной форме инициативного предложения сбытчика заключить преступную сделку. Использование цифрового профиля позволит развивать наступательность в борьбе со сбытом наркотиков в сети Интернет и предложить адекватный ответ на новые вызовы в сфере незаконного оборота наркотиков.

Список литературы:

1. Глушков Е. Л. Сбыт наркотических средств бесконтактным способом посредством сети Интернет: пути выявления и раскрытия // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 2. С. 45–53.
2. Железняк Н. С., Леонтьева Ю. В. О побуждении к совершению противоправных действий в процессе проверочной закупки наркотиков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 28–35.
3. Жовнир С. А. Проверочная закупка наркотических средств: допустимы ли полученные доказательства? // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2012. № 15. С. 94–97.
4. Кавеева А. Д., Гурин К. Е. Искусственные профили «ВКонтакте» и их влияние на социальную сеть пользователей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21 (2). С. 214–231.
5. Кондратьев М. В. К вопросу о провокации при проведении проверочной закупки наркотических средств // Сборник материалов криминалистических чтений. 2013. № 9. С. 59–60.
6. Красовская Н. Р., Гуляев А. А. К вопросу о контроле фейков, дипфейков, фейковых аккаунтов в Интернете // Вестник Удмурт-

References:

1. Glushkov E. L. About some questions of distribution in a contactless manner of drugs via the internet: ways of identification and disclosure // Problems of law enforcement. 2018. №2. P. 45–53.
2. Sheleznyak N. S., Leontyeva Ju. V. On the inducement to the commission of unlawful acts in the course of controlled buy // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1 (34). P. 28–35.
3. Zhovnir S. A. Verification purchase of narcotic drugs: is the evidence obtained acceptable? // Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy. 2012. № 15. P. 94–97.
4. Kaveeva A. D., Gurin K. E. “Vkontakte” fake accounts and their influence on the users’ social network // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2018. № 21 (2). P. 214–231.
5. Kondrat'ev M. V. K voprosu o provokacii pri provedenii proverochnoj zakupki narkoticheskikh sredstv // Sbornik materialov kriminalisticheskikh chtenij. 2013. № 9. S. 59–60.
6. Krasovskaya N. R., Gulyaev A. A. On controlling fakes, deepfakes, fake accounts in the Internet // Bulletin of the Udmurt University. 2021. Vol. 5. Issue 1. P. 96–99.
7. Kuz'menko A. V. K voprosu o provokacii sbyta narkotikov pri provedenii ORM «Proverochnaya zakupka» // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2005. № 5. S. 28–29.

- ского университета. 2021. Т. 5. Вып. 1. С. 96–99.
7. Кузьменко А. В. К вопросу о провокации сбыта наркотиков при проведении ОРМ «Проверочная закупка» // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2005. № 5. С. 28–29.
 8. Кулиш Г. Б., Николаев О. Э. Использование персональных данных в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 3. С. 56–60.
 9. Омелин В. Н., Веселовский А. А. Проверочная закупка и провокационные риски при ее проведении // Научный портал МВД России. 2016. № 3 (35). С. 60–65.
 10. Помелов А. А. К вопросу о сущности проверочной закупки наркотических средств // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 3 (40). С. 79–86.
 11. Помелов А. А. Некоторые аспекты условий проведения проверочной закупки наркотических средств // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 6 (9). С. 173–179.
 12. Скоробогатый А. В., Соркин Г. С. Некоторые аспекты совершенствования правовой регламентации проверочной закупки // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя Д. Эканоміка, сацыялогія, права. 2020. № 1 (55). С. 99–103.
 13. Чечетин А. Е. Проверочная закупка наркотиков в решениях Европейского суда по правам человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2. С. 137–142.
 8. Kulish G. B., Nicolaev O. E. The use of personal data in operatively-investigative activity // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 3. P. 56–60.
 9. Omelin V. N., Veselovsky A. A. Test purchase and provocative risks with its conduction // The scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3 (35). P. 60–65.
 10. Pomelov A. A. To the issue of the essence of controlled drug purchase operation // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3 (40). P. 79–86.
 11. Pomelov A. A. Some aspects of the conditions of conducting the verification of the purchase of narcotic drugs // Scientific digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 6 (9). P. 173–179.
 12. Skorobogaty A. V., Sorokin G. S. Some aspects of improving legal regulation of verification procurement // Bulletin of Mogilev State University named after A. A. Kuleshov. Series D. Economics, sociology, law. 2020. № 1 (55). P. 99–103.
 13. Chechetin A. E. Drugs test purchasing in the European court's of human rights decisions // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 2. P. 137–142.

Для цитирования:

Жандров Владимир Юрьевич. Проверочная закупка наркотиков в сети Интернет: формирование новой модели оперативно-розыскного мероприятия // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 129–138.

For citation:

Zhandrov Vladimir Yur'evich. Verification Purchase of Drugs on the Internet: the Formation of a New Model of Operational Investigative Measures // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 129–138.

Владимиров Владимир Юрьевич,

доктор юридических наук, профессор,
академик РАЕН, академик МАНЭБ,
советник РАН,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры управления органами
расследования преступлений,

Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8;

профессор кафедры судебной медицины,
Российская медицинская академия непрерывного
профессионального образования
Министерства здравоохранения
Российской Федерации,

Российская Федерация, 125993, г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 2/1, стр. 1;
старший научный сотрудник,

Экспертно-криминалистический центр
МВД России,

Российская Федерация, 125130, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 5

ORCID 0000-0001-7190-7011

E-mail: veteran.fskn@yandex.ru

Данилов Илья Анатольевич,

советник РАЕН,
начальник службы центра внедрения
и сопровождения проектов,

АО «НПО "Радиозавод имени
А. С. Попова"»,

Российская Федерация, 105005, г. Москва,
ул. Радио, д. 24/1

E-mail: danilov555@mail.ru

Ильин Николай Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий научно-исследовательского отдела
факультета подготовки
научно-педагогических кадров
и организации научно-исследовательской работы,
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А. Я. Сухарева
Российская Федерация, 125080, г. Москва
ул. Врубеля, д. 12

E-mail: nick703@yandex.ru

Научная специальность:
5.1.4 Уголовно-правовые науки

Vladimir Yur'evich Vladimirov,

Doctor of Law, Professor,
Academician of the Russian Academy
of Natural Sciences, Academician
of the International Academy of Environmental
Sciences, Human Safety and Nature,
Advisor of the Russian Academy of Rocket
and Artillery Sciences,

Merited Lawyer of the Russian Federation,
Professor at the Department of Management
of Bodies and Units Crimes' Investigation,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,

Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8;
Professor at the Department of Forensic Medicine,
Russian Medical Academy of Continuing
Professional Education

of the Ministry of Health of the Russian Federation,
Russian Federation, 125993, Moscow,
Barricadnaya St., 2/1, building 1;

Senior Researcher,
the Forensic Center of the Ministry of Internal
Affairs of Russia,

Russian Federation, 125130, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 5

ORCID 0000-0001-7190-7011

E-mail: veteran.fskn@yandex.ru

Il'ya Anatol'evich Danilov,

Advisor of The Russian Academy
of Natural Sciences,
Head of the Project Implementation
and Support Center Service,
Joint-Stock Company

«Scientific and Production Association
"Radio Plant Named After A. S. Popov"»,

Russian Federation, 105005, Moscow,
Radio St., 24/1

E-mail: danilov555@mail.ru

Nikolaj Nikolaevich Il'in,

Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Research Department
of the Faculty of Scientific and Pedagogical Staff
Training

and Organization of Research Work,
Moscow Academy of the Investigative Committee
of Russia named after A. Ya. Suhareva
Russian Federation, 125080, Moscow,
Vrubelya St., 12

E-mail: nick703@yandex.ru

Scientific speciality:
5.1.4. Criminal Law Sciences

УДК 343.983.25

DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-139-150

Дата поступления статьи: 21 июня 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 12 декабря 2024 г.

Искусственный интеллект в борьбе с серийными преступлениями. Научная разработка в практику

Artificial Intelligence in the Fight against Serial Crimes. Scientific Development into Practice

Аннотация

Актуальность затронутой темы обусловлена как возросшими возможностями научно-технического обеспечения криминалистической деятельности, так и проблемой серийной преступности. Теоретический аспект серийности преступлений заключается в отсутствии криминалистической дефиниции данного термина, слабой научной разработанности вопроса в части его криминалистической характеристики и особенностей методики расследования, а также отсутствием соответствующих тем в учебном курсе криминалистик, отражающих особенности раскрытия, расследования и предупреждения данных преступлений. Отражение данной проблематики наблюдается и в правоприменительном аспекте, а именно в отсутствии оптимального организационно-технического обеспечения экспертно-криминалистических учетов и тактике их использования в следственно-оперативной и экспертно-криминалистической деятельности. Некоторые руководители следственных, оперативных и экспертно-криминалистических подразделений, оценивая результативность отдельных видов экспертно-криминалистических учетов с точки зрения установления фактов серийности преступлений и причастности к их совершению проверяемых лиц как недостаточно результативную, совершенно необоснованно делают вывод о нецелесообразности продолжения ведения этих видов криминалистического учета в современных условиях. В статье также раскрываются некоторые аспекты научно-исследовательской работы «Исследование применимости методов машинного обучения (ИИ) и анализа данных для выявления признаков серийности (сходства) определенных категорий преступлений» шифр «Серия» (НИР «СЕРИЯ»). При этом на сегодняшний день в МВД России такие методы раскрытия, расследования и противодействия преступности не столь популярны в отличие

Abstract

The *relevance* of the topic raised is due to both the increased possibilities of scientific and technical support for criminalistic activities and the problem of serial crime. The theoretical aspect of serial crimes is the lack of a criminalistic definition of this term, the weak scientific elaboration of the issue in terms of its criminalistic characteristics and the specifics of the investigation methodology, as well as the lack of relevant topics in the criminology course reflecting the specifics of the disclosure, investigation and prevention of these crimes. This issue is also reflected in the law enforcement aspect, namely in the lack of optimal organizational and technical support for forensic accounting and tactics of their use in investigative, operational and forensic activities. Some heads of investigative, operational and forensic units, assessing the effectiveness of certain types of forensic records in terms of establishing the facts of serial crimes and involvement in their commission by the persons being investigated as insufficiently effective, unreasonably conclude that it is inappropriate to continue maintaining these types of forensic records in modern conditions. The article also reveals some aspects of the research work "The study of the applicability of machine learning (AI) and data analysis methods to identify signs of serial (similarity) of certain categories of crimes "Cipher "Series" (NIR "SERIES"). At the same time, today in the Ministry of Internal Affairs of Russia such methods of disclosure, investigation and countering crime are not so popular, unlike the Investigative Committee. All this suggests the need for a more in-depth study of the proposed scientific and technical solutions in order to ensure high efficiency of forensic activities.

Problem statement: criminal procedural activity implies the coordinated and interdependent functioning of a certain set of law enforcement officials, as well as other participants in legal proceedings, who are personally responsible for their actions

от Следственного комитета. Все это говорит о необходимости более углубленного изучения предлагаемых научно-технических решений в целях обеспечения высокой эффективности криминалистической деятельности.

Постановка проблемы: уголовно-процессуальная деятельность подразумевает согласованное и взаимообусловленное функционирование определенной совокупности должностных лиц правоохранительных органов, а также иных участников судопроизводства, которые несут персональную ответственность за свои действия и принимаемые решения. Возникает вопрос: насколько приемлемо использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии и расследовании серийных преступлений?

Цель исследования: на основе обобщения и анализа следственно-оперативной и экспертно-криминалистической практики, проведенных научно-исследовательских работ определить возможность использования искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании серийных преступлений в системе МВД России.

Методы исследования: общенаучные (описание, сравнение), формально-логические (анализ, синтез) методы, контент-анализ.

Результаты и ключевые выводы: на сегодняшний день при выявлении, раскрытии и расследовании серийных преступлений использование искусственного интеллекта весьма приемлемо, что и было продемонстрировано на примере судебной трасологической экспертизы.

Ключевые слова: экспертно-криминалистический учет; криминалистический учет; серийность преступлений; искусственный интеллект; след; трасология; поддельные денежные купюры и ценные бумаги; «СЕРИЯ».

and decisions. The question arises: how acceptable is the use of artificial intelligence in the detection, disclosure and investigation of serial crimes?

The purpose of the study: based on the generalization and analysis of investigative, operational and forensic practice, conducted research to determine the possibility of using artificial intelligence in the identification, disclosure, investigation of serial crimes in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Research methods: general scientific (description, comparison), formal logical (analysis, synthesis) methods, content analysis.

Results and key conclusions: today, the use of artificial intelligence in the detection, disclosure and investigation of serial crimes is very acceptable, which was demonstrated by the example of forensic traccological examination.

Keywords: forensic accounting; forensic accounting; serial number of crimes; artificial intelligence; trace; tracology; counterfeit banknotes and securities; "SERIES".

Социальная значимость борьбы с серийными преступлениями активно освещается в российских средствах массовой информации (далее – СМИ) уже многие годы. Однако предметом серьезного научного исследования эта тема до настоящего времени почему-то не стала. Этот вывод звучит несколько неожиданно потому, что СМИ изначально рассматривают серийность преступлений в аспекте сексуально-садистских убийств либо иных подобных преступлений, имеющих, как правило, большой общественный резонанс. В этом же направлении движется и криминалистическая наука, хотя, надо отдать должное нашим ученым-криминалистам, они

не забывают аспекты серийности в том числе при разработке и совершенствовании частных методик расследования и по иным «социально значимым» составам преступлений, носящим серийный характер, таким как квартирные кражи, кражи или угоны автотранспорта, грабежи и разбои. Однако это не носит, на наш взгляд, достаточно системного характера.

Если обратиться к учебному курсу «Криминалистика», изложенному в действующих учебниках для юридических вузов, то мы, наряду с такими темами, как «Расследование дел о преступлениях несовершеннолетних», «Расследование преступлений, совершенных организованными криминальными группами», «Рассле-

дование преступлений по горячим следам», «Методика расследования нераскрытых преступлений прошлых лет», «Особенности расследования преступлений в чрезвычайных условиях» [2], и другими аналогичными направлениями следственной деятельности по расследованию групп однородных преступлений, соответствующей темы, посвященной раскрытию и расследованию серийных преступлений как отдельного направления следственной деятельности, не найдем, хотя признак однородности в теории криминалистической методики не ограничен и в данном случае достаточно очевиден. Оппоненты такой постановки проблемы могут возразить, что серийные преступления применительно к различным видам корыстно-насильственных, сексуально-садистских, экономических, должностных и иных видов преступлений имеют свою специфику, которая и отражается в подразделах соответствующих методик. Однако то же самое относится и к упомянутым нами группам однородных преступлений, к которым, кстати, целесообразно добавить особенности расследования преступлений, совершаемых на объектах транспортной инфраструктуры, раскрытием и расследованием которых занимаются в том числе следственные подразделения чуть было не упраздненной транспортной полиции.

В этой связи полезно будет отметить, что в знаменитом труде Р. С. Белкина «Криминалистика. Краткая энциклопедия» [1] такой термин, как «серийная преступность», вообще отсутствует. Такое «пренебрежительное», на наш взгляд, отношение к проблемам серийной преступности и особенностям раскрытия, расследования и предупреждения данных преступлений не совсем оправдано.

К огромному сожалению, этот теоретико-методологический вакуум имеет свое правоприменительное продолжение, выражающееся в том, что некоторые не очень дальновидные руководители экспертно-криминалистических подразделений, сталкиваясь с недостаточно, по их оценкам, эффективной работой таких видов экспертно-криминалистических учетов, как картотеки следов обуви, следов орудий взлома и некоторых других, высказывают порой совершенно необоснованные предложения о нецелесообразности дальнейшей организации работы этих видов экспертно-криминалистического учета как утративших актуальность и не обладающих достаточной эффективностью с точки зрения выдачи рекомендаций, в первую очередь о наличии признаков серийности преступлений, а уже на основе этого о фактах оставления следов на местах совершения преступлений конкретными следообразующими объек-

тами, имеющими непосредственное отношение к проверяемым фигурантам.

В этой связи хотелось бы отметить, что, несмотря на некоторую деградацию методологии отдельных видов экспертно-криминалистического учета, вызванную как объективными причинами, так и факторами субъективного порядка, их использование в оперативно-розыскной и следственной деятельности продолжает оставаться вполне ощутимой. Так, удельный вес рекомендаций о возможной серийности преступлений в общем массиве информации, полученной оперативными и следственными подразделениями на основе использования экспертно-криминалистических учетов в 2023 г., составляет более одной трети (34,5 %) [10]. Наибольший вклад в определение серийности вносят экспертно-криминалистические учеты по преступлениям, связанным с изготовлением или сбытом поддельных денег и ценных бумаг (99,5 %). Относительно высокая эффективность этой работы по преступлениям, связанным с незаконным оборотом оружия (30,6 %), что имеет немаловажное значение с точки зрения превенции преступлений диверсионно-террористического характера. Несколько ниже роль экспертно-криминалистических учетов при определении вероятной серийности краж из квартир (25,4 %), а также преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ (11,2 %). Крайне редко выдаются рекомендации о возможной серийности убийств, их удельный вес в общем массиве выданных по результатам работы экспертно-криминалистических учетов на этом направлении составляет всего 5,4 %, но это не снижает их криминалистического значения. Примером эффективного использования, казалось бы, разрозненного срабатывания экспертно-криминалистических учетов (далее — ЭКУ), которое привело к выдвижению версии о серийности убийств, что в конечном счете способствовало не только раскрытию и достаточно оперативному расследованию всех выявленных эпизодов, но и предупреждению целого ряда уже запланированных преступниками аналогичных убийств, может служить оперативная разработка, проведенная в 90-х гг. старшим оперуполномоченным по ОВД «убойного отдела» питерского угрозыска А. Чумаченко. В самом начале серия начала выстраиваться по изъятым с мест происшествий пулям-гильзам, стреляным из двух различных экземпляров оружия [5, с. 43], затем эти эпизоды были объединены в одну серию, что позволило установить специфическую виктимность реальных и потенциальных потерпевших — все они в конце 80-х были «валютчиками», что предполагало возможность наличия нелегальных доходов

и являлось предметом криминальной заинтересованности преступной группы. Поскольку место концентрации «валютчиков» находилось на одном из режимных объектов, это обстоятельство с учетом хорошо отлаженной пропускной системы позволило выявить и систематизировать всех участников незаконных валютных операций, то есть потенциальных потерпевших. К сожалению, профессиональное противодействие расследованию, которое выразилось в криминальной компрометации А. Чумаченко и организованной фальсификации доказательств о его причастности к убийству одного из знакомых, привело к тому, что он около года провел в СИЗО и эффективность оперативно-розыскного сопровождения расследования резко упала. Однако усилиями коллег А. Чумаченко был реабилитирован и, продолжив разработку, точно «вычислил» очередную жертву «Марго», время и место предполагаемого покушения на убийство с целью разбоя, 24 апреля 1998 г. Очередное и несколько последующих, уже запланированных преступниками убийств были предотвращены ценой жизни этого талантливого сыщика. Оперативно-розыскное сопровождение расследования, которое проводилось на заключительном этапе не менее талантливым старшим следователем прокуратуры Санкт-Петербурга Н. Ф. Ткаченко, на основе постоянного пополнения и аналитической обработки информации с учетом каждого нового эпизода выстроеной следователем совместно с оперработником серии позволило эффективно пресечь преступную деятельность серийных убийц, которые не имели никаких связей в преступной среде, что и обусловило отсутствие каких-либо оперативных подходов к ним.

Не так уж часто выдаются рекомендации о вероятной серийности незаконного оборота самодельного огнестрельного оружия [6, с. 78]. По итогам 2023 г. даны всего 61 такая рекомендация. Но результат обычно бывает достаточно резонансным. Именно такая рекомендация в отношении самодельного пистолета-пулемета «Аграм-2000» привела в начале 2000-х к раскрытию убийства депутата Государственной Думы РФ, совершенного в конце 1998 г. В настоящее время достаточно эффективно используется коллекция самодельных взрывных устройств (далее – СВУ), ведущаяся в ЭКЦ, при раскрытии и расследовании хищений денежных средств из банкоматов, совершенных с использованием взлома преграды путем взрывов газозвуковых смесей или иных СВУ, в том числе с использованием конденсированных взрывчатых веществ [7, с. 190].

Приказом МВД России от 10 февраля 2006 г. № 70 (в ред. от 11 сентября 2018 г.) «Об организации использования экспертно-криминали-

стических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» предусмотрена возможность ведения иных, не регламентированных данным приказом экспертно-криминалистических учетов (далее – ЭКУ) в виде соответствующих картотек и (или) натуральных коллекций, которая конкретизируется руководителем органа внутренних дел, исходя из особенностей оперативной обстановки на обслуживаемой территории или объекте транспорта. Так, в некоторых экспертно-криминалистических подразделениях периодически создавались оперативно-справочные коллекции замков [3, с. 46], запорных и контрольных устройств, которые предназначались для определения вероятной серийности краж из квартир и иных объектов преступного посягательства. Объекты этого вида ЭКУ систематизировались с учетом конструктивных особенностей запирающего или контрольного механизма при условии, что способ отпирания замка или нарушения контрольного устройства является одним из основных, если даже не главным элементом способа совершения преступления, в данном случае кражи (*modus operandi*), что уже на протяжении многих столетий используется в качестве ориентирующего признака предполагаемой серийности различных видов преступлений и является одним из элементов криминологической характеристики представителей уголовно-преступного элемента. Такая информация с успехом может быть взята за основу при выдвижении оперативно-розыскных или следственных версий, что предполагает в дальнейшем более целенаправленный поиск и документирование уже иной криминалистически значимой информации как ориентирующего, так и доказательного характера.

Согласно общеизвестной истине, тот, кто не хочет решить проблему, ищет причины, тот, кто хочет ее решить, ищет пути решения. Именно так следует расценивать качество организации работы с трасологическими объектами учета в ЭКЦ ГУ МВД по Краснодарскому краю, на картотечном массиве которого разработчики автоматизированной трасологической информационной системы (далее – АТИС) «След-12» апробировали соответствующее программное обеспечение (далее – ПО).

На момент подведения промежуточных результатов экспериментальной апробации разрабатываемого ПО в АТИС «След-12» состояло на учете 5 785 информационных карт следов подошв, изъятых с мест совершения преступлений, из них 1 913 информационных карт со следами подошв обуви, изъятых с мест нераскрытых преступлений по итогам 2023 г.

В ходе проверки информационных карт с изображениями следов обуви при постановке их на учет по региональному трасологическому

учету следов подошв обуви ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю в течение 2023 г. было установлено 45 групповых объединенных следов обуви, изъятых по фактам краж, совершенных на территории города Краснодара и Краснодарского края, которые позволяли выдвинуть версии о серийности этих преступлений.

За этот же период в ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю для проверки по трасологическому учету следов подошв обуви было предоставлено 3 125 оттисков подошв обуви проверяемых лиц, подозреваемых в совершении преступлений и представляющих оперативный интерес, по которым установлено 36 совпадений по групповым признакам, что ориентировало следственно-оперативные службы на целесообразность проведения более углубленной проверки этих лиц на возможную причастность к выявленным эпизодам.

Вместе с тем следует учитывать, что при высоком качестве сравниваемых объектов (следов подошв обуви и отпечатков подошв обуви проверяемых лиц, которое обеспечивает достаточно четкую и относительно полную передачу не только общих, но и частных признаков строения рисунка подошвенной части обуви, которые в своей совокупности составляют индивидуализирующий слеодообразующий объект комплекс) возможно говорить об установлении тождества проверяемой обуви по следам, изъятым с места происшествия, и проверяемой обуви фигурантов. Так, проверкой оттисков подошв обуви гр. К., представленных из отдела полиции Центрального округа УМВД по городу Краснодару с изображениями следов подошв обуви, ранее поставленных на учет в региональную трасологическую картотеку следов подошв обуви ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю, установлено совпадение представленных отпечатков со следами подошв обуви, изъятыми по трем фактам краж, совершенных на территории города Краснодара.

В дальнейшем полученные результаты были подтверждены судебной трасологической экспертизой, в процессе производства которой были установлены совпадения как по общим, так и по совокупности частных (индивидуальных) признаков, отобразившихся в следах подошв обуви, изъятых с мест происшествий по первым двум эпизодам, что дало основания сделать категорический вывод о том, что следы оставлены обувью гр. К. В отношении третьей кражи вывод судебно-трасологической экспертизы носил вероятный характер ввиду неполноты отображения необходимой совокупности признаков строения рисунка подошвы, что потребовало от следствия иных доказательств по делу.

По мнению работающих на данном направлении организации регионального экспертно-

криминалистического учета трасологических объектов, эффективность используемой в этих целях АТИС «След-12» могла бы быть значительно выше при условии обеспечения своевременности постановки следов подошв на учет, что исключило бы или минимизировало вероятность пропуска цели при проведении проверок обуви лиц, в отношении которых имеется информация о возможной причастности к совершению серийных преступлений. Кроме того, эксплуатируемая АТИС «След-12» лишена таких возможностей, как автоматизированная или интерактивная кодировка следа и автоидентификация, что существенно снижает ее эффективность при обработке больших информационных массивов. В настоящее время уже окончена производством и принята за основу ЭКЦ МВД России научно-исследовательская работа под кодовым наименованием «Траса-Верблюд» [8, с. 176], которая будет обладать всеми перечисленными функциями искусственного интеллекта и на основе автоматизированной обработки следовой информации создавать твердотельную цифровую копию следа [3, с. 50]. Это позволит полностью перевести судебную трасологическую экспертизу в виртуальную среду, обеспечив тем самым возможность автоидентификации, а также защиту криминалистически значимой информации о строении микрорельефа слеодообразующего объекта от деструктивных изменений в течение идентификационного периода. Аналогичная работа проводится специализированным творческим коллективом совместно со специалистами, работающими в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России и Академии управления МВД России по совершенствованию технико-криминалистического обеспечения автоматизированных баллистических информационных систем (АБИС) [9, с. 521].

Установление серийности преступлений как эффективное средство повышения их раскрываемости не только увеличивает объем криминалистически значимой информации, которая суммарно аккумулируется в обрабатываемом массиве, увеличиваясь с каждым новым эпизодом, но и создает формальные предпосылки для организации оперативных проверок и следственного изобличения проверяемых по одному из эпизодов на возможную причастность ко всей серии.

Возможности цифровизации анализируемых массивов криминалистически значимой информации при этом не ограничиваются возможностями экспертно-криминалистических картотек и коллекций, а существенно повышают эффективность любой информационной среды, содержащей сведения, прямо или косвенно имеющих отношение к преступным событиям

и/или лицам, представляющим оперативный интерес.

Последние несколько лет технического прогресса ознаменовались резким развитием нейросетевых технологий – машинного обучения, получившего наименование «искусственный интеллект» (далее – ИИ).

В настоящее время ИИ вошел практически в каждую сферу повседневной жизни человека. Так, нейронные сети широко используются в системах распознавания речи, текстов, изображений, в конструктивных исполнениях голосовых помощников, например Яндекс Алиса, и многих других отраслях как бытовой, так и специализированной деятельности. Более того, в международной практике ИИ получил широкую востребованность в законотворчестве и прикладных задачах расследования и раскрытия преступлений, а также их профилактики.

На основе ИИ созданы специальные программные продукты, позволяющие полиции зарубежных стран составлять прогнозы изменения картины преступности. В полицейских департаментах нескольких штатов США (Калифорния, Вашингтон, Южная Каролина, Аризона, Теннесси, Нью-Йорк и Иллинойс), у полицейских Великобритании (полиция графства Кент), Германии, Нидерландов, Китая такие программы уже нашли широкое применение.

Одним из примеров таких программных продуктов является программное обеспечение PredPol, разработанное учеными Калифорнийского университета совместно с Лос-Анджелесским департаментом полиции. PredPol использует лишь три переменные: вид, время и место неблагоприятного события. PredPol – это аналитический инструмент, который подсказывает сотрудникам полиции, на какой участок обратить особое внимание (место концентрации совершения преступлений), чтобы заранее «погасить» криминальную активность на территории подразделения правоохранительного органа, а также предоставляет обобщенные данные о состоянии преступности на участке.

PredPol изучил 38 740 связанных с оружием преступлений, которые произошли в Чикаго в 2009–2011 гг., и проанализировал их на фоне 1 331 убийства за тот же период. По итогам указанного изучения была выявлена корреляция между преступлениями-предшественниками с применением огнестрельного оружия и будущими убийствами с применением огнестрельного оружия. Используя установленную корреляцию, внедрив ее в общий аналитический алгоритм, была достигнута возможность достаточно точно прогнозировать возможные преступления с применением стрелкового огнестрельного оружия.

Внутреннее исследование этих данных в Чикаго, проведенное PredPol, показало, что техно-

логия может предсказать место совершения 50 % убийств с применением огнестрельного оружия.

В качестве другого подобного примера можно упомянуть HunchLab 2.0. HunchLab 2.0 рассматривает базовый уровень преступности, максимально приближенный к факторному анализу ежедневной шаблонной активности. Так, HunchLab 2.0 в ходе анализа рассматривает социально-экономические факторы, месяц, день недели, время, праздники, спортивные события, погоду и другие обстоятельства. Информация передается в алгоритм машинного обучения (ИИ) и обновляется для каждой смены сотрудников. Используя методы машинного обучения, HunchLab 2.0 анализирует данные о преступлениях посредством обучения и тестирования данных, моделирует прогнозы, которые затем используются для предложений по распределению патрулей. Для поддержки патрульных полицейских HunchLab 2.0 встраивается в мобильные устройства, позволяя просматривать в режиме реального времени районы, где вероятны преступные действия. С точки зрения эффективности HunchLab 2.0 позволил снизить уровень преступности в Чикаго и Филадельфии более чем на 30 %.

В отечественной практике правоохранительных органов технологиям искусственного интеллекта также уделяется внимание.

Так, в 2021 г. МВД России заказало выполнение научно-исследовательской работы «Исследование применимости методов машинного обучения (ИИ) и анализа данных для выявления признаков серийности (сходства) определенных категорий преступлений» шифр «Серия» (НИР «СЕРИЯ»). В 2022 г. указанная исследовательская работа была успешно выполнена, а результаты исследований показали наличие технологических возможностей использовать ИИ в прикладных задачах борьбы с преступностью, а также автоматизации общей деятельности правоохранительных органов, начиная с распознавания речи и возможности голосового составления процессуальной документации («цифровой протокол») до распознавания печатных документов, отнесения их к определенному типу (постановление, протокол допроса и т. д.), а также текстовых данных в них и автоматического заполнения соответствующих электронных баз данных.

В части базовой задачи НИР, а именно исследований возможности ИИ для выявления признаков серийности (сходства) определенных категорий преступлений, также была установлена такая прямая технологическая возможность. Более того, несмотря на формат исследовательской работы, специалистами предприятия-исполнителя НИР был выпущен макетный образец специального интеллектуального программного обеспечения.

Указанный макетный образец интеллектуального программного обеспечения получил реализа-

цию, основанную на двух методах – «Распространение близости» (Affinity propagation) и «Упорядочение точек для обнаружения кластерной структуры» (OPTICS). «Распространение близости» (Affinity propagation) создает кластеры, отправляя сообщения между парами образцов до схождения. Затем набор данных описывается с использованием небольшого количества образцов, которые определяются как наиболее репрезентативные для других образцов. Сообщения, отправляемые между парами, представляют пригодность одного образца быть образцом другого, который обновляется в ответ на значения из других пар. Обновление происходит итеративно до сходимости, после чего выбираются окончательные образцы и, следовательно, дается окончательная кластеризация. «Упорядочение точек для обнаружения кластерной структуры» (OPTICS) – алгоритм нахождения кластеров в пространственных данных на основе плотности. Основная идея алгоритма подобна DBSCAN, но алгоритм предназначен для избавления от одной из главных слабостей алгоритма DBSCAN – проблемы обнаружения содержательных кластеров в данных, имеющих различные плотности. В целях достижения этого точки базы данных (линейно) упорядочиваются так, что пространственно близкие точки становятся соседними в упорядочении. Кроме того, для каждой точки запоминается специальное расстояние, представляющее плотность, которую следует принять для кластера, чтобы точки принадлежали одному кластеру.

По завершении НИР МВД России макетный образец интеллектуального программного обеспечения в 2023 г. был передан в тестовую эксплуатацию в Главное управление криминалистики (ГУК) Следственного комитета Российской Федерации.

В ходе тестовой эксплуатации было еще раз установлено, что разработанная специалистами предприятия-исполнителя НИР технология мо-

жет быть эффективно использована в целях раскрытия и расследования серийных преступлений против личности, в направлении выявления признаков серийности их совершения.

Так, например, в результате одного из большого количества проведенных сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации экспериментов были использованы данные по раскрытым и окончанным расследованиям серийным преступлениям против личности, которые содержали 370 эпизодов, проанализированных с использованием 76 специфических характеристик, таких как тип преступления (изнасилование, убийство), наличие сопутствующих преступлений (кража и т. п.), место совершения преступления (улица, парадная, лифт, помещение и т. п.), особенности внешности преступника (морщины, борода, усы, родинки, бородавки, татуировки, залысины, крашенные волосы и т. п.), использование транспортного средства (легковой, грузовой, велосипед, мотоцикл и т. п.), особенности речи преступника (наличие дефектов дикции, акцента и т. п.), использование оружия при совершении преступления (огнестрельное, холодное, ударно-дробящее, хозяйственно-бытовое, удавка, газовый баллончик и т. п.), выраженные особенности почерка совершения преступления (скальпирование, связывание, отсечение отдельных конечностей, канибализм, выполнение рисунков, надписей на теле жертвы, сжигание трупа, закапывание трупа, расчленение, утопление трупа и т. п.), выраженные особенности и внесенные изменения половых органов (пирсинг, татуировки, шрамы и т. п.), придание атипичных поз трупам, возрастные группы потерпевших, жертв и многие другие признаки.

В результате проведенных экспериментов были получены следующие результаты (см. таблицу 1):

Таблица 1

Раскрытые и окончанные серийные преступления против личности

Преступник/ наименование серии преступлений	Количество известных эпизодов по окончании расследования	Количество выявленных эпизодов интеллектуальным программным обеспечением	% выявления серийных преступлений, эффективность применения макетного образца интеллектуального программного обеспечения
Чикатило	57	48	84
Ряховский	25	17	68
Миргород	16	14	87
Горяник	16	12	75
Табардин	11	7	63
Лобанов	9	6	67
Птицын	7	4	57
Бондаренко	5	4	80

Ниже представлены иллюстрации нескольких результатов поиска на географической кар-

те, а также в интерфейсе макета программного обеспечения (см. рисунки 1, 2).

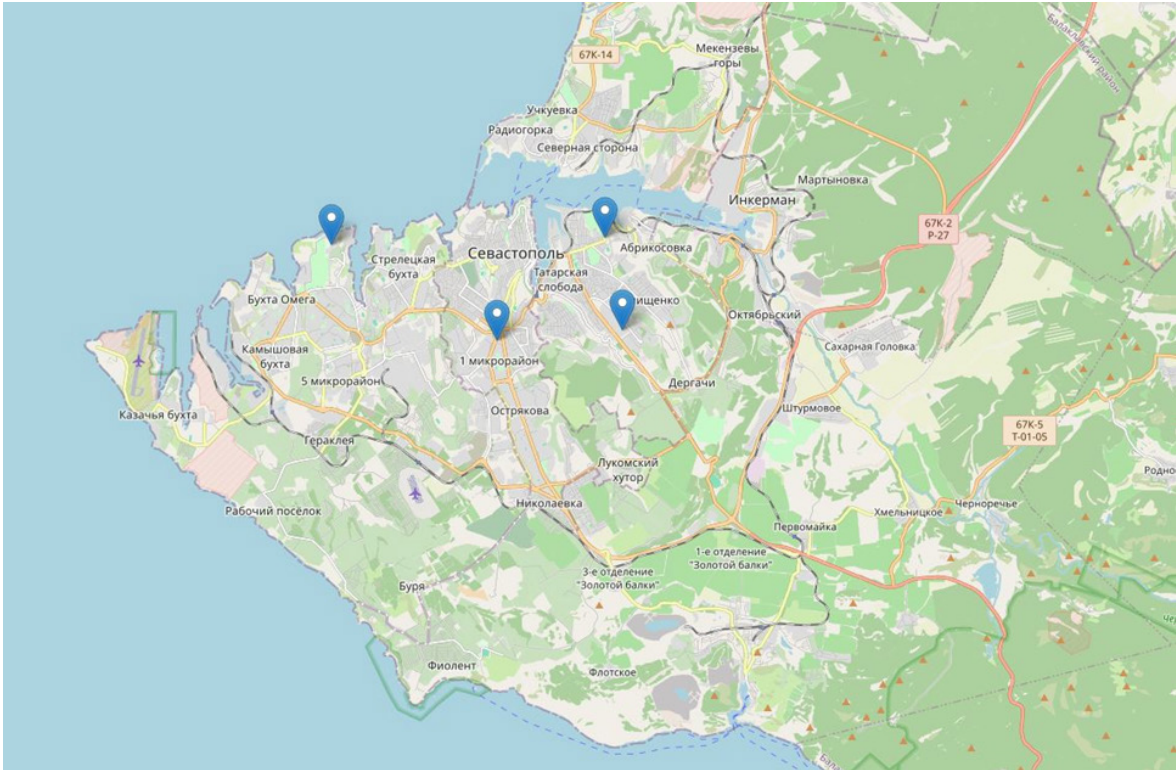

Рис. 1. Серия Бондаренко

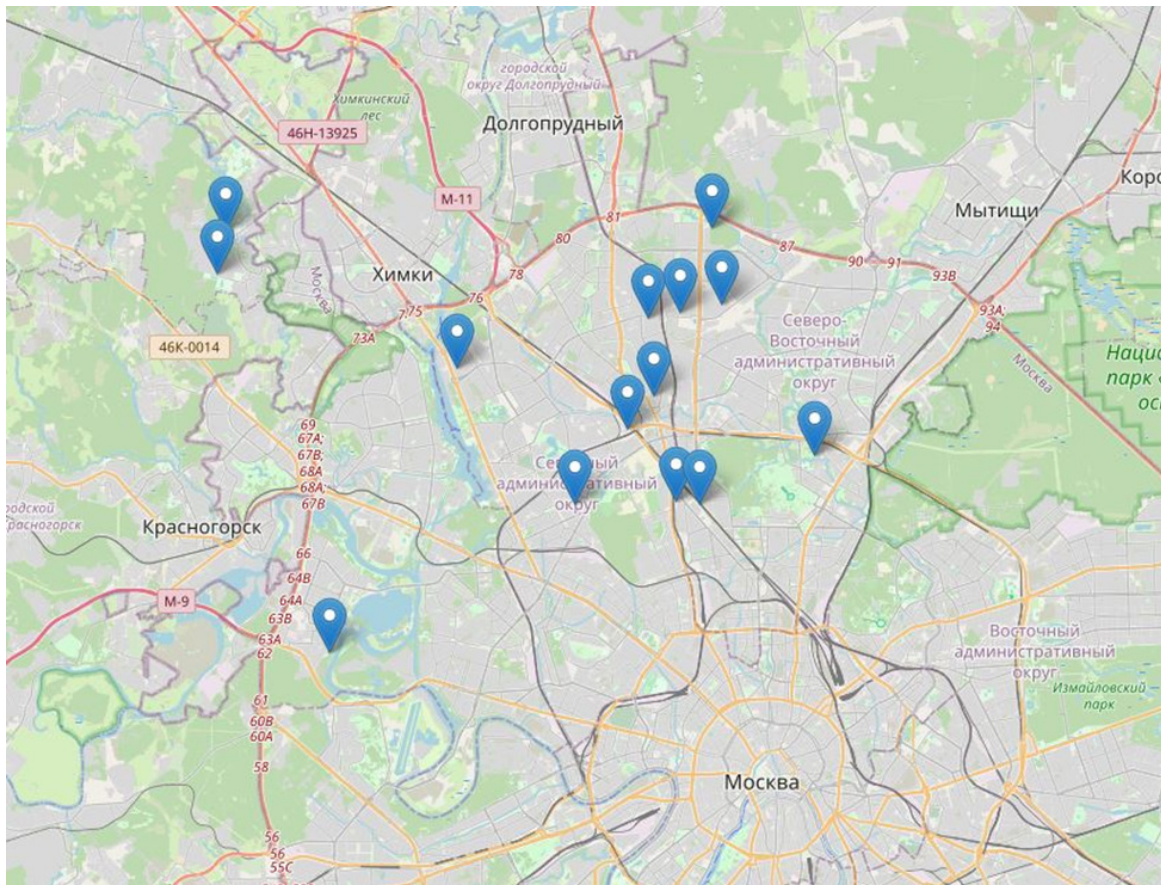

Рис. 2. Серия Миргород

Как видно из приведенных данных, средняя результативность макетного образца специального интеллектуального программного обеспечения составила 72,5 % только на базе первоначальной тестовой эксплуатации, что по праву может считаться отличным показателем.

Вместе с этим считаем необходимым затронуть и негативные аспекты, выявленные как в ходе проведения исследований НИР «СЕРИЯ», так и при проведении тестовой эксплуатации макета интеллектуального программного обеспечения, особенно в связи с тем, что данные аспекты напрямую являются причинами снижения эффективности и продуктивности действия алгоритмов ИИ.

Так, в ходе сбора эмпирического материала, необходимого для создания макета интеллектуального программного обеспечения и обучения нейронных сетей, было установлено, что ведущие соответствующие базы данных совершенных и расследуемых преступлений, в том числе и криминалистических учетов, имеют существенные недостатки.

В качестве основных можно выделить такие недостатки, как неполнота заполнения соответствующих учетных и регистрационных карт, а также влияние человеческого фактора в условиях отсутствия достаточного механизма машинного контроля — использование разрозненной индивидуальной терминологии различными исполнителями при описании одного и того же предмета, места преступления и т. п. Очевидно, что неполнота заполнения учетных и регистрационных карт приводит к дефициту обрабатываемой информации и, соответственно, к снижению вероятности выявления в анализируемом эпизоде признаков серийности преступления, а в некоторых случаях является причиной полной невозможности выявления и отнесения такого эпизода к серии.

Однако наиболее критичным фактором снижения эффектности любого средства автоматизации является разрозненность терминологии в описании одних и тех же объектов. Так, разработка способов учета неполноты информации не вызывает технических затруднений в связи с однотипностью данной погрешности. Устранение разрозненности же терминологии является сложной и в некоторых случаях практически нереализуемой в техническом плане задачей. Создание и применение словарей синонимов далеко не во всех случаях позволяют устранить данные недостатки, в особенности в условиях многовариативности использования различных терминов, а также их комбинаций.

Вместе с этим, как указывалось выше, возможности ИИ многогранны и стремительно продолжают развиваться. Нейросети применя-

ются и продолжают совершенствоваться в области распознавания речи, текстов, применения голосовых помощников, интервьюеров и многих других, открывая практически неограниченные возможности в сфере автоматизации и устранения ошибок и особенностей, связанных с наличием человеческого фактора.

Таким образом, в целях устранения как описанных проблем с ведением баз данных, так и иных аналогичных негативных аспектов необходимо применять ИИ на стадии создания первичных процессуальных документов и контроля стандартизации, полноты, целостности и единства информации в них заполняемой, а также пополняющие соответствующие базы данных.

Создание и синергетическое объединение интеллектуальных модулей автоматизации и стандартизации общего делопроизводства с прикладными модулями ИИ, такими как «СЕРИЯ», безусловно, самым положительным образом скажется на повышении эффективности деятельности органов правопорядка, сократит общую документальную нагрузку, значительно сократит время расследования и раскрытия преступлений в целом, а при широком внедрении данных объединенных интеллектуальных инструментов обеспечит переход на следующий качественный уровень борьбы с преступностью.

Однако без решения одной из концептуальных проблем криминалистической регистрации, которая заключается в необходимости достижения оптимальной централизации ведения всех входящих в ее систему криминалистических учетов, слаженности в работе не обеспечить. Прежде всего речь идет, как видно из материала данной статьи, о дифференциации заинтересованности дальнейшего развития системы криминалистической регистрации с учетом существующей в настоящее время подследственности. Так, выступая в роли заказчика специализированного программного обеспечения, МВД России ограничивает сферу его следственно-оперативного применения установлением серийности, раскрытием и расследованием краж, грабежей и разбоев, в то время как СК России примеряет возможности созданного разработчиками программного продукта (макета) к теме серийных убийств. Кроме того, как мы отмечали ранее, некоторые виды криминалистических учетов, требующих на определенных этапах их ведения наличия специальных знаний, находятся в ведении экспертно-криминалистических подразделений МВД России, практически не взаимодействуя с криминалистическими учетами, ведущимися в ГИАЦ (ИЦ) МВД России. По нашему мнению, в целях эффективного использования инструментария системы криминалистической регистрации

в следственно-оперативной деятельности уполномоченных государственных органов обеспечения безопасности и правопорядка необходимо на законодательном уровне или на межведомственной нормативно-правовой основе придать ГИАЦ МВД России функцию головного государственного органа, обеспечивающе-

го оптимальную централизацию всех видов оперативно-справочных и оперативно-розыскных учетов, а также их функциональное единство с ведущимися в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России картотеками и коллекциями на межведомственной основе [4, с. 131].

Список литературы:

1. Белкин Р. С. Криминалистика. Краткая энциклопедия. М., 1993. 112 с.
2. Криминалистика : учебник / под. ред. И. Ф. Крылова, А. И. Бастрыкина. М., 2001. 800 с.
3. Владимиров В. Ю., Данилов И. А., Шитов К. Э. Цифровизация трасологической информации как один из ресурсов раскрытия преступлений по горячим следам // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62). С. 44–53.
4. Владимиров В. Ю., Жидков Д. Н., Шитов К. Э. Обеспечение функционального единства криминалистически значимой информации как средство повышения эффективности правоохранительной деятельности // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 124–131.
5. Владимиров В. Ю., Бородин В. Н. Отождествление огнестрельного оружия с использованием идентификационно-поисковой баллистической системы «ТАИС» по следам на выстреленных пулях : методические рекомендации / под ред. В. П. Сальникова, В. Г. Петухова. СПб., 2000. 120 с.
6. Владимиров В. Ю., Бородин В. Н. Отождествление огнестрельного оружия с использованием идентификационно-поисковой баллистической системы «ТАИС» по следам на стреляных гильзах : методические рекомендации / под ред. В. П. Сальникова, В. Г. Петухова. СПб., 2000. 88 с.
7. Порошин П. В., Дашко Л. В., Синюк В. Д. Производство судебных экспертиз по фактам взрывов топливно-воздушных смесей в системе МВД России // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2022. С. 187–192.
8. Севастьянов П. В. Развитие методов и средств фиксации невербальной доказательственной информации на основе технологии 3D-сканирования // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 171–177.
9. Соколова А. В. Цифровизация судебно-баллистической экспертизы: генезис и перспективы // Криминалистика наука без границ: традиции и новации : материалы меж-

References:

1. Belkin R. S. Kriminalistika. Kratkaya enciklopediya. M., 1993. 112 s.
2. Kriminalistika : uchebnik / pod. red. I. F. Krylova, A. I. Bastykina. M., 2001. 800 s.
3. Vladimirov V. Yu., Danilov I. A., Shitov K. E. Digitalization of trasological information as one of the resources for solving crimes in hot pursuit // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 2 (62). P. 44–53.
4. Vladimirov V. Yu., Zhidkov D. N., Syitov K. E. // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2022. № 4 (64). P. 124–131.
5. Vladimirov V. Yu., Borodin V. N. Otozhdestvlenie ognestrel'nogo oruzhiya s ispol'zovaniem identifikacionno-poiskovoj ballisticheskoy sistemy «TAIS» po sledam na vystrelennyh pulyah : metodicheskie rekomendacii / pod red. V. P. Sal'nikova, V. G. Petuhova. SPb., 2000. 120 s.
6. Vladimirov V. Yu., Borodin V. N. Otozhdestvlenie ognestrel'nogo oruzhiya s ispol'zovaniem identifikacionno-poiskovoj ballisticheskoy sistemy «TAIS» po sledam na strelyanyh gil'zah : metodicheskie rekomendacii / pod red. V. P. Sal'nikova, V. G. Petuhova. SPb., 2000. 88 s.
7. Poroshin P. V., Dashko L. V., Sinyuk V. D. Proizvodstvo sudebnyh ekspertiz po faktam vzryvov toplivno-vozdushnyh smesey v sisteme MVD Rossii // Aktual'nye problemy kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy : sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Irkutsk, 2022. S. 187–192.
8. Sevast'yanov P. V. Development of methods and means of recording non-verbal evidentiary information based on 3d scanning technology // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 4 (68). P. 171–177.
9. Sokolova A. V. Cifrovizaciya sudebno-ballisticheskoy ekspertizy: genezis i perspektivy // Kriminalistika nauka bez granic: tradicii i novacii : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Sankt-Peterburg, 2024. S. 520–523.
10. Statistika i analitika // Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii : ofic. sajt. URL: <https://mvd.rf/deyatelnost/statistics> (data obrashcheniya: 11.06.2024).

дунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 2024. С. 520–523.

10. Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 11.06.2024).

Для цитирования:

Владимиров Владимир Юрьевич, Данилов Илья Анатольевич, Ильин Николай Николаевич. Искусственный интеллект в борьбе с серийными преступлениями. Научная разработка в практику // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 139–150.

For citation:

Vladimirov Vladimir Yur'evich, Danilov Il'ya Anatol'evich, Il'in Nikolaj Nikolaevich. Artificial Intelligence in the Fight against Serial Crimes. Scientific Development into Practice // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 139–150.

Иванов Пётр Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
главный научный сотрудник отдела по
исследованию проблем
отраслевого управления научно-
исследовательского центра,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

УДК 343.98

DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-151-160

Дата поступления статьи: 19 августа 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 12 декабря 2024 г.

Выявление налоговых преступлений на объектах потребительского рынка – приоритетная задача подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации

The Detection of Tax Crimes at Consumer Market Facilities is a Priority Task of the Economic Security and Anti-Corruption Units of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation

Аннотация

Актуальность исследования: выявление налоговых преступлений на потребительском рынке на сегодняшний день является одной из приоритетных задач территориальных органов внутренних дел и их подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции. Необходимость осуществления указанной деятельности обусловлена двумя взаимосвязанными между собой обстоятельствами, а именно: 1) противодействием путем нейтрализации и локализации новых вызовов и угроз экономической безопасности, составной частью которой выступает обеспечение безопасности налоговой сферы; 2) принятием мер по пополнению бюджета всех уровней путем недопущения фактов уклонений от уплаты налогов (сборов) и сокрытия доходов от нало-

Petr Ivanovich Ivanov,
Doctor of Law, Professor,
Merited Lawyer of the Russian Federation,
Chief Researcher at the Department for Research
of Problems of Branch Management of the Scientific
Research Center,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

Abstract

Relevance of the study: the detection of tax crimes in the consumer market is currently one of the priorities of the territorial internal affairs bodies and their economic security and anti-corruption units. The need to carry out these activities is due to two interrelated circumstances, namely: 1) countering by neutralizing and localizing new challenges and threats to economic security, an integral part of which is ensuring the security of the tax sphere; 2) by taking measures to replenish the budget at all levels by preventing the facts of tax evasion (fees) and concealment of income from taxation by legal entities and individuals.

Problem statement: the essence of the problem is to resolve the existing contradiction between the objective need to increase the effectiveness of activities to identify tax crimes committed at con-

гообложения юридическими и физическими лицами.

Постановка проблемы: суть проблемы заключается в разрешении существующего противоречия между объективной потребностью повышения эффективности деятельности по выявлению налоговых преступлений, совершаемых на объектах потребительского рынка, в условиях возрастания отраслевых рисков и угроз, и не в полной мере использованием территориальными органами внутренних дел и их подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции имеющихся еще не задействованных для этого резервов.

Цель исследования: разработка на основе выборочного изучения монографических работ, нормативных правовых актов, оперативно-следственной практики и сложившейся на потребительском рынке криминогенной ситуации совокупности теоретических положений, которые могут служить исходной позицией для разработки современной оперативно-розыскной методики выявления налоговых преступлений, совершаемых на объектах указанной сферы.

Методы исследования: общенаучные, включающие формально-логические (анализ, синтез, обобщение, выдвижение гипотез), частнонаучные (наблюдение, анкетирование, интервьюирование, контент-анализ документов).

Результаты и ключевые выводы: основываясь на результатах проведенного исследования, автор приходит к выводу, что одним из инструментов повышения эффективности деятельности по выявлению налоговых преступлений, совершаемых в сфере потребительского рынка, могла бы послужить оперативно-розыскная методика, которая пока не отвечает условиям современной реальности. Следует отметить, что имеющаяся на сегодняшний день методика базируется на материалах начального этапа становления рыночной экономики и не отвечает коренным ее преобразованиям, сопровождающимся существенными изменениями законодательных и иных нормативных правовых актов.

Успешному решению этой немаловажной задачи, на наш взгляд, способствует предварительное теоретическое осмысление затронутой проблемы на предмет максимального приближения предполагаемой методики таким принципам, как практико-ориентированность и риск-ориентированность, а также приверженность к цифровизации.

Ключевые слова: оперативно-розыскная методика; структура методики; процесс выявления; потребительский рынок в новых условиях; налоговые преступления; подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции.

sumer market facilities in the context of increasing industry risks and threats, and the incomplete use by territorial internal affairs bodies and their economic security and anti-corruption units of existing reserves that have not yet been used for this.

The purpose of the research is to develop, based on a selective study of monographic works, regulatory legal acts, operational investigative practice and the criminal situation prevailing in the consumer market, a set of theoretical provisions that can serve as a starting point for the development of a modern operational investigative methodology for detecting tax crimes committed at facilities in this area.

Research methods: general scientific, including formal and logical (analysis, synthesis, generalization, hypotheses), private scientific (observation, questioning, interviewing, content analysis of documents).

Results and key conclusions: based on the results of the conducted research, the author comes to the conclusion that one of the tools for improving the effectiveness of activities to identify tax crimes committed in the consumer market could be an operational investigative technique, which does not yet meet the conditions of modern reality. It should be noted that the methodology currently available is based on materials from the initial stage of the formation of a market economy and does not meet its fundamental transformations, accompanied by significant changes in legislative and other regulatory legal acts.

In our opinion, the successful solution of this important task is facilitated by a preliminary theoretical understanding of the problem raised in order to maximize the approximation of the proposed methodology to principles such as practice-oriented and risk-oriented, as well as commitment to digitalization.

Keywords: operational investigative methodology; methodology structure; identification process; consumer market in new conditions; tax crimes; economic security and anti-corruption units.

Проведенное выборочное исследование процесса выявления налоговых преступлений, совершаемых в сфере потребительского рынка, убедительно свидетельствует о влиянии на него совокупности внутренних и внешних факторов, а также *философских законов и категорий*. Укажем основные из них: познаваемость социальных явлений, единство и борьба противоположностей, переход количества в качество, причинность и следствие. Мы рассматриваем их как постулат. Благодаря указанным законам представляется возможным глубже проникнуть в сущность деятельности по выявлению налоговых преступлений в сфере потребительского рынка с целью познания внутреннего ее содержания, корреляционных связей между элементами системы процесса выявления.

Всеобщий метод познания — диалектика — способствует тому, чтобы проследить на объектах выявления (ими выступают: преступность, личность «цифрового преступника», детерминанты, механизм, совокупность (комплекс) мер противодействия) взаимосвязь, в частности, общего, особенного и единичного, необходимого и случайного, причины и следствия. Эти концептуальные идеи, по мнению автора, должны лежать в основе оперативно-розыскной характеристики (информационной модели) налоговой преступности, совершаемой в сфере потребительского рынка, сущности и классификации ее причин, а также выработки системы комплекса оперативно-розыскных и иных мер, направленных прежде всего на установление признаков проявлений указанного явления. Кроме того, анализируемый нами метод помогает и при изучении личности «цифрового преступника», что является немаловажным объектом всестороннего познания процесса выявления. Иными словами, не обойтись без его помощи, чтобы глубже изучить непосредственное влияние на личность внутренних и внешних причин при ее формировании, в частности затрагивающих такие сферы, как жизнедеятельность и система мотивации.

Среди множества задач, стоящих перед подразделениями территориальных органов внутренних дел (далее — ОВД), ряд из них в силу различных причин считаются на сегодняшний день особо важными. Такого рода задачей, в соответствии с директивными документами МВД России, является выявление налоговых преступлений на объектах потребительского рынка. В настоящее время она признана приоритетной. На решении этой задачи сосредоточены немалые усилия, в том числе в плане научного обеспечения на предмет определения понятия и сущности деятельности по выявлению указанных категорий преступлений с учетом цифровой трансформации. Проведенное выбо-

рочное изучение современного состояния этого вида деятельности показывает, что подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции в настоящее время не располагают оперативно-розыскной методикой выявления налоговых преступлений на объектах потребительского рынка, обеспечивающего первичные потребности общества в жизненно важных продуктах, участвуя в процессе производства, распределения, обмена и потребления.

Имеющиеся наработки в этом плане сильно устарели, коэффициент полезного их действия не отвечает современным реалиям. Объективная потребность в новой редакции названной методики как никогда возросла на фоне новых вызовов и угроз экономической безопасности, неотъемлемой частью которой выступает налоговая составляющая. Источниками угроз стали коррупция, теневая и криминальная экономика, которые не миновали налоговую сферу, а потому ее трудно признать на сегодня криминологически «чистой». Свидетельством тому являются статистические данные ФКУ «ГИАЦ МВД России» за последние четыре года: в 2019 г. было выявлено 3 737 преступлений, в 2020 г. — 3 519, в 2021 г. — 3 881, в 2022 г. — 3 824, в 2023 г. — 3 375. Чтобы понять, что же имеет бюджет от возмещения причиненного материального ущерба, приведем его в суммарном размере за два последних года: в 2022 г. сумма возмещения составила 70 млрд руб., а в 2023 г. — 67,9 млрд руб. Как видим, казна теряет от данной категории преступлений немалую сумму.

Нельзя объяснить такие показатели только снижением преступности или изменением соответствующих норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) в части порядка возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях, хотя последние изменения в этой сфере в 2022 г. оказали весьма существенное влияние на статистику.

Исходя из вышеуказанного, считаем, что, несмотря на модернизацию законодательства, темпы роста налоговых преступлений «прогрессируют». Наряду с этим стоит отметить необходимость совершенствования мер по своевременному выявлению налогоуплательщиков в двух направлениях: теоретико-методологическом (познавательном) и прикладном (деятельностном), избрав практико-ориентированный подход.

Автор настоящей статьи, учитывая указанные обстоятельства, предпринял попытку предложить научной общественности на основе изучения монографических работ, нормативных правовых актов, правоприменительной практики и складывающейся криминогенной ситуации свое видение оперативно-розыскной

методики выявления налоговых преступлений на объектах потребительского рынка, его структурно-содержательной составляющей. Забегая вперед, отметим, что в рамках одной научной статьи вряд ли нам удастся всесторонне отразить возникающие в процессе выявления проблемы и пути их разрешения. Такую задачу автор не ставит перед собой. В последующих своих работах мы вернемся к вопросам, не нашедшим отражение в настоящей статье.

Многообразие терминов: «оперативный поиск», «выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес», «разведывательно-поисковая работа» во многом свидетельствует об отсутствии среди специалистов теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) единого мнения по вопросу получения и проверки первичной информации о признаках совершения налоговых преступлений и лицах, причастных к ним. До настоящего времени дискуссия не завершена, она продолжается на фоне цифровой трансформации, новых вызовов и угроз, появления нового фигуранта – личности «цифрового преступника».

Мы же со своей стороны полагаем, что данный вид деятельности должен быть переименован в следующей редакции: «оперативно-розыскное выявление налоговых преступлений» либо «выявление налоговых преступлений оперативным путем». Как видим, тем самым подчеркивается его специфическая особенность и принадлежность к теории ОРД и ее основам. Подоплека в такой трактовке более чем очевидна и ясна. Разумеется, высказанная идея должна быть научно обоснована и выверена правоприменительной практикой, требует глубокого изучения, под нее должны подвести убедительные доводы, аргументы. Тем самым мы не сторонники считать эту мысль истиной последней инстанции.

Обобщая затронутый вопрос, отметим наличие на сегодня три подхода к определению понятия и сущности рассматриваемого вида деятельности. Одни авторы [1, с. 24; 2, с. 24] его именуют как выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес; другие [3, с. 25; 5 с. 24] – разведывательно-поисковая работа; третьи [6, с. 28; 10, с. 50] называют оперативным поиском. Сторонники той или иной точки зрения при этом выдвигают свои аргументы.

Такая дифференциация свидетельствует о наличии между ними разногласия. Сторонники той или иной точки зрения, на наш взгляд, приводят в пользу своей позиции вполне убедительные аргументы, носящие как теоретико-методологический, так и организационно-тактический характер.

Мы со своей стороны полагаем, что анализируемые понятия близки по значению, как бы синонимичны (сходны). В работе автора данной статьи и А. С. Шитова «Выявление и раскрытие налоговых преступлений на объектах потребительского рынка» (Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 2. С. 97–103) в развернутом виде представлены научно-теоретические суждения по затронутому вопросу.

Чтобы деятельность по выявлению налоговых преступлений оперативным путем изучить всесторонне, следует ее рассматривать как целостную систему, состоящую из множества элементов (подсистем), основными из которых являются: цель, субъект, объект, задачи, функции, тенденции и закономерности, принципы, факторы. Названные подсистемы тесно взаимосвязаны между собой и взаимодополняют друг друга, насыщая их содержание. Каждая подсистема выполняет строго определенную роль, однако она не может заменить функцию самой системы, поскольку представлена лишь как звено целостной системы.

Остановимся на краткой характеристике указанных элементов через призму выявления на потребительском рынке налоговых преступлений.

Итак, основные цели, преследуемые в процессе выявления, на наш взгляд, следующие:

– оперативно-розыскное обеспечение подразделениями ЭБиПК налоговой безопасности путем активного участия в реализации государственной политики в области противодействия налоговой, экономической и коррупционной преступности. Соккрытие юридическими и физическими лицами доходов (прибыли) или иных объектов налогообложения может привести к подрыву финансовой стабильности, расширению скрытой экономической деятельности (теневой экономики¹). Таким образом может торпедироваться бюджетная и налоговая политика страны. Бюджет, как известно, является основным источником финансирования приоритетных национальных проектов и программ, а в свою очередь налоги выступают одним из основных источников формирования доходной части бюджета;

– оперативное получение первичной оперативно значимой информации о подготавливаемых либо совершаемых налоговых преступлениях и лицах, к ним причастных. В этом контексте деятельность по выявлению выступает

¹ Так, по данным Департамента экономической безопасности МВД России, масштабы теневой экономики по состоянию на 2005 г. оценивались от 90 до 110 млрд долл. Об этом см.: Угрозы экономической безопасности в сфере деятельности ДЭБ МВД России : аналитическая записка. М., 2005. С. 2.

первоначальным этапом раскрытия указанных видов преступлений оперативным путем.

Многообразие целей, преследующих деятельность по выявлению налоговых преступлений на потребительском рынке, предопределяет необходимость последовательного решения подразделением ЭБиПК ряда задач, приоритетными из которых в настоящее время являются:

- своевременное выявление и пресечение преступлений, предусмотренных ст. 159 (связано с незаконным возмещением НДС), 198, 199, 199.1, 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Помимо указанных составов, возникает также необходимость выявления преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ, поскольку налоговые преступления нередко являются предикатными названным деянием;

- обеспечение возмещения причиненного материального ущерба по уголовным делам о налоговых преступлениях;

- выявление налоговых преступлений в крупном и особо крупном размере;

- выявление коррупционных преступлений, совершенных должностными лицами налоговых органов в крупном и особо крупном размере;

- выявление преступлений, предусмотренных ст. 290 и 291 в крупном и особо крупном размере;

- возбуждение по материалам подразделений ЭБиПК (выездной налоговой проверки) уголовных дел по налоговым преступлениям ст. 198–199.2, 159 УК РФ;

- выявление в процессе осуществления первоначальной и последующей оперативной проверки лиц, совершивших налоговые преступления;

- оперативное сопровождение расследования уголовных дел, связанных с ОГ и ПС, возбужденных по материалам о налоговых преступлениях.

- противодействие фактам образования организаций через подставных лиц (ст. 173.1, 173.2 УК РФ).

Результаты по вышеперечисленным направлениям деятельности подразделений ЭБиПК сегодня считаются показателями оценки проводимой ими оперативно-розыскной работы. Они одновременно выступают одним из элементов оценки состояния оперативной обстановки по линии налоговой безопасности, складывающейся в сфере потребительского рынка.

Другим не менее важным элементом деятельности по выявлению, как уже мы отметили в начале, является система принципов, закрепленных в законодательных² и иных норма-

тивных правовых актах, и выработанные с оперативно-розыскной практикой руководящие идеи, основополагающие начала, а также нравственные представления общества относительно сущности, цели и задач организации и тактики применения оперативно-розыскных сил, средств и методов [4, с. 62]. При осуществлении деятельности по выявлению отчетливо проявляют себя такие принципы, как единство научно-методических и организационных подходов к выработке системы комплекса оперативно-розыскных и иных мер. Приведем отдельные из них. Например, принцип инновационности, состоящий в разработке и внедрении прогрессивных научных технологий в процесс выявления, или принцип профессионализации управления, основанный на необходимости повышения профессиональной компетенции задействованных на практическое его осуществление специалистов. В системе названных принципов не менее востребованным считается принцип практической направленности, означающий подчиненность названной деятельности целям и задачам ОРД в целом.

Как справедливо отмечают многие исследователи, названные начала выражают специфику и целевую направленность деятельности по выявлению.

Как нам представляется, благодаря соблюдению вышеперечисленных принципов, во многом удастся добиться соразмерности и адекватности принимаемых сотрудниками подразделений ЭБиПК ответных мер.

Помимо принципов, правоприменительная практика при осуществлении исследуемого вида деятельности настоятельно рекомендует учесть складывающиеся условия, основными из которых являются:

- разработанность теоретических его основ;
- обеспечение высокой технической оснащенности сотрудников подразделений ЭБиПК по сравнению с криминальной средой;

- высокая степень секретности и скоординированности деятельности правоохранительных органов в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий;

- акцент на скрытые методы и способы указанной деятельности;

- обеспечение конфиденциальности применяемых сил, средств и приемов;

- привлечение по мере необходимости к сотрудничеству граждан.

К числу подсистем рассматриваемой деятельности как системы мы относим также механизм ее осуществления, предполагающий

² Базовыми принципами, несмотря на приведенные, продолжа-

ют оставаться законодательно закрепленные. В частности, об этом см.: Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (ст. 3) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

определение порядка последовательности действий по установлению признаков, указывающих на факт совершения налогового преступления – уклонения от уплаты налогов либо сокрытия реальных доходов от налогообложения. При этом важно помнить, что механизм выявления может быть представлен только как неотъемлемая составная часть механизма осуществления на объектах потребительского рынка оперативно-розыскной деятельности и не более. Говоря о механизме, нельзя забывать о совокупности форм и методов, с помощью которых обеспечивается осуществление широкого спектра оперативно-розыскных отношений, возникающих в ходе обнаружения признаков распознавания названных деяний.

К следующему элементу системы выявления налоговых преступлений мы относим ее тенденции (тренды, направления развития). По результатам выборочного изучения весьма ощутимыми сегодня выступают две из них:

- интернационализация преступности на фоне финансовой глобализации в процессе осуществления международной хозяйственной деятельности различными субъектами. Характерными ее признаками (чертами), как правило, выступают: наличие организованности, изощренности при выборе схем, транснациональный характер;

- качественные изменения в новых условиях как налоговой преступности, так и самой среды ее проявления. Такая сопряженность во многом усиливает устойчивость преступных групп, стремящихся «завоевать» объект потребительского рынка как сферу своего влияния, где можно было бы беспрепятственно осуществлять незаконную предпринимательскую деятельность. Лидеры преступных групп, имея в распоряжении современную информационную технологию и технические средства, всячески пытаются уйти от налоговых проверок и ответственности. Удастся им и приспособляться к предъявляемым требованиям, адаптируясь к налоговой системе в части организуемых проверок.

Без учета истории зарождения налоговой преступности (генезиса) не представляется возможным сделать глубокие выводы об ее особенностях и тенденциях развития. Более того, познанные закономерности возникновения и становления процесса выявления также должны приниматься во внимание при формулировании перспективных направлений его развития. Глубина познания и масштабности охвата предмета исследования, на наш взгляд, есть современный подход к решению данной задачи. Как нам представляется, его можно отнести к числу методов познания процесса выявления как целостного системного образования (устойчи-

вой интегральной категории). Следует при этом иметь в виду то обстоятельство, что взаимосвязь между его компонентами – это не механическое их соединение, а внутренне логически выстроенная взаимообусловленность и взаимозависимость.

Принимаемые сотрудниками подразделений ЭБиПК контрмеры в аспекте противодействия преступности, как показывает проведенное нами исследование, не всегда дают ожидаемый результат вследствие прежде всего неравных условий по степени оснащенности современной техникой.

Между тенденцией и существующими закономерностями выявления налоговых преступлений мы усматриваем некий тандем. Учитывая это, укажем отдельные закономерности³:

- наличие устойчивой взаимосвязи налоговых и экономических преступлений. Неслучайно законодатель в уголовном законе преступления этой группы разместил в одной главе «Преступления в сфере экономической деятельности». Заметим, что такое расположение во многом свидетельствует об их однородности;

- существующие взаимообусловленности применительно к деятельности по выявлению налоговых преступлений четко просматриваются между отраслями права (бюджетное, налоговое, финансовое, предпринимательское, гражданское, административное, уголовное и т. д.);

- выведение по результатам выборочного изучения своеобразной формулы: «преступность как система = налоговая преступность + организованная (транснациональная) налоговая преступность + налоговая преступность в сфере потребительского рынка». Указанные подсистемы, подчиняясь системе, будучи в ее оболочке, находятся во взаимосвязи между собой. Тем самым они насыщают (обогащают) содержание друг друга, привнеся общие либо частные свойства, характерные двояко: среде функционирования (сфера потребительского рынка) и совокупности уголовно наказуемых деяний налоговой направленности, совершаемых в ней;

- деяния, сопряженные с коррупцией на фоне роста киберпреступности. Создается своеобразный механизм облегченного вывода интернет-ресурсов и банковских счетов налогоплательщиков электронной коммерции за пределы места фактической их дислокации, т. е. в офшорные юрисдикции. Тем самым происходит некое перераспределение цифровых доходов на межгосударственном уровне, что намного усложняет процесс выявления и закреп-

³ Под закономерностью нами понимается объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между противоправными деяниями и факторами, способствующими их распространению.

пления правоохранительными органами противоправной деятельности недобросовестных налогоплательщиков. Существующие сегодня некоторые неопределенности в системе налогообложения предприятий электронной коммерции также благоприятствуют им в реализации корыстной цели.

Говоря об анализируемой разновидности закономерностей, нам не следует забывать о том, что сейчас активно идет процесс цифровизации криминальной среды, причем основные тенденции ее развития коренным образом изменились: наблюдается рост мошенничеств совершаемых с использованием цифровых технологий, фактов легализации преступных доходов с использованием новых цифровых финансовых инструментов, наконец, криптовалюта стала как предмет и средство совершения экономических преступлений.

Возвращаясь к должностным и коррупционным преступлениям, совершаемым работниками налоговых органов, следует отметить, что оперативно-следственная практика знает немало примеров. В последнее время наблюдается увеличение количества выявленных фактов разглашения сведений, составляющих налоговую тайну. Наиболее характерными стали ситуации, при которой работник налогового органа за незаконное вознаграждение с использованием мессенджеров направляет лицам, не имеющим доступа к сведениям, составляющим налоговую тайну, фотографии с экрана компьютера, содержащие информацию из информационной системы АИС «НАЛОГ-3», а также подсистемы АСК «НДС-2». Например, в прошлом году была пресечена деятельность телеграм-канала, на котором размещались «заказы» на информационный поиск по базам налоговых органов. В результате пяти сотрудникам налоговых органов, выполнявшим подобные «заказы», были предъявлены обвинения по ст. 290 УК РФ.

К большому сожалению, потенциальные возможности информационно-телекоммуникационной сети, включая сеть Интернет, в интересах эффективного осуществления процесса поиска информации о признаках, указывающих на подготовку и совершение налоговых преступлений в сфере потребительского рынка, правоохранительными органами в силу целого ряда причин используются еще недостаточно.

Налоговые преступления как объект поиска в процессе осуществления деятельности по их выявлению в оперативно-тактическом плане характеризуются совокупностью признаков распознавания. С их помощью устанавливаются скрытые (неочевидные) от посторонних глаз указанные деяния. Мы решили в целях облегчения восприятия и запоминания условно поделить их на пять блок-модулей. При этом

сделаем оговорку: к данному вопросу мы ранее обращались неоднократно [7; 8; 9] и постарались обстоятельно изложить перечень известных правоприменительной практике подразделений ЭБиПК признаков, а потому сочли не повторяться при раскрытии содержания блок-модулей. По их названию можно определить, какие признаки распознавания охватывает тот или иной из них. С учетом сказанного представим классификацию признаков через призму блок-модулей, они следующие:

Блок-модуль 1 – «Признаки распознавания налогового преступления на стадии его подготовки» – содержит наиболее общие, относящиеся к личности преступника и его противоправному поведению. Заметим одно немаловажное обстоятельство, которое, как правило, присуще анализируемым видам деяний. Его суть заключается в следующем: практически ни одно налоговое преступление не может быть совершено без использования реквизитов подставных лиц, включая фирмы-однодневки (формально легитимные организации, но не ведущие реальную хозяйственную деятельность).

Блок-модуль 2 – «Свойства и черты, раскрывающие суть мотива совершения противоправных действий». Приведем наиболее часто встречающиеся в практике деятельности подразделений ЭБиПК признаки распознавания: запутанный или необычный характер сделки, не имеющей очевидного экономического смысла или очевидной законной цели; несоответствия или сделки целям деятельности организации установленным учредительным документам этой организации.

Блок-модуль 3 – «Признаки, характеризующие способ (механизм) совершения налогового преступления».

Блок-модуль 4 – «Совокупность признаков, отображающих существенные свойства среды проявлений налоговой преступности». Углубленное изучение среды продиктовано тем, что в ней находят отображение противоправные действия недобросовестных налогоплательщиков в виде хитросплетенных схем (способов), максимально придающих под правомерную форму. Процесс их идентификации (отождествления) по признакам занимает много рабочего времени. Такая схема (сложный узел), как правило, нацелена на запутывание сотрудников подразделений ЭБиПК, чтобы они не смогли распутывать ее, используя для этого состоящий на их вооружении традиционный алгоритм действий. Иными словами, преступники тщательно (основательно) готовятся при подборе приемов (способов) противодействия.

Блок-модуль 5 – «Признаки, раскрывающие сущность примененных преступниками схем налоговых преступлений».

Изучая данную совокупность признаков, приходим к выводу о том, что нет и не может быть универсального на все случаи признака, указывающего на противоправный характер действия лица, представляющего оперативный интерес. Со своей стороны предлагаем применить системный подход, который мог бы работать в следующем режиме: чтобы недостатки одного признака восполнялись бы достоинствами другого.

Деятельность по выявлению налоговых преступлений на потребительском рынке как собирательное понятие и выступающая своеобразным инструментом получения первичной информации о фактах уклонения от уплаты налогов либо сокрытия реальных доходов от налогообложения посредством разработки и проведения комплекса мероприятий в рамках следующих типичных криминальных ситуаций: «от результатов поисковой работы – к механизму подготовки и совершения налогового преступления», «от подчетного лица – к признакам указанного деяния», «от формирования умысла – к мерам по его пресечению», «от имеющих в распоряжении подразделений ЭБиПК оперативных данных – к их проверке на предмет установления признаков рассматриваемого вида преступления», «от информации налогового органа – к их закреплению оперативным путем», «от оперативных материалов подразделений ЭБиПК по окраске «налоговое преступление» – к выездной налоговой проверке».

По мнению автора настоящей статьи, оперативно-розыскная работа в рамках названных ситуаций, будучи научно выверенной и не противоречащей действующему законодательству и иным нормативным правовым актам, создаст необходимые предпосылки для дальнейшего обеспечения деятельности по раскрытию налоговых преступлений (всестороннего выяснения обстоятельств их совершения). В этом плане достаточно много преимуществ несет в себе процесс выявления. Уже на этом этапе подозреваемые лица и схемы, применяемые ими в преступных целях, как правило, становятся известными сотрудникам подразделений ЭБиПК. Мы, соблюдая некоторую хронологию «раскручивания» оперативным путем схемы уклонения от уплаты налогов (сборов), называем эту стадию как первоначальный его этап, поскольку именно на этой стадии предварительной оперативной проверки создаются предпосылки для решения последующих задач, связанных с раскрытием налоговых преступлений в сфере потребительского рынка.

Завершая рассмотрение вопроса, связанного с выявлением налоговых преступлений на объектах потребительского рынка, представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, выявление как первоначальный этап раскрытия налоговых преступлений в указанной сфере в теории ОРД ОВД сегодня рассматривается с трех позиций: 1) как относительно самостоятельный вид деятельности (направление); 2) одна из задач оперативно-розыскной деятельности; 3) разновидность организационно-тактической ее формы. Относительную его самостоятельность, прежде всего, определяют субъекты, объекты, направления, признаки распознавания объектов поиска, принципы организации. Тем самым выявление представляет собой сложноструктурное образование.

Во-вторых, под выявлением в широком смысле слова мы понимаем обнаружение оперативным путем совокупности данных о лицах, событиях, фактах, документах, имуществе и обстоятельствах, представляющих оперативный интерес, указывающих на признаки налоговых преступлений, совершаемых на рассматриваемых объектах.

В-третьих, в настоящее время среди исследователей в области теории ОРД нет единства во мнении по вопросу понятия и сущности рассматриваемого вида деятельности. Одни авторы его именуют как выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес, другие – как разведывательно-поисковую работу (оперативный поиск), третьи называют оперативным поиском. Сторонники той или иной точки зрения при этом выдвигают свои вполне убедительные аргументы. Мы же склонны к первой позиции, так как она на сегодняшний день ведущими специалистами теории ОРД представлена как наиболее перспективное направление и ориентирует подразделения ЭБиПК на установление большого перечня предметов, заслуживающих оперативного внимания.

В-четвертых, деятельность по выявлению остро нуждается в упорядочении в рамках оперативно-розыскной методики, разработанной с учетом современных реалий. Такая методика должна выступать своеобразным инструментом своевременного выявления и пресечения налоговых преступлений на объектах потребительского рынка. Ныне существующие традиционные подходы к решению указанной задачи, на наш взгляд, сильно устарели.

В-пятых, налоговые преступления (уклонение от уплаты налогов и сборов, сокрытие доходов от налогообложения), будучи источником угроз налоговой безопасности, составляющей неотъемлемый элемент системы экономической безопасности, в настоящее время тем самым представляют повышенную общественную опасность, поскольку они могут привести к подрыву финансовой стабильности, а также принципов рыночной конкуренции. Только принятие территориальными органами

внутренних дел и их подразделениями ЭБиПК системы комплекса мер социально-экономического, правового, организационного и иного характера, образующих содержание оперативно-розыскного противодействия указанным деяниям, как показывает многолетняя правоприменительная практика, может обеспечить стабилизацию криминогенной ситуации в сфере потребительского рынка, создавая благоприятные условия для защиты экономических интересов добросовестных налогоплательщиков и их собственности от противоправных посягательств.

Список литературы:

1. Анников А. В. Выявление и раскрытие подразделениями ЭБиПК ОВД экономических и коррупционных преступлений в сфере закупок для нужд оборонно-промышленного комплекса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 24 с.
2. Журавлёв А. В. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел по предупреждению и раскрытию фальшивомонетничества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
3. Королёв И. А. Оперативно-розыскные меры по борьбе с экономическими преступлениями в сфере производства и оборота табака и табачной продукции (по материалам подразделений БЭП ОВД) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 25 с.
4. Климов И. А., Тузов Л. Л., Дубоносов Е. С. [и др.] Оперативно-розыскная деятельность : учеб. 3-е изд., перераб. и доп. / И. А. Климов, Л. Л. Тузов, Е. С. Дубоносов [и др.] / М., 2017. 431 с.
5. Марзаев Э. В. Оперативно-розыскные меры по борьбе с экономическими преступлениями в сфере государственных внебюджетных фондов (по материалам подразделений БЭП) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 24 с.
6. Сонин В. В. Оперативно-розыскные меры по выявлению и раскрытию экономических преступлений в сфере реализации целевых программ в приоритетных отраслях экономики (по материалам подразделений ЭБиПК ОВД) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 28 с.
7. Шитов А. С., Иванов П. И. К вопросу о выявлении налоговых преступлений в сфере потребительского рынка // Закон и право. 2020. № 1. С. 147–150.
8. Шитов А. С., Иванов П. И. Оперативно-розыскное противодействие налоговой преступности: поисковые признаки и их учет в правоприменительной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1 (54). С. 57–60.
9. Шитов А. С., Иванов П. И. Особенности оперативно-розыскного обеспечения деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия корруп-

References:

1. Annikov A. V. Vyyavlenie i raskrytie podrazdeleniyami EBiPK OVD ekonomicheskikh i korrupcionnykh prestuplenij v sfere zakupok dlya nuzhd oboronno-promyshlennogo kompleksa : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2019. 24 s.
2. Zhuravlyov A. V. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov vnutrennih del po preduprezhdeniyu i raskrytiyu fal'shivo-monetnichestva : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2021.
3. Korolyov I. A. Operativno-rozysknye меры по бор'бе s ekonomicheskimi prestupleniyami v sfere proizvodstva i oborota tabaka i tabachnoj produkcii (po materialam podrazdelenij BEP OVD) : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2004. 25 s.
4. Klimov I. A., Tuzov L. L., Dubonosov E. S. [i dr.] Operativno-rozysknaya deyatel'nost' : ucheb. 3-e izd., pererab. i dop. / I. A. Klimov, L. L. Tuzov, E. S. Dubonosov [i dr.] / M., 2017. 431 s.
5. Marzaev E. V. Operativno-rozysknye меры по бор'бе s ekonomicheskimi prestupleniyami v sfere gosudarstvennykh vnebyudzhjetnykh fondov (po materialam podrazdelenij BEP) : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2009. 24 s.
6. Sonin V. V. Operativno-rozysknye меры по vyavleniyu i raskrytiyu ekonomicheskikh prestuplenij v sfere realizacii celevykh programm v prioritnykh otraslyah ekonomiki (po materialam podrazdelenij EBiPK OVD) : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2016. 28 s.
7. Shitov A. S., Ivanov P. I. To the issue of identifying tax crimes in the consumer market // Law and Legislation. 2020. № 1. P. 147–150.
8. Shitov A. S., Ivanov P. I. Operational-search counteraction to tax crime: search signs and their registration in law enforcement activities // Bulletin of Vladimir Law Institute. 2020. № 1 (54). P. 57–60.
9. Shitov A. S., Ivanov P. I. The features of operational-search support for the activities of the economic security units and the fight against corruption in identifying tax crimes in the consumer market committed by “artificially splitting a business” // Law and Legislation. 2020. № 2. P. 147–150.
10. Yanishevskij A. B. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov vnutrennih del po bor'бе

ции по выявлению и раскрытию налоговых преступлений на потребительском рынке, совершаемых путем «искусственного дробления бизнеса» // Закон и право. 2020. № 2. С. 147–150.

10. Янишевский А. Б. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел по борьбе с экономическими преступлениями в сфере бюджетного финансирования (теоретические, правовые и организационно-тактические основы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 50 с.

s ekonomickimi prestupleniyami v sfere byudzhetnogo finansirovaniya (teoreticheskie, pravovye i organizacionno-takticheskie osnovy) : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2019. 50 s.

Для цитирования:

Иванов Пётр Иванович. Выявление налоговых преступлений на объектах потребительского рынка – приоритетная задача подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 151–160.

For citation:

Ivanov Petr Ivanovich. The Detection of Tax Crimes at Consumer Market Facilities is a Priority Task of the Economic Security and Anti-Corruption Units of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 151–160.

Кольцов Дмитрий Валентинович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры оперативно-разыскной
деятельности в органах внутренних дел,
Санкт-Петербургский
университет МВД России,
Российская Федерация, 198206,
г. Санкт-Петербург,
ул. Лётчика Пилютова, д. 1
E-mail: kdv.16@yandex.ru

Научная специальность:
5.1.4 Уголовно-правовые науки

УДК 343.211.3:343.985

DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-161-171

Дата поступления статьи: 8 октября 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 12 декабря 2024 г.

Оперативно-розыскной взгляд на виды «специальных методов расследования» в праве Совета Европы

Operational-Investigative View on the Types of “Special Investigative Methods” in the Law of the Council of Europe

Аннотация

Актуальность оперативно-розыскного анализа разновидностей «специальных методов расследования» в праве Совета Европы обусловлена практикой упоминания данных категорий в действующих в отношении Российской Федерации международных договорах соответствующего регионального объединения, прилагаемых актов «мягкого права», документообороте полицейского сотрудничества, а также озвученными до 15 марта 2022 г. правовыми позициями Европейского суда по жалобам на действия отечественных оперативно-розыскных органов.

Постановка проблемы: настоящей работой автор продолжает цикл публикаций, затрагивающих проблемы соотношения международных стандартов использования «специальных методов расследования» и положений отечественного оперативно-розыскного законодательства в контексте результатов рассмотрения в период до 15 марта 2022 г. в Страсбурге жалоб на конвенциональные нарушения. Автор

Dmitrij Valentinovich Kol'cov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of the Operative Search
Activity in the Internal Affairs Bodies,
Saint-Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Russian Federation, 198206, St. Petersburg,
Lyotchik Pilyutov St., 1
E-mail: kdv.16@yandex.ru

Scientific speciality:
5.1.4. Criminal Law Sciences

Abstract

The relevance of the operational search analysis of the varieties of “special investigative methods” in the law of the Council of Europe is due to the practice of mentioning these categories in the international treaties of the relevant regional association in force with respect to the Russian Federation, the attached acts of “soft law”, the document flow of police cooperation, as well as the legal positions of the European Court of Justice on complaints against domestic actions announced before March 15, 2022. operational search agencies.

Problem statement: with this work, the author continues a series of publications addressing the relationship between international standards for the use of “special investigative techniques” and the provisions of domestic operational investigative legislation in the context of the results of the review of complaints of conventional violations in the period up to March 15, 2022 in Strasbourg. The author adheres to the hypothesis of the semantic identity of the international special legal

придерживается гипотезы о смысловой идентичности используемой международной специально-юридической категории «специальные методы расследования» с отечественным понятием «оперативно-розыскные мероприятия» в их негласной форме, а также элементами института содействия оперативно-розыскным органам.

Цель исследования: компаративный анализ разновидностей и ключевых содержательных характеристик, упоминаемых в праве Совета Европы «специальных методов расследования», в контексте их соотношения с мероприятиями, закрепленными в ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (последняя ред.) «Об оперативно-розыскной деятельности».

Методы исследования: общенаучные, включающие формально-логические (анализ, синтез, обобщение, выдвижение гипотез), частнонаучные (наблюдение, контент-анализ документов, сравнительно-правовой метод, экспертная оценка).

Результаты и ключевые выводы. Обобщая итоги работы, можно отметить, что, по сравнению с универсальным уровнем, право Совета Европы содержит менее структуризованный и в значительной степени более вариативный набор упоминаемых «специальных методов расследования», обусловленный практическим отсутствием межгосударственного консенсуса в этой части. В настоящее время для нашей страны наибольшее теоретическое и практическое значение имеет приведенный в Конвенции Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма» перечень «специальных методов расследования». Изложенные в других актах «мягкого права» разновидности негласных действий в основном представляют интерес в контексте компаративных исследований, анализе озвученных до 15 марта 2022 г. позиций Европейского суда, а также в случае их вхождения в глобальные стандарты негласной работы. По мнению автора, для отечественной оперативно-розыскной науки может быть значимой практика использования открытого набора «специальных методов расследования», а также отнесения негласных действий технического характера, в том числе связанных с прослушиванием телефонных переговоров, к организационно-тактическим формам реализации «специальных методов расследования».

category “special investigative methods” used with the domestic concept of “operational investigative measures” in their unspoken form, as well as elements of the institute for assistance to operational investigative bodies.

The purpose of the study is a comparative analysis of the varieties and key substantive characteristics mentioned in the law of the Council of Europe of “special investigative methods” in the context of their relationship to the measures set out in art. 6 of Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 “On Operational Investigative activities”.

Research methods: general scientific, including formal and logical (analysis, synthesis, generalization, hypotheses), private scientific (observation, content analysis of documents, comparative legal method, expert assessment).

Results and key conclusions. Summarizing the results of the work, it can be noted that, in comparison with the universal level, the law of the Council of Europe contains a less detailed and largely more variable set of the mentioned “special investigative methods”, due to the practical lack of interstate consensus in this part. Currently, the list of “special investigative methods” listed in the Council of Europe Convention on Laundering, Search, Seizure and Confiscation of Proceeds from Crime and on the Financing of Terrorism is of the greatest theoretical and practical importance for our country. The types of covert actions described in other acts of “soft law” are mainly of interest in the context of comparative research, analysis of the positions of the European Court of Justice announced before March 15, 2022, as well as in the case of their entry into global standards of covert work. According to the author, the practice of using an open set of “special investigative methods”, as well as attributing covert technical actions, including those related to wiretapping, to organizational and tactical forms of implementation of “special investigative methods” may be significant for domestic operational investigative science.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; специальные методы расследования; Совет Европы; Европейский суд по правам че-

Keywords: operational investigative activities; operational investigative measures; special investigative methods; Council of Europe; European Court of Human Rights; soft law; international legal

ловека; мягкое право; международные правовые стандарты; электронное наблюдение; наблюдение; негласное содействие; финансовое расследование; прослушивание телефонных переговоров; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений.

standards; electronic surveillance; surveillance; covert assistance; financial investigation; wiretapping; control of mail, telegraphic and other messages.

Продолжая серию публикаций, посвященных рассмотрению с оперативно-розыскных позиций современных международных стандартов применения «специальных методов расследования»¹ (далее – СМР), нельзя не остановиться на подходах Совета Европы (далее – СЕ) к определению их разновидностей и содержательных элементов, преимущественно отраженных в региональных конвенциях и актах «мягкого права», а также прецедентной практике Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ).

Безусловно, в условиях кризиса международного правопорядка у некоторых читателей могут возникнуть вопросы о целесообразности обращения к данной проблематике в рамках российской оперативно-розыскной науки и практической значимости результатов исследования. Заранее предвосхищая подобные замечания, представляется целесообразным привести ряд доводов, обосновывающих необходимость изучения европейских стандартов применения СМР, а также их актуальность для специалистов в области правового регулирования оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), субъектов законодотворческой инициативы и действующих профессионалов полицейского сыска.

Как ранее упоминалось нами в предыдущих публикациях, категория СМР впервые была введена в международную правовую оборот принятой в 1990 г. Конвенцией СЕ «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности»². Впоследствии произошло ее закрепление в профильных «антикриминальных» конвенциях Организации Объединенных Наций и разработанных в их развитие актах «мягкого права». Тем не менее при необходимости разъяснения сущности данного термина в подавляющем большинстве случаев используется определение³, заимствован-

ное из Рекомендаций Комитета министров СЕ (далее – КМСЕ) Rec(2005)10 «Об особых методах расследования тяжких преступлений, в том числе террористических актов»⁴ и их дополненной версии CM/Rec(2017)6⁵. Указанное обстоятельство позволяет утверждать о фактическом инкорпорировании базовых подходов страсбургской юриспруденции в содержание глобальных стандартов применения СМР.

Несмотря на выход России из состава Совета Европы, на момент написания статьи наша страна остается стороной Конвенции СЕ «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма»⁶. Часть 3 ст. 7 данного акта закрепляет обязательства стран-участниц по имплементации в национальное законодательство положений, предусматривающих применение СМР как на внутрисударственном уровне, так и в рамках международного сотрудничества, а также нормативно приводит основанный на европейских стандартах примерный перечень подобных мероприятий.

Денонсация «Европейской конвенции по правам человека»⁷ и прекращение признания Россией юрисдикции Европейского суда отменила обязательность исполнения вынесенных после 15 марта 2022 г. постановлений страс-

№ СТОС/СОР/УГ.3/2020/3: подготовлен Секретариатом участников Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 12 мая 2020 г. // УНП ООН : сайт. URL: <https://www.unodc.org> (дата обращения: 29.05.2024).

⁴ Об особых методах расследования тяжких преступлений, в том числе террористических актов : рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 20 апреля 2005 г. № Rec(2005)10 // Комитет Министров Совета Европы : сайт. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016805da6f6 (дата обращения: 29.05.2024).

⁵ Об особых методах расследования тяжких преступлений, в том числе террористических актов : рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 5 июля 2017 г. № CM/Rec(2017)6 // Комитет Министров Совета Европы : сайт. URL: [https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?Reference=CM/Rec\(2017\)6](https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?Reference=CM/Rec(2017)6) (дата обращения: 29.05.2024).

⁶ О ратификации Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма : Федер. закон от 26 июля 2017 г. № 183-ФЗ // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.05.2024).

⁷ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 : заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 24 июня 2013 г.) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Рос. Федерации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/konventsija-o-zashchiteprav-cheloveka-i-osnovnykh/> (дата обращения: 29.05.2024).

¹ Special investigation techniques (англ.).

² См.: Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (п. 2 ст. 4) : заключена в г. Страсбурге 8 нояб. 1990 г. : с изм. от 16 мая 2005 г., ратифицирована Федер. законом от 28 мая 2001 г. № 62-ФЗ «О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.05.2024).

³ См., напр.: Международное сотрудничество с применением специальных методов расследования (п. 6) : справочный документ

бургского правосудия⁸. Вместе с этим, как отметил профессор В. Д. Зорькин, «...участие России в Конвенции [ЕКПЧ – прим. авт.] оказало определенное положительное влияние на развитие отечественной системы защиты прав человека. Этот опыт [нахождения Российской Федерации под юрисдикцией ЕСПЧ – прим. авт.] не должен быть забыт: его следует анализировать и рационально использовать...» [2].

Осуществление полновесного научного анализа отдельных значимых правовых позиций Европейского суда невозможно без понимания его теоретической и лексико-терминологической базы. Одним из значимых элементов данной базы являются универсальные подходы СЕ к определению сущности, содержания и условий применения СМР. основополагающую роль соответствующих международных стандартов в прецедентной практике ЕСПЧ акцентирует и прилагающееся к постановлению *Lagutin and Others v. Russia* совпадающее мнение судьи *Pinto De Albuquerque* и судьи от России профессора Д. И. Дедова⁹.

В данном документе в формате исследования раскрыты общие подходы права СЕ к проблематике СМР в контексте жалоб на порядок проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) российскими субъектами ОРД. При этом в качестве одного из главных ориентиров судейской позиции выступает «...международный консенсус относительно минимального содержания совместимого с правами человека законодательства об особых методах расследования...»¹⁰, отраженный в приводимом перечне международных правовых актов.

Переходя к непосредственному рассмотрению подходов СЕ к выделению разновидностей СМР, основываясь на приведенной в Совпадающем мнении иерархии международных правовых актов, представляется целесообразным начать с такого базового регионального специального договора в данной сфере, как уже упомянутая выше «антиотмывочная» Конвенция.

Часть 3 ст. 7 Конвенции приводит следующие виды СМР: 1. Наблюдение (*observation* – англ., фр.); 2. Перехват телекоммуникационных сообщений (*interception of telecommunications* – англ., *l'interception de t l communications* – фр.); 3. Доступ к компьютерным системам (*access*

to computer systems – англ., *l'acc s des syst mes informatiques* – фр.); 4. Постановление о представлении конкретных документов (*order to produce specific documents* – англ., *ordonnances de production de documents* – фр.).

Раскрытие содержания приведенных категорий содержится в прилагаемом пояснительном отчете¹¹. В соответствии с п. 86 данного рекомендательного акта наблюдение в качестве СМР представляет собой «...применяемый правоохранительными органами метод расследования, заключающийся в негласном отслеживании передвижений конкретного лица без вступления с ним в непосредственный контакт...».

Пункты 86 и 87 акцентируют, что содержание категорий «перехват телекоммуникационных сообщений» и «доступ к компьютерным системам» основывается на положениях Конвенции СЕ «О преступности в сфере компьютерной информации»¹².

Исходя из данного подхода, перехват телекоммуникационных сообщений предполагает получение информации, передаваемой как по классическим телекоммуникационным сетям, включающим в себя металлические или оптические кабели, так и по проводной инфраструктуре, сопрягающей стационарные и мобильные сети. Вместе с этим эксперты обращают внимание на факт конвергенции (взаимопроникновения) телекоммуникационных и сетей передачи компьютерной информации, порождающей определенные сложности в правовом разграничении упоминаемых в Конвенции специальных терминов. Подобное мнение основывается на существующей практике использования виртуальными компьютерными сетями, в том числе глобальными, классической проводной инфраструктуры связи.

Доступ к компьютерным системам в качестве СМР предусматривает реализацию в форме получения правоохранительными органами в реальном времени данных о сетевом трафике, например обращаемости посетителей к какому-либо интернет-ресурсу, либо получение сведений о содержимом электронного контента, прилагаемого к сообщениям, передаваемым по компьютерным сетям.

Содержание «постановления о представлении конкретных документов» охватывает собой установление обязанности частных лиц по предоставлению, в том числе в электронном виде

⁸ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации (ч. 1 ст. 7) : Федер. закон от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.05.2024).

⁹ Совпадающее мнение судьи *Pinto De Albuquerque* и присоединившегося судьи от Российской Федерации Д. И. Дедова, *Lagutin and Others v. Russia* : постановление ЕСПЧ от 24 апр. 2014 г. // ЕСПЧ : сайт. URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 25.05.2024).

¹⁰ Там же. § 2.

¹¹ Пояснительный отчет к Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма // Совет Европы : сайт. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treatynum=198> (дата обращения: 29.05.2024).

¹² Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) : заключена в г. Будапеште 23 нояб. 2001 г. : с изм. от 28 января 2003 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.05.2024).

или формате реального времени¹³, на основании запроса правоохранительных органов находящихся у них накопителей информации (досье), отдельных документов или других подобных предметов. Неисполнение подобных запросов со стороны обладателей информации может повлечь за собой обыск или выемку.

Оценивая с позиций науки ОРД приведенные в Конвенции разновидности СМР, представляется целесообразным отметить явный схематично-рамочный подход к их закреплению и раскрытию, который прослеживается в праве СЕ. В частности, приведенные СМР были практически без изменений заимствованы из принятой в 1990 г. Конвенции СЕ «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности».

Аналогично иным посвященным СМР международным актам, пояснительный отчет отдельно оговаривает (п. 85) уже упоминаемый нами в предыдущих публикациях принципиальный консенсусный подход к нецелесообразности установления их закрытого нормативного перечня. Вследствие этого стороны Конвенции имеют определенное «поле усмотрения» в вопросе регламентации негласной работы, ограниченное лишь допустимыми пределами общепринятых прав и свобод человека.

При сравнении СМР, перечисленных в Конвенции, с положениями Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹⁴, обращает внимание наличие полностью сходного по названию и функционалу ОРМ «наблюдение». «Перехват телекоммуникационных сообщений» и «доступ к компьютерным системам» соответственно охватываются «снятием информации с технических каналов связи» и «получением компьютерной информации». «Постановление о представлении конкретных документов» реализуется в форме оперативно-розыскного запроса, оформляемого в рамках «наведения справок».

Таким образом, можно с полной уверенностью утверждать, что наша страна, основываясь на выделении ОРД в качестве особого вида правоохранительной деятельности, реализуемой преимущественно в негласном режиме, полностью имплементировала положения Конвенции 2005 г. в национальное законодательство в части наличия нормативного закрепления аналогов упомянутых СМР в форме отдельных ОРМ, а также обеспечила возможность их

применения в процессе противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма.

Как уже упоминалось выше, иными важнейшими документами, отражающими подходы СЕ к определению разновидностей СМР, являются Рекомендации Rec(2005)10 и их дополненная версия CM/Rec(2017)6. К сожалению, в их непосредственном тексте отсутствует перечисление конкретных СМР.

Примерный актуальный перечень СМР приводится экспертами СЕ исключительно в п. 32 Пояснительного меморандума¹⁵ к Рекомендациям 2017 г. При этом его содержание практически не претерпело изменений с момента подготовки пояснений к первоначальному варианту Рекомендаций 2005 г. (п. 27).

Итак, согласно пояснениям к данному акту «мягкого права», к категории «специальных методов расследования» относятся:

1. Операции по легендированному внедрению, включающие в себя негласные расследования (undercover operations (including covert investigations) — англ., opérations d'infiltration (y compris les enquêtes sous couvert) — фр.).

2. Негласные операции по задержанию преступников с поличным, реализуемые путем использования легендируемых контролируемых объектов (организаций) для моделирования противоправной деятельности, в том числе так называемых фирм-ловушек [5; 6] (front store operations (e.g. undercover company) — англ., les opérations front-store (telles que des entreprises sous couverture) — фр.).

3. Использование информаторов.

4. Контролируемые поставки.

5. Физическое наблюдение, в том числе трансграничное (observation (including cross-border observation) — англ., l'observation (y compris l'observation transfrontalière) — фр.).

6. Электронное наблюдение, проводимое за целевыми объектами (electronic surveillance of specific targets — англ., la surveillance électronique de cibles spécifiques — фр.).

7. Перехват коммуникаций.

8. Трансграничное преследование по горячим следам (cross-border (hot) pursuits — англ., les poursuites transfrontalières — фр.).

9. Проверочные закупки и другие виды моделирования совершения уголовно-наказуемых деяний (pseudo-purchases or other “pseudo-

¹³ См.: The deployment of special investigative means : справочное издание Совета Европы (с. 11) // Совет Европы : сайт. URL : <https://rm.coe.int/deployment-of-special-investigative-means-eng/16807828fa> (дата обращения: 29.05.2024).

¹⁴ Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. Закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.05.2024).

¹⁵ Об особых методах расследования тяжких преступлений, в том числе террористических актов : пояснительный меморандум к Рекомендациям Комитета Министров Совета Европы CM/Rec(2017)6, Комитета экспертов по терроризму (CODEXTER) // Комитет Министров Совета Европы : сайт. URL : https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016807164ac (дата обращения: 29.05.2024).

offences” – англ., les pseudo-achats ou autres “pseudo-crimes” – фр.).

10. Негласный мониторинг финансовых транзакций (covert monitoring of financial transactions - англ., la surveillance secr te des op rations financi res - фр.).

11. Негласный мониторинг интернет-трафика (covert monitoring of web traffic - англ., la surveillance secr te des consultations sur internet - фр.).

По нашему мнению, ввиду объективных сложностей в достижении межгосударственного консенсуса в части определения непосредственного содержания перечисленных СМР, Пояснительный меморандум содержит лишь их примерный перечень (п. 32). Вместе с этим, понимая целесообразность дефинирования для конкретных правоприменителей упоминаемых категорий, авторы включили в текст оговорку о том, что их непосредственное содержание определяется, исходя из положений национальных законодательств.

Из всего перечня СМР авторы Пояснительного меморандума отдельно выделяют перехват коммуникаций. По их данным указанное мероприятие является наиболее часто используемым СМР в странах СЕ (п. 63).

Нельзя не отметить, что ряд позиций из приведенного перечня СМР имеет довольно четкую терминологическую и содержательную отсылку к используемым в рамках Шенгенской зоны методам трансграничного полицейского сотрудничества. Их существенной особенностью является обусловленное наличием прозрачных границ добровольное ограничение государственного суверенитета стран-участниц в части реализации их правоохранительной функции. Проведение подобных мероприятий предполагает допустимость осуществления уполномоченными полицейскими органами соседних государств трансграничного наблюдения и преследования по горячим следам на территории иных стран, входящих в региональное объединение. Общие основания и условия проведения подобных негласных операций были первоначально закреплены в Конвенции о применении Шенгенского соглашения (ст. 40–41)¹⁶ и конкретизированы в Рекомендациях Совета Европейского Союза (EU) № 2022/915 от 9 июня 2022 г. «Об оперативном сотрудничестве правоохранительных органов»¹⁷.

¹⁶ Конвенция о применении Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 г. между правительствами государств экономического союза Бенилюкс, Федеративной республики Германии и Французской республики о постепенной отмене проверок на общих границах // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.05.2024).

¹⁷ On operational law enforcement cooperation : Council Recommendation (EU) 2022/915 of 9 June 2022 // Европейский Союз : сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32022H0915> (дата обращения: 29.05.2024).

В праве СЕ установления Шенгенского соглашения о допустимости трансграничного наблюдения продублированы в одноименной ст. 17 «Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам»¹⁸. Единственным содержательным различием является более расширенное определение объекта мероприятий, которое охватывает не только подозреваемых, но и лиц, «...относительно которого имеются веские основания полагать, что оно приведет к установлению личности или местонахождения вышеуказанного лица...». Обоснованием регламентации подобного вида наблюдения является оперативно-тактическая ситуация, при которой в случае похищения человека член семьи потерпевшего или банковский служащий перевозят через границу наличные деньги для выплаты выкупа¹⁹.

При ратификации данного протокола отечественный законодатель²⁰ не принял изложенные в ст. 17 положения о допустимости трансграничного наблюдения. Помимо этого, Россия исключила предусмотренную ст. 19 возможность проведения трансграничных негласных расследований, осуществляемых в том числе в легендированной форме. Подобное решение еще раз подчеркивает незыблемость верховенства Конституции и суверенитета нашей страны, а также преамбулы и положений оперативно-розыскного закона, устанавливающих закрытый перечень субъектов ОРД.

Выше мы уже рассмотрели перечень СМР, закрепленных в «антиотмывочной» Конвенции СЕ. Учитывая вышеизложенное, нам представляется не в полной мере последовательным подход Пояснительного меморандума к Рекомендациям CM/Rec(2017)6, включивших негласный мониторинг финансовых транзакций в качестве разновидности СМР. Мотивировка подобной позиции, видимо, основывается на необходимости выделения целевого СМР для обеспечения «финансовых расследований», осуществление которых, согласно рекомендациям ФАТФ²¹, обязательно по всем основным

¹⁸ Второй дополнительный протокол к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам : подписан в г. Страсбурге 8 нояб. 2001 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.05.2024).

¹⁹ См.: Explanatory Report to the Second Additional Protocol to the European Convention on Mutual Assistance in Criminal Matters (п. 134) // Совет Европы : сайт. URL: <https://rm.coe.int/16800cce57> (дата обращения: 29.05.2024).

²⁰ О ратификации Второго дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам : Федер. закон от 6 июня 2019 г. № 120-ФЗ // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.05.2024).

²¹ Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ).

преступлениям, квалифицирующим признаком которых является доход.

В этой связи более сбалансированной является позиция представителей Комитета экспертов СЕ по оценке мер борьбы с отмыванием денег, которые не относят негласный мониторинг финансовых транзакций к СМР, а трактуют его в качестве «полезного инструмента» в процессе отслеживания незаконных денежных средств и борьбы с отмыванием незаконных доходов. По их мнению, основной целью данного метода является недопущение сокрытия в процессе легализации незаконно полученных денег, а не документирование соответствующей противоправной деятельности²². Также следует отметить, что на универсальном уровне негласный мониторинг финансовых транзакций относится к одной из форм реализации классического наблюдения в его физической форме²³.

Во многом аналогичные доводы о дискуссионности выделения в качестве отдельного СМР можно привести и в отношении негласного мониторинга интернет-трафика. Не вдаваясь, в связи с ограниченным форматом публикации, в данную проблематику, следует отметить, что на глобальном уровне подобная разновидность негласной работы является одной из форм реализации такого СМР, как сбор электронных доказательств, который в настоящее время еще не в полной мере оформился с точки зрения терминологических и содержательных характеристик.

Рассматривая иные приведенные в Пояснительном меморандуме разновидности СМР, можно отметить, что их содержание должно быть понятно большинству ученых и практиков ОРД, а также иметь свои явные аналоги в отечественном нормативном перечне ОРМ.

Анализ подходов юриспруденции СЕ к определению разновидностей и содержательных элементов СМР был бы неполным без изучения правовых позиций, отраженных в уже упомянутом выше Совпадающем мнении судей ЕСПЧ.

Следует отметить, что указанное правовое исследование не содержит расширенного перечня СМР, который бы полностью содержательно совпадал с уже рассмотренными выше категориями. Вероятной причиной подобной судейской позиции является целевая ориентированность мнения на анализ сложившихся международных стандартов обеспечения гаран-

тий соблюдения прав и свобод человека в процессе негласной правоохранительной работы, а также определения критериев необходимости и пропорциональности (соразмерности) применения в демократическом обществе СМР.

Непосредственное упоминание разновидностей СМР содержится в п. 2 ч. 3 Совпадающего мнения в контексте необходимости их нормативного закрепления в национальном законодательстве. В перечень включены следующие мероприятия: 1) проверочная закупка; 2) контролируемая продажа; 3) контролируемый импорт; 4) контролируемый экспорт; 5) контролируемый транзит; 6) иные контролируемые операции; 7) внедрение (infiltration — англ.); 8) негласные операции (undercover operations — англ.).

Даже поверхностный лексико-терминологический взгляд на приведенные СМР показывает их объединяющую сущностную особенность. Она основывается на реализации классической тактики оперативной работы, предусматривающей целевое легендированное проникновение (внедрение) в преступную среду с дальнейшим документированием моделируемой противоправной деятельности и захватом подозреваемых с поличным.

По нашему мнению, причиной выделения судьями сравнительно узкой разновидности СМР, преимущественно связанной с негласным контролем за противоправной деятельностью и частично не упоминаемых в иных международных документах, является общий повод оглашения Совпадающего мнения. Он обусловлен инициативой Европейского суда по распространению своей юрисдикции на вопросы применения СМР в контексте значительного количества жалоб на агентурную провокацию при проведении российскими правоохранительными органами ОРМ «проверочная закупка» и «оперативный эксперимент», а также использования в судебном доказывании их результатов (п. 1).

Вместе с этим в формате ссылки авторы Совпадающего мнения учли и общие подходы СЕ к определению разновидностей СМР. В качестве базового перечня ими были приведены СМР, отраженные в п. 27 Пояснительного меморандума²⁴ к выше упомянутым Рекомендациям Rec(2005)10. Содержание данного параграфа практически идентично рассмотренному нами в настоящей публикации п. 32 Пояснительного меморандума к Рекомендациям 2017 г.

С точки зрения науки ОРД, особое внимание привлекает судейская позиция, разграничиваю-

²² См.: Typologies report on laundering the proceeds of organized crime : справочное издание (п. 200) // Совет Европы : сайт. URL: <https://rm.coe.int/typologies-report-on-laundering-the-proceeds-of-organised-crime/168071509d> (дата обращения: 29.05.2024).

²³ См. подробнее: Кольцов Д. В. Виды специальных методов расследования универсального уровня. Оперативно-розыскной взгляд // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 118–130.

²⁴ Explanatory Report on Recommendation Rec(2005)10 of the Committee of Ministers : справочный документ Комитета Министров Совета Европы // Совет Европы : сайт. URL: <https://www.coe.int/ru> (дата доступа 29.05.2024).

шая СМР с методами, использование которых «...само по себе не является специальным методом расследования...»²⁵. Перечисление последних (п. 8.1.1–8.1.10) осуществляется в связи с необходимостью их предварительного²⁶ и последующего судебного контроля, обусловленного ограничением в ходе их проведения прав человека на неприкосновенность личной жизни, охрану изображения²⁷ и голоса [3]. К подобным формам реализации СМР авторы относят:

1. Установку и использование с целью негласного получения и регистрации акустической информации специальных технических средств внутри жилых домов и частных строений (entry and bugging inside homes or private dwellings – англ.).

2. Установку и использование с целью негласного получения и регистрации акустической информации специальных технических средств внутри помещений, используемых священнослужителями, врачами и адвокатами (entry and bugging inside office premises of clergy, medical doctors and lawyers – англ.).

3. Негласное получение и регистрацию акустической информации с использованием специальных технических средств вне частных строений (bugging outside private dwellings – англ.).

4. Перехват и прослушивание телефонных переговоров (tracing and tapping of phone conversations – англ.).

5. Перехват и снятие информации с телекоммуникационных и электронных (компьютерных) сетей (tracing and interception of telecommunications and electronic communications – англ.).

6. Контроль почтовых отправлений (interception of post – англ.).

7. Негласное получение и регистрацию визуальной и акустической информации, осуществляемые в ходе физического наблюдения (acoustic and optical surveillance, by means of covert photography, and covert audio- or video-recording – англ.).

8. Использование глобальной системы позиционирования (GPS) спутниковых систем позиционирования (use of Global Positioning System (GPS) satellite-guided positioning systems – англ.).

9. Автоматический поиск и сравнение установочных данных подозреваемых с персональными данными находящихся в информационных базах, ведущимися правоохранительными

ми органами (automatic personal data comparison, defined as screening of specific personal characteristics of the suspected person in data stored for purposes other than criminal prevention and prosecution – англ.).

10. Долгосрочное комплексное наблюдение, непрерывно проводимое с целью получения сведений о повторяющихся шаблонах (паттернах, профилях) поведения объекта мероприятий, осуществляемое в период, превышающий 24 часа или два дня (long-term observation, defined as observation for an uninterrupted period of more than twenty-four hours or on more than two days which provides an «image in movement» (Bewegungsbild)²⁸ of the suspected person's life – англ., нем.).

Анализируя приведенные формы реализации СМР, представляется целесообразным обратить внимание на ряд важных аспектов, упоминание которых, по нашему мнению, может быть значимым для оперативно-розыскной науки.

Во-первых, нельзя не отметить, что в тексте Совпадающего мнения отсутствует упоминание юридического термина, обобщающего приведенные формы реализации СМР. В этой связи определенный интерес вызывает позиция отдельных европейских экспертов, выделяющих категорию «специальные методы полицейского расследования» [7]. Целью подобных полицейских мероприятий является «поддержка» осуществления должным образом обоснованных и санкционированных СМР. Примером их реализации может выступать использование специальных технических средств для негласного получения и регистрации акустической информации (bugging – англ.) в рамках такого специального метода расследования, как наблюдение.

Во-вторых, даже неглубокий сравнительный анализ показывает определенную схожесть универсальных и подходов СЕ к правовой регламентации стандартов использования СМР со сложившейся отечественной практикой нормативного закрепления порядка проведения ОРМ с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, а также комплексов особых тактических приемов сыска. Наиболее явно она проявляется в декларируемой необходимости разграничения нормативно закрепленных в рамочной форме разновидностей СМР и ОРМ как функционально-правовых категорий [4], отражающих негласную работу уполномоченных правоохранительных органов, с весь-

²⁵ Прим авт.: ссылка № 17 к § 8.1 Совпадающего мнения.

²⁶ Прим. авт.: в формате судебного санкционирования.

²⁷ Прим. авт.: вопросы ограничения права на изображения раскрыты в п. 44 О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 29.05.2024).

²⁸ Прим. авт.: используемый авторами специальный термин «Bewegungsbild» (нем.) заимствован из понятийно-категориального аппарата немецкой криминальной полиции.

ма обширными и постоянно развивающимися формами их реализации. Наименования, содержательные и технические характеристики последних носят преимущественно организационно-тактический характер, а их результаты приобретают доказательственное значение лишь в случае их проведения в рамках СМР или ОРМ.

В отечественной оперативно-розыскной науке, нормативном регулировании и правоприменительной практике для обобщения подобных форм реализации ОРМ применяются категории «оперативно-поисковые мероприятия» и «оперативно-технические мероприятия»²⁹. Их разновидности и содержательные характеристики основаны на исторически сложившихся сугубо профессиональных подходах к оптимальной организации и негласной тактике применения специальных технических средств и комплексных приемов сыска, а их регламентация приведена в закрытых нормативно-правовых актах органов, осуществляющих ОРД.

Отсутствие функционально-правовых черт у специальных категорий, отражающих формы реализации ОРМ, косвенно неоднократно подчеркивал и Конституционный Суд РФ, указывавший, что использование в ходе проведения ОРМ технических средств «...не является самостоятельным оперативно-розыскным мероприятием, <...> по смыслу названного федерального закона применение технических средств осуществляется в рамках общего порядка проведения соответствующих ОРМ...»³⁰.

Представляется, что помимо соображений о перманентном развитии сил, средств и методов ОРД как и на международном, так и национальном уровнях, другой основной причиной разграничения функционально-правового инструментария негласной полицейской работы с сугубо организационно-тактическими формами его реализации является поиск оптимального баланса в конкуренции различных публичных интересов.

В частности, с одной стороны, базовые универсальные и региональные конвенции, а также положения ч. 3 ст. 15 Конституции Россий-

ской Федерации³¹ запрещают применять любые официально не опубликованные нормативно-правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина. Указанное требование предопределяет обязательность законодательного перечисления демократическим государством допустимых действий³², предполагающих ограничение прав личности, которые могут легитимно и соразмерно применяться уполномоченными органами в процессе негласного выявления, пресечения и раскрытия уголовно наказуемых деяний.

С другой стороны, государство с целью гарантированного удовлетворения такого публичного интереса, как эффективная реализация своих функций по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечение безопасности общества и государства от преступных посягательств [1, с. 7], вынуждено применять преимущественно рамочное закрепление видов функционально-правового инструментария негласной работы. Данное обстоятельство обуславливает делегирование регламентации конкретных форм реализации на ведомственный полицейский уровень, при необходимости, установление соответствующего грифа секретности.

Изучая вопросы соотношения нормативно-го перечня оперативно-розыскных мероприятий с упоминаемыми на универсальном и Strasbourgском уровнях разновидностями СМР, а также форм их реализации, обращает на себя позиция отечественного законодателя, отдельно выделяющего такие ОРМ, как прослушивание телефонных переговоров и контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений.

Безусловно, на момент принятия в 1995 г. действующего закона, подход, в рамках которого наименование указанных выше ОРМ были практически дословно заимствованы из положений ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации, был вполне обоснован и отвечал существовавшему тогда уровню развития технических средств для негласного получения информации. Но по прошествии почти 30 лет в условиях бурного развития глобальных телекоммуникационных и компьютерных сетей, а также близкой перспективы доступа массового потребителя через бытовые смартфоны к услугам космической связи³³ терминология, используемая при формулировке указанных ме-

²⁹ См. напр.: Перечень сведений, отнесенных к государственной тайне : утверждены Указом Президента Рос. Федерации от 30 ноября 1995 г. № 1203 : ред. от 11 апр. 2024 г. (п. 97) // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.05.2024); Инструкция о предоставлении результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд (п. 13) : утверждена совместным Приказом от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/3 98/68 // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.05.2024).

³⁰ По жалобам гражданина Уразова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 49, 91, 92, 227, 228, 229, 255 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и ст. 6, 8 и 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 11 июля 2006 г. № 268-О // Конституционный Суд Рос. Федерации : сайт. URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 30.05.2024).

³¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. : с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс : сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.05.2024).

³² Прим. авт.: оперативно-розыскных мероприятий.

³³ См., напр.: SpaceX показала первый видеозвонок по Starlink с обычного смартфона // Газета.ru : сайт. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/05/22/23071843.shtml> (дата обращения: 30.05.2024).

роприятий, особенно в части телеграфных сообщений и телефонных переговоров, рискует оказаться весьма архаичной и чрезмерно перегружающей указанные правовые понятия. Подобные термины, значение элементов которых зачастую понятно только людям старшего возраста, не в полной мере могут соответствовать требованиям лексико-терминологической определенности, особенно в условиях их применения в вопросах ограничения конституционных прав личности.

Конечно, в данном случае можно пойти по пути аналогии со ст. 186 УПК РФ, убрав прилагательные «телефонные» и «телеграфные» из наименования мероприятий. Вместе с этим при использовании подобной конструкции, есть вероятность создания категорий, потенциально имеющих смысловые пересечения с иными ОРМ технического характера.

По нашему мнению, более перспективным представляется универсальный и европейский подход, специально не выделяющий указанные способы негласного получения и фик-

сации информации в качестве отдельных СМР. Отнесение узконаправленных действий, связанных с негласным контролем телефонной и телеграфной связи, к различным формам реализации электронного наблюдения может стать довольно сбалансированным решением указанной проблемы актуализации существующего перечня оперативно-розыскных мероприятий.

Завершая настоящую статью, хочется отметить, что, по сравнению с универсальным уровнем, право СЕ содержит менее структурированный и в значительной степени более вариативный набор упоминаемых СМР и форм их реализации. Тем не менее изучение и анализ соответствующих региональных подходов в этой области являются важными элементами общего понимания глобальных стандартов применения СМР, требований к международному полицейскому сотрудничеству, а также теоретической базы толкования Европейским судом по правам человека жалоб на методы негласной работы правоохранительных органов.

Список литературы:

1. Вагин О. А. Конституционные проблемы оперативно-розыскной деятельности : научный доклад // Конституционно-правовые проблемы оперативно-розыскной деятельности : сб. материалов Всерос. круглого стола. СПб., 2012. С. 7–68.
2. Зорькин В. Д. Судебная власть перед вызовами времени : тезисы доклада на X Съезде судей от 29 ноября 2022 г. // Конституционный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=93> (дата обращения: 22.09.2024).
3. Матвеев А. Г., Мартыанова Е. Ю. Гражданско-правовая охрана голоса человека при его синтезе и последующем использовании // Ex iure. 2023. № 3. С. 118–131.
4. Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Детерминанты современных метаморфоз оперативно-розыскных мероприятий // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 3 (55). С. 38–50.
5. Тамбовцев А. И. Легендированные объекты в оперативно-розыскной деятельности : современные воззрения законодателей // Криминалистика – наука без границ : традиции и новации : материалы Междунар. научн.-практ. конф. СПб, 2024. С. 385–395.
6. Теория оперативно-розыскной деятельности : учеб. / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2020.

References:

1. Vagin O. A. Konstitucionnye problemy operativno-rozysknoj deyatel'nosti : nauchnyj doklad // Konstitucionno-pravovye problemy operativno-rozysknoj deyatel'nosti : sb. materialov Vseros. kruglogo stola. SPb., 2012. S. 7–68.
2. Zor'kin V. D. Sudebnaya vlast' pered vyzovami vremeni : tezisy doklada na X S'ezde sudej ot 29 noyabrya 2022 g. // Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii : sajt. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=93> (data obrashcheniya: 22.09.2024).
3. Matveev A. G., Mart'yanova E. Yu. Civil protection of the human voice during its synthesis and subsequent use // Ex iure. 2023. № 3. P. 118–131.
4. Pavlichenko N. V., Tambovcev A. I. Determinants of modern metamorphoses of operational search activities // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 3 (55). P. 38–50.
5. Tambovcev A. I. Legendirovannye ob'ekty v operativno-rozysknoj deyatel'nosti : sovremennye vozzreniya zakonodatelej // Kriminalistika – nauka bez granic : tradicii i novacii : materialy Mezhdunar. nauchn.-prakt. konf. SPb, 2024. S. 385–395.
6. Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti: ucheb. / pod red. K. K. Goryainova, V. S. Ovchinskogo. 4-e izd., pererab. i dop. M., 2020.
7. Hans G. Nilsson Special investigation techniques and developments in mutual legal assistance – the crossroads between police cooperation and judicial cooperation // Aziatskij i

7. *Hans G. N.* Special investigation techniques and developments in mutual legal assistance – the crossroads between police cooperation and judicial cooperation // Азиатский и дальневосточный институт ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями : сайт. URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No65/No65_07VE_Nilsson2 (дата обращения: 23.09.2024).

Для цитирования:

Кольцов Дмитрий Валентинович. Оперативно-розыскной взгляд на виды «специальных методов расследования» в праве Совета Европы // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 161–171.

dal'nevostochnyj institut OON po preduprezhdeniyu prestupnosti i obrashcheniyu s pravonarushitelyami : sajt. URL: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/RS_No65/No65_07VE_Nilsson2 (data obrashcheniya: 23.09.2024).

For citation:

Kol'cov Dmitriy Valentinovich. Operational-Investigative View on the Types of “Special Investigative Methods” in the Law of the Council of Europe // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 161–171.

Саркисян Гор Георгиевич,
кандидат юридических наук,
профессор кафедры организации
оперативно-разыскной деятельности,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: djegan@mail.ru

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Gor Georgievich Sarkisyan,
Candidate of Law,
Professor of the Department of Organization
of Operational Investigative Activities,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: djegan@mail.ru

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

УДК 343.985

DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-172-181

Дата поступления статьи: 31 июля 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 12 декабря 2024 г.

Использование информационно-коммуникационных технологий в оперативно-аналитической деятельности органов внутренних дел Российской Федерации

The Use of Information and Communication Technologies in the Operational and Analytical Activities of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation

Аннотация

В статье представлен анализ теории и практики применения информационно-коммуникационных технологий в оперативно-аналитической деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, выделены особенности их применения и основные проблемные вопросы данной области, а также современные технологические решения, которые уже используются в рассматриваемой сфере, и те, которые могут быть внедрены с целью ответа на возникающие угрозы и повышения эффективности деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Актуальность исследования: стремительное развитие современных технологий, охватив все сферы деятельности человека и государства, позволяет улучшить качество жизни, решить многие проблемы, стоящие перед обществом. Однако такое развитие влечет за собой и негативные последствия. Оперативно-аналитическая деятельность целиком интегрирована в информационную сферу, которая является сис-

Abstract

The article presents an analysis of the theory and practice of using information and communication technologies in the operational and analytical activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation, highlights the features of their application and the main problematic issues in this area, as well as modern technological solutions that are already used in the field under consideration, and those that can be implemented to respond to emerging threats. and improving the efficiency of the internal affairs bodies of the Russian Federation.

The relevance of the research: the rapid development of modern technologies, covering all spheres of human activity and the state, makes it possible to improve the quality of life and solve many problems facing society. However, this development also has negative consequences. Operational and analytical activities are fully integrated into the information sphere, which is a system-forming factor in the life of society, actively influencing the state of the political, economic, defense and other components of the security of

темообразующим фактором жизни общества, активно влияющим на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации. В связи с этим возникла необходимость в исследовании методов и средств ее осуществления сегодня и выработке предложений по ее совершенствованию в дальнейшем.

Цель исследования: на основе накопленного опыта и существующих научных подходов представить результаты анализа использования информационно-коммуникационных технологий в оперативно-аналитической деятельности органов внутренних дел Российской Федерации. Выделить современные технологические решения, которые уже используются в рассматриваемой области, а также те, которые могут быть внедрены с учетом оценки рисков их применения с целью ответа на возникающие угрозы и повышения эффективности деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Методы исследования: диалектика, герменевтика, анализ, контент-анализ (при подборе и изучении материала по теме); сравнительно-правовой (при изучении правовых явлений и теорий нормативных правовых актов).

Результаты и ключевые выводы: на основании исследования сделан вывод о том, что внедрение современных высокотехнологичных в правоохранительную деятельность в целом и оперативно-аналитическую в частности требует тщательного предварительного изучения контекста, оценки и учета возникающих и сопутствующих рисков, природы предлагаемых технологических решений, их необходимости, пропорциональности, ориентированности на права человека, а также наличия альтернативных, менее интрузивных и более безопасных для частной жизни человека решений. По результатам проведенного исследования автором предложены приоритетные технологии и современные решения, которые могут быть использованы в оперативно-аналитической деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-аналитическая деятельность; органы внутренних дел; органы, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности; частная теория оперативно-аналитической деятельности; информационная система; Федеральный закон «О полиции»; Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»; оперативно-аналитические подразделения; информационно-аналитическое взаимодействие.

the Russian Federation. In this regard, it became necessary to study the methods and means of its implementation today and to develop proposals for its improvement in the future.

The purpose of the study: based on the accumulated experience and existing scientific approaches, to present the results of an analysis of the use of information and communication technologies in the operational and analytical activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation. To identify modern technological solutions that are already being used in the field under consideration, as well as those that can be implemented taking into account the risk assessment of their use in order to respond to emerging threats and improve the efficiency of the internal affairs bodies of the Russian Federation.

Research methods: dialectics, hermeneutics, analysis, content analysis (in the selection and study of material on the topic); comparative law (in the study of legal phenomena and theories of normative legal acts).

Results and key conclusions: based on the study, it is concluded that the introduction of modern high technologies into law enforcement in general and operational and analytical activities in particular requires a thorough preliminary study of the context, assessment and consideration of emerging and related risks, the nature of the proposed technological solutions, their necessity, proportionality, human rights orientation, and the same applies to the availability of alternative solutions that are less intrusive and more secure for a person's privacy. Based on the results of the research, the author suggests priority technologies and modern solutions that can be used in the operational and analytical activities of the internal affairs bodies of the Russian Federation.

Keywords: operational and investigative activities; operational and analytical activities; internal affairs bodies; bodies authorized to carry out operational and investigative activities; private theory of operational and analytical activities; information system; Federal Law "On Police"; Federal Law "On Operational and Investigative Activities"; operational and analytical units; information-analytical interaction.

Быстрое развитие современных технологий приводит к повышению стандарта качества жизни человека и способствует решению множества общественных проблем. В то же время такие изменения влекут негативные последствия. Информационные технологии становятся мощным источником доходов для злоумышленников, что приводит к увеличению уязвимости многих групп населения, расширяется масштаб преступной деятельности за счет возможности совершения «обычных» преступлений в нетрадиционных формах, таких как мошенничество с использованием мобильной связи и Интернета, бесконтактная продажа наркотиков, кибертерроризм и экстремизм в социальных сетях, организация финансовых пирамид, а также управление протестными политическими течениями через Интернет-ресурсы и других. Кроме того, использование информационных технологий в противоправных целях причиняет вред не только отдельным гражданам, но и приводит к дестабилизации социально-политической обстановки в стране.

В данной ситуации появляется необходимость разработки современных технологических решений, которые необходимы Министерству внутренних дел Российской Федерации для решения задач по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан России, иностранных граждан, лиц без гражданства, а также для борьбы с преступностью, поддержания общественного порядка, защиты собственности и обеспечения безопасности.

Это находит подтверждение среди опрошенных сотрудников оперативных подразделений, отметивших необходимость внедрения в оперативно-аналитическую деятельность органов внутренних дел Российской Федерации новейших технологий, таких как беспилотные летательные аппараты – 93,1 %, предиктивная аналитика – 90,3 %, идентификация по биометрическим данным с использованием расширенного перечня биометрии – 92,2 %, OSINT – 89,9 %¹.

Здесь также следует отметить, что МВД России уделяет большое внимание вопросам использования в своей деятельности современных информационно-коммуникационных технологий, включая Интернет и интегрированные банки данных. Например, оперативные подраз-

деления имеют давнюю традицию использования различных технических средств. В их арсенале имеются как широко используемые технические устройства и системы общего назначения, так и специализированные инструменты и техники, разработанные для решения конкретных задач в области предупреждения и раскрытия преступлений, а также для выявления скрывающихся преступников.

Частью 3 ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»² предусматривается, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий используются информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде, которые обычно в отечественной науке называют оперативной техникой.

Под специальной техникой понимается совокупность различных устройств, материалов, технических средств, специализированных организационных, тактических, технических приемов их применения, используемых сотрудниками оперативных подразделений для выполнения возложенных на них задач и в точном соответствии нормам действующих законодательных и подзаконных нормативных правовых актов.

Вместе с тем оперативная техника рассматривается как самостоятельное направление специальной техники, применяемой для скрытого получения оперативной информации с последующим ее документированием и использованием в уголовном процессе.

Последние технические достижения, разработанные для решения широкого спектра розыскных и поисковых задач, призваны обеспечивать тактические возможности оперативных подразделений. Некоторые из таких задач включают скрытый электронный мониторинг перемещения объектов в стандартных условиях, акустическое наблюдение за помещениями, анализ контента социальных сетей и Интернета, отслеживание психофизиологического состояния человека и многое другое.

Миниатюризация технических средств, применение цифровых методов обработки данных и новых физических принципов значительно повышают эффективность как решения традиционных задач, так и реализацию ранее не использованных, скрытых источников информации.

¹ Результаты социологического исследования, полученные методом анкетирования 1 139 сотрудников оперативных подразделений (уголовного розыска, экономической безопасности и противодействия коррупции, по противодействию экстремизму, собственной безопасности, по борьбе с преступными посягательствами на грузы, по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, специальных технических мероприятий, по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий, оперативно-поисковых подразделений, по контролю за оборотом наркотиков) из 73 регионов Российской Федерации.

² Об оперативно-розыскной деятельности : Федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144–ФЗ : в ред. от 6 июля 2016 г. : принят Гос. Думой 5 июля 1995 г. : одобрен Советом Федерации 19 июля 1995 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

Специальная и оперативная техника как система криминалистических и иных технических средств используется при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий субъектами оперативно-розыскной деятельности по нормам, определенным в федеральных законах и нормативных актах. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 11 Федерального закона «О полиции»³ оперативным подразделениям органов внутренних дел вменяется в обязанность использовать в своей деятельности достижения науки и техники, информационные системы, сети связи, а также современную информационно-телекоммуникационную инфраструктуру.

В соответствии с положением ст. 5 Федерального закона «О государственной тайне»⁴ сведения о силах, средствах, об источниках, о методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности относятся к категории государственной тайны. Постановление Правительства Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 770⁵ вводит Перечень видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности». К ним относятся:

- специальные технические средства для негласного получения и регистрации акустической информации;
- специальные технические средства для негласного визуального наблюдения и документирования;
- специальные технические средства для негласного прослушивания телефонных переговоров;
- специальные технические средства для негласного перехвата и регистрации информации с технических каналов связи;
- специальные технические средства для негласного контроля почтовых сообщений и отправлений;

– специальные технические средства для негласного исследования предметов и документов;

– специальные технические средства для негласного проникновения и обследования помещений, транспортных средств и других объектов;

– специальные технические средства для негласного контроля за перемещением транспортных средств и других объектов;

– специальные технические средства для негласного получения (изменения, уничтожения) информации с технических средств ее хранения, обработки и передачи;

– специальные технические средства для негласной идентификации личности.

Средства оперативно-розыскной деятельности состоят из материально-технических, информационно-аналитических, финансовых и других ресурсов, установленных федеральным законодательством, которые обеспечивают надежное выполнение этой деятельности и/или способствуют повышению ее эффективности. К таким средствам относятся оперативно-технические средства, специальные технические устройства, транспортные средства, документы для оперативного прикрытия, информационные системы, химические вещества, оружие, животные и множество других ресурсов.

В оперативно-аналитической деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел применяются оперативно-технические средства [3, с. 214–218], позволяющие:

- 1) получать, хранить, передавать, представлять, осуществлять обработку информации;
- 2) выполнять статистическую обработку данных наблюдений и экспериментов, осуществлять анализ, выявлять закономерности, прогнозировать на основе имеющихся закономерностей, планировать, разрабатывать проекты и контролировать выполнение принятых управленческих решений [1, с. 42; 2, с. 62–68].

Использование указанных средств обладает как положительными, так и отрицательными характеристиками. К положительным аспектам применения технических средств для обработки информации можно отнести:

- высокую производительность;
- освобождение сотрудников от выполнения рутинных задач, которые не требуют значительных интеллектуальных усилий.

В качестве негативных сторон использования автоматизированных (технических) средств обработки информации следует отметить:

- отсутствие уверенности в точности результатов (в том числе из-за определенной непрозрачности способов получения этих результатов);

³ О полиции : Федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ : принят Гос. Думой 28 янв. 2011 г. : одобрен Советом Федерации 2 февр. 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

⁴ О государственной тайне : Закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 // Рос. газ. 1993. № 182, 189.

⁵ Об утверждении Положения о лицензировании деятельности физических и юридических лиц, не уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности, связанной с разработкой, производством, реализацией, приобретением в целях продажи, ввоза в Российскую Федерацию и вывоза за ее пределы специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации, и Перечня видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности : постановление Правительства Рос. Федерации от 1 июля 1996 г. № 770 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 28. Ст. 3382.

– зависимость от внешних компаний-разработчиков (при использовании, например, техники и программного обеспечения, разработчиками которых выступают коммерческие организации, в том числе иностранные).

К основным недостаткам технических средств для работы с информацией относятся:

- высокая сложность;
- необходимость постоянного технического обслуживания и обновления (замены);
- высокая стоимость;
- построение надежной системы защиты информации по причине высокого риска несанкционированного доступа;
- ограниченность формальных методов работы только заданными заводскими возможностями;
- существующая возможность ошибок в алгоритмах и программном обеспечении (например, при неправильном использовании или заводском браке).

Таким образом, внедрение технических средств в оперативно-аналитическую деятельность представляет собой эффективный подход для решения часто возникающих стандартных задач, в которых важна скорость получения результатов. Как следствие, регулярное использование таких инструментов и технических решений в перспективе способствует поддержанию высокого качества их функционирования.

Следует обратить внимание на некоторые из указанных выше технических средств и технологий оперативно-аналитической деятельности оперативных подразделений:

1. Информационные системы

Ключевыми средствами оперативно-аналитического обеспечения являются оперативно-розыскные учеты, информационные системы, банки данных, информационно-поисковые системы для оперативно-розыскных целей.

Информационная система – это организационно упорядоченная совокупность документов (массивов документов и информационных технологий, в том числе с использованием средств вычислительной техники и связи, реализующих информационные процессы). Информационная система – одно из средств информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности.

Для целей настоящего исследования следует выделить автоматизированную информационную систему, которая представляет собой взаимосвязанную цепь логических операций и технических средств, предназначенных для поиска, обработки и хранения информации с целью получения справочных и/или аналитических данных.

Автоматизированная информационная система включает в себя массив данных (базу дан-

ных), программы для ввода, язык информации, обработки и поиска данных, а также технические средства обеспечения.

Как отмечено выше, в Федеральном законе «О полиции» закреплены положения, регламентирующие, во-первых, использование достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем (ст. 11), во-вторых, обработку данных о гражданах, необходимых для выполнения возложенных на полицию обязанностей, с последующим внесением полученной информации в банки данных о гражданах (ст. 17), что, в свою очередь, способствует реализации положений ст. 10 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», согласно которой «органы, уполномоченные осуществлять оперативно-розыскную деятельность, для решения задач, возложенных на них, могут создавать и использовать информационные системы...» [4, с. 161 – 166].

2. Системы обеспечения решений

Широкое применение находят следующие виды системных решений:

- системы, решающие задачи по упрощению сбора, хранения и обработки данных, необходимых для разработки управленческих решений;
- системы, обеспечивающие предоставление данных в заданном формате, принимаемом во внимание при описании известных решений; они также облегчают разработку альтернативных решений и выбор процессов;
- системы, решающие задачу создания вариативных проектов управленческих решений и обеспечивающие помощь в их выборе;
- системы, обеспечивающие процесс принятия управленческого решения с учетом выработанных предложенных вариантов.

Система обработки данных может функционировать как система поддержки принятия решений при наличии следующих функциональных компонентов:

- обработка и структурирование информации согласно заданным условиям и алгоритмам;
- формулирование вариативных решений с применением заданных методик решения задач;
- автоматическая генерация альтернативных решений или их компонентов из интегрированной базы данных решений;
- средства и инструменты, обеспечивающие автоматический выбор;
- средства и инструменты, обеспечивающие визуализацию и сравнение полученных вариантов, доступных для пользователя.

Системы поддержки принятия решений могут различаться по своему содержанию и уровням доступа:

- универсальные, адаптируемые и специализированные;

- однопользовательские или многопользовательские;
- открытые (источники данных – открытые сети) или закрытые;
- предназначенные для поддержки оперативных решений или оперативного планирования.

3. Системы оперативного прогнозирования

Одним из основных назначений системы оперативного прогнозирования является выработка в отношении объекта интереса версий событий в краткосрочной перспективе. Данное предположение опирается на известные состояния объектов в настоящее время и в недавнем прошлом, а также на факты о перемещении аналогичных объектов в таких состояниях.

Под прогнозным моделированием понимается процесс разработки моделей будущего, позволяющих сгенерировать вероятное наступление события на основе данных о прошедших фактах. Методики этой области задач включают в себя в первую очередь индуктивные подходы и нейронные сети. При первичном или упрощенном прогнозировании рассматриваются данные, имеющиеся в базе данных в формате временных рядов, которые отражают динамику состояния объекта в прошлом. При обосновании создания модели, точно описывающей эту динамику, существует возможность предугадать поведение объекта в будущем с определенной вероятностью.

Прогнозирование может осуществляться с использованием нейросимуляторов – специализированных программных продуктов, основанных на принципах использования нейронных сетей. В свою очередь, под нейронной сетью понимается специальный набор вычислительных элементов (нейронов), обладающих свойством выдачи выходного сигнала в ответ на совокупность входящих сигналов. При этом каждый выходной сигнал может быть использован в качестве входа для других сигналов. Здесь каждому входу присваивается уровень приоритетности с присвоением соответствующего коэффициента в уравнении, который может изменяться в процессе обучения сети. Процесс обучения заключается в использовании весов, позволяющих нейронной сети безошибочно распознавать модельные (эталонные) образцы данных. Как правило, для работы алгоритмов нейронных сетей требуются большие вычислительные мощности, поскольку в процессе обучения необходимо обрабатывать тысячи наборов тестовых данных.

Важно учитывать, что поддержка решений в этой области на основе анализа данных о прошедших событиях (метод экстраполяции) эффективна лишь при стабильности процессов:

наличии устойчивых циклов, достоверных факторов и устойчивой системы показателей.

4. Системы фильтрации и обработки данных

Открытые источники информации предоставляют значительно больше текстовой информации и данных, чем способны обработать даже самые квалифицированные специалисты, поэтому перед началом анализа тексты обычно проходят через этап фильтрации, в ходе которого они классифицируются на потенциально полезные и бесполезные.

Основная цель специализированного программного обеспечения для фильтрации данных заключается в отборе текстов или их частей, содержащих обязательную и необходимую для принятия решения информацию.

Фильтрация данных в этом случае осуществляется с применением как формальных методов (через компьютерные программы), так и неформальных (с участием специалистов). Такой процесс в основном начинается с формализованного отбора с последующим учетом заданных данных и дополнительной уже неформальной проверкой. Также здесь следует обратить внимание на предварительную фильтрацию, заключающуюся в анализе источников, заголовков, авторов, аннотаций и ключевых слов, а также финальную фильтрацию, которая проводится на уровне полных текстов.

Программа, предназначенная для формального отбора, выполняет поиск текстов или их фрагментов, содержащих ключевые фразы или выражения. Ее задачей является распознавать эти заданные выражения в различных вариантах написания. Поиск может вестись как в пределах одного электронного документа, так и в целых каталогах или коллекциях данных. В результате создается электронный документ, который последовательно содержит абзацы с отобранными фрагментами текста и ссылки на те документы, где они встречаются. Такие данные могут быть использованы в ходе оперативно-аналитических мероприятий.

5. Системы видеомониторинга (видеоаналитики)

В связи с постоянно растущим технологическим прогрессом и темпом жизни системы видеонаблюдения набрали большую популярность и постоянно развиваются. Одной из наиболее важных остается возможность из области аналитики видео. Самой распространенной и востребованной функцией таких систем является распознавание человеческих лиц и автомобильных номеров. Осуществляется это посредством алгоритмов обработки видеосигнала в камерах, регистраторах и видеосерверах.

Видеоаналитика быстро развивается, и такие функции, как выход за границы периметра, исчезновение предметов из кадра или обнаруже-

ние пешеходов, являются обыденностью уже сегодня. В настоящее время все больше внедряются интеллектуальные схемы и функции. Одной из таких инноваций является обнаружение лиц — технология видеонаблюдения, которая появилась сравнительно недавно, но уверенно продолжает рост. Распознавание лиц на основе биометрических данных представляет собой «вершину» видеопроцессинга, которая ставит сложнейшие задачи и использует широкий спектр математических средств. Во-первых, биометрическая система выполняет функцию идентификации полученного изображения и изображения, хранящегося в базе данных. Во-вторых, такая система требует безупречного обнаружения и отслеживания конкретного лица в плотном людском потоке.

Существует два основных метода реализации функции идентификации по лицу. При первом методе распознавание осуществляется непосредственно самой IP-камерой, которая транслирует видеопоток и метаданные на сервер. Положительным аспектом данной системы является возможность подключения большого количества камер к серверу ввиду высокой производительности. Однако недостатком является необходимость использования видеокamer одного и того же производителя в процессе расширения системы.

Второй метод подразумевает реализацию идентификации лиц на сервере с использованием специализированного программного обеспечения, при этом с камеры видеонаблюдения принимается лишь видеопоток. Этот подход особенно удобен в тех случаях, когда система видеонаблюдения уже существует на объекте и требуется заменить только сам видеорегистратор или сервер на новый с установленным программным обеспечением.

Разработчики программного обеспечения для систем видеонаблюдения используют различные алгоритмы распознавания лиц, среди которых можно выделить:

- распознавание с использованием нейронных сетей;
- метод основных элементов;
- активные модели анализа внешнего облика;
- метод «мягкого» сопоставления на графах.

Несмотря на разнообразие подходов, можно выделить общий принцип работы по распознаванию лиц. Для распознавания лиц обычно используется 2D-пространство. Такие алгоритмы проще по сравнению с 3D-позиционированием и требуют меньшие вычислительные ресурсы.

Кроме того, многие системы имеют возможность отслеживания лиц, то есть возможность контроля их перемещения (трекинг лиц). Эта функция может быть полезна в местах с большим скоплением людей, таких как торговые

центры, транспортные узлы и площади, а также для анализа, контроля и прогнозирования потребительского поведения.

б. Технологии искусственного интеллекта

Что касается технологий искусственного интеллекта, то они дают возможность существенно улучшить многие управленческие и аналитические процессы, в связи с чем они сегодня получают большое распространение во всех областях, даже в самых неожиданных.

Искусственный интеллект — одна из наиболее перспективных сфер развития информационных технологий. С одной стороны, именно машинное обучение позволяет оптимизировать многие стандартные задачи, но с другой — предоставление информации в режиме реального времени требует быстрой обработки этих данных. Для этой цели применяются возможности прогнозной аналитики и искусственного интеллекта, которые помогают предоставлять информацию из интегрированных баз данных.

В настоящее время используют три основных типа аналитики: описательную, прогнозную и предписывающую. Описательная аналитика дает возможность объективно оценивать произошедшие события. Прогнозная аналитика предсказывает будущие события с высокой долей вероятности. Предписывающая аналитика, в свою очередь, предлагает рекомендации по решению и действиям, которые помогают повысить эффективность принимаемых решений и разработать стратегию их реализации. Современные высокотехнологичные организации используют все три типа обработки информации, однако наибольшую ценность составляет прогнозная аналитика с автоматическим управлением.

Другими словами, техническая обработка данных — это способ минимизации ошибок с помощью статистического анализа. Объединение прогнозной аналитики с вычислительными технологиями может оперативно создать положительный опыт и определить наиболее эффективное направление работы. Также в создаваемые технологии с применением искусственного интеллекта в оперативно-аналитической деятельности задействованных органов будет включена способность обрабатывать объем информации множества открытых источников, таких как социальные сети, новостные ленты, и данных, генерируемых внутри организаций. Прогнозная аналитика должна непосредственно влиять на организацию и тактику оперативно-розыскной деятельности.

7. Интернет как источник информации. Мониторинг в сети Интернет (OSINT).

Интернет является всемирной распределенной сетью, которая предоставляет возможность хранения данных на серверах и компью-

терах с последующей их передачей по запросам пользователей. Эти данные могут включать текстовые материалы, изображения и программное обеспечение.

Интернет — достаточно действенное средство оперативно-аналитической деятельности. Данный факт является основанием, чтобы уделить ему большое внимание.

Перечислим риски, связанные с использованием Интернета в оперативно-аналитической деятельности:

- упрощенный доступ к данным для неограниченного количества пользователей может способствовать их бесосновательному и некритическому использованию;

- в критических ситуациях доступ к Интернету может быть ограничен;

- запросы, направляемые в поисковые системы, могут быть отслежены заинтересованными лицами и теми, кто управляет этими ресурсами.

Объекты мониторинга в Интернете:

- мессенджеры;
- электронные почтовые службы;
- социальные сети;
- форумы, группы по интересам, сайты различных организаций и объединений людей;
- запросы по поисковым системам;
- отдельные сайты компаний;
- базы данных общего доступа;
- системы и браузеры анонимного использования и другие.

Мониторинг может производиться как через перехват сообщений на каналах связи, так и через анализ данных непосредственно на серверах. Эффективность поиска значительно увеличивается при правильной формулировке запросов в поисковых системах. В Интернете возможно составление досье на интересующий объект.

По характеру поисковых запросов и высказанных мнений можно автоматически идентифицировать террористов, экстремистов, мошенников, педофилов и других лиц, представляющих угрозу общественному порядку и безопасности граждан.

8. Интернет вещей

Сегодня интернет-вещи — это совокупность вычислительных устройств, подключенных к сети и способных осуществлять сбор и передачу данных автономно, без участия человека.

Сейчас, когда говорят об Интернете вещей, речь уже не идет о ноутбуках и смартфонах, напротив, практически все устройства с функцией включения и выключения могут потенциальной стать элементами системы Интернета вещей (имплант для сердца, камера, автомобиль и многие другие устройства, которым может быть присвоен свой IP-адрес и которые способны передавать данные по сети).

Система Интернета вещей состоит из различных датчиков и устройств, упорядоченно взаимодействующих между собой посредством облачного соединения. При поступлении информации в такое облако программное обеспечение обрабатывает поступившие данные и запускает процесс принятия решения о необходимости выполнения определенных действий, например настройки датчиков и устройств без вмешательства пользователя.

Полноценная система Интернета вещей включает четыре ключевых компонента: датчики, системы подключения, программное обеспечение для обработки данных и пользовательский интерфейс.

Датчики устройств. Эти датчики собирают данные в конкретной среде. Устройство может быть оснащено несколькими датчиками, например современный смартфон оснащен GPS, акселерометром, камерой и другими датчиками. Датчики предназначены для сбора информации из окружающей среды.

Системы подключения. После сбора данные должны быть отправлены в облако. Это может происходить следующими способами: через Wi-Fi или Bluetooth, с использованием спутниковой связи, через энергоэффективную сеть дальнего радиуса действия (LPWAN) или прямое подключение к Интернету через Ethernet. Конкретный способ подключения зависит от назначения устройства в системе Интернета вещей.

Программы по обработке данных. После поступления на сервер данные обрабатываются программным обеспечением для принятия решений о возможных действиях. Эти действия могут включать отправку изменений или изменение в датчиках устройства без необходимости прямого участия человека. Тем не менее в некоторых случаях может происходить ввод данных от пользователя, который осуществляется через пользовательский интерфейс.

Пользовательский интерфейс позволяет пользователю вводить данные или проверять функциональность системы. Все действия пользователя проходят через систему: от облачного интерфейса до датчиков устройств, чтобы внести необходимые изменения.

Протоколы подключения и сетевые подключения, применяемые в веб-устройствах, различаются в зависимости от назначения устройства в Интернете. С целью упрощения машиностроения и ускорения процесса сбора данных в Интернете все чаще внедряются технологии искусственного интеллекта и машинного обучения.

Существует множество областей применения Интернета вещей, включая носимые устройства, такие как умные часы, фитнес-трекеры, очки с дополненной реальностью и другие, умные дома (беспроводные бытовые при-

боры, световые системы, учитывающие время суток и настроение, музыкальное сопровождение), умные города (датчики и счетчики для сбора и анализа данных, которые могут использоваться для улучшения коммунального обслуживания и предоставления других услуг), телемедицину (удаленная медицинская диагностика, цифровая передача медицинских изображений и т. д.), беспилотную сельскохозяйственную технику, беспилотные автомобили и многие другие.

При создании структур Интернета вещей важно учитывать, что все города и промышленные интернет-вещи могут быть объединены в одну сеть – «Единый сервер Интернета вещей». Чем большее участие в жизнедеятельности человека принимают технические устройства, подключенные к Интернету, тем сложнее сохранить конфиденциальность и защиту персональных данных. В условиях широкомасштабной автоматизации услуг и сервисов (таких как умные дома и умные энергосистемы) становится практически невозможным заключить соглашение с каждым отдельным человеком по обработке его данных, а также контролировать поток поступающей информации. В свою очередь, увеличение объема собираемых данных может вызвать проблемы с аутентификацией и, соответственно, подорвать доверие к устройствам Интернета вещей. Кроме того, информация о конкретном человеке, собранная через различные подключенные устройства, делает этого человека значительно легче идентифицируемым и, следовательно, уязвимым.

Еще один риск заключается в том, что данные, которые были собраны для решения одной задачи, могут быть использованы также и в других целях, несовместимых с соблюдением прав человека, а также и вовсе переданы третьим лицам. Существует высокий риск того, что люди, не осознавая этого, добровольно предоставляют свои данные и становятся объектами постоянного наблюдения в обмен на удобные и быстрые услуги, предоставляемые Интернетом вещей. Более того, взаимозависимость устройств в Интернете отрицательно влияет на возможности потребителей менять поставщика услуг, поскольку фактически ограничивает контроль человека над своими данными и его право на свободу выбора поставщиков услуг. Автоматические решения, принимаемые Интернетом вещей, способны с течением времени создать ощущение потери контроля лицом, его использующим.

При разработке правил обращения и использования Интернета вещей необходимо учитывать два основных принципа: во-первых, его использование не должно ставить под угрозу неприкосновенность и достоинство личности,

а также ущемлять ее основные права на конфиденциальность и защиту финансовых данных; во-вторых, физические лица должны иметь возможность контролировать свои данные, которые были созданы или обработаны с помощью этих устройств.

Кроме того, при внедрении технологий Интернета вещей государственным органам следует обратить особое внимание на универсальные требования к техническим характеристикам и совместимости, на необходимость обеспечения изолированности отдельных устройств, а также на достаточное количество IP-адресов и доступных радиочастот.

Таким образом, любое внедрение современных высоких технологий в правоохранительную деятельность в целом и оперативно-аналитическую в частности требует тщательного предварительного изучения контекста, оценки и учета возникающих и сопутствующих рисков, природы предлагаемых технологических решений, их необходимости, пропорциональности, ориентированности на права человека, а также наличия альтернативных, менее интрузивных и более безопасных для частной жизни человека решений.

В связи с этим в число приоритетных направлений использования информационно-коммуникационных технологий в оперативно-аналитической деятельности органов внутренних дел на сегодняшний день предлагается включить:

– создание и внедрение Единой архитектуры информационных систем органов внутренних дел, которая будет анализировать все данные, поступающие из каждой отдельной системы, в особенности баз данных оперативно-аналитических подразделений, так как пока информационные системы органов внутренних дел недостаточно связаны между собой, что не позволяет проанализировать всю имеющуюся в них информацию;

– разработку и внедрение новейших технологий видеоаналитики, обладающей возможностью удаленного мониторинга психофизиологического состояния людей с целью определения уровня потенциальной опасности в различных ситуациях;

– разработку специализированных программ для удаленного доступа к оперативно значимой информации с использованием закрытых каналов связи (автоматизированные рабочие места для сотрудников оперативных подразделений);

– разработку и внедрение системы предиктивной аналитики, способной на основе анализа первичных данных представлять уполномоченным сотрудникам прогнозируемые факты преступной деятельности и криминальной активности объектов оперативной заинтересованности;

– модернизацию систем получения аудио- и видеоданных в ходе подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием средств дистанционного контроля передвижения, включая беспилотные летательные аппараты;

– активное применение технологий искусственного интеллекта в имеющееся программное обеспечение и вновь внедряемое в деятельность оперативно-аналитических подразделений органов внутренних дел (например, система могла бы регистрировать оставленные предметы, драки, людей с оружием, скопление людей и другое);

– разработку средств и систем специальной оперативной связи, включая изолированные каналы связи, а также методы разведки и сбора информации с использованием современных технологий и технических решений, а также возможности спутниковой навигационной системы ГЛОНАСС;

– применение технологий мониторинга сети Интернет с учетом построения методического

комплекса и правовой регламентации такой работы;

– обеспечение сотрудников органов внутренних дел планшетами и другими мобильными устройствами, позволяющими фиксировать оперативно значимую информацию и посредством удаленной отправки передавать ее в оперативно-аналитические подразделения органов внутренних дел с целью формирования системы оперативно-розыскной информации и проведения оперативно-аналитических мероприятий;

– научное обеспечение и практическую оценку перспектив внедрения в деятельность оперативно-аналитических подразделений системы Интернета вещей с последующим построением системы Единого сервера Интернета вещей;

– создание условий для дальнейшего научного обоснования и исследований в области разработки новых видов информационно-коммуникационных технологий в интересах оперативно-аналитических подразделений органов внутренних дел.

Список литературы:

1. Жданов Ю. Н., Овчинский В. С. Полиция будущего : монография. М., 2018. 166 с.
2. Павличенко Н. В., Тамбовцев А. И. Будущее профессии оперуполномоченный – BigData и аналитика // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 62–68.
3. Саркисян Г. Г. Современное состояние и проблемы информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Юрист-Правовед. 2019. № 4 (91). С. 214–218.
4. Саркисян Г. Г. Правовая основа информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: современное состояние и проблемы // Юрист-Правовед. 2020. № 3 (94). С. 161–166.

Для цитирования:

Саркисян Гор Георгиевич. Использование информационно-коммуникационных технологий в оперативно-аналитической деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 172–181.

References:

1. Zhdanov Yu. N., Ovchinskij V. S. Policiya budushchego : monografiya. M., 2018. 166 s.
2. Pavlichenko N. V., Tambovtsev A. I. The future of the operative profession – biglist data and analytics // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. № 2 (54). P. 62–68.
3. Sarkisyan G. G. Current state and problems of informational analytical support of operative-search activity // YUrist”-Pravoved”. 2019. № 4 (91). P. 214–218.
4. Sarkisyan G. G. The legal basis for information and analytical support of the operational-search activity of the internal affairs bodies: current state and problems // YUrist”-Pravoved”. 2020. № 3 (94). P. 161–166.

For citation:

Sarkisyan Gor Georgievich. The Use of Information and Communication Technologies in the Operational and Analytical Activities of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 172–181.

СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ деятельность

Караваев Михаил Владимирович,
инженер отдела взрыво-
и пожарно-технических экспертиз
управления инженерно-технических экспертиз
Экспертно-криминалистический центр
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
Российская Федерация, 125130, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 5
ORCID 0009-0001-0234-9586
E-mail: mvkaravaev@mail.ru

Синюк Вадим Дмитриевич,
старший эксперт отдела взрыво-
и пожарно-технических экспертиз
управления инженерно-технических экспертиз,
Экспертно-криминалистический центр
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
Российская Федерация, 125130, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 5
ORCID 0000-0003-2067-5614
E-mail: whitcher@bk.ru

Владимиров Владимир Юрьевич,
доктор юридических наук, профессор,
академик РАЕН, академик МАНЭБ,
советник РАРАН,
заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры управления органами
расследования преступлений,
Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8;
профессор кафедры судебной медицины,
Российская медицинская академия непрерывного
профессионального образования
Министерства здравоохранения
Российской Федерации,
Российская Федерация, 125993, г. Москва,
ул. Баррикадная, д. 2/1, стр. 1;
старший научный сотрудник,
Экспертно-криминалистический центр
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
Российская Федерация, 125130, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 5
ORCID 0000-0001-7190-7011
E-mail: veteran.fskn@yandex.ru

Michail Vladimirovich Karavaev,
Engineer of the Department of Explosion
and Fire Technical Expertise
of the Department of Engineering Expertise,
Forensic Science Center of the Ministry of
Interior of the Russian Federation

Russian Federation, 125130, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 5
ORCID 0009-0001-0234-9586
E-mail: mvkaravaev@mail.ru

Vadim Dmitrievich Siniuk,
Senior expert of the Department
of Explosion and Fire Technical Expertise
of the Department of Engineering Expertise,
Forensic Science Center of the Ministry
of Interior of the Russian Federation

Russian Federation, 125130, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 5
ORCID 0000-0003-2067-5614
E-mail: whitcher@bk.ru

Vladimir Yur'evich Vladimirov,
Doctor of Law, Professor,
Academician of the Russian Academy of Natural Sciences,
Academician of the MANEB,
Adviser to the Russian Academy of Natural Sciences,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Professor of the Department of Management of Crime
Investigation Agencies,
Management Academy of the Ministry of the Interior of
Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8;
Professor of the Department of Forensic Medicine,
Russian Medical Academy of Continuing Professional
Education
Ministry of Health of the Russian Federation,
Russian Federation, 125993, Moscow,
Barricadnaya str., 2/1, building 1;
Senior Researcher,
Forensic Science Center of the Ministry of
Interior of the Russian Federation
Russian Federation, 125130, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 5
ORCID 0000-0001-7190-7011
E-mail: veteran.fskn@yandex.ru

DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-8-21-182-190

Дата поступления статьи: 28 февраля 2024 г.

Дата принятия статьи в печать: 8 октября 2024 г.

О необходимости адаптации понятийного аппарата взрывотехнической экспертизы к задачам уголовного судопроизводства

On the Need to Adapt the Conceptual Apparatus of Explosive Expertise to the Tasks of Criminal Proceedings

Аннотация

Актуальность заключается в том, что ошибки в определении и классификации взрывчатых веществ и взрывных устройств могут привести к неправомерным решениям в суде и к неоправданным обвинениям. Авторы подчеркивают, что необходимо обеспечить взаимопонимание между специалистами-взрывотехниками и представителями судебной системы, чтобы избежать недоразумений и ошибок при назначении экспертиз и исследований. Авторы обосновывают точку зрения о необходимости привлечения специалистов-взрывотехников к обновлению законодательства с целью обеспечения более четкого и точного использования терминов и понятий в данной области.

Постановка проблемы: в статье рассматриваются сложности, с которыми сталкиваются эксперты-взрывотехники и представители судебной системы в процессе квалификации взрывчатых веществ, огнестрельного оружия и боеприпасов в рамках российского законодательства. Авторы обращают внимание на несоответствия и противоречия в формулировках законов, а также на недостаточное понимание технических аспектов и принципов действия различных видов взрывных устройств.

Цель исследования: привлечение внимания юридической общественности (следователей, дознавателей, судей и надзорных органов) а также законодателей в области права к существенным недочетам, имеющим место в нормативных и правовых документах и изданиях, а также в процессе подготовки новых правовых актов.

Методы исследования: общенаучные формально-логические (анализ и синтез, дедукция и индукция, аналогия), частно научные (кон-

Abstract

The relevance is that such errors in the definition and classification of substances and devices can lead to unlawful decisions in court cases and to unjustified accusations. The authors emphasize that it is necessary to ensure mutual understanding between specialists and representatives of the judicial system in order to avoid misunderstandings and mistakes in the appointment of examinations and studies. The authors substantiate the point of view on the need to involve explosives specialists in updating legislation in order to ensure a clearer and more accurate use of terms and concepts in this area.

Problem statement: the article examines the difficulties faced by explosives experts and representatives of the judicial system in the process of qualifying explosives, firearms and ammunition within the framework of Russian legislation. The authors draw attention to inconsistencies and contradictions in the wording of the laws, as well as a lack of understanding of the technical aspects and principles of operation of various types of explosive devices.

The purpose of the study: to draw the attention of the legal community (investigators, inquirers, judges and supervisory authorities) as well as lawmakers in the field of law to significant shortcomings in regulatory and legal documents and publications, as well as in the process of preparing new legal acts.

Research: general scientific formal logical (analysis and synthesis, deduction and induction, analogy), private scientific (content analysis, expert assessment), retrospective analysis, revealing the stages of the emergence of discrepancies in Russian legislation in the field of explosive forensic examinations.

тент-анализ, экспертная оценка), ретроспективный анализ, выявляющий этапы появления разночтений российского законодательства в сфере взрывотехнических судебных экспертиз.

Результаты и ключевые выводы: выявлены неточности и противоречия в УК РФ и иных нормативно-правовых актах, которые негативно влияют на ход предварительного расследования уголовных дел, связанных со взрывами. Решением представляется налаживание более тесных контактов специалистов заинтересованных ведомств при разработке и совершенствовании нормативных актов для устранения существующих и недопущения новых неточностей и противоречий в УК РФ и иных законодательных актах.

Ключевые слова: судебная экспертиза; взрывотехническая экспертиза; оружейведение; взрыв; взрывчатые вещества; взрывные устройства; пиротехнические изделия.

Results and key conclusions: inaccuracies and contradictions in the Criminal Code of the Russian Federation and other normative legal acts have been identified, which negatively affect the course of the preliminary investigation of criminal cases related to explosions. The solution seems to be to establish closer contacts between specialists of interested departments in the development and improvement of normative acts in order to eliminate existing and prevent new inaccuracies and contradictions in the Criminal Code of the Russian Federation and other legislative acts.

Keywords: forensic examination; explosive expertise; weapons science; explosion; explosives; explosive devices; pyrotechnic products.

Нормативно-правовые документы самого высокого порядка (отмененные и действующие в настоящее время) содержали и содержат некоторые положения, являющиеся с точки зрения базовых научных знаний¹ некорректными, спорными и зачастую противоречащими логике и элементарному здравому смыслу.

Чтобы такое смелое утверждение не выглядело голословным, ниже приведен краткий анализ ряда документов в исторической ретроспективе. Также следует привести результаты обобщения судебной и следственной практики и обозначить возможные пути решения выявленных проблем.

Явления, которым посвящена данная статья, отмечались экспертами в течение многих лет. Так, в ряде случаев экспертной практики (далеко не единичных) были отмечены попытки следователей назначить взрывотехническую экспертизу по факту хищения ртути, которую они явно считали взрывчатым веществом. Только силой убеждения с демонстрацией технической литературы удавалось уговорить представителей следствия не назначать бессмысленных экспертиз. В результате поиска источника таких данных был обнаружен научный труд коллектива авторов [2], который ввел представителей следственных органов в заблуждение. Так, под взрывчатыми веществами (далее – ВВ) понимают «такие соединения или смеси веществ, которые обладают способностью к быстрому са-

мораспространяющемуся химическому превращению (взрыву), выделяющему большую кинетическую энергию, например: ртуть, тротил, динамит, смеси водорода с кислородом, метана с воздухом и т. д.»;

Легковоспламеняющимися являются вещества, способные возгораться от соприкосновения с воздухом, водой или при воздействии иных факторов, а также вещества, отличающиеся низкой температурой вспышки (селитра, ацетон, бензин, спирты, эфиры, керосин, фосфор и т. д.) [2, с. 527].

Даже специалистам известно, что ртуть, упомянутая в определении ВВ текста комментария, взрывчатым веществом не является, однако означенный текст послужил руководством к действию для следователей МВД России и тогда еще прокуратуры. Нет уверенности, что в прочих подобных случаях дело кончилось простым убеждением.

Действующие эксперты-взрывотехники в подобных случаях, как правило, относились к создавшейся коллизии с юмором и считали ее чистым недоразумением и досадной опечаткой. Однако с течением времени отношение к подобным фактам и их объяснение несколько изменилось, о чем будет сказано ниже.

Далее в определении легковоспламеняющихся веществ упоминаются «(селитра, ацетон, бензин, спирты, эфиры, керосин, фосфор и т. п.)» [2, с. 527], что также не вполне верно. Так, единственная горючая селитра (аммиачная, нитрат аммония, соль азотной кислоты) имеет далеко не низкую температуру воспламе-

¹ Под базовыми научными знаниями здесь и далее понимаются специальные знания в области каких-либо наук, техники, искусства или ремесла, используемые при производстве взрывотехнических экспертиз.

нения + 350 С, да и то после термического разложения. Остальные селитры (их несколько) просто не горят.

Также по тексту приводится определение пиротехнических изделий, которыми «признаются осветительные, зажигательные и дымовые устройства военного и мирного назначения, действующие на основе пороховых зарядов, например, сигнальные устройства, устройства фейерверков и т. д.» [2, с. 527]. В реальности пиротехнические изделия далеко не всегда действуют на основе пороховых зарядов, и номенклатура их гораздо шире упомянутой (где, например, бенгальские огни, светозумовые спецсредства и множество других).

При обсуждении с представителями юридической общественности данного вопроса высказывались мнения, что не стоит ворошить прошлые ошибки и обсуждать давно отмененные документы. Однако, к сожалению, подобные явления стали устойчивой тенденцией, и уже долгое время порождают спорные ситуации между экспертами и представителями иных правоохранительных структур, поэтому продолжим исторический анализ документов.

В 2002 г. вышло постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств». Содержание его несколько обескуражило экспертов-взрывотехников по целому ряду положений. Например, в п. 5 постановления содержались следующие утверждения:

1. «Под взрывчатыми веществами следует понимать химические соединения или механические смеси веществ, способные к быстрому самораспространяющемуся химическому превращению, взрыву без доступа кислорода воздуха...».

Последние три слова приведенной цитаты попортили немало крови экспертам за время действия вышеуказанного постановления. К сожалению, смесевые ВВ типа «горючее-окислитель», где в качестве окислителя выступает кислород воздуха либо просто газообразный кислород, существуют. Именно они ответственны за объемные взрывы в квартирах и гаражах, производственных помещениях, где имела место утечка газа, и емкостях, в которых хранились горючие вещества, именно на их основе созданы так называемые вакуумные бомбы, и, конечно, именно этими составами взрывают банкоматы [5; 6].

Поскольку юридическое сообщество решило, что ВВ должно срабатывать без доступа кислорода воздуха, произошло следующее. В последние годы стали широко распростра-

нены подрывы банкоматов, во внутренний объем которых вводился горючий газ (ацетилен, метан, пропан, водород и др.) с последующим огневым или искровым инициированием. Эксперт-взрывотехник в своем заключении по факту взрыва банкомата писал, что взрывчатым веществом послужила смесь горючего газа с кислородом воздуха. Эксперты территориальных экспертно-криминалистических подразделений МВД России неоднократно обращались в ЭКЦ МВД России с просьбой оказать методическую помощь в связи с тем, что выполненные справки надзорный орган (прокуратура) отвергает, ссылаясь при этом на вышеуказанное постановление.

Интересно, что данное определение из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 противоречит рассмотренным выше комментариям [2].

Именно тогда экспертное сообщество взрывотехников впервые столкнулись с ситуацией, когда Д. И. Менделеев признал бы вещество (смесь веществ) взрывчатым, а Верховный Суд Российской Федерации — нет.

2. «Имитационно-пиротехнические и осветительные средства не относятся к взрывчатым веществам и взрывным устройствам».

Во-первых, термин «имитационно-пиротехнические» в профессиональной терминологии взрывотехнических экспертов отсутствует. Во-вторых, есть имитационные и пиротехнические средства, определения которых не всегда совпадают. Проблема в том, что существующие имитационные средства зачастую срабатывают с эффектом весьма мощного взрыва. Так, в конце 90-х гг. прошлого века в незаконном обороте находилось значительное количество имитационных патронов (изделий военного назначения), имитирующих звук выстрела артиллерийских орудий разной мощности. Из них даже получались самодельные высокоэффективные осколочные взрывные устройства (далее — ВУ), если корпус оснащался готовыми поражающими элементами (гайками, болтами, гвоздями). Патроны содержали ВВ (до 1 кг), в том числе тротил и гексоген, комплектовались в состоянии поставки электродетонаторами и способны были разорвать пополам легковой автомобиль с отбросом багажника от двигателя на 12–15 м. Этот эффект демонстрировался представителям органов следствия высшего звена, чтобы каким-то образом исправить ситуацию с некорректной формулировкой, но эффекта это не имело.

Рис. 1. Имитационный патрон ИМ-100М

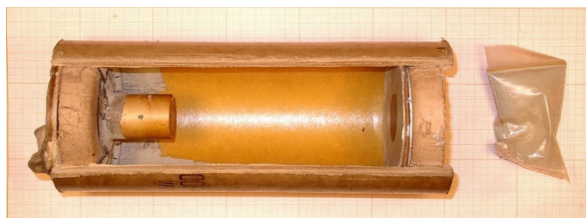

Рис. 2. Имитационный патрон ИМ-100М в разрезе

Как апофеоз борьбы за изменение или исключение этой формулировки при подготовке нового постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2019 г. № 15 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 “О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств”» на суд представительного собрания с участием всех заинтересованных структур специалистом ЭКЦ МВД России было представлено описание и инструкция по подготовке к применению имитационной авиабомбы ИАБ-3000 массой 3 т, имитирующей ядерный взрыв с огненным шаром диаметром 125 м, содержащей 164 кг смесового ВВ – смеси тротила с гексогеном и алюминиевым порошком, 266 кг белого фосфора и 710 кг жидкого горючего, и способной взрывом разнести на кирпичи дом средней этажности.

Согласно юридическому видению эта бомба является имитационным средством и «не относится к взрывчатым веществам и взрывным устройствам». Несмотря на столь мощную аргументацию и длительное убеждение присутствовавших специалистов МВД России и Минобороны России, спорная формулировка была успешно перенесена в новое постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2019 г. № 15 и до настоящего времени существует в качестве руководства для судов и органов предварительного расследования.

Может показаться, что упомянутые изделия являются экзотикой и никак не могут представлять интерес для правоохранительных органов ввиду невозможности их нахождения в неза-

конном обороте. В реальности же номенклатура взрывоопасных объектов военного назначения, с которыми приходится сталкиваться экспертам-взрывотехникам, более обширна и еще более обогатилась с началом специальной военной операции, в том числе за счет изделий зарубежного производства.

Стоит обратить внимание на стилистику обсуждаемых формулировок. Приходилось ли видеть читателю (профессионалу) заключение эксперта, в котором в выводах после ответов на вопросы следователя была бы фраза вроде: «считаем целесообразным определить фигуранту меру наказания 8 лет строгого режима»? Естественно, нет, и причиной для этого является явный выход эксперта за пределы его компетенции.

Однако следователям и судам предлагается самостоятельно решать, что является ВВ и ВУ, и требовать подтверждения этого от эксперта. Руководствоваться следователям при этом постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2019 г. № 15, так как они не обладают специальными знаниями в области взрывотехники. Что это, как не выход за пределы компетенции?

Более того, спорное положение противоречит другому положению, содержащемуся все в том же постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2019 г. № 15, а именно в п. 5 указано, что «под взрывными устройствами понимаются промышленные или самодельные изделия, содержащие взрывчатое вещество, функционально предназначенные для производства взрыва и способные к взрыву», что, исходя из экспертной практики, объяснить следователям до сих пор не удалось. Между тем и упомянутые имитационные патроны, и имитационная бомба под это определение попадают.

И это при том, что следователь при назначении взрывотехнической экспертизы, как правило, задает именно такой вопрос: «Является ли представленное вещество взрывчатым и каким именно?», ставя его на разрешение эксперту-взрывотехнику.

В тексте того же постановления, как и Г. А. Есакова [3], существуют неоднократно повторяющиеся формулировки, которые описанную конфликтную ситуацию могли бы полностью купировать, а именно: «Не является уголовно наказуемым...» либо «Не образует состава преступления...». Если бы положение об имитационных средствах формулировалось в этом ключе, никаких правовых коллизий не наступало бы, причем без посягательства на область компетенции эксперта. За экспертами же остались бы право и обязанность устанавливать от-

носимость исследуемого вещества к взрывчатым.

Теперь обратимся к документу, имеющему статус закона, а именно Уголовному кодексу Российской Федерации² (далее – УК РФ), который по определению должен быть абсолютно совершенным документом, поскольку от содержащихся в нем положений напрямую зависит судьба людей и степень их уголовной ответственности.

Федеральным законом от 24 ноября 2014 г. № 370-ФЗ³ в УК РФ внесены изменения, в частности касательно ст. 222 и сопряженные с ней, касающиеся незаконного оборота ВВ, ВУ и боеприпасов (далее – БП). Инициаторы изменений, вероятно, действовали с самыми благими намерениями. В результате ст. 222 УК РФ разделилась и появилась новая ст. 222.1, устанавливающая повышенную ответственность за незаконный оборот ВВ и ВУ. Ответственность же за незаконный оборот БП осталась за ст. 222.

С момента внесения изменений в УК РФ изменился подход следствия к назначению взрывотехнических экспертиз. Ответственность за незаконные действия с ВВ и ВУ стала отличаться от ответственности за незаконные действия с БП. Следователи стали требовать от экспертов категоричного утверждения, является ли представленный объект БП либо ВУ, ставя последних в затруднительное положение. Согласно п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2019 г. № 15 «К категории боеприпасов относятся все виды патронов к огнестрельному оружию независимо от калибра, изготовленные промышленным или самодельным способом, а также иные предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание», т. е. БП являются одним из видов ВУ, предназначенным для поражения цели. Следователи отказались понимать, что БП может быть ВУ, и посчитали, что этого не может быть никогда. Следователей можно понять, ведь необходимо определить состав преступления и квалифицировать деяние по УК РФ.

Эксперт, естественно, называет вещи своими именами, однако не дает покоя все тот же здравый смысл: почему, собственно, за незаконные действия с БП, предназначенными для поражения целей (ст. 222), ответственность

меньше, чем за такие же действия со ВУ, которые могут быть изделиями, например, гражданского назначения типа градобойных ракет, разрывных болтов, все тех же имитаторов выстрела, не говоря уже о назначении повышенной ответственности за незаконное хранение охотничьего пороха по ст. 222.1, так как он относится к метательным ВВ.

На прямой вопрос одному из членов Верховного Суда РФ про данные несоответствия был получен следующий ответ: «Взрывное устройство – это ужасная вещь, жестоко поражающая людей, а что такое боеприпас? – Ну так, мина противопехотная...». Похоже, что авторы изменений в УК РФ, не обладая специальными знаниями о номенклатуре БП, не были в курсе, что БП – это не только патроны к стрелковому оружию, но и авиабомбы массой до 9 тонн, противотанковые мины и управляемые ракеты, артиллерийские снаряды всех калибров, гранаты различного назначения, касетные боевые элементы и др.

До июня 2019 г., когда были введены изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», эксперты пытались совместно со следователями каким-то образом придерживаться логики и с полным правом могли называть БП взрывными устройствами, благо, это не противоречило основным определениям. Однако все было не так просто. Тогда еще действовало ранее упомянутое постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5, содержащее устаревшее ныне определение ВУ, под которым понимались «промышленные или самодельные изделия, функционально объединяющие взрывчатое вещество и приспособление для инициирования взрыва (запал, взрыватель, детонатор и т. п.)».

Неизвестно, почему именно так юридическое сообщество определило ВУ. Профессионалам известны конструкции ВУ, хорошо взрывающиеся, например, при соударении без всякого взрывателя (все зависит от чувствительности ВВ). Поскольку вещество является взрывчатым, если срабатывает со взрывом в определенных условиях, следует учитывать, что всегда остается способ подрыва путем помещения устройства в печь и т. д.

Это положение представляло существенную трудность при разработке итогового текста нового постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2019 г. № 15 по следующим причинам.

² Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 2 окт. 2024 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. № 25. Ст. 2954.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 24 нояб. 2014 г. № 370-ФЗ // СПС Консультант-Плюс.

Попробуем, исходя из действовавшего в те годы постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5, квалифицировать, например, ручную гранату без взрывателя или неокончательно снаряженный артиллерийский снаряд (тоже без взрывателя – они так хранятся и называются «неокончательно снаряженными»). С одной стороны, называть БП – значит назначить в новых условиях ответственность фигуранту ниже, чем он заслуживает, с другой – граната без взрывателя согласно приведенному определению не является ВУ. В связи с этим рождались удивительные формулировки в заключениях эксперта типа «...представленный предмет является корпусом ручной гранаты, снаряженным бризантным взрывчатым веществом – тротилом». При этом предполагалось, что ответственность наступит за ВВ. Интересно, что бы сказали представители Министерства обороны Российской Федерации, если бы их БП стали вдруг корпусами, снаряженными ВВ?

Поэтому с подачи специалистов ЭКЦ МВД России спорное положение о том, что в ВУ обязательно должно быть средством взрывания, было из нового постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2019 г. № 15 исключено. Более того, с введением в действие обозначенного постановления была проведена соответствующая работа и с формулировками ст. 222 и 222.1 УК РФ. В постановление включены комментарии (п. 5), обязывающие квалифицировать боеприпасы по ст. 222.1 (с повышенной ответственностью), что в общем верно: «... если судом при рассмотрении уголовного дела установлено, что предмет вооружения или метаемое снаряжение содержат в своем составе взрывчатое вещество, функционально предназначены для производства взрыва и способна к взрыву (например, мина, граната), то незаконные действия с таким предметом квалифицируются по ст. 222.1 или ст. 223.1 УК РФ». Фактически, ответственность за незаконные действия с боеприпасами (ст. 222) предложено квалифицировать по ст. 222.1.

Данный факт показывает, что при нормально поставленном взаимодействии всех заинтересованных структур, организованном в данном случае ВС РФ, при подготовке нормативных актов удается добиться взаимопонимания и согласовать текст документа, устраивающий все заинтересованные стороны. Ранее отмеченное ставит под сомнение сам смысл выделения ст. 222.1 УК РФ. При этом осталась все та же повышенная ответственность за незаконный оборот охотничьего пороха и гражданских ВУ, что спорно с точки зрения здравого смысла.

На этом работа над совершенствованием ст. 222 УК РФ не закончилась. Появилась, опять неожиданно для экспертов-взрывотехников, ст. 222.2, устанавливающая повышенную ответственность за незаконный оборот оружия и БП крупного калибра. И действительно, почему бы не назначить более строгое наказание за незаконные действия со 152 мм снарядом (по сравнению с ответственностью за винтовочный патрон)?

Но в данном случае также были допущены существенные недоработки в терминологии. Так, в примечаниях к новой ст. 222.2 УК РФ указано: «2. Для целей настоящей статьи и других статей настоящего Кодекса под крупнокалиберным огнестрельным оружием понимается огнестрельное оружие (за исключением гражданского огнестрельного оружия и служебного огнестрельного оружия) калибра от 20 мм и более».

Опять сообщество юристов непрофессионально вторглось в пределы чужой компетенции.

В технических и военных приложениях существует исторически сформировавшееся разделение огнестрельного оружия и БП по калибру, отличающееся от критерия, установленного ст. 222.2. УК РФ.

Например:

1) «...в наземной артиллерии к снарядам малых калибров относятся снаряды калибром менее 70 мм, к снарядам средних калибров – от 70 до 155 мм и крупных калибров – более 155 мм; в зенитной артиллерии снаряды калибром более 100 мм относятся к крупным калибрам...» [7];

2) «...снаряды делятся на снаряды малых калибров (20–74 мм), снаряды средних калибров (75–155 мм), снаряды крупных калибров (более 155 мм)» [8];

3) «В артиллерии пушки и снаряды в зависимости от калибра делятся на три группы:

– малокалиберные – калибром от 20 мм до 75 мм;

– среднего калибра – от 76 мм до 155 мм;

– крупного калибра – свыше 155 мм» [4];

4) «Современная корабельная артиллерия РФ подразделяется на артиллерию крупного (главного) калибра (свыше 130 мм), среднего (80–130 мм) и малого (20–57 мм). Береговая артиллерия подразделяется на артиллерию крупного (свыше 130 мм), среднего (100–130 мм) и малого (до 100 мм)»⁴.

В ряде случаев понятие «крупнокалиберный», несмотря на некоторую неопределенность, получило официальный статус. Так, наи-

⁴ Морская артиллерия // Энциклопедия Министерства обороны России : сайт : URL: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=8284@morfDictionary> (дата обращения: 05.10.2024).

менованье модели отечественного пулемета КПВ (КПВТ) калибра 14,5 мм расшифровывается как «Крупнокалиберный пулемет Владимира (танковый)».

Марка отечественного пулемета ДШК, имеющего калибр 12,7 мм расшифровывается как «Дегтярев-Шпагин-Крупнокалиберный».

Различия в трактовке понятий «калибр» и «крупный калибр» в юридическом и технических приложениях очевидны.

Немедленно появились прецеденты, когда эксперту следователем на допросе задавался вопрос: «Является ли представленный снаряд (выстрел) крупнокалиберным?» Получив профессиональный ответ, что 30 мм артиллерийский снаряд является малокалиберным, следователь получал возможность предъявить фигуранту обвинение в деянии с меньшей ответственностью.

Остается также непонятным, почему в комментарии к ст. 222.2 говорится только об огнестрельном оружии и БП к нему. БП могут и не относиться к огнестрельному оружию. Понятие «калибр» неоднозначно, и, например, «Калибром авиационной бомбы является номинальная масса, выраженная в килограммах» [8].

Инженерные мины вообще не имеют калибра, а их поражающее действие может превосходить мощность артиллерийских БП калибра 20 мм в сотни раз. При этом их незаконный оборот фактически выведен из-под повышенной ответственности, что противоречит диспозиции ст. 222.2 УК РФ.

Теперь, когда приведен ряд примеров, иллюстрирующих положение дел с разработкой новых нормативно-правовых актов, возвратимся к описанному выше случаю с ртутью, названной ВВ, и выскажем следующее предположение.

Как могла появиться ртуть в списке ВВ? Нет, это не описка и не случайная ошибка лица, готовившего первоначальный вариант документа. Вероятно, ответственный сотрудник, готовя текст «Комментариев...», обратился к справочникам по ВВ, откуда и почерпнул тривиальное название иницирующего ВВ фульминат ртути или «гремучая ртуть». Только таким образом в тексте могла появиться именно ртуть, а не мышьяк и не уран. Но в процессе сбора многочисленных согласующих подписей с ростом должностей и званий лиц, последовательно ставящих их на листе согласований, это странное название «гремучая ртуть», вероятно, вызвало неприятие одного из достаточно высокопоставленных лиц, не являвшегося специалистом по ВВ. В результате слово «гремучая» было из текста удалено, а слово «ртуть» осталось, и документ пошел в печать, поскольку нижестоящие сотрудники не сочли возможным корректировать решения вышестоящего руководства. Это, конечно,

только лишь предположение, которое предлагается на суд читателя.

Отдельно следует обратить внимание на следующее. При подготовке данной статьи использовалось в том числе издание 2023 года, подготовленное преподавателями ведущих московских вузов» и изданное тиражом 10 тыс. экземпляров [3]. В этом уважаемом издании относительно обсуждаемых в данной статье положений (ст.ст. 222, 222.1, 222.2) следователям, судьям рекомендовано руководствоваться постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5: «1. Статья является специальной нормой по отношению к ст. 222 УК. О понятии взрывчатых веществ и взрывных устройств см. п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5» [3, с. 343], измененного и фактически отмененного постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2019 г. № 15.

Весьма печально, что солидное общество так сражалось за новые формулировки, а их за 4 года так и не заметили. Значительный тираж «Комментариев...» свидетельствует о том, что будет еще множество стычек и коллизий при трактовке специальных терминов, и последний постатейный комментарий, выпущенный в 2023 г., решение задачи по совершенствованию серьезных юридических документов никак не облегчает.

Вопрос о наличии огрехов в правовых и нормативных документах весьма высокого уровня не раз поднимался на встречах с представителями следственных органов. Была предпринята попытка достучаться до представителей юридической общественности, чтобы выяснить, каково их отношение к существующим разногласиям в серьезных юридических документах, для чего, в частности, был сделан доклад на VII Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях», проводившейся 17–18 января 2019 г. в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина. Однако доклад не вызвал ни малейшего интереса у слушателей и был сочтен незначительным и недостойным озвучивания на столь представительном собрании.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Имеющиеся в УК РФ неточности и противоречия недопустимы, равно как и в подзаконных актах по обсуждаемой тематике.

Следует наладить работу по выявлению существующих неточностей и противоречий с привлечением профильных специалистов.

Практически ни один упомянутый документ и изменения в них не предоставлялись на пред-

варительный анализ профильным специалистам, в данном случае экспертам-взрывотехникам, что явилось результатом, мягко говоря, существенных недочетов в итоговых вариантах нормативных актов, впоследствии принятых к руководству правоохранительными органами. Понимая, что в согласовании текстов упомянутых документов, несомненно, участвовало МВД России, имеет смысл уточнить, специалисты каких конкретно подразделений ставили итоговые согласующие подписи на проектах нормативных актов и почему. Также впредь по возможности учитывать мнение профильных специалистов.

Список литературы:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. 3-е изд. изм. и доп. М., 2001.
2. Синюк В. Д. Неисправности газовых шлангов и возникновение аварийных ситуаций. Причинно-следственная связь // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. № 2 (26). С. 202–213.
3. Синюк В. Д. Криминалистическое определение взрывов // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., М., 2023. С. 296–300.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г. А. Есакова. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023.
5. Третьяков Г. М. Боеприпасы артиллерии. М.: Военное издательство Министерства вооруженных сил Союза ССР, 1947.
6. Химия и боеприпасы артиллерии / под ред. А. В. Кочергина, С. Ю. Гармонова. М., 2010.
7. Конструкция артиллерийских выстрелов: учеб. пособие / Ю. В. Генкин, Я. О. Павлов, М. А. Преображенская. СПб., 2012.
8. Авиационные средства поражения / под общ. ред. Ф. П. Миропольского. М., 1995.

Для цитирования:

Караваяев Михаил Владимирович, Синюк Вадим Дмитриевич, Владимиров Владимир Юрьевич. О необходимости адаптации понятийного аппарата взрывотехнической экспертизы к задачам уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 182–190.

Представляется целесообразным налаживание более тесных контактов специалистов заинтересованных ведомств при разработке и совершенствовании нормативных актов. Примером может служить межведомственное совещание в Верховном Суде Российской Федерации при подготовке изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5, на котором удалось преодолеть ведомственные разногласия и устранить хоть и не все, но большинство недочетов и неточностей в разрабатываемых документах.

References:

1. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / pod obshch. red. YU. I. Skuratova i V. M. Lebedeva. 3-e izd., izm. i dop. M., 2001.
2. Sinyuk V. D. Malfunctions of gas hoses and the occurrence of emergency situations. Causal relationship // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2023. № 2 (26). P. 202–213.
3. Sinyuk V. D. Kriminalisticheskoe opredelenie vzyvov: sb. nauchnyh statej po materialam mezhdunar. nauch.-praktich. konf. // Akademiya upravleniya MVD Rossii. Moskva, 2023. S. 296–300.
4. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / pod red. G. A. Esakova. 11-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2023.
5. Tret'jakov G. M. Boepripasy artillerii. M., 1947.
6. Himiya i boepripasy artillerii / pod red. A. V. Kochergina, S. YU. Garmonova. M., 2010.
7. Konstrukciya artillerijskih vystrelov: ucheb. posobie / YU. V. Genkin, YA. O. Pavlov, M. A. Preobrazhenskaya. SPb., 2012.
8. Aviacionnye sredstva porazheniya / pod obshch. red. F. P. Miropol'skogo. M., 1995.

For citation:

Karavaev Michail Vladimirovich, Siniuk Vadim Dmitrievich, Vladimirov Vladimir Yur'evich. On the Need to Adapt the Conceptual Apparatus of Explosive Expertise to the Tasks of Criminal Proceedings // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 182–190.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ретроспектива

Грошева Виктория Константиновна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Донецкий филиал
Волгоградской академии МВД России,

Российская Федерация, 283050,
Донецкая Народная Республика,
г. Донецк, пр-кт Богдана Хмельницкого, д. 84
E-mail: vik-groshevaya@mail.ru

ORCID 0000-0002-4554-8657

Viktoriya Konstantinovna Groshevaya,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department
of Public Law Disciplines,
Donetsk branch
Volgograd Academy of the Ministry of Internal
Affairs of Russia,
Russian Federation, 283050,
Donetsk People's Republic,
Donetsk, Bogdan Khmel'nitsky Ave., 84
E-mail: vik-groshevaya@mail.ru

ORCID 0000-0002-4554-8657

Научная специальность:
5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Scientific speciality:
5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

УДК 351.743(477)

DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-191-199

Дата поступления статьи: 13 сентября 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 24 декабря 2024 г.

Формы и методы взаимодействия милиции Украинской ССР с населением в охране общественного порядка и борьбы с преступностью (1960–1966 гг.)

Forms and Methods of Interaction of the Militia of the Ukrainian SSR with the Population in the Protection of Public Order and the Fight against Crime (1960–1966)

Аннотация

Актуальность исследования: в статье рассматриваются формы и методы взаимодействия органов милиции Украинской ССР с населением в охране общественного порядка и борьбы с преступностью. Автором отмечается, что важное место в механизме взаимодействия органов милиции с общественностью занимали движение добровольных народных дружин, общественные инспектора, товарищеские суды.

Постановка проблемы: сотрудничество органов милиции Украинской ССР с общественностью организовывалось на различных этапах государственного строительства Республики. В период 1960–1966 гг. одной из главных задач всех органов милиции было широкое привле-

Abstract

Relevance of the study: the article examines the forms and methods of interaction between the police of the Ukrainian SSR and the population in the protection of public order and the fight against crime. The author notes that an important place in the mechanism of interaction between the police and the public was occupied by the movement of voluntary people's squads, public inspectors, and friendly courts.

Problem statement: the cooperation of the police of the Ukrainian SSR with the public was organized at various stages of state-building of the Republic. In the period 1960-1966, one of the main tasks of all police agencies was to widely involve workers in the protection of public order and the

чение трудящихся к охране общественного порядка и борьбе с преступностью. В связи с этим Министерством внутренних дел УССР (Министерством охраны общественного порядка УССР) был принят ряд приказов и директив, регулирующих данные правоотношения. Практика борьбы с преступностью и правонарушениями определила новые формы взаимодействия органов милиции с общественностью, исследование которых позволит дать оценку данному явлению в рассматриваемый период.

Целью исследования является проведение ретроспективного анализа, направленного на изучение форм и методов взаимодействия милиции Украинской ССР с населением в охране общественного порядка и борьбы с преступностью (1960–1966 гг.).

Методы исследования: в процессе работы использовались следующие методы: исторический, аксиологический, формально-логический, компаративистский.

Результаты и ключевые выводы: взаимодействие милиции Украинской ССР с населением приносило свои результаты и осуществлялось в различных формах, однако наиболее распространенной и интегрированной в общество структурой было движение добровольных народных дружин, помощь которых использовалась в различных сферах: поддержании общественного порядка в городах и селах, в общественных местах и организациях (учреждениях), противодействии бытовым конфликтам и защите государственных интересов, борьбе с общеуголовной преступностью и с преступностью в экономике, на транспорте.

Применяемые меры, в частности правовое регулирование института привлечения общественности (населения) к охране общественного порядка и борьбе с преступностью, позволили вывести охрану общественного порядка на качественно новый уровень.

Ключевые слова: милиция Украинской ССР; охрана общественного порядка; борьба с преступностью; добровольные народные дружины; общественные инспектора; товарищеские суды.

fight against crime. In this regard, the Ministry of Internal Affairs of the Ukrainian SSR (Ministry of Public Order Protection of the Ukrainian SSR) adopted a number of orders and directives regulating these legal relations. The practice of combating crime and offenses has identified new forms of interaction between police agencies and the public, the study of which will allow us to assess this phenomenon in the period under review.

The purpose of the study is to conduct a retrospective analysis aimed at studying the forms and methods of interaction between the police of the Ukrainian SSR and the population in the protection of public order and the fight against crime (1960–1966).

Research methods: in the course of work, the following methods were used: historical, axiological, formal-logical, comparative.

Results and key conclusions: the interaction of the militia of the Ukrainian SSR with the population brought its results and was carried out in various forms, however, the most widespread and integrated structure in society was the movement of voluntary national squads, whose help was used in various fields: maintaining public order in cities and villages, in public places and organizations (institutions), countering domestic conflicts and protection of state interests, the fight against ordinary crime and crime in the economy, in transport.

The measures applied, in particular the legal regulation of the institution of public involvement (population) in the protection of public order and the fight against crime, have made it possible to bring the protection of public order to a qualitatively new level.

Keywords: police of the Ukrainian SSR; protection of public order; fight against crime; voluntary people's squads; public inspectors; friendly courts.

Непрерывное развитие и усовершенствование форм и методов взаимодействия милиции Украинской ССР с широкими слоями населения в охране общественного порядка и борьбы с преступностью, а также взаимосвязь с представителями общественности (трудовых коллективов, общественно-политических организаций и т. п.) по вопросам соблюдения законности и правопорядка являлись одним и из ве-

душих направлений деятельности украинской милиции, (как и всей советской милиции).

Организация сотрудничества органов милиции УССР с общественностью в указанной сфере осуществлялась на различных этапах государственного строительства.

В современной отечественной историко-правовой науке достаточно широко освещалось взаимодействие милиции УССР с населением в охране общественного порядка и борь-

бе с преступностью. Исследованию данной темы посвятили свои труды многие ученые как советского периода, так и независимой Украины: П. П. Михайленко, Г. А. Червоненко, А. П. Чернега, Ю. Н. Краснонос, С. Н. Пашков, Н. Н. Лагоша, А. А. Абдуллин и др.

В исследуемый период важную роль в жизни советского народа играла Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС). На съездах КПСС принимались решения и ставились задачи, направленные на достижение больших успехов в развитии различных отраслей страны. Советская Украина значительно продвигалась вперед в политическом, экономическом и культурном развитии.

Большое значение для совместной деятельности органов милиции и населения по охране общественного порядка и борьбы с преступностью имели решения, принятые на XX съезде Коммунистической партии Украины, на котором рассматривались тезисы доклада, утвержденные на XXI съезде ЦК КПСС. В докладе ЦК КПСС к XXI съезду партии отмечалось, что «дело идет к тому, чтобы функции обеспечения общественного порядка и безопасности наряду с такими государственными учреждениями, как милиция, суды, выполняли параллельно и общественные организации. Социалистическое общество создает такие добровольные органы обеспечения общественного порядка, как народная милиция, товарищеские суды и подобные им органы. Добровольные отряды народной милиции должны на себя обеспечение общественного порядка в своих населенных пунктах, следить за тем, чтобы соблюдались и охранялись права и интересы граждан» [1, с. 246–247].

Принятая на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г. новая программа партии ставила перед правоохранительными органами задачу полного искоренения преступности¹. Это неосуществимое задание, которое не имело под собой ни экономической, ни социальной основы, ориентировало органы милиции и другие правоохранительные органы на резкое сокращение преступности в ближайшие годы, а затем и на ее полное устранение. Перед органами милиции были поставлены конкретные задачи, направленные на обеспечение охраны общественного порядка и борьбу с преступностью. Милиция была призвана обеспечивать надлежащий правопорядок в городах, населенных пунктах, на транспортных магистралях, вовремя преду-

преждать, пресекать и раскрывать преступления.

Так, основной целью всех органов милиции, необходимым условием успешного решения поставленных перед ними задач являлось массовое привлечение трудящихся к охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

Следует подчеркнуть, что в 1960-е годы во всесоюзной системе внутренних дел происходят изменения.

13 января 1960 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Министерство внутренних дел СССР было упразднено, а его функции переданы министерствам внутренних дел союзных республик².

В связи с упразднением Министерства внутренних дел СССР Указом Президиума Верховного Совета УССР от 6 апреля 1960 г. Министерство внутренних дел Украинской ССР было преобразовано из союзно-республиканского в республиканское Министерство внутренних дел Украинской ССР³.

Перемены обусловили изменение форм и методов взаимодействия органов милиции с населением по обеспечению общественного порядка и борьбы с преступностью.

В связи с тем, что основной функцией органов внутренних дел считалась охрана общественного порядка, осенью 1962 г., как и в других республиках Советского Союза, республиканское Министерство внутренних дел Украинской ССР было преобразовано в республиканское Министерство охраны общественного порядка Украинской ССР (далее – МООП УССР), а управления внутренних дел исполкомов областных Советов депутатов трудящихся были преобразованы в управления охраны общественного порядка исполкомов областных Советов депутатов трудящихся⁴.

Следует отметить, что ликвидация МВД СССР в 1960 г. послужила началом затянувшихся на несколько лет реформ в органах внутренних дел союзных республик, связанных с упразднением общесоюзной системы командования, управления милицией. В период 1960–1966 гг. в союзных республиках, в том

² Об упразднении Министерства внутренних дел СССР: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1960 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1960. № 3 (987). Ст. 25.

³ О преобразовании Министерства внутренних дел Украинской ССР из союзно-республиканского в республиканское Министерство внутренних дел Украинской ССР: Указ Президиума Верховного Совета УССР от 6 апреля 1960 г. // Відомості Верховної Ради Української Радянської Соціалістичної Республіки. 1960. № 11. Ст. 36.

⁴ О преобразовании республиканского Министерства внутренних дел Украинской ССР в республиканское Министерство охраны общественного порядка Украинской ССР: Указ Президиума Верховного Совета УССР от 5 сентября 1962 г. // Відомості Верховної Ради Української Радянської Соціалістичної Республіки. 1962. № 36. Ст. 451.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. 1961 год // Электронная библиотека исторических документов: офиц. сайт. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/74964-programma-kommunisticheskoy-partii-sovetskogo-soyuza-1961-g> (дата обращения: 06.11.2023).

числе УССР, реформирование системы органов внутренних дел подразумевало децентрализацию управленческих функций с передачей их от центрального аппарата органам внутренних дел на местах, а также создание (как выяснилось позже, ненадолго) министерств охраны общественного порядка союзных республик.

Начало реформ характеризовалось наличием кадровых проблем, низким уровнем правовой культуры работников милиции, существенной деградацией средств, форм и методов ее работы, что негативно влияло на результаты оперативно-служебной деятельности милиции по профилактике и раскрытию преступлений в УССР.

6 августа 1966 г. Указом Президиума Верховного Совета УССР МООП УССР было преобразовано из республиканского в союзно-республиканское МООП УССР⁵.

Создание союзно-республиканского МООП было полностью оправдано, поскольку этим обуславливались предпосылки для четкого и правильного руководства работой милиции и ее отдельных служб на территории всего СССР. Данный тезис подчеркивает Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 23 июля 1966 г. № 571 «О мерах по усилению борьбы с преступностью», в котором указывалось, что МООП СССР было создано именно для обеспечения единого оперативного руководства органами охраны общественного порядка союзных республик, улучшения координации их деятельности в борьбе с преступностью⁶.

Так, в период 1960–1966 гг. государство ставило перед милицией определенные задачи, исходя из которых основные силы милиционеров сосредоточивались на обеспечении охраны общественного порядка.

В рассматриваемый период значительную роль в механизме взаимодействия правоохранительных органов с общественностью играло движение добровольных народных дружин (далее – ДНД), возникшее еще в 50-е годы. Организаторами ДНД на Украине стали машиностроители, горняки и коксохимики Донбасса, создав в декабре 1958 г. дружины для охраны покоя и отдыха своих товарищей по работе и порядка в общественных местах. Эта инициатива была поддержана рабочими коллективами Днепропетровска, Запорожья, Харькова, Львова, жителями сел Житомирщины, Черкасщины, Воыни и др. Инициатива донбассовцев

получила всенародное признание и поддержку [4, с. 63].

Так, например, после объявления личному составу милиции Указа Президиума Верховного Совета УССР от 15 июня 1960 г. «Об усилении борьбы с самогонварением и пьянством в Украинской ССР»⁷ в соответствии с приказом МВД УССР от 29 июля 1960 г. № 216 работникам милиции необходимо было устанавливать повседневную деловую связь с городскими, сельскими (поселковыми) советами депутатов трудящихся, добровольными народными дружинами и комиссиями общественного контроля для осуществления совместных активных мероприятий по борьбе с самогонварением и пьянством, а также нарушителями правил советской торговли⁸.

8 июня 1961 г. Постановлением ЦК КП Украины и Совета министров Украинской ССР № 837 было утверждено Положение о добровольных народных дружинах по охране общественного порядка в Украинской ССР⁹, согласно которому ДНД являлись общественными самостоятельными организациями, призванными вместе с государственными органами вести борьбу с нарушениями общественного порядка и правил социалистического сожителства.

Создавались народные дружины на добровольных началах из передовых работников, служащих, колхозников, студентов и пенсионеров по производственно-территориальному принципу на предприятиях, строениях, транспорте в совхозах, колхозах, учреждениях, учебных заведениях, домоуправлениях, а также в больших цехах и на участках предприятий, в отделениях совхозов, бригадах колхозов и на факультетах учебных заведений.

Для руководства народными дружинами в пределах района, города создавались районные, городские штабы народных дружин, которые состояли из представителей партийных советских, профсоюзных, комсомольских организаций, отдельных начальников штабов, командиров дружин и лучших дружинников.

Организация и руководство народными дружинами и их штабами осуществлялась партийными органами.

В задачи народных дружин входили охрана общественного порядка, разъяснение насе-

⁵ О преобразовании Министерства охраны общественного порядка Украинской ССР из республиканского в союзно-республиканское Министерство охраны общественного порядка Украинской ССР : Указ Президиума Верховного Совета УССР от 6 августа 1966 г. // Вестник Верховного Совета УССР. 1966. № 30. Ст. 186.

⁶ О мерах по усилению борьбы с преступностью : Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 23 июля 1966 г. № 571 // В помощь работнику милиции : сборник нормативных актов. 2-е изд., доп. Киев: Политиздат Украины, 1966. С. 220–225.

⁷ Об усилении борьбы с самогонварением и пьянством в Украинской ССР : Указ Президиума Верховного Совета УССР от 15 июня 1960 года // Відомості Верховної Ради Української Радянської Соціалістичної Республіки. 1960. № 21. Ст. 163.

⁸ Арх. МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 21. Д. 191. Л. 15, 15об.

⁹ Положение о добровольных народных дружинах по охране общественного порядка в Украинской ССР : Постановление ЦК КП Украины и Совета министров Украинской ССР от 8 июня 1961 г. № 837 // Збірник Постанов и розпоряджень Уряду Української Радянської Соціалістичної Республіки. 1961. № 6. Ст. 80.

лению советских законов и правил поведения, но главным в деятельности ДНД были предотвращение правонарушений и воспитательная работа.

Народные дружины и их штабы в своей деятельности следовали требованиям советских законов, находились под их защитой и проводили свою работу во взаимодействии с общественными организациями, органами милиции, прокуратуры и суда.

17 июня 1961 г. приказом МВД УССР № 210 вышеуказанное Положение было объявлено всем работникам органов МВД УССР. Так, начальникам УВД, управлений, отделов и отделений милиции предписывалось оказывать помощь дружинникам при исполнении ими обязанностей по охране общественного порядка, а также штабам в обучении дружинников и расстановке их сил; укреплять связи органов милиции со штабами добровольных народных дружин; разъяснять дружинникам порядок составления актов о нарушениях; для проведения инструктажей и занятий с дружинниками направлять наиболее подготовленных работников; организовывать совместное патрулирование; установить строгий контроль за своевременным и правильным реагированием органов милиции на сообщения дружин о нарушениях общественного порядка, а также доставления ими нарушителей в милицию.

Штаб ДНД являлся ядром дружины, ее организующим центром, функции которого были разнообразны. Для координации и организации действий дружинников с правоохранительными органами они разрабатывали программу действий, составляли графики выходов на патрулирование, осуществляли агитационно-воспитательную и другую работу [6, с. 371].

Штаб руководил работой отрядов, филиалов и групп, осуществлял контроль за патрулями, обобщал опыт работы, организовывал обучение дружинников, вносил в партийные, советские и общественные организации предложения по устранению причин и условий, способствующих нарушениям общественного порядка, вел учет и отчетность.

Проект Временного положения о народных дружинах по охране общественного порядка, утвержденный постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 2 марта 1959 г., не предусматривал создание штабов в народных дружинах. Однако опыт работы дружин свидетельствовал о том, что создание таких штабов было вполне оправдано [5, с. 37–38].

Так, в 1961 г. штабом народных дружин Железнодорожного района г. Киева с помощью работников Высшей школы МВД УССР, прокуратуры и районного отдела милиции была разработана специальная программа система-

тического обучения дружинников, которая предусматривала ознакомление членов дружин с основами советского законодательства, с основными формами работы дружин, с решениями местных Советов депутатов трудящихся и их исполнительных комитетов по вопросам охраны общественного порядка и т. п. [8, с. 34].

Дружинников, которые принимали участие в охране общественного порядка, а также активно помогали милиции в борьбе с преступностью и другими правонарушениями, начальники УВД поощряли своими правами, а также представляли к поощрению в МВД УССР¹⁰. Дружинники награждались почетной грамотой Президиума Верховного Совета УССР¹¹, медалями «За отвагу»¹², «За отличную службу по охране общественного порядка»¹³.

Необходимо отметить, что в Положении о советской милиции, утвержденном Советом министров СССР в августе 1962 г., указывалось, что всей своей деятельностью милиция служит народу, поддерживает постоянную связь с широкими массами трудящихся и общественными организациями, опирается на их помощь и поддержку. Она работает в тесном взаимодействии с добровольными народными дружинами по охране общественного порядка¹⁴.

В целях усиления ответственности за посягательства со стороны преступных и иных антиобщественных элементов на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников, выполняющих важные обязанности по охране общественного порядка и прав граждан, был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 года «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников»¹⁵.

Данным указом Президиумам Верховных Советов союзных республик было предложено внести в законодательство союзных республик соответствующие изменения и дополнения.

4 апреля 1962 г. Президиумом Верховного Совета СССР принято Постановление «О при-

¹⁰ Арх. МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 2. Д. 199. Л. 288, 288об.

¹¹ Відомості Верховної Ради Української Радянської Соціалістичної Республіки. 1961. № 30. Ст. 373.

¹² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 августа 1961 г. // Відомості Верховної Ради Української Радянської Соціалістичної Республіки. 1961. № 36. Ст. 423.

¹³ О внесении дополнения в Положение о медали «За отличную службу по охране общественного порядка», утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 октября 1951 года: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 сентября 1962 г. // Ведомости Верховного Совета Украинской ССР. 1962. № 37. Ст. 458.

¹⁴ Положение о советской милиции: Постановление Совета министров СССР от 17 августа 1962 г. № 901 // Арх. МВД ЛНР. Ф. 13, Оп. 2. Д. 210. Л. 206.

¹⁵ Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г. // Ведомости Верховного Совета Украинской ССР. 1962. № 8. Ст. 107.

менении мер воздействия за злостное неповиновение законному распоряжению или требованию работника милиции или народного дружинника»¹⁶.

В августе 1966 г. Указом Президиума Верховного Совета УССР были внесены изменения в Уголовный кодекс, которые предусматривали ответственность за угрозу или насилие в отношении должностного лица, общественного работника или гражданина, исполняющего общественный долг¹⁷.

Анализируя статистику численности трудящихся Украинской ССР, участвующих в движении ДНД, можно констатировать, что это явление стало массовым. С течением времени большая часть ДНД организационно становилась сильнее, приобретая опыт борьбы с правонарушениями. Количество ДНД на Украине с каждым годом росло. Так, в 1961 г. в республике охрану общественного порядка вместе с органами милиции обеспечивали около 1,2 млн дружинников. В СССР функционировало 130 тыс. народных дружин, которые насчитывали в своих объединениях свыше 4 млн человек [10, с. 43]. В 1963 г. на Украине действовало более 30 тыс. ДНД, в состав которых входили более 1,5 млн человек. Это были лучшие рабочие, колхозники, служащие, студенты. Но главное звено занимали коммунисты и комсомольцы, которые составляли две трети всех дружинников республики. Особо инициативу проявляли народные дружины городов Киева, Донецка, Енакиево, Днепропетровска, Луганска, Севастополя, Сумы, Дрогобыча, а также районов Херсонской, Кировоградской, Житомирской, Закарпатской и других областей [3, с. 9]. Значительно возросло количество ДНД в 1964 г.: в деятельности 30,5 тыс. ДНД принимали участие свыше 1,6 млн человек. Наибольшее количество дружинников насчитывалось в Донецкой, Днепропетровской, Луганской, Харьковской, Полтавской, Одесской и Запорожской областях. На 1 января 1965 г. в УССР насчитывалось 32,2 тыс. народных дружин, в состав входили около 1,7 млн дружинников [10, с. 43–44].

На протяжении 1960-х гг. ДНД постепенно трансформируется в наиболее эффективную форму взаимодействия с органами милиции, претерпевает структурно-организационные изменения. Дружины начинают разделяться по функциональным признакам: на территори-

альные, комплектуемые из представителей коллективов предприятий или учреждений, (основной формой их деятельности было осуществление охраны общественного порядка на определенной территории совместно с милиционерами путем патрулирования), и специализированные, проводившие борьбу с преступностью в основном по отдельным видам правонарушений [7, с. 98].

Например, совместно с сотрудниками аппарата борьбы с хищением социалистической собственности и спекуляцией народные дружинники проводили работу по предотвращению и раскрытию краж, хозяйственных и служебных преступлений, участвовали в мероприятиях по проверке состояния сохранности материальных ценностей, выявлению фактов хищения, спекуляции и т. п.

Членами специализированных ДНД по обеспечению безопасности дорожного движения в основном были работники автохозяйств, которые совместно с работниками ГАИ проводили большую работу по предотвращению дорожно-транспортных происшествий. Оперативные комсомольские отряды дружинников вместе с работниками милиции уделяли большое внимание профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, участвовали в охране природы и борьбе с браконьерством [4, с. 64].

Как и специализированные дружины, важную роль в борьбе с правонарушениями по отдельным их видам играли общественные инспектора.

26 августа 1961 г. Министром внутренних дел УССР по согласованию с председателем Украинского республиканского комитета профсоюза работников связи, рабочих автомобильного транспорта и шоссейных дорог была утверждена Инструкция о работе общественных инспекторов¹⁸. В Инструкции указывалось, что главная роль в борьбе с аварийностью на автотранспорте должна принадлежать общественности. В целях повышения роли общественности в обеспечении безопасности движения создавался актив общественных автоинспекторов, работа которого осуществлялась в тесном взаимодействии с Госавтоинспекцией и определялась указанной Инструкцией. В Инструкции излагались общие положения, организация работы общественных инспекторов, права и обязанности общественных инспекторов, поощрения и ответственность общественных инспекторов, советы общественных инспекторов.

В соответствии с Инструкцией общественными автоинспекторами могли быть наиболее подготовленные работники автохозяйств — руководители, инженерно-технический состав,

¹⁶ О применении мер воздействия за злостное неповиновение законному распоряжению или требованию работника милиции или народного дружинника : Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 4 апреля 1962 г. № // Ведомости Верховного Совета Украинской ССР. 1962. № 15. Ст. 177.

¹⁷ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Украинской ССР : Указ Президиума Верховного Совета УССР от 17 августа 1966 г. // Ведомости Верховного Совета УССР. 1966. № 32. Ст. 195.

¹⁸ Арх. МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 2. Д. 200. Л. 287.

водители — передовики производства и дисциплины, работники контрольно-ревизорских аппаратов, дорожных органов, инспектора РТС, преподаватели и инструкторский состав автошкол и курсов, активисты отделов здравоохранения, просвещения, культуры, общества Красного Креста, Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ) и других организаций.

Работа общественных автоинспекторов по безопасности движения осуществлялась под руководством профсоюзных организаций автохозяйств, учреждений, предприятий, а в колхозах — правлений колхозов при активном участии госавтоинспекций и советов общественных автоинспекторов. Общественный автоинспектор обязан был проводить мероприятия, направленные на укрепление дисциплины в движении и предупреждение причин дорожно-транспортных происшествий.

Для выполнения своих обязанностей общественным инспекторам было предоставлено право останавливать автомобили и проверять у водителей наличие путевых документов; задерживать водителей вместе с автомашиной и доставлять их в ближайšie органы милиции или в Госавтоинспекцию; предупреждать пешеходов и пассажиров транспорта, допускающих нарушения правил движения; задерживать документы, автомашину и водителя, совершившего дорожное происшествие, до прибытия на место происшествия работников милиции; охранять место происшествия и записывать свидетелей; посещать организации, учреждения, школы для проведения бесед, лекций по безопасности движения. Общественным инспекторам запрещалось составлять административные протоколы, налагать штрафы за нарушения правил движения¹⁹.

В целях активизации работы органов милиции по борьбе с дорожно-транспортными происшествиями на местном транспорте с помощью общественности приказом Министра внутренних дел УССР от 4 ноября 1961 г. № 347 указанная Инструкция была введена в действие с 1 января 1962 г.²⁰ Так, согласно приказу во всех органах милиции и подразделениях госавтоинспекций проводились инструктажи и семинары о порядке применения Инструкции, а также оказывалась помощь местным профсоюзным организациям в осуществлении мероприятий по созданию при каждом органе милиции и подразделении ГАИ групп общественных автоинспекторов, а в городах и районных центрах — советов общественных автоинспекторов.

Другим важным направлением являлось обеспечение пожарной безопасности.

Приказом Министра охраны общественного порядка УССР № 443 от 1 ноября 1962 г. было объявлено Постановление Совета Министров УССР от 9 октября 1962 г. № 1188 «Об утверждении Положения о пожарно-сторожевой охране колхозов Украинской ССР и Положения об общественных контролерах по пожарной охране»²¹. Согласно приказу начальникам управлений охраны общественного порядка исполкомов областных Советов депутатов трудящихся необходимо было предоставить помощь колхозам в организации пожарно-сторожевой охраны в соответствии с этим постановлением, а начальникам УПО МООП УССР силами работников аппарата, закрепленных за областями, предоставить помощь управлениям и отделам пожарной охраны областей в проведении работы по укреплению пожарной охраны в сельской местности и организации института общественных контролеров по пожарной охране.

Большое значение после XXI съезда КПСС приобрела такая форма участия общественности в борьбе с правонарушениями, как товарищеские суды.

15 августа 1961 г. Указом Президиума Верховного Совета УССР утверждено Положение о товарищеских судах Украинской ССР²². В Положении устанавливались задачи товарищеских судов и порядок их организации, дела, рассматриваемые товарищескими судами, порядок рассмотрения дел в товарищеских судах, меры общественного воздействия, применяемого товарищескими судами, руководство товарищескими судами и их техническое обслуживание.

Положением определялось, что товарищеские суды — это выборные общественные органы, призванные активно содействовать воспитанию граждан в духе коммунистического отношения к труду, социалистической собственности, соблюдению правил социалистического сожительства, развитию у советских людей чувства коллективизма и товарищеской взаимопомощи, уважению достоинства и чести граждан. Главным в работе товарищеских судов являлось предотвращение правонарушений и поступков, которые наносят вред обществу, воспитание людей путем убеждения и общественного влияния, создание обстановки нетерпимости к любым антиобщественным поступкам. Товарищеские суды были наделены доверием коллектива, выражали его волю и были ответственны перед ним²³.

¹⁹ Арх. МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 2. Д. 200. Л. 287, 287об, 288, 288об, 289, 289об, 290.

²⁰ Арх. МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 2. Д. 200. Л. 276.

²¹ Арх. МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 2. Д. 211. Л. 5, 6.

²² Арх. МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 2. Д. 200. Л. 125.

²³ Арх. МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 2. Д. 200. Л. 126.

10 сентября 1961 г. приказом Министра внутренних дел УССР № 293 всем работникам органов МВД было объявлено Положение о товарищеских судах Украинской ССР, согласно которому начальникам УВД областей, начальникам городских управлений, городских и районных отделов и отделений милиции необходимо было организовать изучение Положения, потребовать от всех работников милиции оказывать помощь товарищеским судам при выполнении ими своих обязанностей. В соответствии с Положением практиковать передачу на рассмотрение товарищеских судов дел на лиц, допустивших впервые малозначительные правонарушения, материалы передавать своевременно, не допуская при этом волокиты²⁴.

Товарищеские суды рассматривали дела о совершении впервые мелкого хулиганства, мелкой спекуляции, мелкого хищения государственной и общественной собственности, о появлении в пьяном виде и недостойном поведении в общественных местах и на работе, об изготовлении самогона без цели сбыта, о недостойном отношении к женщине, к родителям, невыполнении обязанностей по воспитанию детей, оскорблении, клевете и некоторых других правонарушений и преступлениях, не представляющих повышенной общественной опасности.

О роли товарищеских судов в борьбе с преступлениями, не представляющими большой общественной опасности, говорят цифры. Так, в 1961 г. из всех дел лиц, привлеченных органами милиции к уголовной ответственности, на рассмотрение товарищеских судов было передано (с прекращением уголовного преследования) около 10 %. В 1962 г. этот показатель вырос до 20 %, а в 1963 г. — до 25 %. В 1964 г. на рассмотрение товарищеских судов было передано уже около одной трети дел лиц, совершивших незначительные преступления [9, с. 113].

Опыт борьбы с преступностью привел к ряду новых форм взаимодействия с общественностью. Так, в колхозах и совхозах организовывались бригады по охране государственной и общественной собственности, которые состояли из передовых колхозников, рабочих, служащих. Работу бригад организовывали советы содействия охране государственной и общественной собственности. Существенную помощь этим советам оказывали работники милиции. Бригады систематически проверяли состояние охраны складов и других мест хранения материальных ценностей, а также состояние учета ценностей, патрулировали на объектах и в ряде случаев задерживали расхитителей с поличным.

Общественность и административные органы накопили значительный опыт совмест-

ной борьбы с правонарушениями и профилактики преступлений. Особый интерес представляла такая форма участия трудящихся в борьбе за ликвидацию преступности, как движение «За предприятия и населенные пункты образцового общественного порядка», которое получило широкое распространение на Украине [2, с. 6].

Таким образом, в период 1960–1966 гг. в рамках общесоюзной реформы, направленной на децентрализацию милицейской системы, советское партийное руководство ставило задачи укрепления социалистической законности, соблюдения правопорядка, искоренения преступности и устранения причин, ее порождающих, опираясь на взаимодействие с общественностью. Так, в исследуемый исторический период важнейшей особенностью взаимодействия милиции УССР с населением в охране общественного порядка и борьбе с преступностью являлось делегирование части полномочий милиции общественности и трудовым коллективам. Главной целью при этом было преодоление преступности как явления, причин ее возникновения посредством взаимодействия с общественностью и руководства идеологическими мотивами.

Взаимодействие милиции с общественностью дало свои результаты, показав эффективность в воздействии на такие маргинальные антиобщественные проявления, как пьянство, тушеводство, самогоноварение и др. Силы общественности использовались милицией в борьбе с экономической преступностью, при решении задач по соблюдению транспортной дисциплины, пожарной безопасности и пр.

Взаимодействие осуществлялось в формах привлечения ДНД, общественных инспекторов, общественных контролеров, передачи дел по определенным проступкам на рассмотрение товарищеских судов и трудовых коллективов, в которых рассматривались материалы малозначительного характера, с целью оказания на правонарушителей воспитательного воздействия.

Власти страны сумели добиться искреннего признания населением необходимости и важности сотрудничества с милицией. Массовый характер данного явления подтверждает феномен движения «За предприятия и населенные пункты образцового общественного порядка». Следует констатировать, что в тот период оценка населением работы милиции в позитивном ключе значительно возросла, что, естественно, приводило к росту авторитета правоохранительных органов.

²⁴ Арх. МВД ЛНР. Ф. 13. Оп. 2. Д. 200. Л. 124.

Список литературы:

1. Из истории милиции советской Украины / Ю. В. Александров, Б. А. Воронин, И. А. Гельфанд [и др.]; под ред. П. П. Михайленко. Киев, 1965. 400 с.
2. Головченко І. Злочинності не місце в радянському суспільстві // Радянське право. 1967. № 9. С. 3–7.
3. Закалюк А. За дальше піднесення рівня діяльності добровільних народних дружин // Радянське право. 1963. № 2. С. 9–14.
4. Захандревич М. Спільні зусилля органів внутрішніх справ і ДНД у боротьбі з правопорушеннями // Радянське право. 1984. № 6. С. 63–65.
5. Зотов О., Шемець О. З досвіду роботи заводської народної дружини // Радянське право. 1960. № 3. С. 37–41.
6. Історія донецької міліції. Донецьк : Юрпрес, 2000. 472 с.
7. Краснонос Ю. М., Пашков С. М. Історичний досвід взаємодії громадськості з підрозділами міліції України щодо забезпечення правопорядку (50–60-ті рр. ХХ ст.) // Трипільська цивілізація. 2012. № 3 (8). С. 96–99.
8. Марченко М. Добровільні народні дружини на варті громадського порядку // Радянське право. 1962. № 3. С. 34–36.
9. Міліція України: історичний нарис, портрети, події / Ю. О. Смирнов, П. П. Михайленко, О. Д. Святоцький, М. І. Ануфрієв; за заг. ред. Ю. О. Смирнова. Київ : Видавничий Дім «Ін Юре», 2002. 888 с.
10. Чернега А. П. Правове регулювання співпраці органів міліції і добровільних народних дружин Української РСР (1959–198 рр.) // Вісник Академії праці соціальних відносин Федерації профспілок України. 2003. № 1 (20). С. 41–47.

Для цитирования:

Грошева Виктория Константиновна. Формы и методы взаимодействия милиции Украинской ССР с населением в охране общественного порядка и борьбы с преступностью (1960–1966 гг.) // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 191–199.

References:

1. Iz istorii milicii sovetsoj Ukrainy / Yu. V. Aleksandrov, B. A. Voronin, I. A. Gel'fand [i dr.] / pod red. P. P. Mihajlenko. Kiev, 1965. 400 s.
2. Golovchenko I. Zlochinnosti ne misce v radyans'komu suspil'stvi // Radyans'ke pravo. 1967. № 9. S. 3–7.
3. Zakalyuk A. Za dal'she pidnesennya rivnya diyal'nosti dobrovil'nih narodnih druzhin // Radyans'ke pravo. 1963. № 2. S. 9–14.
4. Zahandrevich M. Spil'ni zusillya organiv vnutrishnih sprav i DND u borot'bi z pravoporushennyami // Radyans'ke pravo. 1984. № 6. S. 63–65.
5. Zotov O., Shemec' O. Z dosvidu roboti zavods'koï narodnoï druzhini // Radyans'ke pravo. 1960. № 3. S. 37–41.
6. Istoriya donec'koï milicii. Donec'k : YUrpres, 2000. 472 s.
7. Krasnonosov Yu. M., Pashkov S. M. Istorichnij dosvid vzaemodii gromads'kosti z pidrozdilami milicii Ukraini shchodo zabezpechennya pravoporyadku (50–60-ti rr. HKH st.) // Tripil's'ka civilizaciya. 2012. № 3 (8). S. 96–99.
8. Marchenko M. Dobrovil'ni narodni druzhini na varti gromads'kogo poryadku // Radyans'ke pravo. 1962. № 3. S. 34–36.
9. Miliciya Ukraini: istorichnij naris, portreti, podii / YU. O. Smirnov, P. P. Mihajlenko, O. D. Svyatoc'kij, M. I. Anufriev; za zag. red. Yu. O. Smirnova. Kiev : Vidavnichij Dim In Yure, 2002. 888 s.
10. Chernega A. P. Pravove reguluvannya spivpraci organiv milicii i dobrovil'nih narodnih druzhin Ukrain's'koï RSR (1959–1985 rr.) // Visnik Akademii praci social'nih vidnosin Federacii profspilok Ukraini. 2003. № 1 (20). S. 41–47.

For citation:

Groshevaya Viktoriya Konstantinovna. Forms and Methods of Interaction of the Militia of the Ukrainian SSR with the Population in the Protection of Public Order and the Fight against Crime (1960–1966) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 191–199.

ЗРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ, международное сотрудничество

Шепенко Роман Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры административного и
финансового права международно-правового
факультета,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской
Федерации,
Российская Федерация, 119454, г. Москва,
пр-кт Вернадского, д. 76
E-mail: r.shepenko@inno.mgimo.ru
ORCID: 0009-0003-2303-9637

Roman Alekseevich Shepenko,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Administrative and
Financial Law
Faculty of International Law,
Moscow State Institute
of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation,
Russian Federation, 119454, Moscow,
Vernadsky Ave., 76
E-mail: r.shepenko@inno.mgimo.ru
ORCID: 0009-0003-2303-9637

Научная специальность:
5.1.2 Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

Scientific specialty:
5.1.2. Public Law
(State Law) Sciences

УДК 336.225.68
DOI 10.24412/2072-9391-2024-472-200-212

Дата поступления статьи: 7 ноября 2024 г.
Дата принятия статьи в печать: 24 декабря 2024 г.

Ответственность за нарушение налогового законодательства Китайской Республики (Тайвань) Liability for Violation of Tax Legislation Republic of China (Taiwan)

Аннотация

Актуальность: установление Правительством РФ ограничений на некоторые контрольные (надзорные) мероприятия, в том числе в налоговой сфере, не означает введение моратория на привлечение к ответственности за нарушение налогового законодательства.

При недружественных действиях (санкциях) иностранных государств и территорий безусловно возрастает значение эффективного применения мер юридической ответственности.

Постановка проблемы: в современных условиях относительно либерального регулирования предпринимательской деятельности на национальном уровне потенциально усложняется задача выявления нарушений налогового законодательства. Уместен и вопрос целесообразности наличия положений об административной ответственности в нескольких нормативных актах.

Abstract

Relevance: the establishment by the Government of the Russian Federation restrictions on certain control (supervisory) measures, including in the tax field, does not mean the introduction of a moratorium on prosecution for violations of tax legislation.

In case of unfriendly actions (sanctions) of foreign states and territories, the importance of effective application of legal liability measures certainly increases.

Problem statement: in modern conditions of relatively liberal regulation of business activity at the national level, the task of identifying violations of tax legislation is potentially becoming more complicated. The question of the expediency of having provisions on administrative responsibility in several normative acts is also relevant.

To improve legal regulation, it is necessary to study the experience of other states and territo-

Для совершенствования правового регулирования необходимо изучение опыта других государств и территорий, который может быть рассмотрен не только в контексте прямого заимствования предписаний об ответственности за нарушение налогового законодательства, но и потому, что он позволяет по-другому взглянуть на устоявшиеся правовые категории.

Интерес представляют в частности нормативные основы и виды наказаний за нарушение налогового законодательства Китайской Республики, более известной как Тайвань.

Правовое регулирование юридической ответственности в данном государстве характеризуется некоторыми особенностями, выражающимися, например, в том, что в Уголовная ответственность налогоплательщиков, их представителей и налоговых агентов определена не в Уголовном, а в налоговом законе.

Цель исследования: раскрыть специфику правового регулирования ответственности за нарушение налогового законодательства Китайской Республики и определить целесообразность или возможность заимствования отдельных предписаний.

Методы исследования: сравнительно-правовой и формально-логический.

Результаты и ключевые выводы: налоговым законодательством Китайской Республики предусмотрены административные и Уголовные наказания, подзаконные акты не регламентируют вопросы ответственности. Наличие положений об ответственности в общем налоговом законе не означает отсутствие аналогичных положений в специальных налоговых законах.

Ключевые слова: срок оценки налогов; административное наказание; приостановление деятельности; лишение свободы; ответственное лицо компании; уклонение от уплаты налогов; приоритет Уголовного наказания; подзаконные акты.

ries, which can be considered not only in the context of direct borrowing of regulations on liability for violation of tax legislation, but also because it allows a different look at some well-established legal categories.

In particular, the regulatory framework and types of penalties for violating tax laws of the Republic of China, better known as Taiwan, are of interest.

The legal regulation of legal liability in this state is characterized by certain features, expressed in particular in the fact that the criminal liability of taxpayers, their representatives and tax agents is defined not in the criminal law, but in the tax law.

The purpose of the study is to reveal the specifics of the legal regulation of liability for violation of the Republic of China tax legislation and to determine the expediency or possibility of borrowing certain regulations.

Research methods: comparative legal and formal logical.

Results and key conclusions: The Republic of China tax legislation provides for administrative and criminal penalties, subsidiary legislation do not regulate liability issues. The presence of liability provisions in the general tax law does not mean that there are no similar provisions in special tax laws.

Keywords: tax assessment period; administrative penalty; suspension of business; imprisonment; responsible person of a company; tax evasion; criminal punishment priority; subsidiary legislation.

С принятием в начале 90-х гг. XX в. первых налоговых законов в России началась новая страница истории отечественного налогового права в целом и ответственности за нарушение налогового законодательства в частности.

На сегодняшний день уже сложились определенные нормативная и доктринальная основы, а также правоприменительная практика. Однако перманентные изменения законодательства и значительное количество дел, рассматриваемых судами, равно как и исследований ученых указывают на то, что процесс становления налогового права все еще далек от своего заверше-

ния и существуют некоторые проблемы теории и практики.

На это указывает обращение внимания учеными старой школы на виртуальность, например, понятий «финансовая ответственность» и «финансовое правонарушение», деликатно предлагающими более близкие к реальной жизни категории, в том числе термин «нарушение налогового законодательства» [2, с. 43].

Не будет ошибкой заявить, что ответственность за нарушение налогового законодательства является одним из краеугольных камней налогового права любого государства и терри-

тории. В условиях недружественных действий (санкций) иностранных государств и территориальное применение мер юридической ответственности призвано обеспечить поступление налоговых доходов в бюджет.

Иностранный опыт интересен не только в контексте прямого заимствования положений законодательства, но и тем, что позволяет по-другому взглянуть на некоторые устоявшиеся категории.

В отечественных учебных пособиях по налоговому праву отмечается, что одной из существенных особенностей регулирования является установление в ряде стран Уголовной ответственности за налоговые правонарушения не нормами Уголовных законов, а нормативными правовыми актами, входящими в систему законодательства о налогах [5, с. 306].

Это справедливо и в отношении законодательства Китайской Республики, но можно предположить и наличие определенной специфики в правовом регулировании.

Заметное количество публикаций посвящено проблеме налогового избежания, но, как отмечено в одной из работ, налоговое избежание ненаказуемо в силу отсутствия намерения уклонения от уплаты налогов [14, с. 303]. Известны статьи об уклонении от уплаты налогов и налоговом мошенничестве при осуществлении электронной торговли [17]. Также можно встретить разбор судебной практики, связанной с применением ст. 41–43 общего налогового закона [24, с. 141–143].

Нами рассмотрены правовые позиции Конституционного суда, проанализированы сочетания отдельных иероглифов с сохранением значений терминов, используемых законодателями.

Учитывая разделение судебной системы Китайской Республики на обычные и административные суды, в качестве гипотезы можно предположить, что за нарушение налогового законодательства предусмотрены административная и Уголовная ответственность.

Тема ответственности за нарушение налогового законодательства многогранна. Вместе с тем достаточно иллюстративными являются вопросы, связанные с нормативными основами и видами наказаний, которые и предопределили структуру настоящей статьи.

Нормативные основы ответственности за нарушение налогового законодательства. Положения об ответственности за нарушение налогового законодательства содержатся в самом налоговом законодательстве и в других нормативных актах.

Налоговое законодательство образовано законами (правилами) и подзаконными актами.

Категория «законы (правила)» включает в себя общий акт и специальные нормативные акты. Общим является закон 1976 г. «О сборе налогов», а специальными – законы (правила) об отдельных видах налогов¹.

Идентификация закона «О сборе налогов» как общего означает, что обычно его положения действуют в отношении всех налогов. В качестве примера можно указать на сроки начисления (оценки) налогов, которые не предусмотрены специальными налоговыми законами (правилами).

В отличие от ст. 113 Налогового кодекса РФ 1998 г. китайский законодатель не апеллирует категорией «срок давности», который по п. 1 названной статьи составляет три г.²

В абз. 1 ст. 21 закона «О сборе налогов» определены сроки начисления (оценки) налогов. Они составляют 5 лет, а при недекларировании в установленный срок или при умышленном уклонении от уплаты налогов мошенническим путем или с использованием других методов – 7 лет. В абз. 2 рассматриваемой статьи оговаривается, что по истечении периода оценки доначисления и наказания не применяются.

Одна из особенностей закона «О сборе налогов» состоит в том, что он содержит положения об Уголовном наказании за уклонение от уплаты налогов мошенническим путем или с использованием других методов.

Наличие таких положений в налоговом законе по всей видимости может выступать в качестве аргумента о несостоятельности заявлений сторонников существования налоговой ответственности. Трудно согласиться с тем, что лишение свободы за уклонение от уплаты налогов мошенническим путем может быть классифицировано как налоговая ответственность только потому, что оно санкционировано в налоговом законе.

В академических работах и в налоговом законодательстве Китайской Республики не прослеживаются категории «налоговое правонарушение» и «налоговая ответственность». Более того, включение положений об Уголовном наказании в закон «О сборе налогов» дает основание считать, что в отдельных случаях при классификации он, точнее отдельные его положения, выступают не как налоговый, а как Уголовный закон.

В ст. 41–43 рассматриваемого закона предусмотрены наказания в виде лишения свободы.

В ст. 47 закона перечислены лица, которые могут быть подвергнуты Уголовному наказанию.

¹ Здесь и далее использованы тексты нормативных актов Китайской Республики, размещенных на сайте Министерства юстиции [法務部]. 可於: URL: <https://www.moj.gov.tw> (дата обращения: 05.11.2024).

² Рос. газ. 1998. 6 авг.

нию. К ним отнесены: ответственное лицо компании и товарищества, директор или руководитель, представляющий юридическое лицо, назначенное ответственным за деятельность лица, представитель или управляющий юридического лица.

Изначально в редакции ст. 47 фигурировало лишение свободы.

Судебная палата не усмотрела нарушения конституционного принципа «нет наказания без вины» в случае применения рассматриваемой статьи в отношении ответственного лица компании, но посчитала нарушением принципа равенства, закрепленного в ст. 7 Конституции 1947 г., указание о лишении свободы (толкование 2011 г. № 687)³.

В праве Тайваня имеют место рецепции в том числе права Японии. По некоторым данным, под влиянием государств общего права Уголовная ответственность корпораций стала неотъемлемой частью японского права [12, с. 1043–1044]. В законодательстве Китайской Республики не прослеживаются элементы опосредованной ответственности, и Уголовную ответственность несут только физические лица.

При рассмотрении нормативных основ исходная констатация состоит в том, что положения о наказаниях есть во всех специальных законах (правилах). С точки зрения юридической техники они обычно выделены в отдельные главы. Исключения представлены Правилами Правительства 1940 г. «О налоге на сделки», Правилами Правительства 1943 г. «О налоге на дома» и законом 2002 г. «О сборах».

В подзаконных актах также можно встретить упоминание штрафов.

В этой связи можно назвать ст. 17 Инструкции Министерства финансов 1993 г. «О применении закона “О сборе налогов”», ст. 22 и 54 Инструкции Министерства финансов 1973 г. «О применении закона “О налоге на наследование или дарение”», ст. 42-1 Инструкции Министерства финансов 1943 г. «О применении закона “О налоге на доход”», ст. 18 Инструкции Министерства финансов 1948 г. «О применении закона “О гербовом налоге”».

По содержанию положения этих статей представляют собой в основном разъяснения. В ст. 6 Методов Министерства финансов 2001 г. «О проведении последующего контроля» идентифицированы и нарушение, и взыскание, но это лишь повтор содержания ст. 75 закона 1967 г. «О таможенном налоге», причем со ссылкой на эту статью.

Таким образом, в подзаконных актах не устанавливается ответственность за нарушение налогового законодательства.

В связи с этим есть отличия в сравнении с законодательством Сянган, где имеет место регламентация вопросов привлечения к ответственности на уровне так называемого вспомогательного законодательства. Нормой ст. 6 Ордона 1963 г. «Об облагаемых пошлинами товарах» главе администрации в Совете предоставлено право принятия постановлений⁴. В абз. 2 п. 2 названной статьи содержится ограничение полномочий: взыскание, предусмотренное постановлениями в форме штрафа, не должно превышать НК\$ 1 000 000, а срок лишения свободы – двух лет. Это право было реализовано в постановлении 104 Постановлений 1963 г. (Сар 109А) «Об облагаемых пошлинами товарах», постановлении 30 Постановлений 1963 г. (Сар 109В) «Об облагаемых пошлинами товарах (спиртные напитки)», постановлении 13 Постановлений 1963 г. (Сар 109С) «Об облагаемых пошлинами товарах (маркировка и колеровка нефти)».

В Уголовном законе Китайской Республики 1928 г. нет положений об ответственности налогоплательщиков, их представителей и налоговых агентов. В некоторых специальных налоговых законах содержатся отсылки к этому закону, которые связаны с действиями должностных и иных лиц.

Отсылки включены в ст. 48 закона 1973 г. «О налоге на наследование или дарение» и ст. 119 закона 1943 г. «О налоге на доход». В них не называется статья Уголовного закона, но описывается противоправное деяние или называется статья налогового закона. В первом случае указано не нарушение ст. 29 и 37 закона 1973 г. «О налоге на наследование или дарение» (о сроке проведения налоговым органом расследования и определения суммы налога, и о направлении органом регистрации домашних хозяйств информации о смерти налоговому органу соответственно), а во втором – на нарушении должностным лицом налогового органа обязанности сохранять конфиденциальность.

В ст. 25 закона 1934 г. «О гербовом налоге» дана квалификация преступления; установлено, что лица, препятствующие проверке уплаты гербового налога, подлежат наказанию за воспрепятствование исполнению публичной функции в соответствии с Уголовным законом. Отсылка, по всей видимости, дана к гл. 5 Уголовного закона, положения которой определяют наказания за воспрепятствование исполнению публичной функции.

³ 司法院 [Судебная палата]. 可於: URL: <https://cons.judicial.gov.tw/docdata.aspx?fid=100&id=310868> (дата обращения: 05.11.2024).

⁴ 律政司管理 [Департамент юстиции]. 可於: URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap109> (дата обращения: 05.11.2024).

В законе 2005 г. «Об административных наказаниях», в отличие от, например, КоАП РФ 2001 г. налоги не упоминаются⁵.

Некоторые публикации показывают, что налогообложение на Тайване идентифицируется исследователями как административный вопрос [9, с. 306]. Такая классификация прослеживается в правовых позициях Конституционного суда.

При рассмотрении конституционности нормы ст. 21 закона 2000 г. «О налогах на табак и алкоголь» Судебная палата отметила, что за нарушение обязательств на индивидуумов налагаются штрафы в соответствии с административным законом; наказание должно быть соразмерным в зависимости от тяжести нарушения (толкование 2008 г. № 641)⁶.

В этом деле вопрос был обусловлен фиксированным размером штрафа [15, с. 80]. Причем под административным законом понимается налоговый закон.

В абз. 1 ст. 26 закона «Об административных наказаниях» предусмотрено, что деяние, которое является одновременно нарушением обязательств и по Уголовному законодательству, и по административному закону, подлежит Уголовному наказанию. В абз. 2 той же статьи оговаривается, что если не применено Уголовное наказание, то может быть наложено взыскание за нарушение обязательства по административному закону.

Считается, что положения этой статьи не препятствуют рассмотрению дел в разных судах, но административные суды приостанавливают разбирательство в ожидании вердикта по Уголовному делу [8, с. 83].

В теории эти положения признаются выражением принципа гибкого поглощения [19, с. 156]. Наверное, уместно говорить и о некоем приоритете Уголовного наказания.

Судебная палата признала конституционной норму абз. 2 ст. 26, в том числе в связи с применением закона «О налоге на доход» при приостановлении судебного преследования (толкование 2017 г. № 751)⁷.

Из содержания этих правовых позиций Конституционного суда следует, что штрафы, предусмотренные налоговым законодательством, являются по своей природе, как общее правило, административными.

Выделяемый учеными материкового Китая принцип «один закон — один налог» в контексте регламентации ответственности за нарушение налогового законодательства ведет к нали-

чию разных наказаний за идентичное нарушение [25, с. 37]. Примером является такое нарушение налогового законодательства, как уклонение от уплаты налогов.

Положения об ответственности за это нарушение содержатся как в законе «О сборе налогов», так и в специальных налоговых законах (правилах). Нет положений об уклонении от уплаты налогов в законе «О гербовом налоге», законе 1943 г. «О налоге на развлечения», законе 1945 г. «О налоге на номерной знак транспортного средства», законе 2002 г. «О сборах», Правилах 1998 г. «О налоге на сделки фьючерсами» и Правилах 1948 г. «О наказании за контрабанду».

В нескольких нормативных актах встречаются иероглифы «規避», имеющие значение «уклоняться (уклонение), обойти». В ст. 54 закона 1977 г. «О налоге на землю» перечислены противоправные действия: вначале вместе с термином «занижать» использованы иероглифы «逃稅», а затем иероглифы «規避» в отношении уплаты налога натурой. В ст. 15-1 Правил 2005 г. «О базовом налоге на доход» эти иероглифы применены вместе с категорией «налоговое обязательство», а в ст. 6 Методов Министерства финансов 2001 г. «О проведении последующего контроля» — с категорией «предоставлять информацию».

Из анализа содержания налогового законодательства можно сделать вывод, что для целей идентификации ответственности за уклонение от уплаты налогов необходимо ориентироваться на иероглифы «逃漏稅». Они используются также в названиях и иногда задействованы в текстах соглашений об устранении двойного налогообложения.

Помимо ст. 41, в законе «О сборе налогов» нет положений об ответственности за уклонение от уплаты налогов, но термин используется несколько раз. В частности, в ст. 48 закреплено, что если обстоятельства уклонения от уплаты налогов являются серьезными, то Министерство финансов должно прекратить (приостановить) льготный налоговый режим, которым пользовался налогоплательщик в том году, к которому относится нарушение.

В ст. 46 закона «О налоге на наследование или дарение», как и в ст. 41 закона «О сборе налогов», используется оборот «мошенническим путем или с использованием других методов». Отличия образованы использованием в ст. 46 иероглифов «詐欺» (которые также имеют значение мошенничества), указанием на определенный вид налога (налог на наследование или дарение), размером штрафа (от одной до двукратной суммы налога) и тем, что наказание в виде лишения свободы не предусмотрено.

⁵ Рос. газ. 2001. 31 дек.

⁶ 法院 [Судебная палата]. 可於: URL: <https://cons.judicial.gov.tw/docdata.aspx?fid=100&id=310822> (дата обращения: 05.11.2024).

⁷ 司法院 [Судебная палата]. 可於: URL: <https://cons.judicial.gov.tw/docdata.aspx?fid=100&id=310932> (дата обращения: 05.11.2024).

Таким образом, виды наказаний за уклонение от уплаты зависят от вида налога. Оговорка о том, что положения закона «О сборе налогов», как правило, действуют в отношении всех налогов, обусловлена этой спецификой.

В Китае богатая история уклонения от уплаты налогов. Проблема фигурирует в документах и изысканиях. Можно назвать и документы периода «Сражающихся царств» (V–III вв. до н. э.) [1, с. 240], и указы династии Тан (618–907) [6, с. 121–122]. Применительно к Тайваню есть данные о проблеме уклонения от уплаты налога на землю перед тем, как остров стал колонией Японии в 1895 г. [18, с. 124].

Оценивая важность налоговой реформы 1986 г., исследователи обращают внимание на очень ограниченную роль налога на доход в формировании доходов правительства из-за налоговых освобождений и широко распространенного уклонения от уплаты налогов [10, с. 129–150]. О перманентности проблемы свидетельствует и то, что для предотвращения уклонения от уплаты налогов каждые два месяца проводятся лотереи на основе счетов-фактур в электронной форме с суммой выигрыша, эквивалентной нескольким сотням тыс. долл. США [16, с. 10].

По некоторым данным, фирмы на Тайване осуществляют деятельность исходя из стабильного и понятного *modus operandi*. Подавляющее большинство в некоторой степени занижают налоги с молчаливого согласия коррумпированных должностных лиц налоговых органов. Те, кто превышают определенный лимит, преследуются и наказываются. Очевидно, что никакое правительство на острове Тайвань внезапно не осудит 90 % частных фирм за уклонение от уплаты налогов по всей строгости существующих законов. *De jure*, это может быть и должно быть сделано, но *de facto*, этого никогда не будет. Государство продолжает получать уменьшенный, но в целом адекватный доход, редко сталкиваясь с дефицитом бюджета. Бизнесмены продолжают осуществлять деятельность, осознавая свою безопасность [11, с. 194–195].

Можно не соглашаться с такими констатациями или осуждать существующее положение вещей, но эту, если так можно сказать, «налоговую философию» мы также наблюдаем в других сферах нашей жизни. Однако подобные вопросы выходят за рамки целей настоящей статьи.

Положения законодательства Китайской Республики о наказаниях за уклонение от уплаты налогов следует считать показательными не только из-за того, что у этого нарушения богатая история и учеными отмечается специфика современных реалий, но также можно предположить, что, как и в случае с наказаниями за уклонение от уплаты налогов, отсутствие ко-

дифицированного акта обуславливает некоторые отличия в наказаниях за схожие нарушения.

Виды наказаний за нарушение налогового законодательства

В законе «О сборе налогов» нет перечня наказаний. Они содержатся в ст. 1 закона «Об административных наказаниях» и в ст. 33 Уголовного закона.

Для идентификации наказаний в этих законах используются разные иероглифы. В первом случае – «罰», а во втором – «刑». Они имеют значение наказаний. В ст. 47 закона «О сборе налогов» термин «уголовное наказание» выражен комбинацией этих двух иероглифов.

В ст. 1 закона «Об административных наказаниях» предусмотрено, что он применяется в случаях наложения штрафов, конфискации и других видах административных наказаний.

Другие виды административных наказаний перечислены в ст. 2 рассматриваемого закона. К ним относятся, в частности, наказания в виде ограничения или запрета действий, в числе которых ограничение или приостановление деятельности и наказания в виде лишения или отмены квалификации или права, такие как отзыв или аннулирование разрешения или регистрации.

В соответствии со ст. 32 Уголовного закона наказания подразделяются на основные и дополнительные.

По ст. 33 Уголовного закона к основным видам наказаний относятся:

- смертная казнь;
- пожизненное лишение свободы;
- лишение свободы на определенный срок (более двух месяцев, но не более 15 лет, а при уменьшении и увеличении – менее двух месяцев и не более 20 лет);
- уголовный арест (более одного дня, но менее 60 дней, а при увеличении – до 120 дней);
- штраф более 1 000 TWD.

Согласно ст. 36 того же Закона дополнительное наказание – это лишение прав. К ним отнесено лишение квалификаций государственного служащего и кандидата на государственную должность.

Положения законодательства Китайской Республики об ответственности за нарушения предусматривают следующие виды наказаний:

- лишение свободы на определенный срок и Уголовный арест;
- штраф;
- приостановление деятельности и приостановление (прекращение) права, отзыв разрешения или отмена регистрации.

Лишение свободы на определенный срок и Уголовный арест санкционированы Уголов-

ным законом, законом «О сборе налогов» и другими нормативными актами.

В Уголовном законе налоги упоминаются только один раз, причем в связи с нарушениями, допущенными государственными служащими.

Как и в случае с уклонением от уплаты налогов, у Китая есть история нарушений налогового законодательства должностными лицами. Так, в постановлении 150 законов династии Мин (1368–1644) предписывалось приговорить к тюремному заключению с целью взыскания долга казне «влиятельных богачей, беспричинно и нагло не внесших 50 и более даней [причитающегося] с их дворов осеннего налога» [3, с. 145–146]. Известно, что в 1659 г. Голландским советом был предан суду работник Объединенной Ост-Индской компании Хе Бинь, который незаконно взимал налоги с китайских судов и тайванских товаров от имени правителя Чжэн Чэнгуна [21, с. 95].

Возможно исторический опыт предопределил включение в Уголовный закон специальных указаний, адресованных именно государственным служащим. Хотя это не объясняет отсутствие норм, адресованных проблеме уклонения от уплаты налогов.

В ст. 129 Уголовного закона предусмотрено, в частности, следующее:

- государственные служащие, которые взимают налоги или другие денежные средства, зная, что их не следует взимать, подлежат лишению свободы на срок от одного до семи лет и могут быть оштрафованы на сумму до 210 000 TWD;
- покушение на это преступление подлежит наказанию.

В этой части есть отличия в сравнении с УК РФ 1996 г., положения которого в связи с налогами адресованы в первую очередь налогоплательщикам и налоговым агентам⁸.

Вопросы привлечения государственных служащих к Уголовной ответственности регламентированы и в контексте борьбы с коррупцией.

Как и в других государствах, проблема коррупции актуальна в Китайской Республике. По данным, на конец XX в. 94 % из опрошенных должностных лиц налоговых органов признались, что позволили себя подкупить [20, с. 195].

В ст. 2 Правил 1963 г. «О наказаниях за коррупцию» установлено, что государственные служащие, совершившие преступления, предусмотренные настоящими правилами, подлежат наказанию в соответствии с этими правилами. В публикациях это положение истолковывается как означающее, что Правила «О наказаниях за коррупцию» применяются ко всем государственным служащим [13, с. 188].

Непосредственно налоги упоминаются в двух статьях рассматриваемых Правил.

В ст. 4 перечислены деяния, за совершение которых лицо приговаривается к пожизненному заключению или лишению свободы на срок не более 10 лет и штрафу в размере не более 100 млн TWD. В числе таких деяний названо использование публичного транспорта для перевозки запрещенных предметов или для уклонения от уплаты налогов.

Перечень преступлений приведен и в ст. 5: намерение получить прибыль, неуполномоченное выведение или удержание публичных средств, взимание налогов или государственного долга в нарушение законодательства влечет лишение свободы на срок до семи лет и штраф в размере не менее 60 млн TWD.

Близкое по содержанию к ст. 129 Уголовного закона указание на взимание налога в нарушение законодательства и вопрос отнесения этих положений именно к ответственности за нарушение налогового законодательства требует дополнительного изучения.

В законе «О сборе налогов» лишение свободы предусмотрено в трех статьях.

Согласно абз. 1 ст. 41 налогоплательщики, уклоняющиеся от уплаты налогов мошенническим путем или с использованием других методов, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет и штрафом в размере не более 10 млн TWD. В абз. 2 той же статьи уточняется, что лицо, совершившее такое преступление и уклонившееся от уплаты налогов физического лица на сумму 10 млн TWD и более или от уплаты налогов коммерческого предприятия на сумму 50 млн TWD и более, приговаривается к лишению свободы на срок не менее одного г., но не более семи лет и штрафу в размере не менее 10 млн TWD, но не более 100 млн.

Под мошенничеством в данном случае понимаются такие действия, как обман и сокрытие информации, которые приводят к ошибкам налоговых органов и освобождению от уплаты налогов или уменьшению их размера с целью получения незаконных имущественных выгод [26, с. 90].

В названном ранее толковании Судебной палаты № 687 констатируется, что при рассмотрении проекта ст. 41 закона «О сборе налогов» законодательная палата исходила из сопоставимости уклонения от уплаты налогов как преступления с мошенничеством по ст. 339 и подделкой документов – ст. 210 и 214 Уголовного закона.

В ст. 42 закона «О сборе налогов» определено, что представитель или налоговый агент, скрывающий налоговые декларации, налоговые отчеты, недополучающий налоги или не осуществляющий сбор или удержание налогов мо-

⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

шенническим путем или с использованием других методов, приговаривается к лишению свободы на срок до пяти лет, Уголовному аресту или штрафу в размере не более 60 тыс. TWD.

В абз. 1 ст. 43 закреплено, что лица, подстрекающие к совершению преступлений, предусмотренных в ст. 41 или 42 либо оказывающие содействие в их совершении, приговариваются к лишению свободы на срок до трех лет и штрафу в размере не более 1 млн TWD.

Положения о пособничестве показывают, что перечень лиц, на которых может быть возложена ответственность за нарушение налогового законодательства, является открытым.

Ответственность за пособничество определена в ст. 30 Уголовного закона. Норма ст. 43 закона «О сборе налогов» указывает, что ст. 41 и 42 являются специальными законами и применяются вместо нее [23, с. 289].

Специальными налоговыми законами (правилами) лишение свободы не санкционировано. Есть соответствующие нормы в Правилах «О наказаниях за контрабанду».

Штраф — это основное наказание за нарушение налогового законодательства.

Для обозначения штрафа в законодательстве используются две комбинации иероглифов: «罰金» и «罰鍰». Первая комбинация используется в Уголовном законе, а вторая — в законе «Об административных наказаниях» и обычно в специальных налоговых законах (правилах).

В законе «О сборе налогов» и в законе «О налоге с оборота с добавленной стоимостью и без нее» задействованы обе комбинации иероглифов. Иероглифы «罰金», которые есть в Уголовном законе, включены в ст. 1-1, 41, 42, 43 и 44 закона «О сборе налогов» и в ст. 52 закона 1931 года «О налоге с оборота с добавленной стоимостью и без нее». Причем в ст. 43 и 52 использованы обе комбинации. В остальных случаях в этих законах применена вторая комбинация.

Апеллирование в налоговом законодательстве к различным комбинациям иероглифов, имеющих значение штрафа, усложняет разграничение административной и Уголовной ответственности, но не свидетельствует о наличии каких-либо проблем на практике.

Отличающиеся сочетания иероглифов можно заметить и в бюджетном законодательстве. В названии ст. 23 и в приложении 1 к закону 1951 г. «О распределении государственных доходов и расходов» для указания на штрафы привлечена комбинация иероглифов «罰款». В тексте этой статьи содержится комбинация иероглифов, задействованных в Уголовном законе, а в названии Временных правил 1954 г. «О финансовых штрафах» — та комбинация, что включена в закон «Об административных нака-

заниях» и, как правило, в специальные налоговые законы (правила).

Суммы штрафов выражены в новых тайваньских долларах в размере, кратном сумме налога, или в иной величине.

Сумма штрафа, когда она выражена в определенном размере, указывается в законодательстве в юанях. Под юанями следует понимать новый тайваньский доллар, который согласно ст. 2 Методов Центрального банка 2000 г. «О выпуске Центральным банком новых тайваньских долларов» является валютой Китайской Республики. Аббревиатура «TWD» служит кодом этой валюты, сокращенное написание — NT\$. По данным агентства «Bloomberg» один TWD равен 0,0313 долл. США⁹.

Идентифицированная в законе минимальная сумма составляет 1 200 TWD (ст. 49 закона «О налоге с оборота с добавленной стоимостью»), максимальная — 100 млн TWD (ст. 41 закона «О сборе налогов»).

Максимальная сумма штрафа может быть ограничена определенным диапазоном или оговоркой «но не свыше». В ст. 47 закона 1973 г. «О налоге на наследование или дарение» закреплено, что штрафы по ст. 44–46 вместе с подлежащими уплате налогами не должны превышать общую стоимость имущества или подарка.

Кратность суммы штрафа в основном варьирует от одного до пяти. В ст. 5 Правил «О налоге на сделки фьючерсами» предусмотрено наложение штрафа в размере не менее десяти, но не более тридцатикратной суммы не собранного налога, а в ст. 23 закона «О гербовом налоге» — от пяти до пятнадцатикратной неплаченной суммы налога.

Для налогового законодательства характерно указание суммы штрафа именно в определенной сумме (диапазоне) или в кратном выражении.

В процентном выражении минимальным штрафом является 1 % от суммы в счете-фактуре (ст. 48 закона 1931 г. «О налоге с оборота с добавленной стоимостью и без нее»), а максимальным — 20 % от суммы дивидендов (ст. 114-3 закона «О налоге на доход»). Причем в соответствующих статьях указывается также диапазон минимальной и максимальной суммы штрафа в TWD. Выражение суммы штрафов в процентах не часто используется в законодательстве.

Штраф выступает основным наказанием, но в некоторых случаях он может быть дополнительным, как это определено, например, в ст. 129 Уголовного закона, ст. 41 и 43 закона «О сборе налогов».

⁹ Bloomberg. TWD-USD X-RATE. Available at: URL: <https://www.bloomberg.com/quote/TWDUSD:CUR> (дата обращения: 05.11.2024).

Сумма штрафа может быть уменьшена или увеличена.

В ст. 43 закона «О сборе налогов» установлено, что если подстрекателем или совершающим содействие в совершении преступления является сотрудник налогового органа, профессиональный юрист, бухгалтер или законный представитель, то срок наказания увеличивается наполовину. В ст. 48-2 названного закона оговаривается, что при незначительном деянии или если уклонение от уплаты налогов ниже определенной суммы, то наказание может быть смягчено или лицо может быть освобождено от наказания.

Наказания в виде приостановления деятельности и приостановления (прекращения) права, отзыва разрешений или отмены регистрации носят дополнительный характер.

В законе «О сборе налогов» приостановление деятельности предусмотрено ст. 45. Этой статьей санкционировано наложение штрафа за неведение бухгалтерских книг и оговаривается, что в течение одного месяца это нарушение должно быть устранено; если в установленный срок нарушение не устранено, то деятельность подлежит приостановлению.

По аналогичной модели, как правило, составлены нормы налогового законодательства о приостановлении деятельности.

Деятельность приостанавливается в силу ст. 14 закона «О налоге на развлечения» в случаях, если представитель не взимает, занижает сумму налога или не представляет отчет, и в соответствии со ст. 112 закона «О налоге на доход», если налог на доход не уплачен коммерческой организацией в установленный срок.

В законе «О налоге с оборота с добавленной стоимостью и без нее» приостановление деятельности названо в ст. 46–47, 50–52. В ст. 53 определено, что предельный срок наказания в виде приостановления деятельности не должен превышать шести месяцев, в то время как в ст. 14 закона «О налоге на развлечения» говорится об одном месяце, но в обоих случаях при неисполнении обязательств решение налогового органа о приостановлении деятельности остается в силе.

Приостановление (прекращение) права или отзыв разрешений (отмена регистрации) предусмотрены ст. 81–93 закона «О таможенном налоге».

Структура норм обычно идентична: в начале следует указание о наказании в виде штрафа, а далее оговаривается, что происходит при наложении трех штрафов подряд.

Прекращение права или отзыв разрешений (отмена регистрации) устанавливаются на срок до шести месяцев. В нескольких статьях санкционировано приостановление определенных

действий, например, отправки товаров (ст. 85), хранения контейнеров (ст. 86) и т. д. Отзыв разрешений и отмена регистрации являются альтернативными. Они не предусмотрены ст. 81, 83, 87, 87-1 и 92 закона «О таможенном налоге».

Приведенные данные указывают на ограниченное количество норм о лишении свободы за нарушение налогового законодательства и активное апеллирование тайваньского законодателя к штрафам.

В основе юридической системы древнего Китая лежал термин «刑» (наказание, пытка). Он входил и в систему пяти видов наказаний, одного из главных рычагов, приводивших в действие (в теории и на практике) государственную машину [4, с. 162]. Соответствующий иероглиф состоит из двух частей. В правой его части помещена семантика «нож». Нож часто был орудием исполнения наказания, поэтому считается символом древнекитайского права. Рассматриваемый иероглиф входит в состав терминов «лишение свободы» и «смертная казнь». Он присутствует и в сочетании «刑法» (уголовное право, Уголовный закон).

Сегодня в так называемом обществе риска, Уголовное право является для государства главным средством обеспечения безопасности. Уголовное право, в котором особое внимание уделяется профилактике, называют современным Уголовным правом. Одним из предметов его регулирования является уклонение от уплаты налогов. Для того чтобы эффективно противостоять рискам, сфера применения Уголовного права постоянно расширялась и была избавлена от традиционного подхода. Это право превратилось из крайней меры наказания в гибкий инструмент снижения рисков [22, с. 166]. Иными словами, речь может идти о гуманизации Уголовного права.

Примером этой тенденции является и норма абз. 4 ст. 201 Уголовного закона КНР 1997 г., в редакции п. 3 изменений, принятых ПК ВСНП в 2009 году¹⁰. В нем предусмотрено, что, за исключением тех, кто в течение пяти лет понес Уголовное наказание за уклонение от уплаты налогов или был подвергнут более чем двум административным наказаниям, уплатившие налог, пеню и понесшие административное наказание не привлекаются к Уголовной ответственности. Это положение указывает на преимущественную силу административной ответственности.

Исследователи отмечают, что на Тайване уклонение от уплаты налогов обычно является первым нарушением и если имеет место добровольная уплата необходимых сумм, то судья может смягчить наказание. На практике судьи часто апеллируют одновременно к ст. 57, требующей учитывать

¹⁰ 中央政府门户网站 [Портал Центрального правительства]. 可于: URL: https://www.gov.cn/zhengce/2009-02/28/content_2602226.htm (дата обращения: 05.11.2024).

в том числе отношении обвиняемого после совершения преступления, и к ст. 59 Уголовного закона, предоставляющей судье право смягчения наказания до уровня ниже минимального [7, с. 111].

Данные статистики Палаты юстиции за 2023 год показывают отсутствие решений, предусматривающих лишение свободы за нарушение налогового законодательства на срок, превышающий один год¹¹.

Местные суды рассмотрели 75 дел. Вынесены решения о лишении свободы на 6 и менее месяцев в отношении 59 человек; 6 человек были подвргнуты Уголовному аресту; 2 человека признаны невиновными.

Высокими судами во второй инстанции рассмотрено 32 Уголовных дела. Отклонены апелляции в отношении 4 осужденных со сроком лишения свободы на 6 и менее месяцев и оправданы 8 человек. Отменены судебные решения и вынесены новые судебные решения с тем же сроком лишения свободы на 6 и менее месяцев в отношении 7 осужденных.

Верховным судом отклонена одна апелляция по Уголовному делу о нарушении налогового законодательства в отношении двух осужденных на срок один год и менее.

Штраф — это не только вид наказания, но и доход правительств Китайской Республики. В общем бюджете центрального правительства на 2024 финансовый год поступления от сборов, штрафов и возмещений должны составить 2,9 %, а налоговые доходы — 84,9 %¹²; штрафы за нарушения налогового законодательства не выделены отдельно, но общая сумма штрафов и возмещений должна составить 80 319 млн TWD. Эта величина, конечно, несопоставима с поступлениями от налогов, но ее можно признать существенной.

Согласно ст. 23 закона «О распределении государственных доходов и расходов», если не предусмотрено иное, то доходы от штрафов (罰金), штрафов или конфискации (罰鍰或沒收), а также возмещений за имущество передаются в казну правительства соответствующего уровня. В приложении 1 к этому закону штрафы и возмещения названы в числе доходов всех территориальных единиц, кроме провинций.

В соответствии с п. 1 Указа Президента РФ 1992 г. № 1072 Тайвань — это неотъемлемая часть Китая¹³. Статус Китайской Республики как непризнанного государства не оказывает влияния на правовое регулирование ответственности за нарушение налогового законодательства.

Наличие положений об ответственности в общем налоговом законе не означает отсутствие аналогичных положений в специальных налоговых законах. Изучение законодательства Китайской Республики показывает, что Уголовный закон может не содержать положений об ответственности налогоплательщиков, их представителей и налоговых агентов.

Штраф — это основной вид наказания за нарушение налогового законодательства. Для указания на него законодатель использует несколько комбинаций иероглифов, уточнение значений которых нуждается в дополнительной проработке.

Наличие положений об ответственности в налоговом законодательстве не влияет на тот факт, что за его нарушение предусмотрены административные и Уголовные наказания.

Содержание положений об ответственности за нарушение налогового законодательства Китайской Республики можно охарактеризовать как «динамичные». В них регулярно вносятся изменения, в том числе с учетом толкований Судебной палаты. В результате нормы, которые были предметом рассмотрения Конституционного суда, в действующих редакциях нормативного акта различаются.

В законодательстве Китайской Республики прослеживается приоритет Уголовного наказания над административным. На практике судьи активно используют предоставленное им право смягчения наказаний за нарушения налогового законодательства.

При сравнении с законодательством Российской Федерации можно выделить то, что в законе Китайской Республики «Об административных наказаниях» нет положений об ответственности за нарушение налогового законодательства, а в Уголовном законе определена только ответственность государственных служащих; законом «О сборе налогов» предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Такое распределение, по всей видимости, не может быть представлено как пример для заимствования.

Концептуально административная природа штрафов, санкционированных налоговым законодательством Китайской Республики, как, впрочем, и любого другого государства (территории), указывает на возможный перенос положений об ответственности из НК РФ в КоАП РФ. Это должно способствовать становлению единого правового режима административных наказаний.

¹¹ 司法院 [Палата юстиции]. 可於: URL: <https://www.judicial.gov.tw/en/ip-2381-2.html> (дата обращения: 05.11.2024).

¹² 行政院主計總處 [Директорат по учету Исполнительной палаты]. 可於: URL: <https://ws.dgbas.gov.tw/001/Upload/462/refile/10310/2289/1.pdf> (дата обращения: 05.11.2024).

¹³ Собрание актов Президента и Правительства Рос. Федерации. 1992. № 12. Ст. 921.

Список литературы:

1. Васильев К. В. Проблемы генезиса китайского государства (формирование основ социальной структуры и политической администрации). М. : Наука, 1983. 327 с.
2. Веремеенко И. И. К вопросу о финансово-правовой и административно-правовой ответственности в российском праве // Право и управление. XXI век. 2012. № 4 (25). С. 42–48.
3. Законы великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (да мин люй цзи цзе фу ли) : в 4 ч. Ч. II / пер. с кит., исслед., примеч. и прил. Н. П. Свистуновой. М. : Восточная литература, 1997. 444 с.
4. Кучера С. Становление традиции коллективной ответственности и наказания в Китае // Роль традиции в истории и культуре Китая / отв. ред. Л. С. Васильев. М. : Наука, 1972. С. 161–183.
5. Кучеров И. И. Налоговое право зарубежных стран : курс лекций. М. : Центр ЮрИнфоР, 2003. 384 с.
6. Тюрин А. Ю. Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III–VIII веках. М. : Наука, 1980. 194 с.
7. Berti R. Victim-Offender Reconciliation in the People's Republic of China and Taiwan. Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2016. 145 p.
8. Chi Chung. The Ideas of “Rights” in the “East” and “West” and Their Continued Evolution: A Case Study on Taxpayer's Rights in Taiwan / Legal Thoughts between the East and the West in the Multilevel Legal Order: A Liber Amicorum in Honour of Professor Herbert Han-Pao Ma / by Chang-fa Lo, Nigel N. T. Li, Tsai-yu Lin. Singapore: Springer, 2016. P. 75–92.
9. Chien-Liang Lee. The History of Administrative Law in Taiwan under the Japanese Rule Era (1895–1945): A Neglected Yet Valuable Piece of Legal History for Research // National Taiwan University Law Review. 2019. V. 14. Iss. 2. P. 285–333.
10. Chuan Lin. An Appraisal of Business Tax Reform in Taiwan: The Case of Value-Added Taxation / The Political Economy of Tax Reform / Takatoshi Ito, A. O. Krueger (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 137–158.
11. Henry Y Wan. Harnessing Globalization: A Review of East Asian Case Histories. Singapore: World Scientific, 2006. 288 p.
12. Ito Kensuke. Criminal Protection of the Environment and the General Part of Criminal Law in Japan // International Review of Penal Law. 1994. V. 65. № 3-4. P. 1037–1050.

References:

1. Vasil'ev K. V. Problemy genezisa kitajskogo gosudarstva (formirovanie osnov social'noj struktury i politicheskoj administracii). M. : Nauka, 1983. 327 s.
2. Veremeyenko I. I. On financial-related and administrative-related liability in Russian law // Law and administration. 2012. № 4 (25). P. 42–48.
3. Zakony velikoj dinastii Min so svodnym komentariem i prilozheniem postanovlenij (da min lyuj czi cze fu li). V 4-h ch. CH. II / per. s kit., issled., primech. i pril. N. P. Svistunovoj. Moskva: Vostochnaya literatura, 1997. 444 s.
4. Kuchera S. Stanovlenie tradicii kolektivnoj otvetstvennosti i nakazaniya v Kitae // Rol' tradicii v istorii i kul'ture Kitaya / отв. red. L. S. Vasil'ev. M. : Nauka, 1972. S. 161–183.
5. Kuchеров I. I. Nalоговое право zarubezhnyh stran : kurs lekcij. M. : Centr YUrInfoR, 2003. 384 s.
6. Tyurin A. Yu. Formirovanie feodal'no-zavisimogo krest'yanstva v Kitae v III–VIII vekah. Moskva: Nauka, 1980. 194 s.
7. Berti R. Victim-Offender Reconciliation in the People's Republic of China and Taiwan. Hampshire; New York: Palgrave Macmillan, 2016. 145 p.
8. Chi Chung. The Ideas of “Rights” in the “East” and “West” and Their Continued Evolution: A Case Study on Taxpayer's Rights in Taiwan / Legal Thoughts between the East and the West in the Multilevel Legal Order: A Liber Amicorum in Honour of Professor Herbert Han-Pao Ma / by Chang-fa Lo, Nigel N. T. Li, Tsai-yu Lin. Singapore: Springer, 2016. P. 75–92.
9. Chien-Liang Lee. The History of Administrative Law in Taiwan under the Japanese Rule Era (1895–1945): A Neglected Yet Valuable Piece of Legal History for Research // National Taiwan University Law Review. 2019. V. 14. Iss. 2. P. 285–333.
10. Chuan Lin. An Appraisal of Business Tax Reform in Taiwan: The Case of Value-Added Taxation / The Political Economy of Tax Reform / Takatoshi Ito, A. O. Krueger (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 1992. P. 137–158.
11. Henry Y Wan. Harnessing Globalization: A Review of East Asian Case Histories. Singapore: World Scientific, 2006. 288 p.
12. Ito Kensuke. Criminal Protection of the Environment and the General Part of Criminal Law in Japan // International Review of Penal Law. 1994. V. 65. № 3-4. R. 1037–1050.
13. Jon S. T. Quah. Curbing Corruption in Asian Countries: An Impossible Dream? Bingley: Emerald Group Publishing, 2011. 500 p.

13. Jon S.T. Quah. *Curbing Corruption in Asian Countries: An Impossible Dream?* Bingley : Emerald Group Publishing, 2011. 500 p.
14. *Keh-Chang Gee, Yuan-Chun (Martin) Lan.* Taiwan / *A Comparative Look at Regulation of Corporate Tax Avoidance* / by K. B. Brown. London; New York : Springer Science & Business Media, 2011. P. 299–304.
15. *Po Jen Yap, Chien-Chih Lin.* Constitutional Convergence in East Asia. New York : Cambridge University Press, 2021. 250 p.
16. *Shi-Cho Cha, Jyun-Fu Chen, Shih-Chieh Huang and et. al.* On Design of Secure APIs for IoT Application – Using Taiwan Uniform e-Invoices as Examples / *Radio Frequency Identification System Security* / Lo Nai-Wei, Yingjiu Li (eds). Amsterdam; Washington: IOS Press, 2012. P. 9–20.
17. *Shinemay Chen, Jue-Shyan Wang.* Tax Evasion and Fraud Detection: A Theoretical Evaluation of Taiwan's Business Tax Policy for Internet Auctions // *Asian Social Science*. 2010. V. 6. № 12. P. 23–35.
18. *Tai-Ching Kuo, Ramon Hawley Myers.* Taiwan's Economic Transformation: Leadership, Property Rights and Institutional Change 1949–1965. London; New York : Routledge, 2012. 164 p.
19. *Tian Hongjie.* The Legal Attributes and Liability of Administrative Crimes including Reconstruction of Mechanism of Criminalization / *Renmin Chinese Law Review: Selected Papers of the Jurist (法学家)* / Jichun Shi (ed.). Dordrecht; Boston; London : Edward Elgar Publishing, 2015. P. 142–163.
20. *Torgler B.* Tax Compliance and Tax Morale: A Theoretical and Empirical Analysis. Cheltenham; Northampton : Edward Elgar Publishing, 2007. 307 p.
21. *Young-tsu Wong.* China's Conquest of Taiwan in the Seventeenth Century: Victory at Full Moon. Singapore : Springer, 2017. 242 p.
22. 古承宗. 風險社會與現代刑法的象徵性 [Gu Chenczun. *Obshchestvo riska i simbolizaciya sovremennogo ugolovnogo prava - na kit. yaz.*] // *科技法學評論*. 10 卷. 1 期. 第116–177 頁.
23. 張明偉. 學習刑法: 總則編 [Chzhan Minvej. *Ugolovnoe pravo: obshchie polozheniya - na kit. yaz.*]. 台灣五南圖書出版股份有限公司, 2015. 584 頁.
24. 梁建道. 從數位經濟下逃漏稅手法. 論防制洗錢之對策 [Lyan Czyan' dao. *Metody ukloneniya ot uplaty nalogov v cifrovoj ekonomike. Kontrmery po predotvrashcheniyu otmyvaniya deneg - na kit. yaz.*] // *交大法學評論*. 2023. 第 12 期. 第 131–151 頁.
25. 稅法學/劉劍文主編 [Налоговое право / гл. ред. Лю Цзяньвэнь – на кит. яз.]. 人民出版社, 2003. 586 頁.
14. *Keh-Chang Gee, Yuan-Chun (Martin) Lan.* Taiwan / *A Comparative Look at Regulation of Corporate Tax Avoidance* / by K. B. Brown. London; New York : Springer Science & Business Media, 2011. P. 299–304.
15. *Po Jen Yap, Chien-Chih Lin.* Constitutional Convergence in East Asia. New York : Cambridge University Press, 2021. 250 p.
16. *Shi-Cho Cha, Jyun-Fu Chen, Shih-Chieh Huang and et. al.* On Design of Secure APIs for IoT Application – Using Taiwan Uniform e-Invoices as Examples / *Radio Frequency Identification System Security* / Lo Nai-Wei, Yingjiu Li (eds). Amsterdam; Washington: IOS Press, 2012. P. 9–20.
17. *Shinemay Chen, Jue-Shyan Wang.* Tax Evasion and Fraud Detection: A Theoretical Evaluation of Taiwan's Business Tax Policy for Internet Auctions // *Asian Social Science*. 2010. V. 6. № 12. P. 23–35.
18. *Tai-Ching Kuo, Ramon Hawley Myers.* Taiwan's Economic Transformation: Leadership, Property Rights and Institutional Change 1949–1965. London; New York : Routledge, 2012. 164 p.
19. *Tian Hongjie.* The Legal Attributes and Liability of Administrative Crimes including Reconstruction of Mechanism of Criminalization / *Renmin Chinese Law Review: Selected Papers of the Jurist (法学家)* / Jichun Shi (ed.). Dordrecht; Boston; London : Edward Elgar Publishing, 2015. P. 142–163.
20. *Torgler B.* Tax Compliance and Tax Morale: A Theoretical and Empirical Analysis. Cheltenham; Northampton : Edward Elgar Publishing, 2007. 307 p.
21. *Young-tsu Wong.* China's Conquest of Taiwan in the Seventeenth Century: Victory at Full Moon. Singapore : Springer, 2017. 242 p.
22. 古承宗. 風險社會與現代刑法的象徵性 [Gu Chenczun. *Obshchestvo riska i simbolizaciya sovremennogo ugolovnogo prava - na kit. yaz.*] // *科技法學評論*. 10 卷. 1 期. 第116–177 頁.
23. 張明偉. 學習刑法: 總則編 [Chzhan Minvej. *Ugolovnoe pravo: obshchie polozheniya - na kit. yaz.*]. 台灣五南圖書出版股份有限公司, 2015. 584 頁.
24. 梁建道. 從數位經濟下逃漏稅手法. 論防制洗錢之對策 [Lyan Czyan' dao. *Metody ukloneniya ot uplaty nalogov v cifrovoj ekonomike. Kontrmery po predotvrashcheniyu otmyvaniya deneg - na kit. yaz.*] // *交大法學評論*. 2023. 第 12 期. 第 131–151 頁.
25. 稅法學/劉劍文主編 [Налоговое право / гл. ред. Лю Цзяньвэнь – на кит. яз.]. 人民出版社, 2003. 586 頁.

26. 莊世金. 借名登記的刑事責任—以台灣台北地方法院102年度金重訴字第3號判決為例 / 王明勝, 奚雨晴, 桂祥晟和其他. 會計. 稅務判解評析: 個人財產篇(二) [Чжуан Шицзинь. Уголовная ответственность за сделку от чужого имени — на примере решения районного суда Тайбэя 2014 г. № 3 / Ван Миншэн, Си Юйцин, Гуй Сяншэн и др. Учет. Налоговая интерпретация и анализ: личная собственность (2) – на кит. яз.]. 元照出版公司, 2021. 第 85–98 頁.
26. 莊世金. 借名登記的刑事責任—以台灣台北地方法院102年度金重訴字第3號判決為例 / 王明勝, 奚雨晴, 桂祥晟和其他. 會計. 稅務判解評析: 個人財產篇(二) [CHzhuan SHic-zin'. Ugolovnaya otvetstvennost' za sdelku ot chuzhogo imeni — na primere resheniya rajonogo suda Tajbeya 2014 goda № 3 / Van Minshen, Si YUjcin, Guj Syanshen i dr. Uchet. Nalogovaya interpretaciya i analiz: lichnaya sobstvennost' (2) – na kit. yaz.]. 元照出版公司, 2021. 第 85–98 頁.

Для цитирования:

Шепенко Роман Алексеевич. Ответственность за нарушение налогового законодательства Китайской Республики (Тайвань) // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 4 (72). С. 200–212.

For citation:

Shepenko Roman Alekseevich. Liability for Violation of Tax Legislation Republic of China (Taiwan) // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2024. № 4 (72). P. 200–212.